

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский (главный редактор журнала «Herald of Europe»), Сергей Капица, Сергей Ковалев, Отто Граф Ламбсдорф, Самуил Лурье, Лорд Брайан Маккензи, Ричард Пайпс, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух, Джон Робертс, Лорд Робертсон, Теодор Шанин

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Владимир Салимон (заместитель главного редактора), Филипп Смирнов (заместитель главного редактора), Владимир Кантор (отдел философии и политологии), Евгений Попов (отдел культуры), Алла Язькова (отдел международной политики), Елена Мокеева (верстка), Ляля Пинигина (техническая редакция и набор), Людмила Захарова (главный бухгалтер), «Магазин искусства», Игорь Пронин (макет и художественное оформление)

Консультанты журнала

Александр Гладков, Николай Головин, Владимир Мау, Андрей Медушевский, Александр Петров, Сергей Синельников-Мурылев, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Гринцман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Лион), Александр Кобак (Санкт-Петербург), Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке Института экономики переходного периода, Фонда экономической политики, Фонда поддержки предпринимательства и защиты среднего класса, Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И.Рудомино

ИЗДАНИЕ № 26–27

Некоммерческое партнерство «Издательство журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ №77-1175.

Лицензия на издательскую деятельность ИД №03226 от 10.11.2000.

Адрес редакции: 109189, Москва, Николаямская, 1.

Тел./факс: 937 4926

Интернет-версия журнала: <http://magazines.russ.ru/vestnik>, vestnik-evropy.com, **e-mail:** info@vestnik-evropy.com

Использование материалов возможно только с письменного разрешения редакции, при перепечатке или использовании ссылка на журнал обязательна.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Заказ . Отпечатано в ППП «Типография «Наука».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

© Вестник Европы™, 2009

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», составление и редакция текстов, журнал «Вестник Европы» том XXVI

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан в Москве в 1802 году
Первый главный редактор Н.М.Карамзин
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М.Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXVI–XXVII год 2009

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

- экономика
6 **Егор Гайдар**
Мировой экономический кризис: последствия для российской политики
- 17 **Григорий Померанц, Зинаида Миркина**
По ту сторону чисел
- 22 **Юрий Рубинский**
Европейские ценности
- политика
40 **Виктор Мироненко**
Россия и Украина. Потенциал конфликта
- 57 **Ф. Шелов-Коведяев**
Парадоксальная глобализация и Россия
- 66 **Алла Язькова**
Несвоевременные заметки о федерализме. Теория и практика федерализма: международный опыт
- экономика
78 **Владимир Мау**
Турбулентное десятилетие. Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего

СОВЕТ ЕВРОПЫ

- 60 лет в Совете Европы
91 От редакции
92 Речь Уинстона Черчиля в Цюрихском университете
95 Что такое Совет Европы и чем он занимается
97 «Двенадцать сюжетов» Совета Европы
102 **Томас Хаммарберг**
О правах человека. Вызов, на который предстоит найти ответ в Копенгагене
107 **Томас Хаммарберг**
Права детей
112 Турбьёрн Ягланд — новый Генеральный секретарь Совета Европы

ЛИТЕРАТУРА

- 115 **Петр Ореховский**
Авария
131 **Александр Gladков**
Доля дипломата. *Стихи*
136 **Александр Gladков**
Понимая разницу
138 Самый счастливый художник двух последних веков. Автопортрет русского художника Екатерины Медведевой
Катя Медведева. Рассказы, стихи
148 **Владимир Эфроимсон. Стихи**
156 **Светлана Васильева**
Лирическое хозяйство. *Стихи*

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ

- 165 **Е. Рашковский**
Федор Достоевский — собеседник XXI века. Заметки на полях книги Рауэна Уильямса «Достоевский: язык, вера, повествование»
172 **Джеймс Х. Биллингтон**
Православие и демократия
178 **Екатерина Гениева**
«Я никому не писал так, как Вам...»
184 Переписка Сергея Николаевича Дурылина с Еленой Васильевной Гениевой
196 **Леонид Лопатников**
К дискуссиям о статистике «Большого террора»
artes
205 Париж Григория Ярошенко. *Фотоработы*
213 **Игорь Рейф**
Каждый прозревает в одиночку. Комментарий к самиздатовой рукописи. Памяти П.Г. Григоренко
224 Мишель Серр: только красота нас спасет
Беседовали Гала Наумова, Константин фон Барлевен

КУЛЬТУРА

- 231 **Лаура М. Венниро**
Александр Николаевич Радищев, провозвестник свободы (1749–1802). Екатерина II: «Бунтовщик, хуже Пугачева». К 260-летию со дня рождения А.Н. Радищева
239 **Александр Запесоцкий**
О роли интеллигенции в жизни страны
251 **Леонид Люкс**
Против Запада. Антизападные идеологические течения в русской эмиграции и в Веймарской республике (на примере евразийства и «консервативной революции») *хроника редакции*
258 **Александр Сергиевский**
IV Международный конкурс молодых российских поэтов зарубежья
262 библиотека «Вестника Европы»

16 декабря 2009 года умер ЕГОР ТИМУРОВИЧ ГАЙДАР

Егору

Имя честное — было завещано,
Как наследнику — в этом суть.
Но глубокая пропасть — трещина
Разделила жизненный путь.

Если так, как тебя учили,
Жить по правде — твоя стезя,
С тем наследством, что получили,
Без вражды обойтись нельзя.

Жил в Союзе, потом в России,
Сотворивши ее в себе.
Принял взгляды эти косые
Как придачу к своей судьбе.

Пусть орут они, оглашенные,
Но нельзя уйти на покой,
Беловежские соглашения
Написавши своей рукой.

И спасая страну от голода,
Знал — она тебя не поймет.
И злословий литого олова
Благодарствий не сменит мед.

Лишь одно у тебя условие:
Блюсть моральную чистоту.
Политическое сословие
Не приемлет твоих потуг.

И под их трескучие фразы,
Этот их феерверковский дым...
Мир в другую вступает фазу,
он, похоже, — невообразим.

.....
Ты провел нас по самому краю,
Не пустил в большую войну.
Но в невстрече земного рая
Увидали твою вину.

Имя честное — не обещано.
Его надобно заслужить.
Со страной и любимой женщиной
Надо общую жизнь прожить.

18 декабря 2009г.

Виктор ЯРОШЕНКО

ЭКОНОМИКА

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Егор ГАЙДАР

Весной-летом 2008 г. модными были публикации о том, что мирового экономического кризиса не будет, что рецессия в экономике США маловероятна, что даже если она случится, темпы экономического роста не изменятся, что в силу увеличивающегося спроса на энергетические товары в Китае и Индии падение цен на них маловероятно¹. Реальность оказалась более жесткой (рис. 1). Собственно ипотечный кризис в Соединенных

Штатах, разумеется, был не причиной, а поводом к замедлению глобального экономического роста. Однако то, что рецессии в США оказывают на протяжении последнего века серьезное влияние на рост глобальной экономики — это факт. С какими бы экономическими проблемами ни столкнулись Соединенные Штаты, с ними приходится считаться всей мировой экономике, включая и Россию.

¹ «Прежде всего, ипотечный кризис в США, похоже, подходит к концу. Его пик пришелся на февраль этого года, и в течение последних четырех месяцев ситуация постепенно улучшается. Кроме того рецессии в США нет и, весьма вероятно, в 2008 г. уже не случится. Когда Гайдар заговорил о рецессии в январе 2008-го, ее вероятность рынком фьючерсов оценивалась в 80 процентов. Тогда я рискнул высказать свое несогласие с прогнозом Гайдара и предположил, что рецессии, скорее всего, не будет. За прошедшие 6 месяцев рецессия не наступила. Более того, вероятность ее наступления сегодня оценивается куда более скромно — всего в 19 процентов, что в полтора раза ниже ее значения в августе прошлого года, когда начинался ипотечный кризис. Снижение темпов экономического роста действительно произошло, но наступление рецессии сейчас маловероятно. Базовый прогноз темпов прироста американского ВВП в этом году — свыше 2 проц. (...) Есть несколько показателей, по которым отслеживается макроэкономическая ситуация — это динамика валового внутреннего продукта, промышленного производства, занятости, розничных и оптовых продаж, доходов населения. Чтобы поставить американской экономике диагноз «рецессия», необходимо, чтобы все вышеперечисленные параметры на протяжении не менее шести месяцев имели бы отрицательные значения. Такого за последние месяцы не наблюдалось ни разу. Зато ВВП в первом квартале 2008 года в США увеличился на 0,9 процента. Это с одной стороны немного, но все-таки заметно больше, чем в четвертом квартале 2007 года, когда ВВП снизился на 0,2 проц. Во втором же квартале 2008 г. американская экономика выросла на 1,9 проц. Другими словами, подтверждений того, что американской экономике становится хуже, нет. Поэтому гайдаровский прогноз — «индикаторы указывают на то, что рецессия может оказаться жестче, чем в 2001 году» — не подтверждается. См.: Как либерал нелибералу. Интервью А. Илларионова Л. Телень. Газета «Избранное». 01.08.2008. Авторитетный журнал Economist в статье «Что пошло неправильно в экономике» от 16.07.2009 подробно рассказал о причинах, почему большинство экономистов не сумело предсказать самый тяжелый экономический кризис за последние 80 лет. Если суммировать содержание статьи в одной фразе: «из-за догматизма». Догматизм бывает не только марксистский. Это показал опыт последних лет. См.: What went wrong with economics. // Economist. Jul 16th 2009.

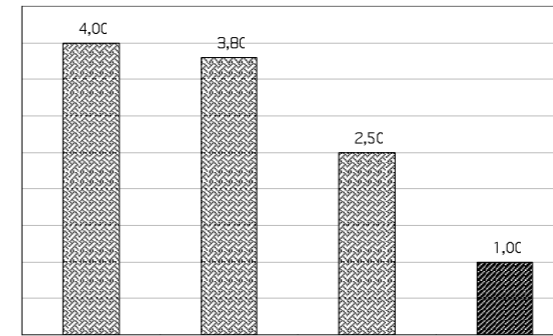

Рис. 1
Темпы роста мирового ВВП по данным ООН в 2006–2009 гг., % к предыдущему году

* Прогноз ООН (базовый сценарий).

Источники:

1. UN Department of Economic and Social Affairs — Pre-release “World Economic Situation and Prospects 2009. Global Outlook 2009” (<http://www.unctad.org/en/docs/wesp2009pre.pdf>).
2. UN Statistics Division (<http://unstats.un.org/unsd/snaama/selectionbasicFast.asp>).

Для сравнения приведу аналогичные данные из базы Всемирного банка и МВФ (рис. 2).

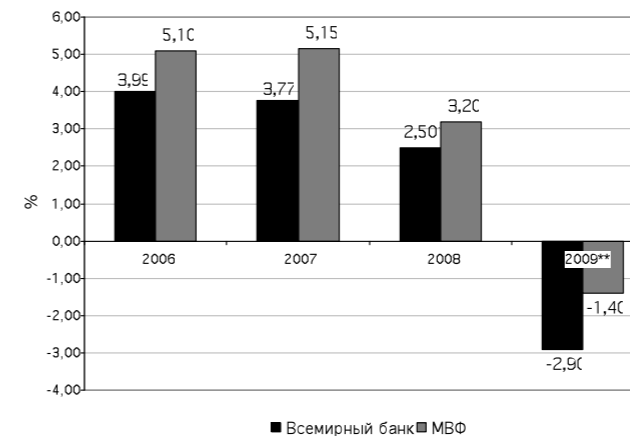

Рис. 2
Темпы роста мирового ВВП в 2006–2009 гг., % к предыдущему году

* Оценка Всемирного банка.
** Прогноз Всемирного банка и МВФ, соответственно.

1. World bank:

- World Development Indicators (<http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/report.do?method=showReport>);
WB report “World Bank Updates Global Economic Forecasts” (<http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/0,contentMDK:22122200~pagePK:64165401~piPK:64165026~theSitePK:469372,00.html>);

Global Development Finance 2009. Charting A Global Recovery (<http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/EXTGDF/EXTGDF2009/0,menuPK:5924239~pagePK:64168427~piPK:64168435~theSitePK:5924232,00.html>).

2. IMF — World Economic Outlook, April 2009 (http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/01/weodata/weorept.aspx?sy=1997&ey=2009&sort=country&ds=%2C&br=1&c=001&s=NGDP_RPCH&grp=1&a=1&pr1.x=88&pr1.y=6).

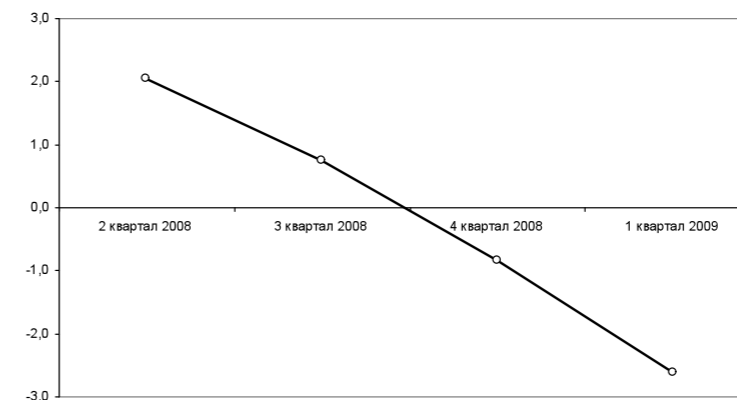

Рис. 3
ВВП США в реальном исчислении, 2 квартал 2008 — 1 квартал 2009 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник:

US Bureau of Economic Analysis (<http://www.bea.gov>).

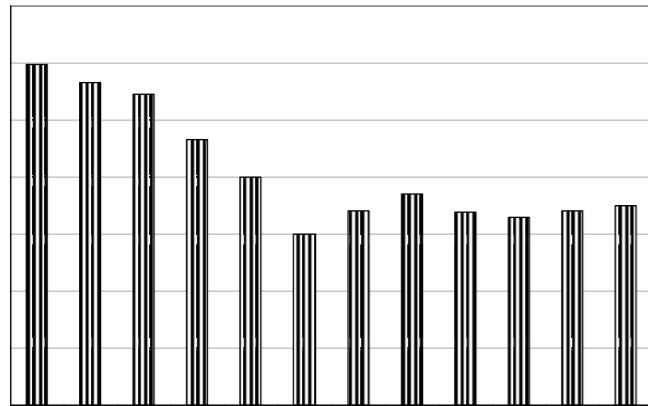

Рис. 4
Объем розничной торговли США*, июль 2008 — июнь 2009 гг., млн долл. (на начало месяца)

* Сезонно сглаженный
Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis (<http://research.stlouisfed.org/fred2/series/RFSFXMV/downloaddata?cid=6>).

Рис. 6
Доля нефти и нефтепродуктов в общем объеме экспорта Российской Федерации в 2009 г., в процентах*

* Данные доступны за январь–май 2009 г.
Источник: ФТС РФ (www.customs.ru).

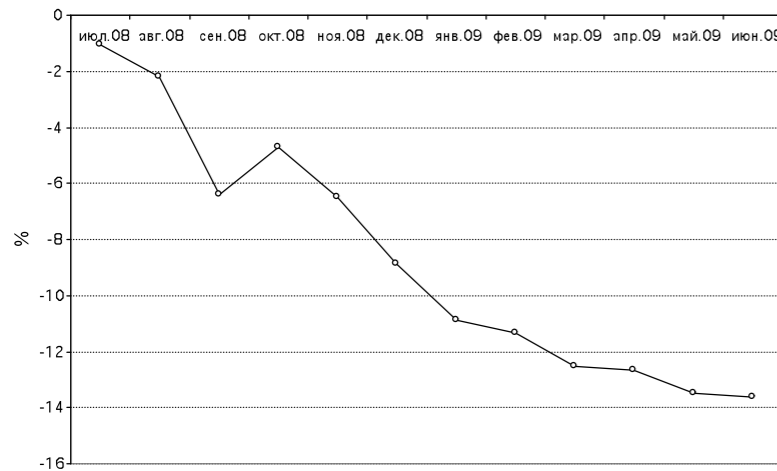

Рис. 5
Спад промышленного производства США, январь 2008 — июнь 2009 г., проценты по отношению к соответствующему месяцу прошлого года (на начало периода)

Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis (<http://research.stlouisfed.org/fred2/series/INDPRO/>).

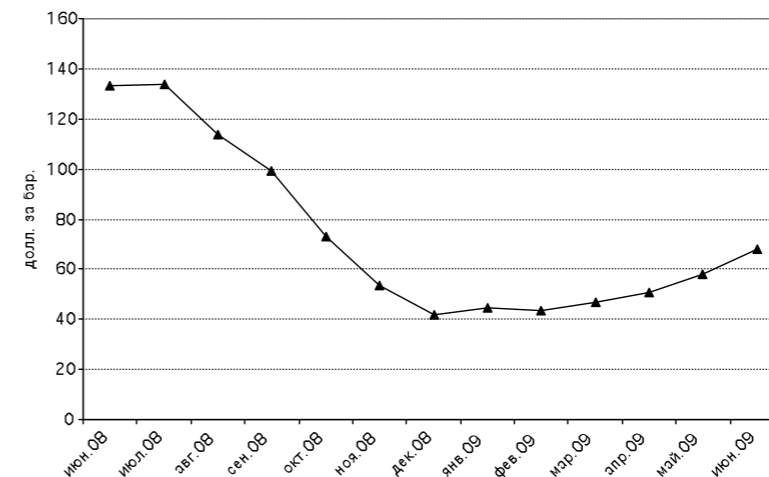

Рис. 7
Цены на нефть в период с июня 2008 по июнь 2009 г.

Источник: МВФ, Bloomberg.

Проблемы крупнейшей в мире экономики и по паритетам покупательной способности, и по текущим валютным курсам отразились на динамике мирового ВВП. В зависимости от того, как считать ВВП (по официальным валютным курсам или по паритетам покупательной способности), доля США в мировой экономике составляет от 20 до 25%. Снижение темпов экономического роста в США привело и к снижению темпов глобального экономического роста с соответствующими последствиями для развивающихся рынков. На экономическом развитии России это сказалось по двум основным направлениям. Снижение темпов глобального экономического роста влияет на динамику цен на сырьевые товары, которые доминируют в нашем экспорте (рис. 6 и 7).

Второе направление влияния изменения глобальных темпов экономического роста — изменение потока

капитала на рынках. В России события в 2007–2008 годах развивались драматично (рис. 8).

Нынешнее руководство страны понимает, что такое кризисное управление. Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы осознать, что хорошая жизнь закончилась, придется принимать тяжелые, нередко непопулярные решения, чтобы сохранить финансовую стабильность, перспективы экономического роста. Руководство нашей страны, ответило на вызов изменившейся экономической конъюнктуры разумными мерами — повышением процентной ставки, отказом от авантюры в налоговой политике. Россия была подготовлена к волне снижения цен на важнейшие экспортные товары: был создан Стабилизационный фонд, в 2008 г. преобразованный в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, накоплены крупные международные резервы (рис. 9–10).

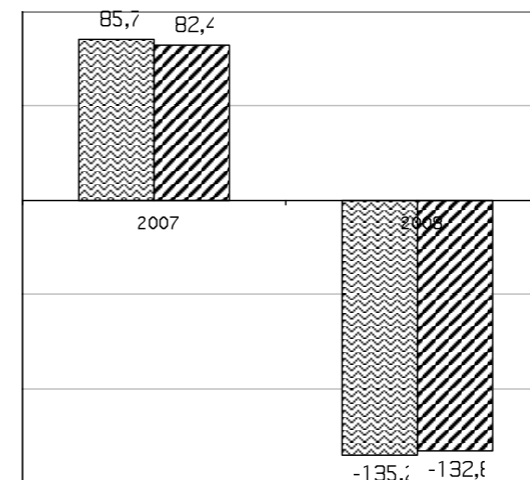

Рис. 8
Объем притока/оттока капитала в РФ в 2007 и 2008 гг., млрд долл.

Источник: ЦБ РФ (www.cbr.ru).

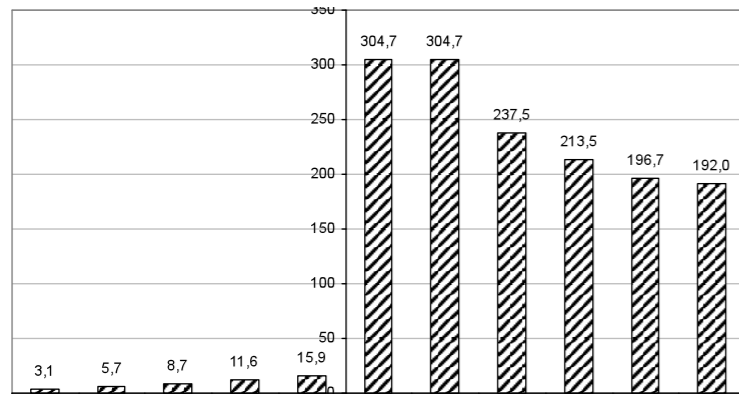

Рис. 9
Размер Стабилизационного фонда РФ (2004–2008 гг., в % ВВП, на конец периода) и совокупный объем средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния (январь — июнь 2009 гг., в % ВВП)

Источник:
Минфин России, Росстат, Экономическая экспертная группа.

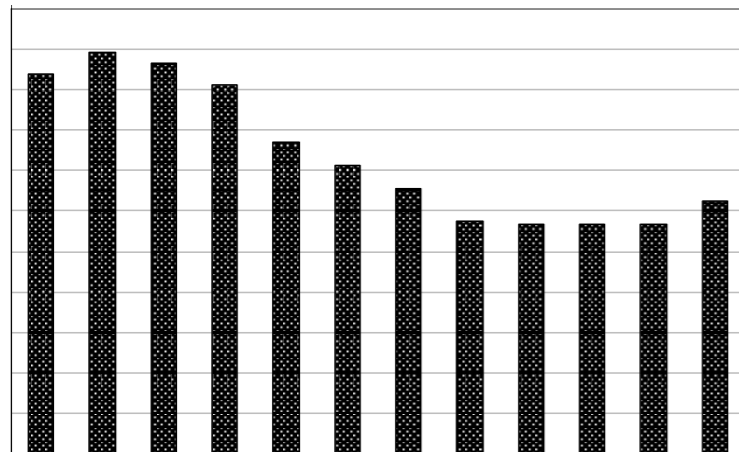

Рис. 10
Объем золотовалютных (международных) резервов РФ, июль 2008 — июль* 2009 гг. (на начало месяца), млн долл.

* по состоянию на 01.07.09.
Источник:
ЦБ РФ (<http://www.cbr.ru>).

Это позволило российской экономике адаптироваться к изменившимся условиям мировой экономики без финансовой катастрофы. Золотовалютные резервы России в период денежной стабилизации в 1997 г. были примерно в 25 раз меньше, чем те, с которыми наша страна встретила новый глобальный экономический кризис.

Можно спорить о том, была ли политика плавного снижения курса рубля по отношению к корзине мировых резервных валют, которую российские денежные власти

решили проводить с начала осени 2008 г., и повышения процентных ставок, оптимальной, нужно ли было проводить эти меры раньше и энергичнее (рис. 11 и 12). Но результат налицо — с середины января 2009 г. мы перестали терять международные резервы (рис. 10).

Во время экономического кризиса, повлекшего за собой падение цен на важнейшие товары, которые экспортирует Россия, условия проведения внешнеэкономической политики изменились. Мажорная тональность² обсуждения успехов политики последних десяти лет угасла.

² Из выступления В.В. Путина на Госсовете 8 февраля 2008 г.: «И, наконец, Россия вернулась на мировую арену как сильное государство — государство, с которым считаются и которое может постоять за себя. Мы накопили серьёзный внешнеполитический капитал, и он работает на развитие страны, защиту интересов граждан и национального бизнеса. Приведу только несколько цифр. За последние восемь лет накопленный объём иностранных инвестиций в российскую экономику вырос не на какие-то проценты — в 7 раз. Напомню, что в предыдущий период чистый отток капиталов — и вы это хорошо знаете — ежегодно составлял 10–15–20, а то и 25 миллиардов долларов. А в 2007 году отмечен рекордный абсолютный приток капитала в Россию — 82,3 миллиарда долларов» См.: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

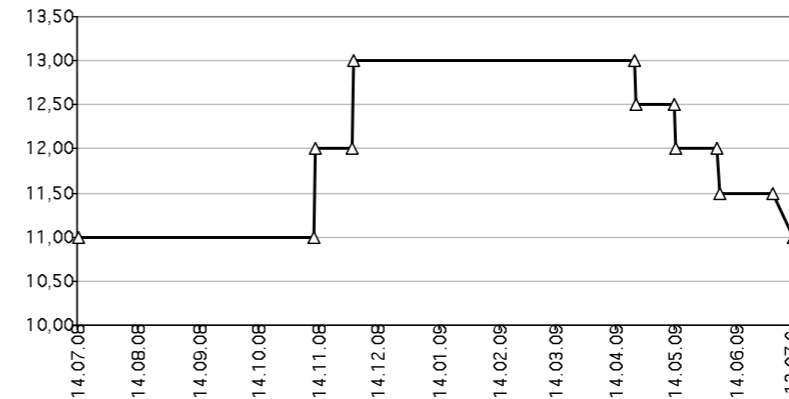
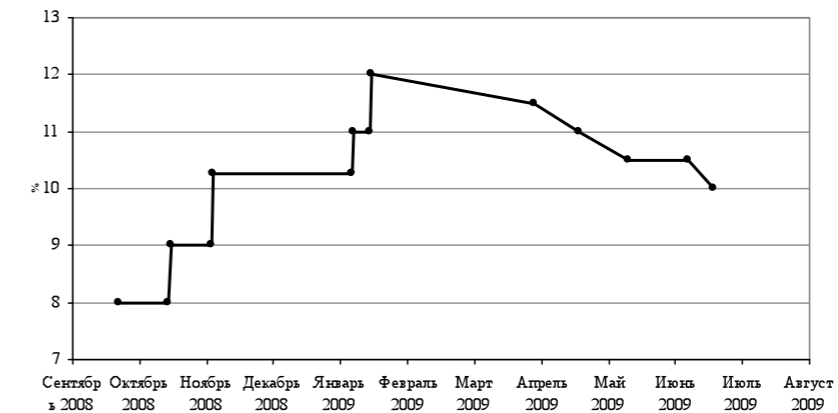

Рис. 11
Процентные ставки ЦБ по предоставлению ликвидности в 2008–2009 гг. Ставка рефинансирования

Фиксированная процентная ставка по ломбардным кредитам на месяц

Средневзвешенные процентные ставки, сложившиеся по итогам проведенных ломбардных кредитных аукционов

Источник:
ЦБ РФ (www.cbr.ru).

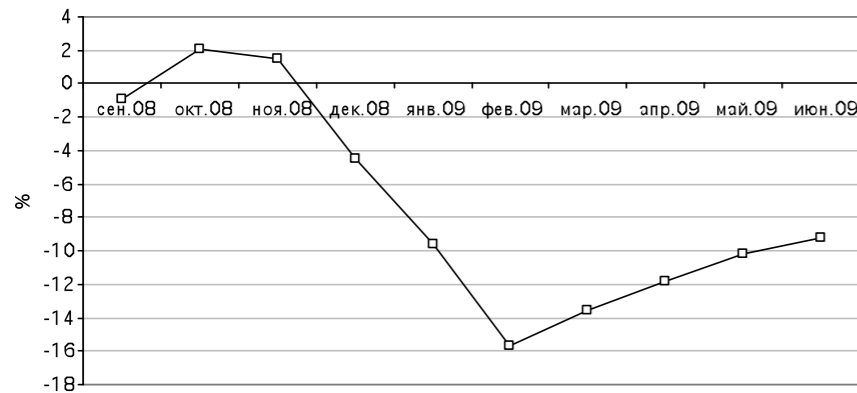

Рис. 12
Номинальный эффективный курс рубля к иностранным валютам, в % к декабрю предшествующего года

Источник:
Источник: ЦБ РФ (www.cbr.ru).

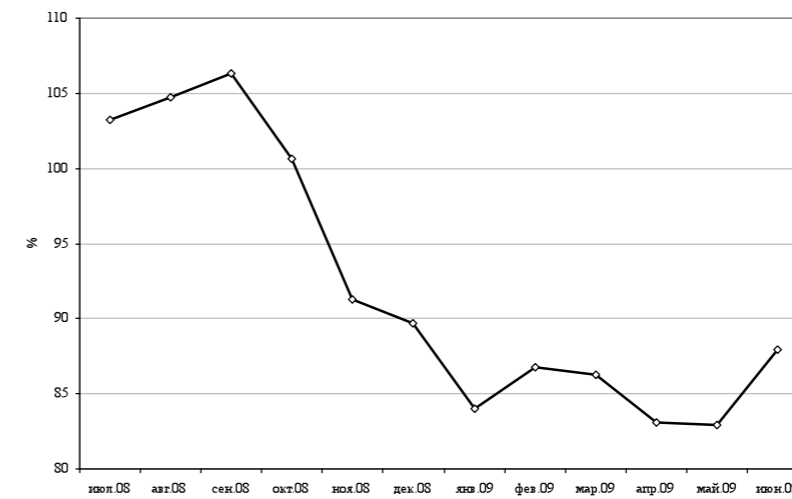

Рис. 14
Индекс промышленного производства в РФ, в % к соответствующему периоду предыдущего года, июль 2008 — июнь 2009 гг.

Источник:
Росстат (http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d06/2-2-0.htm).

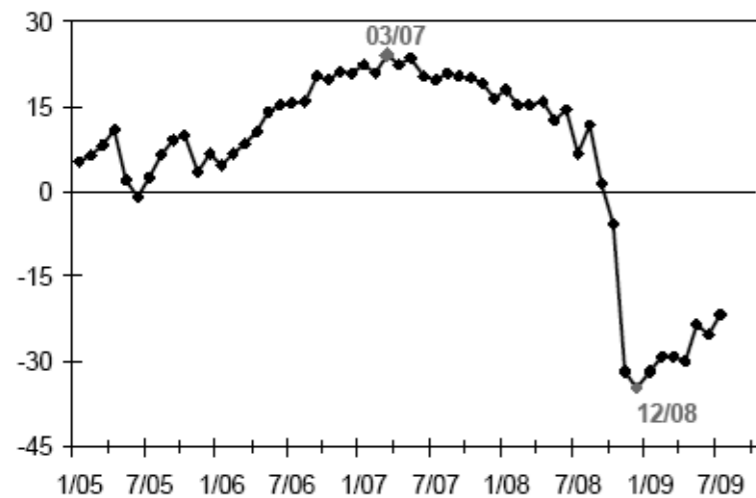

Рис. 13
Индекс промышленного оптимизма январь 2005 — июль 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года

Примечание:
последняя точка графиков — июль 2009 г. (последнее обновление — 15.07.09).

Источник:
ИЭПП (http://www.iet.ru/files/text/industrial_survey/IPO/2009/IPO-15.07.09.pdf).

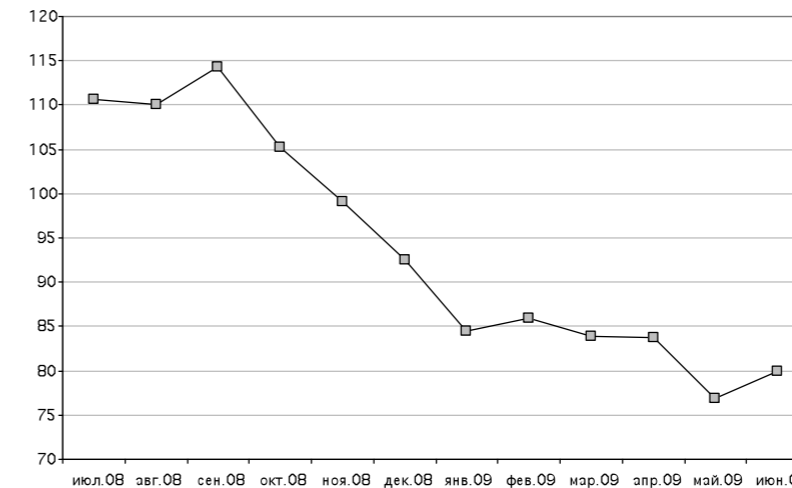

Рис. 15
Динамика инвестиций в основной капитал в РФ, июль 2008 — июль 2009 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник:
Росстат (http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d06/1-0.htm).

Это позволило остановить сокращение золотовалютных резервов, переломить тенденцию обесценения рубля, избежать полномасштабного банковского кризиса. Однако в условиях глобального кризиса за подобные решения приходится платить. Неизбежной платой стало падение промышленного производства, инвестиций, реальных доходов населения, радикально изменилась ситуация на рынке труда (рис. 13–17).

Снизившийся спрос на важнейшие экспортные ресурсы России, изменение динамики внутреннего спроса, сокращение темпов роста доходов населения — все это требует изменений на микроуровне: повышения производительности труда, улучшения контроля над расходами, концентрации производства на наиболее эффективных предприятиях, активной политики создания рабочих

мест в малом бизнесе, развития микрокредитования. Разумеется, можно и нужно говорить о социальной ответственности крупного бизнеса, ограничении престижного потребления, сокращении флотов частных яхт и личных самолетов. Но надо понимать: фундаментальные проблемы повышения конкурентоспособности российской экономики в посткризисных условиях только этими мерами не решить. Если пытаться административными мерами сохранить сложившуюся неконкурентоспособную структуру экономики, последствия для долгосрочных перспектив развития страны будут тяжелыми.

Ключевой вопрос экономической политики России в данный момент, в условиях уже случившегося мирового экономического кризиса — его продолжительность.

То, что нынешний кризис самый глубокий со времен Великой депрессии, признано мировыми экспертными

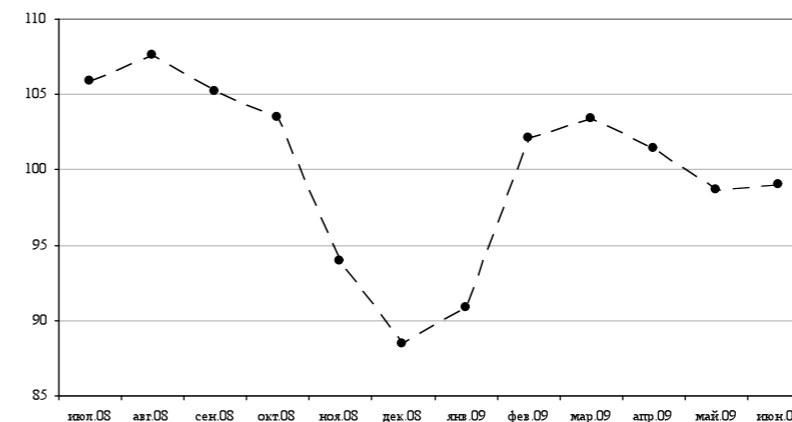

Рис. 16
Реальные располагаемые денежные доходы населения в РФ, июль 2008 — июль 2009 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник:
Росстат (http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d06/1-0.htm).

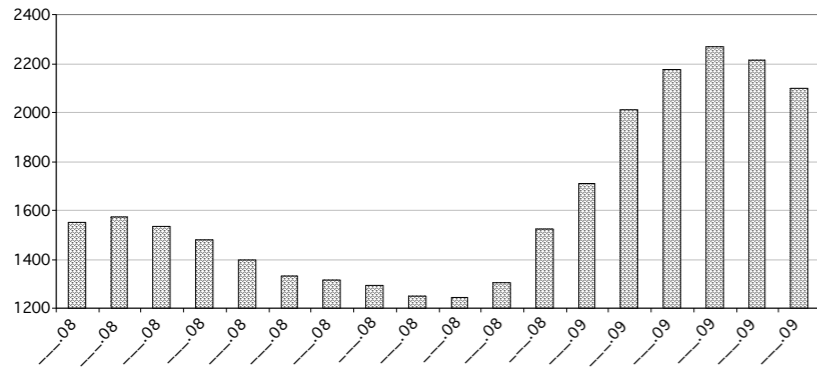

Рис. 17
Численность официально зарегистрированных безработных в государственных учреждениях службы занятости населения, январь 2008 — июнь 2009 гг. (на конец месяца, тыс. чел.)

Источник:
Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_02/Main.htm).

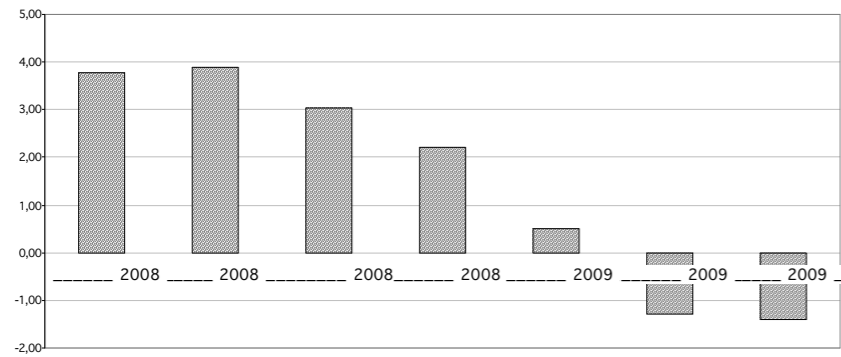

Рис. 18
Динамика прогнозов МВФ темпов мирового экономического роста в 2009 г., % к предыдущему году

Источник:
МВФ — World Economic Outlook: Contractionary Forces Receding But Weak Recovery Ahead, July 2009 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/update/02/index.htm>). —

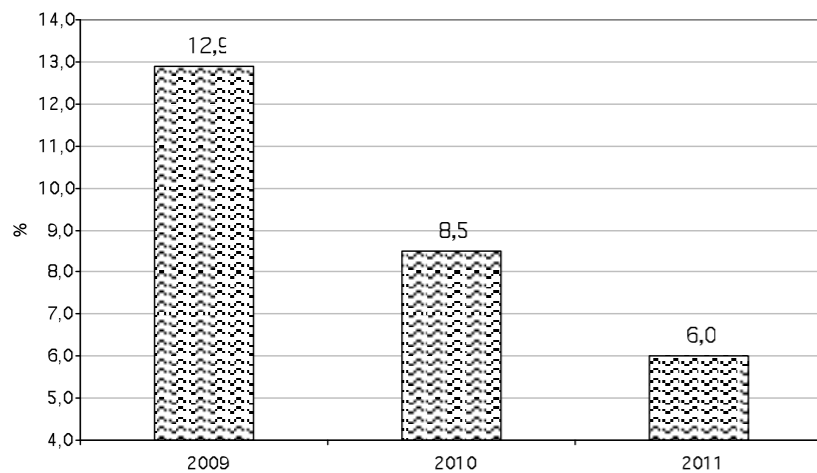

Рис. 19
Прогноз дефицита государственного бюджета США в 2009–2011 гг., в % ВВП

Источник:
Federal Office of Management and Budget: Budget of the US Government Fiscal Year 2010, Updated Summary Tables (<http://www.whitehouse.gov/omb/budget/fy2010/assets/summary.pdf>).

сообществами. Но вопрос о том, прошли ли мы пик кризиса — предмет дискуссии. Одни специалисты уверены в том, что пик кризиса позади. К сожалению, это те же специалисты, которые годом ранее говорили, что кризиса не будет.

Другие квалифицированные специалисты обращают внимание на то, что возможности европейских, американских и китайских властей стимулировать экономику беспрецедентными вливаниями средств неограниченны (рис. 19).

На этом фоне проблемы с невыплатами по займам кредитов коммерческим банкам Америки и Европы, с надежностью выплат по ценным бумагам с фиксированным доходом корпорациями — не ясны. Не ясно и то, есть ли вероятность кризиса по образцу мыльного пузыря в Китае, насколько серьезны риски российской банковской системы, связанные с невыполнением обязательств по кредитам.

Ведущие мировые экономики — США, Евросоюз, Китай, Япония — в последние месяцы приняли масштабные и рискованные меры по стимулированию совокупного спроса. На протяжении ближайших месяцев, они, вероятно, дадут результаты. В прессе появятся материалы о том, что кризис позади, пора возвращаться к нормальной жизни.

Боюсь, что это избыточный оптимизм, за которым стоят финансовые интересы. Масштабы проблем в американской и европейской банковских системах не ясны. Непонятно и то, насколько острыми будут в 2010 году вопросы обслуживания корпоративных облигаций крупных мировых компаний³.

В этой ситуации России как стране, не имеющей мировой резервной валюты, стоит продолжать ответственную и консервативную денежную политику, которую власти выбрали, начиная с осени 2008 года. Последствия иных решений, базирующихся на советах тех, кто

оптимистично оценивает мировую финансовую конъюнктуру последних месяцев, могут быть опасными.

Принятые российскими властями в последние месяцы макроэкономические решения были ответственными. Они меняют политическую ситуацию в стране. Быть популярным, иметь политическую поддержку, когда за тобой десять лет роста реальных доходов населения на 10% в год, нетрудно. В такой ситуации не нужны масштабные репрессии или манипуляции с выборами. Когда реальные доходы населения под влиянием колебаний конъюнктуры мировых рынков перестают увеличиваться, растет безработица, взрывоопасной становится ситуация в депрессивных регионах, — у власти есть альтернативные стратегии. Первая — ужесточение репрессий по отношению к несогласным. Это напрашивающаяся, но самоубийственная стратегия. Опыт России XX века наглядно это подтверждает. Рано или поздно у властей, проводящих подобную политику, не оказывается надежного полка, на который можно опереться. И 300-летняя династия Романовых, оказавшаяся 28 февраля 1917 г. в таком положении, наглядное тому подтверждение.

Второй вариант — упорядоченная либерализация режима, восстановление реальной свободы слова, разделение властей, независимость судебной системы, открытость механизма принятия государственных решений, эффективная борьба с коррупцией. Это непростой путь. Но, как показывает мировой опыт, пройти по нему возможно. Свидетельство тому — опыт Испании после Франко, опыт Тайваня после того, как Гоминдан понял, что не может управлять страной методами, импортированными из Советского Союза, опыт Чили. Это были непростые решения. Но там, где правящая элита была способна реализовывать такую политику, это приводило к позитивным результатам, позволяло уйти от катастрофы. Думаю, что нашей элите стоит извлечь из этого урок. ■ ■ ■

³ Ответ на этот вопрос никому не известен. Последние данные о потребительской уверенности в американской экономике внушают оптимизм. См.: Chandra S. U.S. Consumer Confidence Falls More Than Forecast. Bloomberg. July 28. 2009. Данные о росте безработицы в крупнейшей европейской экономике — Германии — пессимизм. См.: Buergin R., Vits C. German July Unemployment Rises as Job Cuts Continue. Bloomberg. July 30. 2009. В этой ситуации говорить о том, будет ли кризис длинным или коротким, трудно. А это значит, что лучше ориентироваться на пессимистичные прогнозы и консервативную финансовую политику.

ПО ТУ СТОРОНУ ЧИСЕЛ¹

Григорий ПОМЕРАНЦ, Зинаида МИРКИНА

ГЛАВА I.

Что Ты без меня

У меня упорно всплывает в уме афоризм немецкого мистика XVII в., назвавшего себя Ангелом Силезским: «Я без Тебя ничто, но что Ты без меня?» Мне хотелось разобрать и разъяснить этот короткий текст, но ничего не выходило. Слова прочно сцепились друг с другом, и я чувствовал, что за ними какая-то истина, но при попытке разбора все рассыпалось на холодные, не затрагивавшие сердца абстракции. Точка в середине груди, мгновенно дававшая чувство правды или фальши, смолкала; оставался только интерес к стройным интеллектуальным конструкциям.

Вспомнив метафизические опыты молодости, я стал кружить в голове афоризм Силезиуса, пока он сам собой не раскроется, не прорастет, как стебель из зерна. И вдруг всплыло слово «вездесущность». Это было ключом к проблеме. Если всемогущий Бог не участвует в каждом мгновении жизни, не страдает в каждом страдании, не ликует в каждой радости, — то чем он превосходит Зевса или Перуна? Только количественными масштабами своих сил в пространстве и времени. И если Бог есть дух, — а это воистину так, — то где духу обрести лучшее место своего воплощения, чем человеческое сердце? И в рублевской иконе Троицы можно увидеть, как Бог–Дух, искавший, в чем воплотиться, наконец, нашел то, что искал.

Нашел внутреннюю возможность бесчисленных прорастаний из одного личностного корня. И это воплощение бесконечно превосходит массы абстрактной материи, поражающие количественными масштабами и духовно равные нулю.

Я с юности чувствовал, что образ мира, созданный точными науками, мучительно неполон. Человек в этом мире равен единице, деленной на бесконечность, и вынужден признать себя нулем. Первым заболел этим недугом Паскаль, за ним — Тютчев, Толстой, Достоевский. Я присоединился к их ряду в 1938 году, в свои 20 лет, и три месяца упорно созерцал свое несогласие быть нулем. В конце концов, внутренний свет показал мне возможность решения, но то, что показалось решением, пришлось отвергнуть. Действительное решение лежало вне области точных наук, за которые цеплялся материализм, вне мира бесконечно дробимых величин. Решение было в переживании целостной, не поддающейся делению вечности.

Я пришел к убеждению, что вселенная не сводится к времени, пространству и материи, бесконечно делимых на секунды, века, тысячелетия, на метры, километры, парсеки и т.п. У нее есть другое лицо, целостное во всех своих проявлениях, как океан планеты Солярис, в котором нечего считать. Океан, способный стать для каждого тем,

¹ Главы I и II принадлежат Григорию Померанцу, дальнейший текст — Зинаиды Миркиной

что раскрывает душу (через муку или через блаженство — все равно).

Лет через двадцать после юношеской медитации я внезапно пережил целостную ипостась реальности как внутренний свет, длившийся несколько часов. Этот опыт просыпался, когда я искал спасения от страха или созерцал стихийные иконы в лучах заходящего солнца или иконы, собранные в Третьяковской галерее, или лучшие создания буддийского искусства. Постепенно я понял, что в иконах переплетался образ всемогущей, вечной творческой силы и хрупкого, смертного человека. Это особенно ясно проступает в образах Троицы — рублевской или в деревянной раскрашенной скульптуре, хранимой в Наре, бывшей столице Японии VIII в. Приглядевшись к Рублевскому Спасу, я и в нем разглядел то же самое: Бог–Дух, веющий повсюду, — и человек в своей смертной оболочке. Вечное и мгновенное переплетается в мистической интуиции. Воплощенные в форме и краске, они сохраняются несколько сот или тысяч лет — и все равно, ранее или позже они сотрутся, рассыплются, исчезнут. Невольно вспоминаешь Паскаля: «человек слаб, как тростник, порыв ветра может сломать его, но этот тростник мыслит...» Мыслит и творит, а потом создания гения исчезнут. Но в каждой вспышке творческой силы повторяется эта игра, и я до сих пор готов ответить на ее вызов.

Я готов пережить миг, час или человеческий век в коротком союзе с вечностью, когда я — почти ничто — становлюсь почти всем, зная, что этот союз непременно прервется и вечность останется бесплотным духом, ищущим новой пары (подобной паре возлюбленных), а я вспыхну и исчезну, как Вальсингам в гимне чуме. Этот единый огонь горит в разных культурах далеких друг от друга, как Япония VIII века от Троицы–Сергиева. Новое родство возникает на более глубоком уровне, чем различия культур и эпох, на предельной духовной глубине.

Человек, живущий среди людей и участвующий в повседневных людских делах, способен приоткрыть, распахнуть или, наконец, раскрыть настежь, на весь свой век — окно в вечность. И окна, закрывшиеся в одном углу, открываются в другом. Это часть бытия Бога в его вездесущности и необходимость человеческой истории. Человечеству окна в вечность нужны как предел, без которого история теряет свое направление. А Богу они нужны, как почва, без которой ему нет места в мире пространства, времени и материи; это стало очевидным после того, как Коперник и Галилей разрушили воображаемое небо.

Наше время стучится к сознанию этой истины. Оно создало популярный образ планеты Солярис, океан

которого оказался подобным «океану Брахмана» в устах Рамакришны: «океан Брахмана, — говорил этот святой, — под влиянием любви бхакта, принимает облик того бога, которого бхакт особенно любит» Две метафоры, Тарковского и Рамакришны, перекликаются друг с другом и приближают нас к живому переплетению вселенского творческого духа с мгновенным существом.

И мы готовы сказать, вместе с современным поэтом, о нашем долге — открыть Богу двери в своей душе:

Если Бог не войдет в мою душу,
Он останется в мире без места.
(Зинаида Миркина)

Богу надо помочь. Без нашей помощи невозможно обогнать повседневность. И только через нас, через каждого из нас, Бог может преобразить мир. Не только на вершинах человеческого духа, не только в миг высшего творческого взлета, но в каждой открытой душе, самой скромной по своим возможностям, и не только в совершенном слове, но и в немых движениях души, в паузах между словами.

Под образом, созданным иконописцами, вторая ипостась, — не теряя своей связи с Иисусом или Гаутамой, — становится общим символом душ, разбросанных в пространстве и времени и сливающихся в вечности, в том целостном духовном узле, который уравнивает движение drobных масс к распаду и смерти. Как это происходит, я не знаю, но вглядываясь в совершенные иконы, я верю мистической интуиции их творцов. И в этой интуиции обожженный человек вливает капли своей святой воли в вечный свет, уравнивающий вечную тьму.

Для сознания, разрезавшего мир на атомарные факты, в остатке от дележа — только нуль. Вечность проваливается в ничто, но искусство отвечает на страх Мефистофеля словами: «В твоём ничто я мыслю всё найти» И оно готовит почву новым вспышкам высшей реальности.

Афоризм Ангелуса Силезиуса, с которого начались эти строки, запечатлел миг озарения, подобный вольтовой дуге. Как только электроды чересчур раздвинулись или сошлись, вспышка погаснет, единство через пропасть исчезнет. Но оно было. Было у Ангелуса Силезиуса, Мейстера Экхарта, Джелаледдина Руми, у Шанкары-ачарьи и многих других. Иногда озарение приходило внезапно, иногда — после долгих усилий. Притча Джелаледдина Руми запечатлела итог аскезы перед которой раскрываются двери: «Ты пришел к Тебе». Совершенное единство выражено у Христа словами: «Я и Отец одно». Однако и такое единство нарушено было на кресте. Был страшный

миг, когда прозвучали слова Христа: «Отче, зачем Ты оставил Меня?»

Человек, достигший совершенного единства со Святым Духом, остается человеком. Он доступен невыносимому страданию и физической смерти. Халкидонский собор выразил это логическим парадоксом: он вполне Бог и вполне человек, и обе природы соединились в нем неслиянно, нераздельно и совершенно.

Будда предпочел отвечать «благородным молчанием» на вопрос: «бессмертен ли совершенный, достигший нирваны, или он смертен?» Видимо, наши представления о смерти и бессмертии слишком узки для опыта полного обожения, для полного тождества Отца и Сына, до нирваны. Я вспоминаю строки, которыми закончилось стихотворение «Бог кричал»: «Нет, никогда не умрет нетленный, я за него умру». Я вспоминаю слова Рильке в «Записках Мальте–Лаурида Бриге»: Смерть должна созреть, и тогда она становится чем-то подлинным в своем бытии. На войне я много раз готов был умереть, как птица, подстреленная в лёте, и то же чувство окрыляет в творческом порыве².

Как-то меня упрекнули, что я свожу Христа к уровню обыкновенного мистика. Я не знал тогда, что ответить. Но с годами ответ пришел ко мне. Он был найден еще до моего рождения. Упомянутый мною Рамакришна попытался вжиться в опыт Будды, Христа, Вардхаманы Махавиры (называемого также Джиной), Мохаммеда... И Рамакришна говорил, что опыт Христа и Будды был полным, совершенным, не допускавшим падения, а другие стоят ниже и могли падать. Но мгновения упадка не стирают след единства, осуществившегося в них, и единство может высветляться в последователях, — а совершенный опыт в последователях может помрачиться.

Поэтому в костер божественной любви все время надо подбрасывать сухие поленья, «Богу надо помочь», сказал автор, которого я знаю по цитате у Генриха Белля. Или — как это можно прочесть в стихотворении Зинаиды Миркиной, — почувствовать ответственность за Бога:

Ты во мне. Это значит, что я
Всей собой за Тебя отвечаю.
О, священная тяжесть моя,
Глубина, не имущая края!
Высший замысел Отчий любя,
Ты готов на великие муки.
Ты во мне — значит отдал Себя

² Бенедиктинцы, комментировавшие христианско-буддийскую конференцию 1994 г., дали такое определение вечности: «не усомнительная длительность, а выход за рамки всякой двойственности, в том числе двойственности начала и конца». Dalai Lama. The good hearth. L., 1997.

В мои слабые смертные руки.
Значит, можно Тебя пронести,
В тайной тяжести черпая силу...
Боже мой совершенный, прости,
Что я руки на миг опустила!

ГЛАВА II.

Старая яблоня

Мой разговор с тенью Ангелуса Силезиуса прервала старая яблоня, казавшаяся мертвой. В эту весну силы, скованные непогодой, вдруг рванулись и в какие-нибудь четыре дня проделали работу нескольких недель. Стая яблоня, почувствовав дуновение чуда, вдруг зацвела, зацвела всей живой половиной кроны, раскинувшейся метров на десять. Ливень розового цвета, постепенно белея, облил этот полукруг. Сидя на балконе, я наткнулся взглядом на мертвые ветки и подумал, что надо их спилить, не разрешить им нарушать праздник. Но вдруг родилась метафора: праздник весны, пробившейся сквозь смерть, напомнил мне нас с Зиной: над засыхавшей плотью вдруг раскрылся ореол живого духа.

Я стал вспоминать рассказ, как эту воскресшую яблоню сажали, вместе с тринадцатью другими, двадцатилетняя Зина со своим отцом (ему тогда было 43). Но с 1946 г. по нынешний 2009 тринадцать деревьев засохло. Отец, еще в прошлом веке, умер, и нам скоро уходить, а яблоня живет, и мы живем. Жизнь до сих пор побеждает в нас смерть и зацветает, как старая яблоня. И неколебимо стоит на заднем плане великая ель, почти не изменившаяся с 1945-го, с того самого мига, когда капельки, оставшиеся после дождя, вдруг засверкали мириадами огней, и внешнее озарение родило озарение внутреннее, в сердце Зины, светящее ей до сих пор (так иногда бывает в сердцах, склонных увидеть мистический свет). И я при первой встрече, в 1960-м, т.е. 49 лет тому назад, почувствовал этот внутренний свет.

В нынешнюю весну, как во все прошлые весны, из темных веток великой ели вырываются свежие побеги. И только липа, маленький куст в 1945-м, отмечает движение лет. И еще одна отметка времени — красная крыша, высунувшаяся в тени берез сквозь венец цветущих яблоневых ветвей. Из-под крыши доносится голосок младшей девочки, живого родничка радости. Она еще не вышла из счастливого возраста — «от двух до пяти».

А старшей сестре — одиннадцать; она уже заневестилась; и старшему брату — девять. В каждом кипит, смешавшись, кровь предков — с Балтики, со Средиземного моря, с Кавказа, со стыка пустынь и гор Средней Азии. Что выварится в каждом из них и что они сумеют взять из нашего наследства? Я не о деньгах думаю, денег у нас немало. Мы прожили свой XX век на гроши и сумели найти друг друга и что-то услышать сквозь шум времени. Сумеют ли дети найти наш след? Сумеют ли они сохранить себя в XXI в., из которого мы уходим, не переставая быть самими собой?

Дай Бог каждому откликнуться на праздник жизни и на скорбь жизни и на ту глубину, где все становится единым потоком красоты, рождающей силу. Как нам это дают блики солнца, бегущие с ветки на ветку, выхватывая из полутьмы то один поворот, то другой поворот танцующих ветвей.

В эти четыре дня взрыва природных сил, прорвавшихся сквозь смерть, родился и отклик Зинаиды Миркиной на тему, которую я начал. Далее следует ее текст.

ГЛАВА III.

Любой удар — удар по Богу.

Да, блики солнца, дающие нам силу...

Я хочу продолжить текст, в который целиком вошла. Переключка наших голосов длится почти полвека. Вот и сейчас она продолжается. Я тоже вижу старую яблоню, взорвавшуюся небывалым цветением. Она прервала поток мыслей и... заговорила сама.

Да, вот так начинает говорить картина, которую вставляет Кришнамурти в свои «беседы о медитации». Первая часть этих бесед — раздумья, мысль, спускающаяся куда-то в самую глубину бытия. Но где-то мысль должна остановиться. Она, как река в море, вливается в само бытие — в молчание, которое говорит.

Раздумье прерывается картиной, любой. Той, на какую упал взгляд. Картина может быть самой обычной и все-таки она совершенно необычна. Она абсолютно прозрачна, и от нее исходит глубокий покой. У нее есть одна особенность: это картина без смотрящего. То, что мы видим — без нас самих. Смотрящий исчезает, тонет в том, на что смотрит. И вот тогда-то мир становится цельным, смыкается, как вода, в которой утонул брошенный в нее камень. И вот становится видимой то единство, которое обычно скрыто за сонмом предметов, по которым скользит наш глаз. Нет дробящего глаза. Нет осколков. Есть целое. Единая гладь моря, отражающая небо.

Цельному морю нужно все небо.

Цельному сердцу нужен весь Бог.

(М.Цветаева)

Весь Бог, Он появляется, когда нет меня. Он исчезает, когда появляется мое отдельное от всего «я», мое эго и с тревогой спрашивает: «где Ты?»

Это эссе начиналось словами Ангелуса Силезиуса о нераздельности Бога и человека. А сейчас я как будто говорю о несовместности их.

И все-таки это одно и то же. Когда есть я и природа, я и те самые блики солнца, — природа лишь фон для меня. В центре — я, которое задает тысячу вопросов о своем будущем, о смысле жизни, о бессмертии. Природа не отвечает. Природа безмолвствует. Мы и не ждем от нее ответа. Она — фон, ничто. И блики солнца не дают нам никакой силы. Да и что они такое, на самом деле? Нам кажется, что ничто.

Но вдруг может прийти странное состояние, когда нам станет не до себя, когда эти самые блики солнца, или проплывающее облако, или Дерево заслоняет нас собой — и мы почему-то будем счастливы от этого. Да, счастливы. И наш любимый литературный герой, которого мы так часто цитируем, скажет: «разве можно видеть дерево и не быть счастливым?» Скажет. И никто его не поймет. Скажет — и получит в ответ: как это можно быть счастливым, когда такие ужасы вокруг?

Что он возразит? Ничего. Он будет безмолвствовать, как и само Дерево. Как он объяснит, что душа его, прежде расколота на сотни кусков, сомкнулась и стала цельной, как гладь моря, отразившая все небо? Как он объяснит, что все вопросы, которые он посылал куда-то вовне, кому-то другому, имеют ответы только в его собственной внутренней цельности — во всецелости, не делимой на я и мир, на я и Бог, я и кто-то другой. Есть одно.

Я без Тебя ничто.

Но что Ты без меня?

Пока нас двое, нет ни меня, ни Тебя. Мы оба есть, когда мы Одно. Мое отдельное «я» (эго) так же тонет во всецелости, как и божественное Ты,

пока оно отдельно от меня, пока оно не всецело, сам Бог — не Бог.

Мы ждали от Бога ответа. А Он от нас — безмолвия.

И здесь я хочу привести часть притчи Энтони де Мело: некий посетитель монастыря был поражен сиянием, которое исходило от Мастера, и не мог понять прозвучавших слов близкого мастеру ученика: «Жизнь — это тайна. Смерть — это ключ, раскрывающий её. Как

только ты повернешь ключ, ты растворишься в этой тайне навсегда».

Нужно ли дожидаться смерти, чтобы повернуть ключ? — спросил посетитель. — Нет. Ты можешь повернуть его прямо сейчас посредством безмолвия — и раствориться в тайне. Тогда ты так же будешь излучать свет, как Мастер». Так вот он, ключ — безмолвие.

Вы замолкаете перед тем, что больше вас, перед тем, что бесконечно любите. Вы не задаете Ему вопросов. Вам собственно ничего не надо, кроме его бытия. Вы ныряете в Него, тонете в Нем. И — воскресаете уже иным цельным существом. После смерти своей отдельности, обособленности — происходит воскресение во Всецелости, в Единении.

Я больше не я. Я есть Ты. Но и Ты больше не Ты. Ты есть я. Здесь хочется мне рассказать об одном эпизоде из моей юности. Как-то раз меня очень сильно унизили. Я уходила от работодателя с чувством побитой собаки. И вдруг на улице меня пронзило ощущение, что вместе со мной унизили Бога, что Его ударили по мне. Так возникло стихотворение «Бог кричал».

Чувство того, что каждый человеческий поступок, более того — каждая мысль, каждое движение души касается не только отдельного лица, к которому как бы обращено, — оно касается той таинственной Всецелости, которую называют Богом. Бог включает меня в Себя. Бог без меня — не Бог...

Вот это чувство тогда пронзило меня и вошло в сердце на всю жизнь.

Ведь это самое имел в виду Христос, когда говорил: «когда вы накормите голодного, вы Меня накормите» и т.п. И еще — не только когда вы ударили человека, но когда вы захлебнулись гневом, вы подложите геене огненной, т.е. душа ваша гибнет...

Не об этом ли и рассказ Бредбери о бабочке — наступишь случайно на одну каплю красоты в далеком прошлом — изменишь настоящее.

Пространство и время — дробимые вещи. Они делятся на часы века, метры и километры. Но есть нечто неделимое. Абсолютно цельное. И каждая отдельность в каком-то смысле — фантом. А Целое — реальность.

Я без Тебя ничто,

Но что Ты без меня?

На вопрос о смысле каждой отдельной жизни ответит — только Всецелость, включающая эти жизни в себя. Наш смысл, наша истинная реальность, наша

любовь — скрыты во Всецелости. И потому, что бы Ты, Бог—всецелый, ни сделал, благословляю Тебя, люблю Тебя. Моя любовь к Тебе всегда подвигнет меня на жертву во имя Твое. Я пойду на любую жертву. Мое отдельное «я» умрет, чтобы не умирал Ты. Я погружусь в Тебя, слившись с которым воскресну, но не как маленькое, отдельное «я», а как та Всецелость, которая и является смыслом каждой отдельной жизни.

ТЕТРАПТИХ

I.

Я и Ты. Кто Ты есть, мой Господь?
Кто есть я? Я — подобие Божье?
Дух всецелый иль слабая плоть?
Или — нас разделить невозможно?
На земле, не в пустых небесах,
В узел жизни мы связаны тесно.
Без Тебя я — ничтожнейший прах.
Без меня Ты — лишь Дух бестелесный.

II.

Бестелесный. Однако — живой.
Полный силы вовеки нетленной.
Ты врываешься свежей листвою,
Звездной россыпью в темень Вселенной,
В пламя жизни, в объятья огня,
Закрывающий мертвую глину,
О, насколько Ты больше меня!
Ты, сплетенный со мной воедино!

III.

Тайный жар Твой — в моей глубине.
В тьме сердечной скрывается Чудо.
Я жива — значит весь Ты во мне.
Я умру — это значит пребуду
Вся в Тебе. Ни единой черты
От меня. Только Ты. Всюду — Ты.
IV.

Ни словца. Мир застыл в тишине,
И никто не ответит мольбе.
Но Тебя увидавший во мне,
Пусть меня угадает в Тебе.

■ ■ ■

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ

Юрий РУБИНСКИЙ

Одним из самых расхожих терминов в современном политическом лексиконе стали «ценности». Под ними имеются в виду основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан. Вводя нравственные критерии в оценки отношений не только между людьми и их объединениями, но и государствами, система ценностей служит сеткой координат, вне которой утрачивается идентичность (если не сам смысл существования) любой цивилизации.

Хотя со временем ценности могут эволюционировать, их основа сравнительно стабильна. Они закреплены в нравах и обычаях, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства. Их олицетворяют образы подлинных или мифологизированных героев прошлого — пророков и святых, гениев науки и культуры, великих государственных деятелей и полководцев.

«Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — всё же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное

идейное наследие этих народов, — писал один из выдающихся русских мыслителей XIX в. П.Я. Чаадаев. — ... Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, чем история, больше, чем психология: это физиология европейского человека»¹.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Формирование общей системы европейских ценностей прошло ряд этапов, каждый из которых оставил после себя глубокий след. Она напоминает не монолитный обелиск, а, скорее, пирамиду, сложенную веками из разных строительных материалов.

Фундаментом этой пирамиды служит наследие античности. «На берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, имеющая исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальная по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живём до сих пор», — писал британский историк Европы Дж.М. Робертс².

Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного

строения — автократию, аристократию и демократию, предупредив об опасности вырождения их при определённых обстоятельствах в тиранию, олигархию или анархию. Хотя демократические Афины потерпели поражение в войне против аристократической Спарты, после чего ослабевшая Греция подпала под власть Македонии, затем Рима, афинская демократия, даже ограниченная рабовладением, навсегда осталась в сознании европейцев символом народовластия — решения стоящих перед государством проблем по воле большинства.

В древней Элладе родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской культуры — литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, наконец, спорт, о чём до сих пор напоминают Олимпийские игры.

Не менее важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко говорят, что римское право является одним из устоев европейской цивилизации. Это действительно так», — констатирует британский историк Европы Норманн Дэвис³.

Само латинское слово «lex» («закон») переводится как «связь», т.е. взаимозависимость между членами общества. Хотя своды законов были уже гораздо раньше — в деспотиях Древнего Востока от Хаммурапи до Моисея, где они переплетались с религиозными установлениями, именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, в рамках которого суд выносит приговор на основе писаного законодательства. «Dura lex sed lex» («Суров закон, но он закон») гласит латинская формула, украшающая до сих пор судебные учреждения многих европейских стран.

Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени гражданской и военной администрации — чётко структурированной системы управления государством, где каждый носитель власти имел строго определённый круг полномочий и ответственности. Она продолжала бесперебойно функционировать даже при правлении императоров-тиранов вроде Калигулы или Нерона.

Важнейшим истоком европейских ценностей стало христианство. Придя в Европу с Ближнего Востока и превратившись за три столетия из гонимой иудейской секты в государственную религию Римской империи, оно

образовало в Европе основу духовной культуры. 10 заповедей Ветхого завета и евангельская проповедь любви к ближнему, милосердия, покаяния на протяжении двух тысячелетий служили десяткам поколений европейцев моральным компасом в житейском море.

Это особенно характерно для Европы Средних веков, когда христианская вера безраздельно определяла общественное сознание. С христианством тесно связаны такие кардинальные ценности европейского феодального общества, как кодекс рыцарской чести, верности вассала сеньору, куртуазного служения Прекрасной даме, мечта о мистическом Граале — кубке с обращённой в вино кровью Спасителя, символизирующая вечный поиск идеала. Романтическую тоску по этим ценностям, тронутую грустной иронией, олицетворяет «рыцарь печального образа» — Алонсо Кихана Добрый, известный у нас под именем Дон Кихота.

В истории европейского христианства было немало мрачных страниц — жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, костры инквизиции, исступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев (к сожалению, до сих пор далеко не всех) такие фундаментальные понятия как веротерпимость, уважение к религиозным меньшинствам.

Вековая борьба за первенство между светской и духовной властями — императорами и папами на Западе, басилевсами или царями и патриархами на востоке Европы завершилась, в конечном счёте, отделением в большинстве европейских стран церкви от государства и школы от церкви, закреплением в Конституциях секулярного принципа свободы совести, не допускающего дискриминации за религиозные убеждения или их отсутствие.

Если античность и христианство послужили истоками европейских ценностей, то решающими вехами в их исторической эволюции стали эпохи Ренессанса и Просвещения. Апеллируя к античным образцам, мыслители-гуманисты Ренессанса поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Широко раздвинув горизонты Европы в ходе великих географических открытий, а Земли — во Вселенной, Колумб, Магеллан, Коперник помогли европейцам осознать безграничные возможности человеческого ума и воли, а Леонардо да Винчи и Микеланджело — величие творческого гения⁴.

* Рубинский Юрий Ильич, профессор, доктор исторических наук, руководитель центра изучения Франции Института Европы РАН

¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., Современник, 1989. С. 44–45.

² J.M. Roberts. The Penguin History of Europe. L., Penguin Books, 1997. P. 23.

³ N. Davies. Europe. A history. Oxford, N.-Y., Oxford University Press, 1996. P. 821.

⁴ См. Vunner Б.Р. Итальянский Ренессанс XIII–XVI века. Т. I–II. М., Искусство, 1977; Э. Гарэн. Проблемы итальянского Возрождения. М., Прогресс, 1986.

В годы Ренессанса и Реформации состоялась формирование такой характерной черты психологии западноевропейцев, как либеральный индивидуализм. Под этим термином, имеющем нередко негативные коннотации, имеется в виду отнюдь не просто чёрствое, себялюбивое равнодушие к окружающим и способность жертвовать интересами других людей во имя своих. Речь идёт о чувстве собственного достоинства, независимости от чьих либо милостей, о готовности к риску, к личной ответственности за свои поступки.

Материальными предпосылками Ренессанса стало бурное развитие торговли, банковского дела, потеснивших свойственное феодализму натуральное хозяйство. Средневековая культура деревни, замка, монастыря уступала городской с её ремесленными цехами, купеческими гильдиями, выборными магистратами и коммунальными свободами. Мануфактурное, затем фабричное производство на основе наёмного труда брало верх над крепостничеством и земельной рентой.

«Традиция частной собственности подготовила подъём рыночной экономики, являющейся одной из характерных черт европейского континента. Со времён Ренессанса обмен товарами между ведущими европейскими странами, путешествия ради торговли, отправление в путь судов, гружённых тканями, продовольствием, винами или инструментами, становится повседневной практикой», — писал бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен⁵.

Поистине капитальный вклад в формирование системы европейских ценностей внесло Просвещение. Блестящая плеяда философов XVIII в. — Вольтер, Руссо, Дидро, Даламбер провозгласили критический разум, не признающий ни предрассудков, ни традиционных авторитетов, единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Среди интеллектуальных элит Европы наука начала постепенно теснить религию как ведущая форма общественного сознания.

Именно энциклопедисты ввели понятие естественных прав человека и гражданина, нашедших выражение в бессмертном лозунге Великой Французской революции 1789 г. — Свобода, Равенство, Братство. Нанеся сокрушительный удар по сословным привилегиям дворянства и духовенства, по неограниченной власти абсолютных монархов, она стала решающим этапом в утверждении европейской демократии.

Эта революция дала мощный импульс пробуждению у европейских народов национальных чувств. Якобинцы

недаром называли себя патриотами. И это не ограничивалось одной Францией. В ходе революционных, а затем наполеоновских войн подданные лоскутных династических империй и княжеств, подняв оружие против иноземного гнёта, впервые почувствовали себя полноправными гражданами, главными защитниками свободы и независимости своих отечеств.

«Весна народов» — революция 1848 г. оставила европейцам в качестве не только принципа международного права, но и моральной ценности право наций на самоопределение. Оно стало мощным катализатором объединения раздробленных веками Германии и Италии, освобождения народов Балкан от османского господства, Ирландии — от британского, Польши — от русского и немецкого, Чехии и Словакии — от австрийского. Демократия и национальная идея стали, каждая по-своему, основными двигателями модернизации общественной жизни Европы XIX в., обогатив систему её духовных ценностей.

К середине этого столетия начавшаяся в Англии первая промышленная революция выдвинула на повестку дня грозный «социальный вопрос». Стремительное развитие индустрии на базе капиталистического способа производства сопровождалось подъёмом рабочего движения, послужившего питательной почвой для идей социализма.

На уровне ценностей основой всех социалистических течений — утопических, социал-христианских, марксистских, анархо-синдикалистских, социал-демократических, наконец, коммунистических, было стремление к социальной справедливости, преодолению неравенства между меньшинством собственников средств производства и большинством работников наёмного труда. Конкретные формы борьбы европейских социалистов за достижение этих целей варьировались в широком диапазоне — от частичных реформ в рамках рыночной экономики до бескомпромиссной классовой борьбы.

На рубеже XX в. европейская цивилизация достигла апогея своего расцвета. Европа, население которой составляло четверть человечества, далеко превосходила все остальные континенты в том, что касалось науки, экономики, культуры, военной мощи. Европейские державы разделили планету на колониальные империи и сферы влияния⁶. Именно в европейских странах были сделаны величайшие открытия, изменившие представления людей о законах мироздания — теория относительности, квантовая теория, явление радиоактивности и т.д. Изобретение двигателя внутреннего сгорания, создание автотранспорта, авиации, радиосвязи предвещали вторую

промышленную революцию. Модернизм в искусстве обновил каноны художественного творчества.

Именно в этот момент внутри, казалось, прочно сложившейся системы европейских ценностей появились глубокие трещины. Идеология либерализма столкнулась не только с сопротивлением вчерашнего противника — традиционалистских авторитарных монархий в преимущественно аграрных странах, но и с вызовом нового — в лице социализма. Вместе с тем всем им стала всё серьёзнее угрожать волна воинствующего национализма.

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Французский философ XVIII в. Блез Паскаль как-то иронически заметил, что «истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Действительно, исторически сложившаяся общность основных цивилизационных параметров европейских народов отнюдь не означала их слияния в единую континентальную нацию. Британский историк Европы Норманн Дэвис обоснованно указывает на различие между самими понятиями европейской цивилизации и составляющих её культур, которые сохраняют национальную самобытность: «Цивилизация есть сумма всех идей и традиций, унаследованных от античности и христианства, которая была привита на местные культуры народов Европы извне, сформировав общее наследие. Напротив, культура вырастает изнутри, из повседневной жизни каждого народа. Она формируется из всего того, что является специфической особенностью данной нации — её родного языка, фольклора, религиозных течений, неприятия чужих»⁷.

Система ценностей является, по сути дела, связующим звеном между общей европейской цивилизацией и её национально-культурными компонентами, своего рода равнодействующей между центробежными и центростремительными силами на континенте.

Основными этнолингвистическими группами народов Европы, говорящих почти исключительно на индоевропейских языках, являются германская с её англосаксонским и скандинавским ответвлениями, романская и славянская. Помимо языков, их разделяют разные масштабы, территории, численность населения, климатические условия, конфессии, а главное — исторические судьбы.

Южные, средиземноморские народы — итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны, бывшие некогда под властью Рима, унаследовали от него романскую языковую основу и писанное римское право. В конфессиональном отношении они принадлежат в основном (кроме

православных греков и румын) к римско-католической церкви, управляемой Ватиканом.

Со своей стороны, северная германско-скандинавская группа (немцы, голландцы, англичане, шведы, норвежцы, датчане, исландцы), где римское присутствие было менее чувствительным или не существовало вообще, сохранили, помимо собственных языков, многие черты обычного, прецедентного права и исповедуют, главным образом, различные формы протестантизма — лютеранство, кальвинизм, англиканство.

Стоящие лингвистически особняком угро-финские народы (венгры, финны, эстонцы, мордва, черемисы и т.д.), а также баски и албанцы культурно тяготеют к соседним ареалам.

Культурно-конфессиональный водораздел между Севером и Югом Европы не всегда совпадает с государственными границами. Он проходит порой внутри отдельных государств — не только многонациональных Бельгии и Швейцарии, но также Германии. Если её южные и западные земли, составлявшие некогда часть Римской империи, после религиозных войн XVI в. остались католическими, то северо-восточные приняли протестантизм.

Особое место в германской лингвистической группе занимают народы Британских островов: если англичане являются в основном потомками пришельцев из Германии и Скандинавии — англосаксов и норманнов, то шотландцы, уэльсцы и ирландцы ведут своё происхождение от кельтских этносов и принадлежат к римско-католической церкви. Они существенно отличаются культурно, конфессионально и психологически от народов континентальной Европы.

Ещё более заметны внутрицивилизационные грани на востоке Европы. Хотя все славянские народы принадлежат к одной языковой группе и культурно созвучны, история разделила их на три различные ветви.

Западные славяне — поляки, чехи, словаки, словенцы после раскола христианской церкви остались католиками и используют латинский алфавит. Экономически, а отчасти и культурно, одна часть их была долго связана узами истории со Священной Римской империей германской нации, а затем — с Австро-Венгрией, в то время как другая, особенно поляки — скорее с романским культурным ареалом.

Напротив, южные славяне — сербы, черногорцы, македонцы, болгары (как и восточные) приняли христианство от греческой Византии, сохранив после раскола 1054 г. верность православии и кириллице. Подпаив на 500 лет под владычество турецко-мусульманской Османской

⁵ J. Semprun, D. de Villepin. L'Homme européen. Plon. P., 2005. P. 36–37.

⁶ P. Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. L., Fontana Press, 1988. P. 255.

⁷ N. Davies. Europe. A history. Oxford, N.-Y., Oxford University Press, 1996. P. 821.

империи, они отстояли в упорной борьбе свои языки, культуру, религию, но сохранили в быте и праве некоторый восточный колорит.

Результатом оказались свойственная Балканам этноконфессиональная чересполосица и острота национальных противоречий, превратившая полуостров в «пороховую бочку» Европы. Именно там вспыхнула Первая мировая война, поводом для которой послужило убийство сербским националистом Гаврилой Принципом австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. В ходе кровавого распада Югославии в 90-х гг. XX в. размежевание прошло во многом по бывшим границам между Австро-Венгрией и Османской Портой, оставив с одной стороны католиков — словенцев и хорватов, а с другой — православных сербов.

Самая многочисленная и значительная по территории подгруппа восточных славян — русские (великороссы), украинцы и белорусы, общей колыбелью, которой была Киевская Русь, смыкаются с южными в верности православию и кириллице. Тем не менее, цивилизационные, в т.ч. ценностные факторы нередко отступают у них перед геополитическими. Например, Болгария, обязанная России освобождением от турецкого владычества, тесно связанная с ней конфессионально, культурно, на уровне традиций, оказалась в двух мировых войнах в лагере её противников, тогда как романская и католическая Франция, нуждавшаяся в противовесе германской угрозе, стала союзницей России.

Со времён крещения Владимиром киевлян в 988 г. восточное славянство, точно также, как южное или западное, оставалось органической составной частью христианской Европы, разделяя систему её ценностей. Дочери великого князя Ярослава Мудрого были замужем за королями Франции, Венгрии и Норвегии, купеческие республики Великого Новгорода и Пскова входили де-факто в Ганзейский союз на Балтике вместе с немецкими и скандинавскими городами.

Церковный раскол, а затем вторжение в середине XIII в. татаро-монголов, за которым последовало 240-летнее господство принявшей вскоре ислам Золотой Орды, существенно изменили ситуацию. Русь оказалась надолго отрезанной от Западной и Центральной Европы, оставшись в стороне от важнейших этапов формирования её культурной идентичности. Даже после того, как русские княжества, преодолев усобицы, сплотились вокруг Москвы и сбросили монгольское иго, последствия этой изоляции давали о себе знать очень долго.

Именно тогда возник спор о пределах Европы, который продолжается до сих пор. На западе ими считаются Атлантический океан, на севере — Северное и Балтийское, на юге — Средиземное моря. Между тем на востоке эта граница, формально проходящая по Уралу, сугубо условна. Уже в XVI в. Московское царство завоевало Сибирь, раздвинув свои пределы далеко вглубь Азии — до Тихого океана, а на некоторое время даже до Аляски и восточного побережья Тихого океана. Сложившееся в результате гигантское евроазиатское пространство оказалось, ввиду крайней малочисленности коренного населения, цивилизационно практически однородным.

В связи с этим вопрос о восточной границе Европы перерос из географического в культурный и политический — о принадлежности России к европейской цивилизации, вообще, и о системе её ценностей, в частности.

Мнения на этот счёт разделились как на Западе, так и в самой России. Западноевропейские путешественники и дипломаты, посещавшие Московию в XV–XVII вв., — посол императора Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн, шведского короля — епископ Пауль Юуустен, папы римского иезуит Антонио Поссевино и многие другие рисовали нашу страну в мрачных красках⁸.

«Россия Ивана III, затем Василия III (1505–1533 гг.) выглядит в западном подсознании как варварская страна — антипод европейской культуры и обычаев. Убеждённые в превосходстве западной культуры, на олицетворение которой они претендовали, редкие западные наблюдатели, путешествовавшие тогда по России, наперебой подчёркивали в своих записках варварство и грубость нравов русского двора и его глубокое культурное невежество, сочетающееся с самодовольством», — пишет современный историк отношений Западной Европы с Россией Мари-Пьер Рей⁹.

Эта инерция сохранялась и после реформ Петра I, который модернизировал по европейским образцам административную систему страны, её армию, образ жизни и вкусы правящей элиты. Представление об имманентной цивилизационной несовместимости Европы и России из-за её континентальных масштабов, евроазиатской географии, сложной истории, наконец, этноконфессиональной неоднородности прочно укоренилось в сознании значительной части западноевропейских элит.

Концентрированным отражением этого устойчивого психологического стереотипа стали путевые заметки Астольфа де Кюстина, вышедшие в свет в Париже в 1843 г.

⁸ La Moscovie du XVIe siècle Vue par un ambassadeur occidental Herberstein. P., Calmann-Lévy, 1965.

⁹ M.-P. Rey. Le Dilemme russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. P., Flammarion, 2002, P. 27.

Типичный представитель легитимистской аристократии, оппозиционной режиму либерально-буржуазной Июльской монархии во Франции той эпохи, маркиз де Кюстин отправился в самодержавную Россию в поисках подтверждения своих взглядов и был принят в верхах тогдашнего российского общества, включая самого императора Николая I, довольно благосклонно. Однако увиденное шокировало французского визитёра до такой степени, что отчёт о его путешествии стал суровым обвинительным актом российскому самодержавию и продолжает играть немалую роль в борьбе мнений вокруг России на Западе вплоть до наших дней¹⁰.

Отмечая многие реальные черты николаевской действительности — произвол верхов, бесправие и раболепие низов, мздоимство и казнокрадство чиновничества, полицейскую слежку и недоверие к иностранцам, смесь враждебности к Западу со спесью и тайной завистью к нему, Кюстин пытался объяснить их некими перманентными геополитическими особенностями страны.

Его основной тезис сводился к тому, что необходимость сохранить контроль над огромной территорией с плохими средствами сообщения и этнически неоднородным населением чуть ли не фатально придаёт российскому государству черты азиатской деспотии, где власть самодержца не ограничена, по сути, никакими законами или автономными общественными институтами. В поисках легитимности эта власть окружает себя квази-византийским ритуалом обожествления и гонится за военно-имперским величием вонне путём территориальной экспансии, стимулируемой отсутствием естественных границ. Результатом оказывается хроническое истощение потенциала страны, препятствующее превращению её в процветающую цивилизованную нацию.

Хотя тенденциозность автора имела следствием множество фактических ошибок, преувеличений и просто передержек (например, обвинений русских в неспособности к оригинальному творчеству и в слепой подражательности достижениям Европы), его памфлет имел значительный успех, который объяснялся вполне определёнными причинами.

Хроническое отставание России от Западной Европы в экономике, технике, но особенно по жизненному уровню и бытовой культуре, обрекавшее её на догоняющее развитие, внушали европейцам чувство превосходства. Вместе с тем, гигантские масштабы страны, её значительный военный потенциал, закрытость от внешнего мира порождали

недоверие и страх. Стремление России к незамерзающим морям — Чёрному и Балтийскому, дававшим выход к мировым торговым путям, сталкивало её с западными соседями — Швецией, Ливонским орденом, Польшей, Литвой и их союзниками на Западе, подкрепляя представление о, якобы, извечном русском экспансионизме. Эта типично фрейдистская комбинация противоположных комплексов наносила образу России в глазах европейской общественности значительный ущерб¹¹.

Однако на Западе негативный образ России никогда не был ни общепринятым, ни однозначным. Немалая часть политико-интеллектуальной элиты западноевропейских стран всегда проявляла к России пристальный интерес, окрашенный порой искренней симпатией.

Этот интерес определялся, прежде всего, геополитическими причинами. Уже в XV в. папа римский искал после падения Константинополя помощи у царя Ивана III против мусульманской Османской империи, чьи войска подходили к стенам Вены. Со своей стороны Москва не раз пыталась создать антитурецкий союз, причём иногда небезуспешно (до тех пор, пока ослабление Порты не сделало её объектом соперничества между Россией, Австрией и Англией).

Реформы Петра I сделали Россию одним из главных участников европейского «концерта держав», в рамках которого она выступала союзницей в альянсах, направленных против гегемонистских притязаний наполеоновской Франции и имперской Германии. В свою очередь, вплоть до объединения Германии в конце XIX в. Россия играла роль арбитра между ведущими германскими государствами — Австрией и Пруссией. Династия Романовых породнилась со многими немецкими и датскими княжескими фамилиями, представительница которых принцесса Ангальт-Цербская вошла в историю как императрица всея Руси Екатерина II. С ней переписывался Вольтер, посещал в Санкт-Петербурге Дидро, считавшие её олицетворением «просвещённого абсолютизма». Общность интересов России, Пруссии и Австрии цементировалась тремя разделами Польши — до тех пор, пока создание Бисмарком Германской империи, нарушившее прежний баланс сил в Европе, не привело к франко-русскому союзу в 1891 г. и англо-русскому в 1907 г.

В постпетровской России выходцы из германского дворянства («балтийские бароны») играли видную роль в придворных кругах Российской империи, в её армии, дипломатии, администрации, промышленности и торговле, в

науке и культуре. Сотни тысяч немецких крестьян и ремесленников, приглашённых Екатериной II на постоянное жительство в Россию, способствовали развитию городских ремесел и создали процветающие сельскохозяйственные колонии в Причерноморье и Поволжье¹².

После Великой Французской революции 1789 г. в Россию хлынул поток эмигрантов, спасавшихся от якобинского террора. Некоторые представители аристократических фамилий Франции заняли высокие посты на русской службе (губернатор Одессы герцог Ришелье, Южной Новороссии — граф де Ланжерон, морской министр маркиз де Траверсе). Многие французские эмигранты стали гувернёрами и гувернантками, воспитав поколения русской дворянской элиты.

Ещё во времена Ивана Грозного английский капитан Ченслер открыл торговый путь в Россию через Белое море, результатом чего стало развитие русско-британских торгово-экономических, а позднее, уже в XIX в. — и промышленных связей. Основа могущества Великобритании — её королевский флот в значительной мере зависел от ввоза русского леса, льна, пеньки и сала.

Интенсивные дипломатические, военные, торгово-экономические связи Российской империи с Европой дополнялись культурными. Мериме, Готье, Дюма и многие другие представители западной интеллектуальной элиты открыли для Европы богатства русской культуры. Благодаря гению Толстого, Достоевского, Чехова она стала органической частью европейской цивилизации, открыв духовному миру Европы особое, свойственное русской культуре гуманистическое послание.

В западноевропейской общественной мысли утвердилось своеобразное русофильское течение. Наиболее широкое распространение оно получило в Германии, прежде всего в творчестве Иоганна Готфрида Гердера. Последователь Канта, предтеча немецкого романтизма конца XVIII в., друг Гёте, он страстно искал противовеса рационализму французского Просвещения в возврате к корням народной культуры, её образной мифологии и мистике. Концентрированное выражение всех этих черт он видел в России.

Резюмируя взгляды Гердера на историческую миссию русского народа, историк и политолог А.И. Уткин пишет: он отмечал в русских «умственную подвижность, гениальную восприимчивость, широту охвата, талантливость, живость, отзывчивость, природное дружелюбие, твёрдость, упорство, а также несомненную противоречивость,

излишнюю податливость внешним впечатлениям... Гердер увидел в России то необходимое дополнение Западу, которое, как он надеялся, совместит рационализм и сердечность, энергию и эмоциональность, твёрдость воли и отзывчивость души. Гердер увидел в русских носителей высокой гуманности, чуткой совести, самоотверженного человеколюбия»¹³.

После Великой Французской революции самодержавная, крепостническая Российская империя стала оплотом контрреволюционных коалиций, а с 1815 г. — Священно-го союза монархов. Естественно, что к ней идейно тяготели представители консервативных сил, которые всячески пытались приукрасить российскую действительность, причём иногда в весьма гротескной форме. «Все книги полны утверждений о русском деспотизме и рабстве. Однако я могу вас заверить, что нигде человек не является столь свободным делать всё, что захочет. Крайности смыкаются таким образом, что правление произвола отливается во многие республиканские формы», — писал виднейший идеолог европейской реакции Жозеф де Местр, долго живший в Санкт-Петербурге в качестве посланника короля Сардинии¹⁴.

В свою очередь, демократические движения, враждебные самодержавному «жандарму Европы», видели своих естественных союзников в российских революционерах — от декабристов до социал-демократов. Половинчатые, незавершённые, но всё же реальные реформы в годы царствования Александра II — отмена крепостного права, судебная, земская, административная, военная реформы, затем появление после революции 1905 г. легальных политических партий, зачатки парламентаризма приветствовались либеральной общественностью на Западе как свидетельство движения России к Европе.

Зеркальным отражением двойственности образа России на Западе (но как бы с обратным знаком) оставалось восприятие Европы Россией, в котором не менее причудливо переплетались противоположные чувства — тяготение и отталкивание.

Со времён раннего Средневековья русские княжества были вынуждены противостоять не только степным кочевникам, а затем ордынскому господству, но и немецким рыцарям и Польско-литовской державе на западе. Хотя цивилизационно азиатская Золотая Орда была несравненно более чуждой Руси, чем западные соседи, последние воспринимались ею порой ещё более враждебно. Первые несли с собой грабёж, уплату дани, увод в рабство,

¹⁰ *Marquis de Custin. La Russie en 1839. T. I-II. P., Solin, 1990.* Сокращённый русский перевод: Маркиз А. де Кюстин. Николаевская Россия. М., Изд-во политической литературы, 1990.

¹¹ *M. Malia. Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. The Belknap Press of Harvard University Press, 1999.*

¹² В 1850 г. численность постоянно проживавших в России немцев достигала 90 тыс. См.: *M.-P. Rey. Le Dilemme russe. P. 150.*

¹³ *Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., Магистр, 1997, С. 92.*

¹⁴ Цит. по: *Luigi Mascilli Migliorini — Napoléon. P., Perrin, 2004. P. 369.*

тогда как вторые — потерю не только части территории и населения, но и культурной и духовной самобытности. Ордынцы, принявшие ислам, не стремились навязать его покорённым славянским народам, тогда как геополитическая экспансия европейцев сопровождалась прозелитизмом — систематическими попытками обращения, нередко принудительного, православных христиан в католичество. Между тем для Руси времён владычества Орды православная церковь служила гарантом сохранения национально-культурной идентичности и важным инструментом сплочения в единое государство, способное сбросить чужеземное иго. Не удивительно, что окончательное освобождение в 1480 г. Великого княжества Московского сопровождалось переносом из Киева в Москву митрополии, а затем учреждением собственной православной патриархии.

После захвата Константинополя турками-османами папа римский Павел II активно содействовал браку Зои Палеолог, племянницы последнего византийского императора, жившей в изгнании в Риме, с великим князем Московским Иваном III. Папа надеялся не только получить тем самым сильного союзника против Османской империи, но и подготовить почву для перехода русской православной церкви под эгиду Ватикана.

Брак состоялся 12 ноября 1472 г., но не оправдал расчётов папского престола. Зоя Палеолог вернулась к православию, приняв имя Софьи, а Иван III, приняв по собственному почину титул царя (т.е. «цезаря»), провозгласил себя наследником византийских императоров, равным императору Священной Римской империи германской нации в Вене¹⁵. Идеологической основой русского государства стал тезис, сформулированный монахом Елизарьевского монастыря Филофеем, провозгласившим Москву оплотом истинного христианства — «третьим Римом» — («Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать»).

Оценивая смысл этого тезиса, историк русского православия Дмитрий Стремоухов отмечал, что в контексте эпохи он отражал не агрессивно-наступательные, мессианские, а скорее изоляционистские установки: «Христианский универсализм Византии ревизовался, превратившись в узких рамках московского национализма в свою противоположность»¹⁶.

Стремление Московского государства подчеркнуть своё отличие от «латинской» Европы, сохранить верность

традициям старины значительно усилилось после Смутного времени начала XVII в., когда под угрозой оказалось само существование государства.

Вместе с тем в московских верхах постепенно зрело понимание того, что, будучи изолированным от западного образования, науки, техники, специалистов, страна обречена на маргинализацию, на положение полуазиатских провинциальных задворках европейской цивилизации. Именно это подготовило почву для беспрецедентных по решительности, а порой и по варварской жестокости, реформ Петра Великого, прорубивших России «окно в Европу».

Петровская «революция сверху» была сопряжена с огромными издержками — не только людскими и материальными, но также духовными. Между европеизированным, причём весьма поверхностно, тонким слоем служилого дворянства, бюрократии, нарождавшейся городской буржуазии и интеллигенции, с одной стороны, и народными массами, прежде всего закрепощённым, тёмным, неграмотным крестьянством, с другой — возник глубокий разрыв не только в культуре, образе жизни, быте и нравах, но даже в языке. По существу в послепетровской России сложились две разные, во многом даже противоположные системы ценностей. Такого разрыва в Западной Европе не бывало нигде¹⁷.

Отрыв российских элит от народа усугублялся не менее глубоким расколом самих элит на тех, кто стремился довести модернизацию общества до европейских стандартов — отмены крепостного права, конституционных гарантий основных гражданских свобод, создания выборных представительных учреждений, и их противниками, сопротивлявшимися переменам во имя защиты исконных традиций.

Хотя борьба между консерваторами и либералами, а затем между либералами и социалистами была общей чертой общественно-политической жизни всех европейских стран, в России культурный раскол вылился в жёсткое противостояние несовместимых ценностей. По существу это был конфликт между двумя моделями развития страны — азиатским и европейским, выбор между которыми был крайне затруднён двойственностью — географической, исторической и культурной.

При этом оба лагеря были крайне неоднородны. Так, эстафета сторонников европеизма передавалась от Новикова и Радищева либеральному окружению молодого

Александра I, затем декабристам, либеральным «западникам», творцам реформ Александра II, кадетам и, в конечном итоге, социал-демократам.

Символ веры российского западничества наиболее чётко сформулировал один из его духовных отцов П.Я. Чаадаев: «Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьёзные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения. Но вот уже век и более как она не ограничивается этим. Величайший из наших царей, тот, который, по общему мнению, начал для нас новую эру, которому, как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, которыми мы теперь обладаем, полтора столетия назад отрёкся от старой России... С тех пор мы принадлежим Европе и Западу»¹⁸.

Напротив, защитники особого, отличного от Европы пути для России, резко осуждая деятельность Петра I, обвиняли его в разрыве с духовными ценностями русского народа, в насильственном навязывании ему чуждых порядков, следствием чего стала утрата нравственных ориентиров, органично присущих России.

Лагерь традиционалистов был идейно не менее разношёрстен, чем западников. Он включал не только твердолобых реакционеров — охранителей, поклонников известной формулы графа Уварова «Самодержавие, православие, народность» или черносотенных погромщиков-националистов. В нём пребывали и либеральнее славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники-эсеры.

Русские путешественники от Карамзина до Салтыкова-Щедрина, а порой даже непримиримые по отношению к царизму политэмигранты, в своих заметках о европейских порядках зачастую бывали не менее суровы в их оценке, нежели европейцы в отношении России. Восхищаясь европейским уровнем жизни, комфортом, культурой, они резко осуждали мещанское самодовольство многих европейцев, их меркантильную расчётливость, чёрствый эгоизм, вседозволенность (разумеется, по российским меркам) нравов, лицемерие.

Тем не менее, как уже отмечалось, в целом к началу XX в. могло показаться, что в эволюции европейской системы ценностей, в т.ч. по оси Восток-Запад, равнодействующая направлена на сближение. При этом европейцы, по-прежнему, претендовали на то, что обладают системой, представляющей собой совокупность

общечеловеческих ценностей, а, следовательно, вершину мировой цивилизации.

Однако события пошли иным путём. Никогда за долгую историю Европе не приходилось переживать столь тяжёлых испытаний, приведших континент на грань катастрофы. Роковой датой для судеб Европы стало 1 августа 1914 г. — день начала Первой мировой войны.

КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ

История Европы во многом была историей войн. Важнейшими вехами в становлении культуры Древней Греции явились воспетая Гомером в «Илиаде» Троянская война, персидские, Пелопоннесская войны, наконец, победоносные походы Александра Македонского. Древний Рим строил своё мировое величие на италийских, пунических войнах, на завоевании господства на Средиземном море, поглощении половины европейского континента, Ближнего Востока, Северной Африки. После Галльской войны Юлия Цезаря армия окончательно стала главной силой в государстве, выдвигая и свергая императоров.

Феодальная Европа Средних веков жила в условиях перманентных междоусобных войн, являвшихся источником и смыслом существования рыцарства. Столетняя, Тридцатилетняя, Семилетняя войны, войны за испанское, австрийское, польское наследство, кровавая череда наполеоновских походов, Крымская, Австро-прусская, Франко-прусская, многочисленные балканские войны определили границы современных европейских государств.

Однако все эти войны в основном сохраняли внутрицивилизационный характер. Напротив, мировые войны XX в. дважды приводили к межцивилизационному расколу. Тем самым возникла почва для появления в Европе качественно нового феномена — тоталитаризма, несовместимого с традиционной системой европейских ценностей.

Мировые войны оказали сильнейшее психологическое воздействие на умы европейцев, заставив их существенно пересмотреть прежние представления о месте Европы в мире, а вместе с тем о сути и историческом призвании европейской цивилизации вместе с присущей её системой ценностей.

«Мы, цивилизации, — мы знаем теперь, что мы смертны, — с горечью писал вскоре после окончания Первой мировой войны французский эссеист Поль Валерии. — ... Мы видим, что бездна истории достаточно вместительна

¹⁵ Это подчёркивалось принятием в качестве герба России эмблемы Византии и Священной Римской империи — двуглавого орла, смотрящего на запад и на восток, в Европу и в Азию.

¹⁶ D. Stremoukhov. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine // In M. Cherniavsky. The Structure of Russian History: Interpretative Essays. N.-Y., 1970. P. 108–125.

¹⁷ См.: L.J. Oliva. Russia and the West from Peter to Khrushchev. Boston, 1970.

¹⁸ Чаадаев П.Я. Ук. соч. С. 149–150.

¹⁹ П. Валерии. Об искусстве. М., Искусство, 1976. С. 105.

для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь»¹⁹.

В межвоенный период Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби смело выступили против высокомерного европоцентризма, признав культурное, а, следовательно, и ценностное равноправие всех цивилизаций, неизбежно проходящих, по их мнению, через одни и те же последовательные циклы с фазами зарождения, подъёма, расцвета и упадка²⁰.

В приложении к Европе этот тезис имел в виду беспрецедентный факт — исход военных действий, начавшихся между европейцами внутри Европы, был впервые решён двумя автономными, отпочковавшимися от неё ветвями европейской цивилизации, расположенными — полностью или частично — за её географическими пределами — Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки, которые и определили последствия этих войн.

Главным из них был раскол Европы на противоположные общественные системы и военные блоки с несовместимыми ценностными ориентирами. Каждая из них стала сферой влияния одной из двух сверхдержав — СССР и США, столкнувшихся в холодной войне за торжество своих идеологий в глобальном масштабе.

Другим, не менее важным следствием двух мировых войн явился распад колониальных империй европейских держав, ускоренный ослаблением метрополий и падением их престижа в глазах коренного населения. Завоевавшие в ходе деколонизации независимость страны «третьего мира» стали, наряду с самой Европой, важнейшим объектом, а порой и полем боя в холодной войне.

В условиях биполярного мира, относительная стабильность которого покоилась на советско-американском ядерном «равновесии страха», европейские страны должны были волей-неволей расстаться с притязаниями на мировое лидерство не только в экономическом и военно-политическом, но и в цивилизационном плане. В первые годы после окончания Второй мировой и в начале холодной войны могло показаться, что удел стран Западной Европы — растворение в евроатлантическом пространстве под эгидой США, а Восточной и Центральной Европы — в «социалистическом лагере» под эгидой СССР.

Однако такое представление оказалось ошибочным. Естественной реакцией на упадок роли Европы как одного из важнейших центров мироустройства стало движение за её объединение.

Проекты такого рода, вдохновлявшиеся воспоминаниями о средневековой империи Карла Великого, которая объединяла все будущие государства континента (без

Византии), восходят к XVII–XVIII вв. В 1613 г. герцог Сюлли, министр короля Франции Генриха IV, выдвинул план создания своего рода федерации всех христианских монархий Европы с ограничением их суверенитета. В 1713 г. аббат Сен-Пьер предложил разрешать впредь споры между монархами Европы не оружием, а путём арбитража, третейского суда на основе международного права.

Столетие спустя великий социалист-утопист Сен-Симон опубликовал на эту же тему объёмистый труд под заголовком «О реорганизации европейского общества или необходимости и средствах объединить народы Европы в единую политическую организацию при сохранении каждым политической независимости». Европейцев призывали к единству Байрон, Мадзини, Гюго, видевшие единственный путь к миру и прогрессу европейских народов в создании «Соединённых Штатов Европы». В начале XX в. этот же лозунг получил хождение в кругах II Интернационала.

После Первой войны аналогичные планы пропагандировали австрийский граф Рихард Куденхове-Калерги и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан, чей план федеративной «пан-Европы» долго, но безрезультатно обсуждался в Лиге Наций.

Все эти планы терпели крушение по одной и той же причине — столкновения экономических и политических интересов национальных государств, крупнейшие из которых (Франция, Германия, Великобритания) безуспешно пытались осуществить объединение Европы под своей эгидой. Однако к середине XX в. подобные притязания утратили реальную почву. Побеждённые во Второй мировой войне — Германия, расколота на два государства, и Италия были временно вычеркнуты из числа субъектов мировой политики, победители — Великобритания и Франция пребывали в крайне ослабленной ситуации.

Последнее, однако, не помешало бывшему британскому премьеру Уинстону Черчиллю выступить 19 сентября 1946 г. в Цюрихе с очередным призывом к созданию Соединённых Штатов Европы путём примирения между двумя ведущими континентальными державами — Францией и Германией, конфликты между которыми на протяжении XX-ого столетия служили главной причиной европейских и мировых войн. Этот призыв прозвучал всего через полгода после речи того же Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.), которая дала сигнал началу холодной войны против СССР и его доминирования на Востоке Европы.

За цюрихским призывом Черчилля последовали первые практические шаги — формирование общественно-политического Европейского движения, которое провело

в 1948 г. в Гааге конгресс, давший импульс к созданию Совета Европы (СЕ). Объединив впоследствии 46 европейских государств, СЕ, обосновавшись в Страсбурге, провозгласил целью принятие европейской Декларации прав человека (1949 г.) и её претворение в жизнь. Тем самым традиционные европейские гуманитарные и демократические ценности впервые стали приобретать международно-правовую основу.

Следующей важнейшей вехой в процессе строительства единой Европы стала речь французского министра иностранных дел Робера Шумана. 8 мая 1950 г. он предложил объединить две базовые тогда экономические и военно-стратегические отрасли (производство и сбыт угля и стали) Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга с тем, чтобы сделать впредь «материально невозможными» франко-германские войны. Год спустя на основе плана Шумана было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), верховный орган которого возглавил известный французский промышленник и политик Жан Моне. 25 марта в Риме шесть стран-участниц ЕОУС подписали договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Тем самым был дан старт экономической, а затем политической интеграции, ставшей с тех пор, вплоть до наших дней, основным содержанием общественной, а отчасти и культурной жизни стран Западной и Центральной Европы. Важнейший плод этой интеграции — Европейский Союз, число членов которого увеличилось за полвека с 6 до 27, превратился в один из основных полюсов силы глобализирующегося мира.

Успехи евростроительства были изначально во многом обусловлены внешними факторами. Создание ЕОУС, затем ЕЭС произошло в годы, когда политическое мышление западноевропейских элит определял, прежде всего, страх перед мощью СССР и контролируемым им коммунистическим движением. Именно этот страх толкал их на поиски экономической помощи и военных гарантий безопасности за океаном. Со своей стороны США были заинтересованы в создании в Западной Европе единого экономического пространства — значительного рынка сбыта, сферы приложения капиталов и военно-политической опоры перед лицом СССР.

Хотя на первых порах общеевропейские институты выглядели всего лишь как экономическое продолжение Североатлантического союза, смысл происходившей интеграции не исчерпывался императивами холодной войны. Она с самого начала отражала интересы самих западноевропейских стран — как побеждённых во Второй

мировой войне, прежде всего Германии, стремившейся к равноправию, так и победителей, искавших рамки для контроля над возрождением мощного экономического и военного потенциала вчерашнего противника.

Главным же было то, что интеграция отвечала объективной необходимости, обусловленной выходом производительных сил Европы за узкие рамки национальных границ в условиях, когда на фоне распада колониальных империй основные интересы бывших метрополий оказались сосредоточенными в Европе. Именно сама динамика интеграционных процессов обеспечила их неуклонное развитие, несмотря на конфликты между участниками, кризисы и откаты.

При всём этом, одних экономических и геополитических факторов было недостаточно для достижения цели, поставленной инициаторами евростроительства — создать прочное сообщество европейских народов, невзирая на разделяющие их этнические, культурные, языковые и конфессиональные различия. Для этого была необходима единая система ценностей. И она, действительно, сложилась: «Европейский Союз основан на ценностях, которые мы все разделяем — уважении к правам человека, свободе, справедливости, демократии и господстве закона — ценностях, постепенно развивавшихся на протяжении веков и во многом обязанных христианской традицией и Просвещению. Успех европейской интеграции будет всегда уходить своими корнями в эти ценности», — констатировала канцлер ФРГ Ангела Меркель, принимая обязанности председателя ЕС в первой половине 2007 г.²¹

Это общее ценностное измерение, закреплённое впоследствии в т.н. «копенгагенских критериях» для кандидатов на вступление в Евросоюз, помогло ему расширить свои рамки от первоначального «твёрдого ядра» (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург) на Британские острова, Скандинавию, Средиземноморье, Балканы. Именно оно позволило добиться сначала эрозии рудиментов фашизма на юге Европы — авторитарных и тоталитарных режимов в Испании, Португалии, Греции, а затем, после падения берлинской стены, присоединения бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Конец холодной войны и биполярного мира, крушение режимов советского образца поставили ребром вопрос о дальнейших судьбах европейской цивилизации — её отношениях с США, государствами постсоветского пространства, прежде всего Россией, великими цивилизациями Азии, Африки, Латинской Америки.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., Мысль, 1993.

²¹ A. Merkel. An agenda for Europe. The World In 2007 // The Economist, 21st edition. P. 50.

По мере того как общий враг — «призрак коммунизма», уходил в прошлое, отношения Европы и США подвергались всё более серьёзной переоценке. Несмотря на заверения обеих сторон о незыблемости союзнических обязательств в рамках НАТО и солидарности Запада на основе общих ценностей, разрыв между их интерпретациями по обе стороны Атлантики постепенно углублялся. «Пришло время перестать делать вид, что у европейцев и американцев один и тот же взгляд на мир, и даже что они живут в одном и том же мире, — писал один из идеологов американского неоконсерватизма Роберт Кейган. — Пути Америки и Европы расходятся по самому важному вопросу — о силе, о её эффективности, морали и желательности»²². Причину различий Кейган видел в коренном изменении баланса военных сил между Европой и США в пользу последних. Отметая ссылки европейцев на различие геостратегического положения партнёров по НАТО и их исторического опыта, он обвинял Европу в малодушном капитулянтстве перед новыми глобальными угрозами, продиктованном заботой о сохранении своего материального комфорта под прикрытием щита американской мощи. А это-де возлагает на США не только задачу обеспечения, как и во времена холодной войны, безопасности Запада, но и миссию продвижения его демократических ценностей в мировом масштабе.

Со своей стороны, т.н. «старая Европа» — государства-основатели ЕС, прежде всего Франция и Германия, примирение которых положило начало евростроительству, а тесное сотрудничество послужило его мотором, стали всё больше сомневаться в эффективности и целесообразности американской стратегии. Провалы Вашингтона в Ираке, Сомали, Судане, бессилие в урегулировании израильско-палестинского конфликта, неспособность предотвратить распространение ядерного оружия вызвали мощную волну антиамериканских настроений в «третьем мире», особенно мусульманском.

Между тем обрушившееся на США финансовое цунами, положившее начало сильнейшему мировому кризису, со всей очевидностью поставило под вопрос притязания США на роль диктатора, навязывающего миру в качестве образца свою экономическую модель («вашингтонский консенсус»).

Тяжёлый удар по той самой системе ценностей, на стопроцентное воплощение которой претендуют США, нанесли в глазах европейцев ограничение гражданских прав и нарушения прав человека (Гуантанамо, Ирак,

«секретные тюрьмы» ЦРУ в Европе и т.д.) в ходе борьбы против международного терроризма.

В результате между американской и европейской моделями общества, объединённых рамками евроатлантических структур, американизацией бизнеса, быта, «массовой культуры», наметилось психологическое размежевание: если основные принципы рыночной экономики и плюралистической демократии остаются для них общими, то по ряду немаловажных ценностных установок налицо многочисленные нюансы.

В устах европейских критиков англо-саксонского «финансового капитализма», его основной порок имел не столько технико-экономическую, сколько ценностную природу.

Топ-менеджеров крупнейших частных корпораций, прежде всего американских, обвиняли в том, что в погоне за многомиллионными бонусами или субсидиями при поступлении на должность и уходе с неё в виде пакетов акций управляемых компаний вне зависимости от их прибыли («золотые парашюты»), руководители шли на безответственные риски в ходе биржевых спекуляций, фальсифицировали отчёты своих компаний, строили дутые финансовые пирамиды, заведомо обречённые на крах. Тем самым подрывалась моральная основа капитализма, построенная на описанной М. Вебером протестантской этике — упорном труде, экономии, жёстком самоограничении, сочетании смелой предпринимательской инициативы с точным расчётом и чувством ответственности — не только индивидуальной, но и социальной — работодателя перед обществом, которая приносилась в жертву безграничной алчности, пропитывающей «общество потребления». «Вскрывая масштабы перекосов финансового капитализма, предоставленного самому себе, его непомерные издержки для общества, кризис продемонстрировал срочную необходимость определения нового кодекса правил, способного предотвратить подобные перекосы в будущем и переместить центр тяжести финансовой системы в сторону её подлинной функции — финансирования реальной экономики», — подчёркивал президент Франции Никола Саркози в октябре 2008 г., когда его страна осуществляла председательские функции в Евросоюзе²³.

Внешнеэкономические провалы и мировой экономический кризис заставили большинство американского общественного мнения и правящих кругов существенно пересмотреть свою стратегию как внутри страны, так и во вне. Это нашло непосредственное отражение в курсе,

провозглашенном Б. Обамой, вступившем на пост президента США в начале 2009 г.

Его первоначальные шаги, вызвавшие волну сочувствия в мире, явно улучшили образ США за рубежом, в т.ч. в Европе, смягчили климат трансатлантического партнёрства. Вместе с тем Обама не скрывает, что его целью остаётся «мировое лидерство» США, достижение которого вооружённая «жёсткая сила» (прежде всего в Афганистане) будет лишь более широко дополняться «мягкой» — многосторонней дипломатией, помощью развития, сотрудничеством перед лицом глобальных вызовов, прежде всего экономических. Иными словами, притязания Вашингтона на роль цивилизационного образца, в т.ч. на уровне общечеловеческих ценностей, полностью остаются в силе.

Между тем Европа сохраняет в этом коренном вопросе собственную позицию. Суровые уроки мировых войн, кризисов и тоталитарных диктатур побудили европейцев искать и находить компромиссы между категориями, которые выглядели ещё в недавнем прошлом противоречивыми, а порой даже несовместимыми: веры и разума, индивидуализма и солидарности, свободной конкуренции и социальной защиты, рынка и государственного регулирования, наконец, ревнивой защитой национально-культурной идентичности и сознанием принадлежности к единому цивилизационному центру с общей судьбой — к Европе. Именно этот синтез, пусть далеко не идеальный, объясняет сохранение европейской системой ценностей всеобщего измерения. «Хотят того или нет, но евростроительство осуществляется de facto на базе ценностей, которые подаются как универсальные», — отмечает директор Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль²⁴.

Однако важнейшим козырем современной Европы в глазах представителей иных цивилизаций является отказ от претензий на исключительность, от попыток навязать себя неевропейским народам, принадлежащим к иным цивилизационным ареалам, в качестве принудительного образца для подражания с помощью силы («жёсткой» или «мягкой»). Для Европы романтика киплингговского «бремени белого человека» навсегда принадлежит прошлому.

Если в годы деколонизации жители бывших колоний решительно отторгли наследие метрополий, то полвека спустя оно порой оборачивается для них ценным подспорьем в борьбе за преодоление отсталости. Именно это объясняет сохранение тесных культурных связей Великобритании не только с США и Канадой, но и с Индийским

субконтинентом, Франции — с Африкой, Нидерландов — с Индонезией, Испании и Португалии — с Латинской Америкой.

Европу сближает с ними общее стремление сохранить свою духовную идентичность в глобализованном мире, грозящем стереть национально-культурное своеобразие народов, стран и регионов: «Европа колеблется между стремлением определить свою территорию, обычаи, правила и духом завоевания, открытия внешнему миру, духом который толкает её всё дальше вперёд. Она не может сделать выбора между сосредоточением на себе самой, подкрепляющим её идентичность, и поисками новых пространств, которые отвечают её особому гению. Это беспрестанное колебание между консерватизмом и движением является характерной особенностью европейской судьбы», — отмечал Доминик де Вильпен²⁵.

Разумеется, поиск баланса между противоречивыми стремлениями даётся не просто. Это особенно проявляется в отношениях между Западом Европы — Евросоюзом и постсоветским пространством, прежде всего Россией. Раскол Европы после Второй мировой войны — не только социально-экономический и военно-политический, но также идеологический и, следовательно, ценностный, добавил к прежним разделительным линиям между её Востоком и Западом новую. Даже через два десятилетия после падения берлинской стены, за которым последовали крах режимов советского образца, а затем вступление стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюз и НАТО, контрасты как в уровнях развития экономики, так и в менталитете жителей западных и восточных земель воссоединённой Германии ещё ощутимо дают себя знать.

Двойственность отношений между Западной Европой и Россией, вызывавшая раскол внутри элит, по-своему давал о себе знать не только в послепетровской Российской империи, но и в советский период. Партия большевиков пришла к власти как сугубо «западническая» сила — революционное крыло международной, прежде всего, европейской социал-демократии — под флагом родившихся в Европе марксистских идей. Для в.И. Ленина и Л.Д. Троцкого Октябрь 1917 г. должен был стать началом мировой социалистической революции, для которой Россия была лишь отправной точкой.

Поэтому на протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских идей, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции. Прошлое России осуждалось

²² R. Kagan. Power and Weakness // Policy Review, 2002, № 113.

²³ World policy conference. Première édition, 6-8 octobre 2008, Evian, France. P. 691.

²⁴ T. de Montbrial. Il est nécessaire d'espérer pour entreprendre. Penseurs et bâtisseurs / Éditions des Syrtes. P., 2006. P. 281.

²⁵ G. Semprun, D. de Villepin. L'Homme européen. P. 15.

как «тёмное царство» реакции, православная церковь подвергалась гонениям, а из национально-культурных традиций принималось только те, которые выглядели как предтеча революции. При этом жёсткое противостояние капиталистическому Западу, включая Европу, сочеталось с активной поддержкой там коммунистического движения.

Однако по мере того, как мечты о мировой революции рассеивались, а Сталин приступал к строительству «социализма в одной стране», идейное кредо режима претерпело существенные изменения. Сбылось предвидение философа-эмигранта Н. Бердяева, считавшего, что Третий, Коммунистический Интернационал на российской почве рано или поздно станет лишь советским изданием идеи «Третьего Рима»²⁶. Модернизационный пафос индустриализации всё сильнее подкреплялся мотивами советского патриотизма. В истории России подчёркивалась позитивная роль царей-строителей империи (Ивана Грозного, Петра I).

Эта смена вех получила новый мощный стимул в период Второй мировой войны, когда Сталин стал апеллировать к патриотическим ценностям русского народа, памяти «великих предков». В официальной идеологии победа в Великой Отечественной войне оттесняла на задний план поблекшие воспоминания о революционной романтике Октября в качестве главного источника легитимации режима.

С расколом антигитлеровской коалиции и началом холодной войны национал-патриотические мотивы советской пропаганды переросли в антизападную, в т.ч. антиевропейскую агрессивность. Кампании против «безродного космополитизма», за утверждение «отечественного приоритета» во всех науках способствовали самоизоляции СССР от внешнего мира, в т.ч. от Западной Европы, где начавшийся процесс евростроительства изображался как симптом возрождения германского реваншизма под эгидой США.

Однако открытый разрыв руководства СССР с интернационалистскими истоками режима был невозможен. Только коммунистическая идеология, даже окостеневшая и потерявшая кредитоспособность, оправдывала ценностями социализма провалы экономики, подавление инакомыслия, привилегии номенклатуры внутри страны. Она же обосновывала навязывание странам Центральной и Восточной Европы режимов советского образца, обеспечивала, наряду с материальной помощью, контроль КПСС над международным коммунистическим движением, наконец,

распространяла влияние Москвы на ряд стран «третьего мира» благодаря поддержке антиколониальных, затем просто любых антизападных движений.

Двойственность ценностного багажа Советского Союза — сочетание консервативно-охранительного и национал-изоляционистского кредо внутри страны и «соцлагеря» с революционным прогрессизмом вовне объясняла контрастность образа СССР в представлении европейских элит вплоть до 70-х гг. XX в. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР представлялся если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то, во всяком случае, единственным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества, угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах их противников — от консерваторов и правых либералов до многих социал-демократов он выглядел смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех её традиционных ценностей.

В конечном счёте, именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с политикой послесталинского СССР между интернационалистским мессианством и имперским высокомерием, сыграла важную роль в крахе режима.

Традиционная дихотомия между Европой и Азией на духовном, цивилизационно-ценностном уровне, так и в поисках оптимальной социально-экономической модели, государственного строя, внешнеполитического курса сохранилась и в постсоветской России.

С середины 80-х гг., когда заканчивалась холодная война, в политико-интеллектуальных кругах перестроечного СССР преобладали западнические, особенно европеистские настроения. «Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство, — утверждал первый и последний президент СССР М.С. Горбачёв. — ... Европа «от Атлантики до Урала» — это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX–XX вв.»²⁷ Отсюда вытекала формула «Европа — наш общий дом», которой так не было суждено обрести конкретное воплощение.

Данная инерция ещё более усилилась в первой половине 90-х гг., когда в коридоры власти правопреемницы бывшего СССР — Российской Федерации на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной интеллигенции. Их целью были решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ

²⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1992. С. 139.

²⁷ Эти течения черпают свой идейный арсенал у «евразийского» направление межвоенной «белой» эмиграции (кн. Трубецкой, Савицкий и др.).

рыночной экономики и плюралистической демократии, а также сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем.

Определённые результаты на этом пути были, безусловно, достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась ограниченной, а социальная цена — чрезмерно высокой. Между тем значительное ослабление военного потенциала России, зависимость её экономики от кредитов международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк), контролируемых США, серьёзно подорвали позиции Москвы на международной арене, что вылилось в серию унижительных внешнеполитических неудач, особенно на Балканах.

В результате уже в конце 90-х гг. XX, но особенно в начале XXI вв., в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошёл коренной перелом настроений. В официальном дискурсе представителей правящих кругов зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находят идеологическую подпитку в подъёме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, отстаивающих для России особый «евразийский» путь и свою систему ценностей, представленную формулой «Державность, духовность, соборность»²⁸.

Материальной основой подобных тенденций определённое время служило ускорение темпов экономического роста, прежде всего благодаря высоким мировым ценам на энергоносители — основной статьёй экспорта России, и доходов её бюджета, обеспечив политическому руководству поддержку большинства обществу.

На фоне всё более частых конфликтов между ЕС и Россией по широкому кругу экономических и политических вопросов — от условий энергодиалога до войны в Чечне, прав человека, демократии и свободы СМИ может показаться, что европейская ориентация России, в т.ч. на ценностном уровне, надолго снята с повестки дня.

Такое мнение разделяют некоторые западные аналитики, считающие, что ответственность за это лежит на обеих сторонах. «Европа понимает — со всех сторон она может столкнуться с серьёзными вызовами. Но чувствует себя, как всегда, центром мира и считает, что должна поэтому стабилизировать своё окружение через экспорт т.н. гуманитарных ценностей, или западных либеральных ценностей, — констатирует директор программ России и СНГ Германского совета по внешней политике Александр Рар. — ... Интересный пример — попытки

интегрировать Турцию в Европу через либеральные ценности. Ведь можно было бы подумать о том, чтобы Россию тоже в Европу включить. Но этот вариант сейчас отключают, понимая, что это слишком дорого и трудно, приведёт к слишком большой неразберихе. Всё меньше и меньше людей сейчас будет придерживаться идеи России внутри Европы. Процесс идёт в противоположную сторону»²⁹.

Стремясь преуменьшить такую опасность, некоторые российские политики предлагают своеобразную гипотезу, согласно которой ценности России и Европы по существу идентичны, а западная критика России за отступления от демократии или нарушение прав человека отражают всего лишь банальные конфликты финансово-экономических интересов «хозяйствующих субъектов», в частности продавцов и покупателей энергоресурсов.

«Сегодня с Россией пытаются вести дела с упором на «разрыв в ценностях». Это непродуктивно. Ценности могут быть близкими, а интересы — расходиться. Даже у стран Евросоюза интересы подчас разные. Россия принимает европейские ценности. Они нисколько не угрожают её интересам», — считает председатель комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов, призывая «приспособить европейские ценности» к условиям всех стран европейского континента³⁰. Данная точка зрения выглядит явно противоречиво — если ценности одни и те же, то нет и необходимости приспособлять их к тем или иным противоречивым интересам, будь то России к ЕС или наоборот.

Высказываются, однако, и иные оценки. Они исходят из того, что объективные реалии глобализованного многополярного мира начала XXI в. властно диктуют России и Евросоюзу необходимость поисков общего знаменателя на уровне, как интересов, так и ценностных установок, которые больше совпадают, нежели сталкиваются.

Такая необходимость особенно подчёркивается суровыми реалиями мирового кризиса, в которой России, глубоко интегрированной в глобализованную мировую экономику, не удалось остаться, как надеялись её лидеры, «островом стабильности».

Падение цен на основные статьи российского экспорта — сырьё и энергоносители, рецессия производства, рост безработицы заметно сузили свободу маневра правящих кругов как внутри страны, так и за рубежом, заставляя искать совместные прагматические решения со всеми партнёрами, в т.ч. главным из них — Евросоюзом как в

преодолении кризиса, так и в модернизации структуры экономики, политического режима, а в конечном счёте, и ценностных ориентиров, которые не могут оставаться обречёнными только в прошлое — советское или имперское.

Следует, однако, иметь в виду, что попытки обусловить компромиссы по конкретным вопросам предварительными уступками России по ценностным подходам, заведомо контрпродуктивны: «В отношениях с ЕС помогла бы деидеологизация наших обсуждений, взаимный выбор в пользу перевода нашего сотрудничества на прагматическую основу, поиска выверенного баланса между общими ценностями, интерпретации которых неизбежно разнятся, и общими интересами. Всё остальное пройдёт

само — по мере выработки взаимодействия в совместной работе», — отмечал министр иностранных дел РФ Сергей Лавров.

Подводя общий итог, можно констатировать, что к началу третьего тысячелетия европейские ценности по-прежнему представляют собой важный, хотя и не единственный элемент ценностей общечеловеческих. Главная проблема, с которой сталкивается мир в XXI в. — поиск модели гармоничных взаимоотношений различных цивилизаций путём взаимной «притирки» присущих им систем ценностей, которые должны не исключать, а дополнять и обогащать друг друга. Любой иной путь чреват сползанием к катастрофе. ■ ■ ■

²⁸ Независимая газета, 30.01.2007.

²⁹ Независимая газета, 21.03. 2007.

³⁰ Лавров С. Мир не стал безопаснее // НГ-Дипкуррьер, 25 декабря 2006 г.

ПОЛИТИКА

РОССИЯ И УКРАИНА

Потенциал конфликта

Виктор МИРОНЕНКО

Проблема этноконфессиональных конфликтов в Украине удобнее всего рассматривать в контексте внутренней геополитики. Понятие это, как известно, ввел в научный оборот французский ученый Ив Лакост, применив методы геополитического анализа к исследованию структуры отдельных стран и отношения их частей-регионов. Такой подход весьма эффективен в отношении полиэтничных и многоконфессиональных государств, каковым, несомненно, является Украина, а также «транзитных» сообществ и стран, переживающих глубокую и всестороннюю трансформацию своих экономических и общественно-политических институтов. Применительно к Украине (крымско-татарской проблеме) этот подход уже успешно, на наш взгляд, применил молодой российский исследователь Олег Рябцев¹.

Однако, прежде чем перейти собственно к Украине, следует рассмотреть, хотя бы в первом приближении исторический и геополитический (в общепринятом, а не в указанном выше смысле) контексты.

Перекрышка границ в Европе всегда была следствием вооружённых конфликтов разной интенсивности и длительности, в том числе, и двух мировых войн. В новейшее историческое время реструктуризация европейского пространства происходит в относительно мирных формах. В этом, на наш взгляд, непреходящая заслуга позднего советского руководства и Михаила Горбачёва лично, что бы ни говорили его противники и недоброжелатели. Масштабы этой реконструкции, её глубина беспрецедентны, даже если оставить в стороне грандиозный проект

Европейского Союза, заслуживающий отдельного рассмотрения. В Европе за двадцать последних лет произошло одно государственное объединение (Германии) и три разделения (СССР, Чехословакии и СФРЮ).

Самым мягким из них, «бархатным», как и предшествовавший ему демонтаж мобилизационной общественно-политической модели в ЧССР, было разъединение Чехии и Словакии. Наиболее драматичным и, увы, кровопролитным был распад СФРЮ. Относительно последнего в ЕС можно ныне наблюдать лёгкую эйфорию². Отчасти она обоснована — удалось сделать немало по умиротворению «порохового погреба Европы». Однако, конфликтный потенциал распада СФРЮ, на наш взгляд, пока что лишь купирован, но не исчерпан. Относительный успех на Балканах можно отнести в равной мере и на счёт политики ЕС, и на счёт радикальной смены доминирующих геополитических тенденций в Европе и в мире. Изменилась на противоположную общая направленность реструктуризации европейского пространства. На смену тенденции разделения, которая доминировала в Европе с середины XIX века, пришла и набирает силу интегративная тенденция. Хотя не везде и с разной силой. Старая европейская парадигма — деления на национальные государства ещё далеко не преодолена. А в Восточной и Центральной Европе после распада СССР она обрела второе дыхание.

Союз Независимых Государств (СНГ) не стал для неё большим препятствием. СНГ должен был помочь сохранить экономические связи и удержать бывшие союзные республики, по крайней мере, большинство из них, в

парадигме взаимосвязанной общественно-политической модернизации, но этих надежд он не оправдал. Свою роль в том, что распад СССР произошёл относительно бесконфликтно СНГ, впрочем, сыграл. Исключение составляет, пожалуй, лишь недавний вооружённый конфликт в Южной Осетии, в котором, не считая армяно-азербайджанский конфликт, начавшийся ещё в советское время, впервые были вовлечены новые независимые государства Европы — Грузия и Российская Федерация. Корни этого конфликта, как и корни конфликта в Абхазии, а также трёх других крупнейших конфликтов на постсоветском пространстве — Нагорно-Карабахского, Приднестровского и Чеченского, конечно, уходят в последние годы СССР. Но непосредственные причины его следует искать внутри Северной Осетии и Абхазии, в России и Грузии, а также в новых гео-политических обстоятельствах, и, в первую очередь, в глобальном соперничестве за источники и пути доставки энергоносителей.

Точно также, несмотря на то, что во всех конфликтах на постсоветском пространстве, хорошо видна этническая и конфессиональная составляющие, главной движущей силой в них были всё же не этнические или религиозные противоречия, а соперничество местных элит. Ещё до формального распада СССР, в условиях относительной либерализации внутри них начался раздел сфер влияния, выпадающих из рук коммунистической партии власти и собственности.

Хорошо видна и ещё одна разделительная линия этой борьбы. Она велась одновременно и внутри национальных элит и вовне, со слабеющим влиянием Москвы, как общесоюзного центра. Это была, как мы уже отмечали, не борьба за национальные идеалы и веру, а борьба за ответственность и политическое влияние. Однако, облечена она была в этноконфессиональную форму, и ей повсеместно сопутствовала апелляция к национальным или религиозным чувствам. Обращение к этим самым чувствительным струнам человеческой души вызвано было и тем, что мотивации элит и масс не совпадали. Для одних основным мотивом было желание освободиться от политической опеки и контроля со стороны Москвы, а для других — преодолеть социально-экономическое неблагополучие и обрести гражданские права. Перед элитами союзных республик, ориентировавшимися на государственный суверенитет, встали две задачи — склонить к разрыву с Москвой колеблющихся её представителей, с одной стороны, и убедить массы в том, что их чаяния свободы и благополучия осуществимы лишь в национальном государстве. С обеими задачами они успешно справились, но получили новые очаги этноконфессиональной напряжённости.

Примером этого могут служить два референдума, проведенные в 1991 году в Украине — всесоюзный в марте и

всеукраинский в декабре. Учёные и политики до сих пор ломают голову над тем, как в течение чуть более полугода в настроениях людей могли произойти такие глубокие изменения. На первом всесоюзном референдуме 70,2% людей, принявших в нём участие в УССР, высказались за сохранение Советского Союза. Правда, на определённых условиях, сформулированных не без политического лукавства украинскими властями в дополнительном вопросе³. А уже через полгода на Всеукраинском референдуме 90,32% высказались за полный государственный суверенитет, поддержав Акт о провозглашении независимости Украины от 24 августа 1991 года⁴.

Построенная на принципе классово-борьбы мобилизационная общественно-политическая модель СССР оттеснила этнические и конфессиональные противоречия из политики в сферу культуры и бытовых отношений. Чудовищной ценой, в том числе и ценой физического уничтожения целых социальных слоёв и перемещения больших этнических групп в СССР была достигнута беспрецедентная степень социальной однородности. Однако, как выяснилось, индивидуальная идентификация по национальному или религиозному принципу никуда не девалась. СССР стал «расползаться» по швам «сталинской этнонациональной выкройки» — по произвольно проведенным границам национальных республик. При этом конфессиональный фактор в расчёт вообще не принимался. Когда же демонтаж мобилизационной общественной модели дошёл до несущих конструкций, до реальной политики, пришлось, как и прежде, например, в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., обращаться не к пролетарскому интернационализму, а к национальным чувствам.

Так, например, в Закарпатской области Украины перед лицом поднимающего голову в западных областях УССР агрессивного национализма представители непризнанного этнического меньшинства русин обратились к Президенту СССР М. Горбачёву с просьбой о признании закарпатских русин этническим меньшинством. В отличие от послевоенного времени, когда Н.Хрущёву сравнительно легко удалось убедить И. Сталина не заниматься этим вопросом, а просто записать всех русин украинцами, М. Горбачёв поручил секретарю ЦК КПСС А. Дзасохову встретиться с ними. Встреча не состоялась, но в самой её подготовке можно усмотреть готовность и намерение части союзного руководства бороться со вспышками национализма и сепаратизма в союзных республиках любыми средствами, в том числе и «встречным пожаром» — национализмом автономных образований. Из этого, правда, ничего не получилось. Во-первых, не хватило времени, а во-вторых, республиканским лидерам удалось перехватить инициативу у союзного центра. Они пообещали

* Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук, руководитель центра изучения Украины института Европы РАН

автономным образованиям столько суверенитета, сколько, как немного позднее выразился Президент РФ Б. Ельцин, они смогут проглотить.

В результате либерализации и суверенизации «напегонки» в сочетании с не менее спешной приватизацией государственной собственности и так называемой «шоковой терапией», образовалась взрывоопасная смесь из старых слегка подзабытых этноконфессиональных противоречий и новых, вырастающих из резкой и внезапной имущественной дифференциации. Разразившийся летом 2008 г. мировой финансовый и экономический кризис, больше всего ударил именно по слабым экономикам новых независимых государств, что усугубило ситуацию. По темпам падения производства — 7% за первый квартал 2009 г. — Россию опередили только Латвия и Украина. В последней, по утверждению её Президента В. Ющенко, промышленное производство просто рухнуло на 25%⁵, напомнив ранние 90-е годы прошлого века.

Таким образом, даже этот беглый обзор внутренних исторических и внешних геополитических обстоятельств, позволяет сделать вывод о том, что они не только не препятствуют возможным этноконфессиональным конфликтам, но и благоприятствуют им. Ещё более высока в этих условиях вероятность конфликтов социальных. Можно также предположить, что при устойчивой идиосинкразии новых политических элит к идеологии вообще социальные конфликты здесь с неизбежностью будут приобретать либо этническую, либо конфессиональную окраску. Происходить это будет к тому же в условиях неразвитости институтов гражданского общества, там, где государственный аппарат, не имеет опыта регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений в условиях даже относительной экономической и политической свободы, склонен прибегать к избыточному насилию. А это, как известно, вещь бесполезная и очень опасная.

Наибольшую опасность, на наш взгляд, представляет вовлечение государств в такие конфликты. В каждом таком случае невозможно предвидеть масштабы, какие может приобрести локальный конфликт. Мировое сообщество, оказавшись перед дилеммой права нации на самоопределение и государственного суверенитета, не имеет надёжных средств предотвращения, локализации и урегулирования конфликтов, участниками которых являются суверенные государства. Конфликты в Косово и в Грузии (Южной Осетии) дают тому наглядный пример. «И Россия, и страны Запада просто запутались, — справедливо отмечает российский исследователь А. Макарычев, — в том, что касается соотношения единичного и всеобщего, нормы и исключения»⁶.

Понятно, что угроза, которую такие конфликты представляют для всей системы международной безопасности, пропорциональна размеру втянутых в конфликт стран. В свете этого, по меньшей мере, странным выглядит, спокойствие, с которым экспертное сообщество относится к тому, в каком направлении развиваются отношения между двумя крупнейшими государствами на постсоветском пространстве — Россией и Украиной.

После периода относительного потепления российско-украинских отношений в 2001 — 2004 гг. они вступили в полосу охлаждения, отчуждения а затем, после так называемой «оранжевой революции» в Украине и в полосу информационно-пропагандистской войны⁷. Контакты на высшем уровне, а именно на этом уровне, как правило, ранее разрешались наиболее острые споры, были фактически заморожены. Деятельность отдельных комитетов и подкомиссий Большой межгосударственной комиссии продолжалась, но в большинстве случаев сводилась к констатации имеющихся разногласий. Оборот взаимной торговли с начала 2000-х годов последовательно возрастал. В 2007 г. он составил почти 30 млрд. долларов США⁸. Однако уже в 2008 году темпы его роста замедлились.

Создаётся впечатление, что такое развитие событий вписывается в некоторые популярные в определённых кругах геополитические концепции. «Поскольку Украина движется в сторону Европы, — говорит, например, З. Бжезинский, — имперские амбиции России ослабевают, и у нее остается только один путь — следовать за своим старшим братом. У России просто не будет другого выбора — из-за ее огромных территорий, демографического кризиса и растущей силы восточных соседей»⁹.

Идея максимального отдаления Украины от России с целью принудительной «демократизации» последней не нова. В чём-то с ней даже можно было бы согласиться, если бы не отрицание альтернативности исторического развития, сознательное упрощение ситуации, и упорное нежелание замечать колоссальные риски при попытке её осуществить на практике.

Если российско-украинские отношения сохраняют свою нынешнюю направленность и динамику, следующим этапом станет свёртывание и разрыв остающихся экономических связей, торговые войны и т.п. Споры, периодически возникающие вокруг цен, таможенных сборов, тарифов и, особенно, поставок природного газа и его транзита в Центральную и Западную Европу в конце марта 2009 г. после подписания Брюссельской Декларации между Украиной и ЕС достигли черты, за которой впору было говорить об экономической войне. К счастью и у российского, и у украинского руководства хватило политической

мудрости черты не переходить. Но отошли они от неё не слишком далеко.

И всё же столкновения экономических интересов и политические разногласия, как бы остры они не были, сами по себе не могут привести к масштабному межгосударственному конфликту. Несмотря на экономический эгоизм, усилия сторонников ускоренной национализации истории, культуры, церкви в Украине и противостоящих им российских приверженцев имперских идейно-политических конструкций **общая социально-культурная ткань, формирующаяся бесчисленными и плохо поддающимися формальному анализу связями на личностном уровне достаточно прочна.** До сих пор она выдерживала напряжение и амортизировала периодически возникающие конфликты. Но, как показывает исторический опыт, достаточно ей быть порванной в одном месте, чтобы она начала расплываться по всем швам.

«Могут ли таким слабым местом стать тлеющие очаги этнической или межконфессиональной напряжённости в Украине?» — вот вопрос, на который нужно ответить. На наш взгляд, могут и непременно станут, если не отнестись к ним с той серьёзностью, которой они заслуживают. Для этого, прежде всего, необходимо хорошо представлять себе некоторые исторические и геополитические особенности Украины.

Территории, занимаемые сегодня Украиной, и доминирующий на них этнос всегда были в центре пересечения экономических интересов, политических интенций и культурных влияний более однородных в национально-культурном и более сильных в экономическом и политическом отношении этносов, социумов и государственно-политических образований. В разное время это были норманны (варяги), хозары и кочевники Великой Степи, Византийская империя, Королевство Польское, Московское царство, Речь Посполитая, Оттоманская Порта, Австро-Венгерская и Российская империи.

В 1991 году Украина, наконец, обрела государственную независимость. И уже в 2004 году стала пограничным государством между расширившимся Европейским Союзом и Российской Федерацией. С марта 2009 года наряду с Беларусью, Молдовой, Грузией, Арменией и Азербайджаном — частью так называемого «Восточного партнёрства», представляющего своеобразный лимитроф ЕС.

Процесс формирования национальной территории Украины завершился по европейским меркам с большим опозданием — по существу, в 1997 г., с заключением Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Украиной и Российской Федерацией¹⁰. Признание Российской Федерацией, согласно этому Договору, украинской принадлежности Крыма, завершило политико-правовое

оформление национальной территории нового украинского государства.

Не разделяя в принципе популярные сегодня суждения о некоей беспрецедентной жертвенности украинской истории, отметим, что процесс обретения национальной территории и государственности в Украине действительно был долгим и мучительным. Достаточно вспомнить масштабы и обстоятельства голода 1932-1933 гг. Но возможно и другое измерение украинской истории. Украина провозгласила свою национальную государственность на территории, которую никогда не рассчитывали получить самые восторженные и преданные её адепты и поборники.

Большая густозаселённая территория — это большое, очень большое приобретение Украины. Но одновременно это и большая проблема. Процесс формирования украинской нации не завершён. Спор о том, какую нацию следует формировать в Украине — политическую или этническую — продолжается. Современное украинское общество в этническом и конфессиональном отношении плюралистично. Это, как и большая территория, — большое преимущество, если уметь этим воспользоваться. Но, с другой стороны, постоянно присутствует угроза конфликтов на национальной или религиозной почве. Категорическим политическим императивом в такой ситуации выступает взвешенная, сугубо осторожная государственная политика как в отношении национальных или религиозных меньшинств внутри страны, так и в отношении соседних государств, где некоторые из этих меньшинств являются большинством — Польши, Венгрии, Румынии, Турции и, конечно, Российской Федерации. Понимание этого в украинской политике присутствует, но выработать её пока что не удалось ни одной из трёх украинских администраций — Л. Кравчука, Л. Кучмы и В. Ющенко.

Второй ещё более сложный вопрос стоит так: «Могут ли локальные этноконфессиональные конфликты в Украине при сохранении вполне обозначившейся конфронтационной парадигмы российско-украинских отношений привести к большому межгосударственному конфликту?»

Или даже так: «Являются ли российско-украинские межгосударственные противоречия потенциальным этноконфессиональным конфликтом и, если да, к чему это может привести в будущем?»

Начнём со второго вопроса. На него можно было бы ответить кратко: «Нет, не являются». Межэтнические и межконфессиональные отношения в Украине, несомненно, оказывают существенное влияние на состояние двусторонних межгосударственных отношений. Но это — конфликт интересов, больше частных, чем национальных, а не этноконфессиональный конфликт. Его пытаются

такими сделать или, по крайней мере, представить таковыми. И в России, и в Украине сложились «партии войны», ведущие политическую игру без правил и ограничений, на реальных и надуманных противоречиях, в том числе и этноконфессиональных. Имена эти хорошо известны и в России, и в Украине и, на наш взгляд, не заслуживают лишнего упоминания. Их зачастую провокационные высказывания и действия объясняются не только защитой своеобразно понимаемых национальных интересов. Используя национальные чувства в своих личных или корпоративных целях, например для быстрой мобилизации электората, они, очевидно, не видят большой опасности в этом, полагаясь на прочность уз, связывающих два народа и невозможность широкомасштабного конфликта между ними. История, в том числе и европейская, говорит о том, что это глубокое заблуждение. Для восстановления нормальных отношений между отдельными народами и странами, например, Германии и Франции, нередко требовались десятилетия, а то и века. А для большой войны часто достаточно было небольшого инцидента, даже самого незначительного кровопролития.

Общественные науки в России и Украине пока что ограничиваются историческими изысканиями, констатацией сложившегося положения вещей или изучением отдельных конфликтных ситуаций. В дискуссиях, не прекращающихся с момента государственного разделения, всё перемешано — этнографические, исторические концепции, конфликт экономических интересов, этнические мотивы и конфессиональные споры, внешнеполитические ориентации и т.п. Так, уже упоминавшийся нами А. Макарычев справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «Россия сознательно соединяет и перемешивает в своей «повестке дня» в отношении к Украине три различных типа вопросов, относящихся к сфере безопасности, идентичности и демократии. Соответственно российское руководство вынуждено постоянно употреблять слова из разных языковых регистров, что часто приводит либо к смешению понятий, либо к неоправданному расширению проблемного поля»¹¹.

На наш взгляд, не споры относительно этногенеза русских и украинцев, и не конфессиональные споры лежат в основе политического противостояния Украины и России. Речь все-таки идёт не о XVII, а о XXI веке, и о Европе, а не о маргинальных сообществах с пережитками трайбализма и религиозной нетерпимости. Однако, поскольку государственное разделение прошло и по человеческому массиву, в котором индивидуальные этнические и конфессиональные идентификации демонстрируют поразительную живучесть, и в обеих странах имеется немало политиков, не

брезгующих пользоваться этим, имеет смысл внимательнее присмотреться к этому измерению российско-украинских отношений в новейшее время.

Рассмотрим вначале этнографическую ситуацию в Украине.

В 2001 году в Украине была проведена перепись населения. По её результатам (Таблица 1) можно судить об этнической структуре украинского общества. Было зафиксировано увеличение доли украинцев (титального этноса) по сравнению с предыдущей переписью: с 72,7% в 1989 году до 77,8% в 2001 году. Сократилась доля второй по численности этнической группы — русских: с 22,1% в 1989 году до 17,3% в 2001 году.

Большая убыль русских отмечена в Крыму, в Донецкой, Харьковской, Днепропетровской, Луганской, Одесской, Запорожской областях и в Киеве. Многолетняя тенденция к уменьшению доли титального этноса, сменяется резким уменьшением доли русских. Объясняется это переселением части русских в Российскую Федерацию и изменениями индивидуальных идентификационных предпочтений оставшихся под влиянием провозглашения государственного суверенитета Украины¹² (табл. 1).

Более всего сократилась численность евреев — почти в 8 раз в период между переписями 1959 года и 2001 года и в 5 раз в 1989-2001 годах. Будучи в 1989 году третьей по численности группой, евреи стали занимать в 2001 году лишь десятое место. Такое резкое сокращение обычно связывают с репатриацией в Израиль и эмиграцией в Германию и США.

Число поляков в 1959-2001 годах сократилось в 2,5 раза. Польская община в Житомирской области, например, самая крупная в Украине, уменьшилась в 2,1 раза, в Хмельницкой области — в 3 раза, в Львовской области — в 3,1 раза (без учёта поляков, выселенных в 1944-1946 годах в Польшу). Ещё быстрее сокращалось число поляков в Тернопольской и Винницкой областях, а также в Киеве.

Возвращение из Средней Азии депортированных крымских татар привело к увеличению их численности с 46,8 тысячи чел. в 1989 году до 248,2 тысячи. Они стали пятой по численности этнической группой Украины после украинцев, русских, белорусов и молдаван.

Все меньшинства, за исключением крымских татар, румын, армян, сократились численно. Общая их убыль составила 500,8 тысяч человек. Вместе с русскими в 1989-2001 годах Украина потеряла 3522,3 тысячи не украинцев, а приобрела 122,6 тысячи новых украинцев, тем самым став чуть более моноэтнической.

Национальные меньшинства неравномерно расселены по территории Украины. По этому признаку они могут быть разделены на две группы. К первой можно отнести

Таблица 1.

Изменение этнической структуры населения Украины в целом в 1959-2001 годах (по данным переписей)

Этнические группы	Доля этнической группы во всем населении страны (%)					Численность этнической группы (тысяч человек)					Абсолютный прирост (тыс. чел.) в 1989–2001 гг.
	1959	1970	1979	1989	2001	1959	1970	1979	1989	2001	
Украинцы	76,8	74,9	73,6	72,7	77,8	32158,5	35283,9	36489	37419,1	37541,7	122,6
Русские	16,9	19,4	21,1	22,1	17,3	7090,8	9126,3	10471,6	11355,6	8334,1	-3021,5
Белорусы	0,69	0,82	0,82	0,86	0,57	290,9	385,8	406,1	440	275,8	-164,2
Молдаване	0,58	0,56	0,59	0,63	0,54	241,7	265,9	293,6	324,5	258,6	-65,9
Крымские татары	—	—	—	0,09	0,52	—	—	—	46,8	248,2	201,4
Болгары	0,52	0,5	0,48	0,45	0,43	219,4	234,4	238,2	233,8	204,6	-29,2
Венгры	0,36	0,33	0,33	0,32	0,33	149,2	157,7	164,4	163,1	156,6	-6,5
Румыны	0,24	0,24	0,25	0,26	0,31	100,9	112,1	121,8	134,8	151,1	16,3
Поляки	0,87	0,63	0,52	0,43	0,3	363,3	295,1	258,3	219,2	144,1	-75,1
Евреи	2,01	1,65	1,28	0,95	0,22	840,3	777,1	634,2	486,3	103,6	-382,7
Армяне	0,07	0,07	0,08	0,1	0,21	28	33,4	38,6	54,2	99,9	45,7
Греки	0,25	0,23	0,21	0,19	0,19	104,4	106,9	104,1	98,6	91,5	-7,1
Татары	0,15	0,16	0,18	0,17	0,15	61,5	76,2	90,5	86,9	73,3	-13,6
Цыгане	5	0,06	0,07	0,09	0,1	22,5	30,1	34,4	47,9	47,6	-0,3
Азербайджанцы	—	0,02	0,03	0,07	0,09	—	10,8	17,2	37	45,2	8,2
Грузины	0,02	—	—	—	0,07	11,6	—	—	—	34,2	—
Немцы	0,06	0,06	0,07	0,07	0,07	23,1	29,9	34,1	37,8	33,3	-4,5
Гагаузы	0,05	0,06	0,06	0,06	0,07	23,5	26,5	29,4	32	31,9	-0,1
Не украинцы	23,2	25,1	26,4	27,3	22,2	9710,5	11842,6	13120,3	14032,9	10510,6	-3522,3
Все население	100	100	100	100	100	41869	47126,5	49609,3	51452	48052,3	—

Источник: http://www.ukrstat.gov.ua/Perepis/PidsPer_r.htm.

евреев, армян, белорусов, грузин и азербайджанцев. Они относительно равномерно расселились по всей Украине. Для другой группы характерна историческая привязанность к определённым территориям. В неё входят болгары, молдаване, греки, гагаузы, поляки, румыны, крымские татары и венгры.

В отличие от русских, евреев, поляков или белорусов в Украине, уменьшающихся численно, численность этих меньшинств относительно стабильна. Это относится к молдаванам в Одесской области в районе Балты, а также в Буджаке и в Хотинском районе Черновицкой области. На прежнем уровне остаётся численность венгров, компактно проживающих в Закарпатье. Большинство румын, по-прежнему, проживает на юге Черновицкой области в Сторожинецком, Глыбокском и Герцаевском районах, городе Черновицы, а также в восточной части Закарпатья (Марамуреш). Их численность в 1989-2001 годах увеличилась на 16 тысяч человек благодаря высокой рождаемости в сельской местности. Небольшое количество словаков проживает в Закарпатье. Следует, однако, иметь в виду и то, что по обе стороны словацко-украинской границы имеется внушительный этнический массив русин, признанных этническим меньшинством в Словакии, и не признаваемых таковым в Украине. Русские в этом отношении занимают промежуточное между двумя группами положение — они есть во всех регионах Украины, но число их увеличивается по мере продвижения с Запада и Севера на Восток и Юг.

Территория Украины в целом по этническому составу может быть разделена на три зоны. В первую, где украинцы составляют более 88%, входят почти все области Западной Украины, за исключением Закарпатской и Черновицкой. А также вся Северная Украина — Житомирская, Киевская без города Киев, Черниговская и Сумская области и Центральная Украина — Хмельницкая, Винницкая, Черкасская, Кировоградская, Полтавская области. Здесь проживает 51,4% всех украинцев — 19 283 700 человек.

Во второй зоне украинское население преобладает, составляя от 83% до 70% всего населения. Она включает восток страны — Днепропетровскую, Запорожскую и Харьковскую области, юг — Херсонскую и Николаевскую области и Киев. В ней проживают 27,6% всех украинцев — 10 345 500 человек и 30,3% всех русских — 2 526 300 человек.

И, наконец, в третьей зоне доля украинцев во всем населении варьируется от 60% до 20%, а русских — от 38% до 70%. В эту зону входят Луганская, Донецкая области, Крым и Севастополь. Здесь проживает 12,8% всех украинцев — 4 793 100 человек и 51,4% всех русских — 4 186 600 человек.

На этом общем фоне выделяются анклав с весьма пёстрым национальным составом населения. К ним можно отнести Одесскую область. Украинцы здесь составляют 62,8%, русские — 20,7%, болгары — 6,1%, молдаване — 5%, гагаузы — 1,1%, евреи — 0,5%, армяне — 0,3%,

цыгане — 0,2%). Черновицкую область: украинцы — 75%, румыны — 12,5%, молдаване — 7,3%, русские — 4,1%, поляки — 0,4%, евреи — 0,2%, белорусы — 0,2%). И Закарпатскую область: украинцы — 80,5%, венгры — 12,1%, румыны — 2,6%, русские — 2,5%, цыгане — 1,1%, словаки — 0,5%, немцы — 0,3%. Сюда же, по-видимому, следует отнести и Крым, где русские составляют 58,3% от всего населения, украинцы — 24,3%, крымские татары — 12%, белорусы — 1,4%, татары — 0,5%, армяне — 0,4%, евреи — 0,2%, поляки — 0,2%, молдаване — 0,2%, азербайджанцы — 0,2%.

Украинский исследователь А. Бойко отмечает, что этническая палитра Украины имеет ряд особенностей, которые накладывают свой отпечаток на характер и динамику общественных процессов¹³. В самом общем виде они таковы. Традиционное преобладание в этническом составе населения страны коренной нации — украинцев. В 1930 г. их доля составляла 75%, в 1959 г. — 79,8%, в 1989 г. — 72,7%, в 2001 г. — 77,8%. Длительное время сохраняется устойчивое соотношение: на каждые три украинца приходится один представитель другой нации или народности.

В Украине проживает 8,34 млн. русских (17,3%). Характерно, что сравнительно высокий процент русского населения в этнической структуре Украины сформировался в советское время, в 1930 г. этот показатель

составлял лишь 8%. Из всех проживающих в республике русских, 43,4% прибыли сюда в послевоенный период¹⁴.

Поскольку украинцы и русские фактически составляют 95,1% всего населения, «русский фактор» имеет большое значение, он явно выступает в качестве индикатора и регулятора возникающих этноконфессиональных напряжений и конфликтов в Украине.

Ещё одной особенностью Украины является неравномерная динамика изменений численности различных этнических сообществ. По вполне понятным причинам украинские учёные обращают особое внимание на титульный этнос — украинцев¹⁵. В советские годы, действительно, в УССР доля украинцев сокращалась. (Таблица 2). Исключениями из-за высокого естественного прироста населения в сельской местности являлись Львовская и Тернопольская области. А также Киев за счет сокращения притока в столицу сельских жителей, Черновицкая и Закарпатская области, где имели место украинизация и ассимиляция местных этнических меньшинств. По переписи 2001 года доля украинцев почти везде увеличилась — от 2-4% до 5-6% (табл. 2).

К особенностям этнической структуры Украины следует отнести также исторически обусловленное своеобразие этнического состава населения разных её регионов. Венгры живут в Закарпатье, румыны и молдаване — в Северной Буковине, греки в Приазовье, крымские татары в Крыму.

Таблица 2.

Изменение доли и численности украинцев по регионам Украины в 1959–2001 гг. (поданным переписей)

Области	Доля украинцев во всем населении страны (%)					Численность украинцев (тысяч человек)					Абсолютный прирост (тысяч человек) в 1989–2001 гг.
	1959	1970	1979	1989	2001	1959	1970	1979	1989	2001	
Тернопольская	95,2	95,8	96,8	96,7	97,8	1030,2	1107	1123,1	1126,4	1138,5	12,1
Ивано-Франковская	94,8	95,1	95,2	95,2	97,5	1037,7	1186,8	1263,7	1342,9	1371,2	28,3
Волынская	94,5	95	94,8	94,8	96,9	842	924,9	962,1	1001,3	1025	23,7
Ровенская	93,2	93,3	93,2	93,2	95,9	864,8	979,6	1041,2	1085,7	1123,4	37,7
Винницкая	91,8	92,2	91,8	91,6	94,9	1966,4	1960,8	1872,7	1757,9	1674,1	-83,8
Львовская	86,4	87,8	89,6	90,4	94,8	1818,3	2134,4	2298,6	2464,7	2471	6,3
Хмельницкая	90,3	90,8	90,8	90,4	93,9	1452,9	1466,9	1413,1	1374,7	1339,3	-35,4
Черниговская	94,5	93,7	92,7	91,6	93,5	1468,2	1462,9	1387,6	1292,1	1155,4	-136,7
Черкасская	94,1	92,8	91,7	90,4	93,1	1413,1	1425,1	1417,6	1381,7	1398,3	16,6
Киевская	93,3	92,2	90,6	89,3	92,5	1602	1689,1	1743,8	1729,2	1684,8	-44,4
Полтавская	93,4	91,3	89,4	87,8	91,4	1524,6	1557,6	1557	1536,6	1481,1	-55,5
Житомирская	84,5	85,2	85	84,9	90,3	1355,2	1383,9	1353	1306,1	1255	-51,1
Кировоградская	88,6	88,2	86,9	85,3	90,1	1079,8	1110	1078,8	1047	1014,6	-32,4
Сумская	88	87,2	86,5	85,4	88,8	1330,8	1312,1	1267,2	1220,5	1152	-68,5
Киев	60,1	64,7	68,7	72,5	82,2	663,9	1056,9	1455,6	1863,7	2110,8	247,1
Херсонская	81,1	78,3	76,7	75,8	82	668,1	806,8	894,6	936,9	961,6	24,7
Николаевская	81,2	78,9	77,4	75,6	81,9	822,8	905,6	962,5	1003,6	1034,5	30,9
Закарпатская	74,5	76,6	77,8	78,3	80,5	686,5	808,1	898,6	976,7	1010,1	33,4
Днепропетровская	77,7	74,5	72,8	71,6	79,3	2102,9	2492,1	2647,5	2769,6	2825,8	56,2

Источник: С.А. Тархов. Итоги переписи населения Украины 2001 года. / Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. (Сборник докладов/Под редакцией В.А. Шупера) М.: Эслан, 2004.

Несколько особо стоит вопрос о языке, поскольку он приобрёл особое звучание в российско-украинских отношениях, хотя затрагивает интересы и многих других национальных меньшинств Украины. Согласно переписи 1989 г. родным языком считают украинский язык 67% граждан Украины, русский — 24 % и лишь 9% приходится на другие языки¹⁶.

Данные переписи 2001 года свидетельствуют о том, что, несмотря на сокращение доли русских — с 22,1% до 17,3%, доля тех, кто считает русский язык родным, остаётся высокой и составляла в 2001 году не 17,3%, а 29,72%. Украинский язык считали родным 67% всего населения страны, хотя украинцы составляли 77,8% всего населения. То есть, более 10% лиц, идентифицирующих себя как украинцев, не считают украинский язык своим родным¹⁷.

Сюда же можно отнести и проблему языка обучения. Обретение украинским языком статуса государственного (Закон о языках, 1989 (?) г.), считают украинские исследователи, не означало автоматического сужения сферы влияния языков других национальных меньшинств. Так, в 1993 г. 25,7 тыс. учеников обучалось на румынском языке, 19 тысяч — на венгерском, а на польском и крымско-татарском — по 800 человек¹⁸.

Однако, даже простое сравнение приведенных выше цифр с более поздними данными говорит о значительном и заметном сужении сферы влияния языков меньшинств. В 2002/03 учебном году, например, на Украине действовали 21100 общеобразовательных школ с 6135,3 тысячи учащихся. Обучение велось на украинском языке в 16937 школах (3944,9 тысячи учащихся), на русском — в 1732 школах (804,3 тысячи), на двух языках одновременно — в 2192 школе, на румынском языке — в 94 школах (25 тысяч человек), венгерском — 69 (16,5 тысячи человек), на молдавском — в 9 школах (3,8 тысячи человек), крымско-татарском — в 12 школах (3,7 тысячи человек), польском — 4 (1 тысяча учащихся)¹⁹.

Увеличение количества обучающихся на родном языке отмечено только в отношении крымских татар и поляков. И если в первом случае это является следствием значительного роста численности лиц этой национальности, то во втором это, скорее, следствие характера двусторонних отношений и внешнеполитической ориентации украинской администрации.

***

Можно констатировать, что хотя возможность межэтнических конфликтов в Украине теоретически возможна, но практически мы не имеем за последние годы сколь-нибудь значимых конфликтов между, например,

русскими и украинцами или украинцами и поляками. Хотя история отношений этих этносов весьма драматична и в процессе т.н. «национализации истории» активно бередятся старые раны, со времени окончания второй мировой войны не было ни резких изменений этнографической социальной структуры, ни межнациональных конфликтов, выходящих из ряда бытовых проявлений ксенофобии. Исключение составляет только крымско-татарская проблема²⁰.

Здесь естественные сложности индивидуальной этнической и религиозной идентификации замешаны на чувстве исторической несправедливости и реальной бытовой неустроенности. Начавшийся с распадом СССР процесс массовой репатриации крымско-татарского народа, депортированного в 1944 г., породил целый ряд проблем, превратив Крымский полуостров в зону пока что латентной, но возрастающей межэтнической напряженности. По официальным данным последней Всеукраинской переписи населения, на 2001 г. в Крыму проживало 244 тыс. крымских татар. Как отмечают эксперты, эта цифра охватывает только то население, которое имеет украинское гражданство, в то время, как крымско-татарские исследовательские организации оценивают свою реальную численность в АРК на сегодня около 258 тыс., что составляет 13% от общей численности населения Крыма²¹.

В конце 1998 г. между Украиной и Узбекистаном было подписано соглашение «Об упрощенном выходе из гражданства Узбекистана и принятии гражданства Украины» в результате чего несколько тысяч человек покинули Узбекистан и переехали в Крым. Значительное количество крымских татар до сих пор не имеет украинского гражданства и испытывает значительные трудности с обустройством на новом месте проживания²².

По оценкам турецких экспертов, в настоящее время при самом непосредственном участии «Меджлиса» в Крым удалось возвратиться почти 300 тыс. крымским татарам. При этом к 2010 г. ожидается возвращение в Крым еще, как минимум, 250 тыс. человек — практически всех крымских татар, проживающих в настоящее время на постсоветском пространстве²³.

В соответствии с международными принципами оценки демографических и миграционных процессов, миграционная ситуация в Крыму характеризуется превышением допустимого 10%-го порога численности переселенцев по отношению к местному населению, после которого, как правило, начинается рост межэтнической напряженности. К тому же, как отмечает один из экспертов по вопросам Крыма Ю.В. Кокин, «черноморский регион, центром которого является Крымский полуостров выступает одним из наиболее важных участков геополитического

противоборства России и ее стратегических противников и играет ключевую роль в процессе обеспечения безопасности РФ на юго-западном направлении»²⁴.

Как мы видим, в Автономной Республике Крым существуют все предпосылки дестабилизации социально-политической ситуации и развития масштабного этноконфессионального конфликта. В случае его перехода его из латентно-декларативной фазы в фазу открытого противостояния сторон, практически неизбежно в него будут вовлечены, как минимум, три государства — собственно Украины, Российская Федерация и Турция.

Россия за все эти годы, к сожалению, так и не выработала политики в отношении Крыма. С одной стороны, её руководители не раз заявляли об окончательном решении вопроса о границах с Украиной и принадлежности Крыма. С другой стороны, на самом высоком политическом уровне звучат высказывания и предпринимаются действия, дающие повод усомниться в этом. В феврале 2009 г. Председатель Совета Федерации (СФ) С.Миронов принял первого зампреда Верховной Рады Автономной Республики Крым, лидера общественной организации Русская община Крыма (РОК) С.Цекова. Встреча прошла на фоне резкого усиления кризиса власти на Украине, в ходе которого даже киевские политики заговорили о возможной утрате украинской государственности. С.Цеков, заслуживший с начала 1990-х гг. репутацию лидера сепаратистского движения в Крыму, после встречи сообщил о том, что с С.Мироновым был согласован вопрос об участии представителей РОК в работе Совета при председателе СФ по вопросам поддержки соотечественников, проживающих за рубежом²⁵.

Турция исторически является одним из наиболее активных игроков на крымской «площадке» и в силу своего фактического статуса лидера тюркского мира поддерживает развитие пантюркистских стратегий, реализуя свои геополитические и экономические интересы в регионах проживания тюркоязычных народов. Всё чаще звучат слова о разделе автономной республики по этническому принципу.

Реализовать это нам не представляется возможным, но активное обсуждение деи раздела в заинтересованных странах представляется симптоматичным и крайне тревожным. Неспособность разрешить этноконфессиональные противоречия и конфликты часто выдаётся за их принципиальную неразрешимость. Эта идея в политическом отношении очень удобна, поскольку оправдывает бездействие и даёт основания для абсурдных и опасных геополитических построений. В последнее время они чаще всего возникают в контексте так называемых «failed states»²⁶.

В России всё чаще и громче звучат утверждения о несовместимости западных и восточных украинцев, нежизнеспособности украинского государства вообще и необходимости в этой связи позаботиться о судьбе русских граждан этой страны.

3 декабря 2008 года депутат Госдумы И. Пономарёв заявил прессе о подготовке Закона РФ о «карте русского». Отвечая на вопрос, сколько граждан Украины будут заинтересованы в получении «карты русского», И. Пономарёв предположил, что в восточных и южных областях Украины эти цифры могут составить до половины населения, в центральных областях и Киеве — до 10%, а в западных областях это будет скорее исключением, чем правилом. Выдачей «Карт русского» будут заниматься консульства на основании личного заявления о том, что человек считает себя принадлежащим к российской культуре, что его родной язык русский²⁷.

Напомним, что, как уже отмечалось выше, превышение 10% порога тем или иным этносом на той или иной территории является достаточным условием для возникновения этнических конфликтов. В Украине хорошо знают о том, какую роль сыграло наличие российского гражданства у многих жителей Южной Осетии и Абхазии в эскалации российско-грузинского конфликта.

Но если идея закона о «карте русского» ещё только разрабатывается, то Закон «О карте поляка» 12 марта 2008 г. подписан польским президентом Лехом Качиньским, а с 29 марта вступил в силу. «Карта поляка» предоставляет разного рода льготы и привилегии, в частности, доступ к польским школам и высшим учебным заведениям, значительно облегчает трудоустройство и ведение хозяйственной деятельности в Польше. По оценке экспертов, «карту поляка» теоретически могут получить более миллиона человек, которые проживают за восточной границей Польши, прежде всего украинских граждан²⁸.

Визит Ласло Шойома — президента другой соседней Украине страны Венгрии в Закарпатье в августе 2008 г. оставил неприятное впечатление у украинских политиков и журналистов. «Президент соседней страны посетил Берегово (районный центр, считающийся центром венгерской диаспоры в Украине), чтобы отметить праздник закарпатского венгра и принять участие в открытии отреставрированного корпуса Закарпатского венгерского института им. Ференца Ракоци. Его визит продолжался всего несколько часов, однако и их хватило с лихвой, чтобы, высказываясь фигурально, «патриоты краснели, а националисты кусали губы с досады»²⁹.

Можно было бы пройти мимо этих фактов, если бы они не говорили о наличии в странах-соседах Украины, по крайней мере, теоретической альтернативы украинской

государственности в виде раздела Украины на части, в которых большинство населения тяготеет исторически к родственным титульным этносам за её пределами. В некоторых горячих головах зреет мысль о том, что распад СССР может быть продолжен распадом Украины и возвращением к границам, существовавшим до заключения в 1939 году известных соглашений между СССР и Германией. Странно, что по всем внешним признакам такие «горячие головы» есть и в России.

У украинских властей в условиях перманентного и жёсткого политического противостояния руки не доходят до систематической работы по упреждению этноконфессиональных конфликтов. В сфере межэтнических отношений в Украине в основу национальной политики была положена своеобразная комбинация плюрализма и интеграции. С одной стороны, провозглашено равноправие всех граждан страны, независимо от их национальности, создан Комитет по делам национальностей при Кабинете Министров (позднее превращённый в министерство), который призван содействовать возрождению всего спектра национальных культур и языков народов и народностей, населяющих Украину, а также обеспечивать свободную реализацию их духовных потребностей. С другой стороны, активно проводимая особенно в последние годы политика второй после 1920–1930 годов ускоренной украинизации, неизбежно ведёт к ущемлению гражданских прав и к этноконфессиональным конфликтам.

К чести украинских учёных, они видят и понимают это. Они, в частности, отмечают, что обретение украинским языком государственного статуса должно было происходить без недооценки и не за счёт прав этнических меньшинств. Что расширение сферы употребления украинского языка в государственных структурах, средствах информации, образовании и воспитании не должно было осуществляться с нарушением демократических норм цивилизованного мира. И, что утверждая национальную государственность, необходимо избегать внешних и внутренних межгосударственных и межнациональных конфликтов. Возрождаясь в исторических границах этнической территории, важно не допустить роста сепаратизма, усиления центробежных тенденций³⁰.

Стремясь заложить правовые основы решения всего сложного спектра межэтнических проблем, Верховный Совет Украины принял Закон «О национальных меньшинствах в Украине», в котором закреплено право каждого народа на культурно-национальную автономию, развитие собственной национальной культуры, возрождение историко-культурных традиций, использование национальной символики, отмечать национальные праздники,

исповедовать свою религию, создавать национальные культурные и учебные заведения.

Важным аспектом процесса государственного строительства является чёткое определение на государственном уровне, какую нацию нужно формировать в рамках новосозданного государства. Этническую, в основе которой лежат национальные признаки, или политическую, которая базируется на гражданстве? Стремясь идти в ногу с цивилизованным миром, украинская руководящая элита уже в начале переходного периода ориентировалась на модель политической нации. Так, в своём выступлении на Всемирном форуме украинцев Президент Украины Л. Кравчук отмечал: «Ныне мы подошли к качественно новому этапу развития украинской нации, идёт практический процесс и теоретическое обоснование установления собственной государственности, по сути формирование новой государственной нации в широком смысле этого слова. В неё вливаются основные этносы, проживающие в Украине, все без исключения социальные группы»³¹.

Ещё более рельефно эту мысль выразил бывший тогда Министром культуры И. Дзюба «Сейчас мы находимся у истоков нового становления нации — нации как политического организма. Украинское государство не может быть национальным в узком смысле этого слова. Нация будет консолидироваться на политических принципах, этническая составляющая должна отойти на второй план»³².

Однако в последнее время всё больше появляется свидетельств того, что, говоря о политической нации, нынешняя украинская администрация имеет в виду этническую нацию. Споры вокруг этого вопроса не утихают. В последнее время участились попытки найти что-то среднее между ними, высказывается мысль о том, что оптимальной для Украины является синтетическая концепция нации, которая учитывает и этнические, и культурные, и экономические факторы³³.

Таким образом, в сфере межэтнических отношений накопилось много серьёзных проблем, обусловленных предшествовавшим историческим развитием и особенностями современных этнических процессов, проблем, требующих решительных, но филигранно выверенных решений.

РЕЛИГИЯ

Обратимся теперь к этноконфессиональной ситуации в Украине. Она очень сложна, возможно, более сложна, чем где бы то ни было на постсоветском пространстве. В любом украинском городе мы обнаруживаем большое разнообразие культовых зданий, религиозных объединений, которые сосуществуют вполне мирно. Исключение

составляют лишь несколько западно-украинских областей, где после 28 ноября 1989 г.³⁴ Украинская греко-католическая церковь получила право государственной регистрации и начала борьбу за возвращение принадлежавших ей ранее культовых сооружений.

Вместе с тем, ¾ религиозных организаций здесь составляют приходы двух основных духовно-религиозных традиций в христианстве: православия и католицизма. Первая представлена Украинской Православной Церковью — Московский патриархат (УПЦ МП), Украинской Православной Церковью — Киевский Патриархат (УПЦ-КП) и Украинской Автокефальной Православной Церковью (УАПЦ). Вторая традиция — Римской католической церковью (РКЦ) и Украинской Греко-Католической церковью (УГКЦ).

В конце 80-х — начале 90-х годов в Украине начался процесс, названный украинским историком А. Бойко — «религиозным ренессансом»³⁵. Происходит возрождение религиозной жизни, увеличивается число общин верующих — традиционных и новых, восстанавливаются и сооружаются новые культовые сооружения, увеличивается набор в религиозные учебные заведения. Это стало следствием снятия ограничений религиозной жизни, существовавших в годы советской власти в Украине, провозглашения и, главное, наличия свободы вероисповедания.

Но этот, безусловно, позитивный процесс имел и другую сторону. Старые идейные ориентиры были дискредитированы, а новые не были и не могли быть созданы за короткое время. Сыграло свою роль и разрушение привычного жизненного уклада, экономический и финансовый кризисы, стремительно разрушавшие экономику Украины и систему социального обеспечения в стране. В поисках духовной опоры, новых жизненных ориентиров естественным было обращение к традиционным христианским этическим нормам, которые имплицитно всегда присутствовали в обыденном сознании в Украине на протяжении всего советского периода её истории.

Отличительными особенностями религиозной жизни Украины являются, во-первых, сравнительно высокий уровень религиозной активности населения. В Украине на каждую религиозную общину в среднем приходится 2 387 человек, что в 4 раза больше, чем в России, и вдвое превышает численность религиозных общин в Беларуси. Во-вторых, в Украине в силу исторических обстоятельств — длительного пребывания тех или иных территорий в составе разных государств — отмечается неравномерность видов и уровня религиозности населения по регионам. И, наконец, в третьих, в Украине очень высока межконфессиональная мобильность верующих. На момент провозглашения независимости Украины к православию относили

себя 70% от общего числа религиозных общин, к протестантизму — 27%, к Греко-католической Церкви — лишь 2%. В настоящее время православные составляют 52% от общего числа верующих, протестанты — 25%, католики и греко-католики — 21%³⁶.

Украинские учёные утверждают, что каждый третий гражданин Украины считает себя верующим. Это утверждение трудно подтвердить или опровергнуть. Известные нам социологические исследования и государственная статистика свидетельствуют лишь о росте числа религиозных общин и их конфессионального разнообразия. Так, если в 1985 г. в Украине было зарегистрировано 5,5 тысяч религиозных общин 18 конфессий, то в начале 1995 г. их уже было 16,5 тыс., и представляли они уже 67 конфессий. А на 1 января 2000 г. действовало 23, 5 тыс. общин 90 конфессий.

Традиционно этнические и конфессиональные аспекты политической жизни Украины тесно переплетены. Соединение исторической традиции и двух процессов либерализации общественно-политической жизни и украинизации, как пути формирования украинской нации предопределило конфликтный характер этноконфессиональных отношений в стране и стремительную политизацию религиозной жизни в Украине.

Во всём многообразии религиозной жизни Украины украинские учёные выделяют несколько проблем, которые на их взгляд представляют серьёзную угрозу гражданскому миру. Среди них на первое место обычно ставится проблема упоминавшегося уже внутреннего раскола православной церкви в Украине на три церкви³⁷.

Годы, прошедшие после провозглашения государственного суверенитета Украины, были полны споров относительно истории православной церкви³⁸ и взаимных отношений, де-факто существующих в Украине, трёх православных церквей и Украинской Греко-Католической церкви.

В 1989 году Архирейский Собор Русской Православной Церкви, проходивший с 9 по 11 октября в Свято Даниловом монастыре, выразил озабоченность состоянием церковной жизни в западных епархиях Украины, имея в виду попытку возрождения унии³⁹. Однако, уже 28 ноября 1989 года Совет по делам религии при Совете Министров УССР опубликовал Заявление, в котором говорилось, что греко-католики восточного обряда могут создавать свои религиозные общины и регистрировать их в установленном порядке. Внешне безупречное с точки зрения принципа свободы совести и исторической справедливости решение вызвало цепочку событий, которые крайне обострили этноконфессиональную ситуацию в западных областях УССР. 7 декабря 1989 года кардинал Любачевский

заявил, что регистрация греко-католических религиозных общин в Украине есть только первый шаг на пути к легализации. Особенно он акцентировал внимание на собственности УГКЦ, которая была конфискована и передана РПЦ⁴⁰.

В 1990 г. в Украине активизировалась Украинская Автономная Православная Церковь. Во Львов и Киев прибыл «патриарх» Мстислав (Скрыпник). Ему приписывается известное высказывание «Хоть с чертом, но против Москвы» и призывы к объединению с униатами. За сравнительно короткое время в Украине было зарегистрировано около одной тысячи приходов УАПЦ⁴¹.

Несмотря на попытки упредить раскол РПЦ⁴², он произошёл вскоре после государственного разделения Российской Федерации и Украины. В 1992 г. Киевский митрополит Филарет (Денисенко) зарегистрировал Украинскую Православную Церковь, Киевский Патриархат. Проходивший в марте — апреле 1992 г. в Москве Архиерейский Собор РПЦ, посвященный украинскому вопросу, «в целях преодоления церковной смуты» предписал митрополиту Киевскому Филарету уйти на покой, а украинскому епископату избрать нового митрополита Киевского.

По возвращении в Киев Филарет созывает 26 мая 1992 года «Всеукраинскую конференцию по защите канонических прав УПЦ», а 27 мая 1992 г. в г. Харькове Архиерейский Собор УПЦ Московского Патриархата избирает Киевским митрополитом Владимира (Сабодана). В конфессиональный спор вмешивается государство. Президент Л. Кравчук попытался воспрепятствовать проведению Собора, а Верховная Рада принимает постановление о непризнании Харьковского Собора УПЦ МП. Так начался внутрицерковный по сути конфликт, тлеющий и по сей день и вовлекший в себя тысячи верующих и оба новых независимых государства — Российскую Федерацию и Украину.

Архиерейский Собор РПЦ, состоявшийся 11 июня 1992 г. в Москве, низвергнул Филарета (Денисенко) и епископа Почаевского Иакова (Панчука) из сана за учинение раскола. В ответ группа лиц, поддерживавших Филарета, захватила Владимирский Собор в Киеве и митрополичью резиденцию на Пушкинской улице. Прибывший в Киев митрополит Владимир вынужден был отказаться от резиденции и разместиться в Киево-Печерской Лавре, которую тоже накануне штурмовали сторонники Филарета, но безуспешно.

В принятый 15 февраля 1993 года Закон о свободе совести лоббировавшим интересы УГКЦ депутатам удалось внести поправки о поочередном богослужении в храмах, на которые претендуют общины разных конфессий. Фактически, по мнению некоторых экспертов, тем самым

был открыт путь к захвату храмов. На имевшийся православный храм регистрировалась община УГКЦ и провоцировалась конфликтная ситуация. Если православные не соглашались на поочередное богослужение, вступал в действие закон. Несогласных снимали с регистрации, и храм передавался УГКЦ.

Годы независимого государственного существования Украины были отмечены непрерывными многочисленными конфликтами как между православными и греко-католиками, так и внутри православия. Поводом для межконфессиональных столкновений чаще всего служили передел сфер влияния, борьба за лидерство в региональном и национальном масштабе, а также имущественные споры, касающиеся, прежде всего, принадлежности культовых сооружений.

Ещё один конфликт произошёл 18 июля 1995 год в Киеве во время похорон второго патриарха Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ-КП) Владимира (Романюка). Он вошёл в историю под названием «черный вторник». Во время похоронной процессии между ее участниками и правоохранителями у стен Софиевского собора произошла массовая драка. 82 человека получили травмы, 33 из них были госпитализированы. Причиной стычки стало намерение представителей УПЦ-КП похоронить владыку не на Байковом кладбище, как было решено Советом Министров заранее, а на территории заповедника Софии Киевской, который находится в ведении УПЦ Московского Патриархата. В итоге тело патриарха Владимира было предано земле у главного входа Софиевского Собора⁴³.

Между тем, Поместный собор УПЦ-КП 20 октября 1995 года избрал Патриархом Киевским и всея Руси-Украины митрополита Филарета (Денисенко). Выступая в новом качестве Филарет повторил претензии УПЦ-КП на Софийский собор как на кафедральный и резиденцию патриарха, на участие в строительстве вооруженных сил Украины, сообщил о намерении обратиться в парламент Украины с просьбой пересмотреть Закон об отделении церкви от школы. Он снова вдвинул требование о перезахоронении тела патриарха УПЦ-КП Владимира на территории Софии.

Западно-украинская часть духовенства УПЦ-КП, давно противостоящая Филарету, ответила на его избрание объединением с УАПЦ. Руководители УАПЦ (патриарх Дмитрий и др.) и несколько иерархов УПЦ-КП (Митрополит Галицкий, архиепископы Тернопольский и Винницкий, епископ Хмельницкий) в тот же день 20 октября 1995 г. подписали акт об объединении. Главой объединенной церкви был признан патриарх Дмитрий. Это кардинально изменило конфессиональную ситуацию в Украине. Теперь по количеству приходов и верующих на 1-м месте

продолжает оставаться УПЦ МП, на второе место вышла УАПЦ, а УПЦ-КП оказалась на третьем месте. УПЦ МП имела около 6 тысяч приходов, УАПЦ и УПЦ-КП вместе от 2 до 2,5 тысяч, но большая их часть находилась в Западной Украине.

Филарет ответил на эти действия заявлением о своем намерении назначить новых епископов. Такая попытка означала бы крайнее обострение ситуации, по существу вспышку межконфессиональной войны. Однако она была бы возможна только при условии поддержки Филарета местными властями, что в тех условиях было маловероятно.

Как видим, напряжение в межконфессиональных отношениях нарастало, но больше в кругу иерархов, нежели паствы и до крупных конфликтов с участием большого числа людей в Украине дело не дошло. «Нежелание конфликтовать между собой, — пишет ректор Дрогобычской Духовной семинарии Мирон Бендик, — является главной причиной того, что до сегодняшнего дня удалось избежать любых серьезных решений «украинской церковной проблемы»⁴⁴. Может быть и так, но скорее всего свою роль здесь играет некоторая маргинальность церковной проблематики на фоне действительно острых социально-экономических проблем и здравый смысл граждан.

Другой сложной проблемой является политизация религиозной жизни. Это проявляется и в образовании соответствующих политических организаций, например Украинской христианско-демократической партии (1990 г.) или Украинской христианской партии женщин (1991 г.) и др., а также в апелляция к религиозным чувствам граждан партиями и политиками, придерживающимися разных внешнеполитических ориентаций — на углубление сотрудничества с Россией или на всемерное ускорение вступления Украины в Европейский Союз и НАТО. В Украине, как, впрочем, и в России религия и церковь играют всё более заметную роль в общественно-политической жизни. К этому можно относиться по-разному. Многие видят в этом отход от принципов светского государства и отделения государства от церкви. Другие считают, что образовавшийся идейный вакуум больше нечем заполнить и с этим можно примириться.

Как бы там ни было, очевидно, что рост политического влияния церкви имеет и явные негативные последствия. Церковь, находящаяся в состоянии раскола, привносит свои проблемы в политическую повестку дня и, если не явно, то опосредованно создаёт дополнительное напряжение в и так чрезвычайно напряжённых межгосударственных отношениях России и Украины. Особенно это стало заметно в годы президентства Виктора Ющенко, который не скрывает ни симпатий к УПЦ КП и её главе

Филарету, ни того, что на автокефалию УПЦ он смотрит как на инструмент укрепления государственного суверенитета Украины. Однако, как показали празднования 1020-летия крещения Руси, проведенные в Киеве с участием Константинопольского Патриарха Варфоломея и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, надежды на ускоренное объединение украинских православных церквей и на автокефалию УПЦ остаются призрачными. Избрание новым Патриархом Московским и всея Руси Кирилла, известного своими жёсткими позициями в этом вопросе, не сулит межконфессиональным отношениям в Украине и отношениям России и Украины по этому поводу потепления. Однако, это на наш взгляд, совершенно не обязательно ведёт к межконфессиональным конфликтам.

Следует также иметь в виду, что у противоборствующих церквей есть и общие проблемы. Современная религиозная ситуация в Украине характеризуется возрождением и активизацией деятельности церковью национальных меньшинств. В последнее время возникло много религиозных объединений, принадлежащих к нетрадиционным культурам. В частности Корейская методистская церковь, Общество Сознания Кришны, буддисты, даосизм и др. Многие религиозные объединения находятся в «окультурном подполье». Так, по некоторым данным, только в Киеве действует 140 незарегистрированных объединений. «Притчей во языцех» стали, например, в Киеве и в Украине отношения Киевского городского головы Леонида Чернавецкого и Сандея Аделаджи, основавшего и возглавившего протестантскую церковь "Посольство благоденствия Царства Божьего для всех народов". По данным самой церкви, количество ее членов достигло 25 тысяч. Но сильна она не этим, а своими связями с украинскими политиками и предпринимателями, в первую очередь с главой администрации столицы Украины.

Из всего сказанного можно, на наш взгляд, сделать следующие выводы.

В Украине происходит изменение базисной этноструктуры общества. Число русских уменьшается. Те, для кого этническая самоидентификация не имеет большого значения, определились. Именно за счёт них произошло значительное уменьшение численности русских в Украине. Вместе с тем, их число остаётся значительным. Они достаточно тверды в своей идентификации. Относительно других этнических меньшинств, применительно к интересующему нас вопросу наибольший интерес представляет резкое возрастание числа крымских татар и уменьшение числа евреев. Динамика изменений численности поляков, венгров и румын не столь значительна,

они интересуют нас, прежде всего, потому, что проживают компактно вблизи границ соответствующих национальных государств, ставших членами Европейского Союза.

В течение всех лет независимости в Украине предпринимались действия, направленные на сохранение межнационального мира и прав национальных меньшинств. Соответствующее законодательство страны приведено в соответствие европейским стандартам. Однако, с 2005 года ориентация на формирование этнической нации и политика украинизации, а также использование национального фактора всеми без исключения политическими силами в обострившейся внутренней политической борьбе создали дополнительное напряжение в межнациональных отношениях.

Современному этапу истории Украины присущи рост значения религии в общественной жизни (как и рост религиозности населения вообще). Уровень религиозности людей в Украине неравномерен и убывает по мере продвижения с Запад на Восток и с Севера на Юг. В условиях многоконфессиональности в Украине происходит быстрое увеличение числа религиозных общин, возрождение и активизация церковью национальных меньшинств, появление значительного числа нетрадиционных культов. Усиливается политизация религиозной жизни, как со стороны самих церковей, в первую очередь РПЦ МП и РПЦ КП, борющихся за привычный статус государственной церкви, так и со стороны различных политических сил, стремящихся привлечь верующих на свою сторону во время выборов. Как следствие, государственное строительство сопровождается острыми конфессиональными конфликтами, не переходящими, впрочем, за немногими исключениями, в религиозный экстремизм.

Русские и украинцы

Актуальная и острая особенно в условиях экономического кризиса проблема русско-украинских межэтнических отношений имеет два явно выраженных измерения: внутреннее — неравномерность экономического развития, объективные культурно-конфессиональные и ментальные отличия жителей Юго-Восточной и Западной Украины и внешние: использование этих отличий другими странами с целью изменения в желательную для них сторону внешнеполитических ориентаций Украины.

Политическая традиция, сложившаяся за годы независимости и практика политической борьбы в Украине допускает использование очагов социального и этноконфессионального напряжения.

Несмотря на полиэтничность, относительно высокую религиозность и большое число разнообразных религиозных общин, церковей и конфессий, явно выраженных конфликтов на этой почве, находящихся в острой фазе

в Украине пока немного. Однако, имеются много очагов этноконфессиональной напряженности и условия для их перехода в острую фазу. Некоторые из них локализованы территориально: Крым, западные области Украины (Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской), а также в Закарпатская область, восточные индустриальные и русскоязычные в основном области — Луганская, Донецкая, в меньшей мере Днепропетровская, Харьковская и Николаевская области.

Другие проблемы, (хотя они тоже имеют территориальную локализацию), легче определять и очерчивать не по территориальному, а по содержательному, сущностному принципу. К ним следует, на наш взгляд, отнести весь комплекс русско-украинских отношений внутри страны и российско-украинские межгосударственные отношения вообще, в том числе проблему русского языка, раскол Русской православной церкви, русофобию в определенных кругах, а также восстановление Украинской греко-католической церкви, антисемитизм, рост числа и влияния, особенно в административно-политической области нетрадиционных религиозных течений и объединений и др.

Особое беспокойство в этой связи вызывает характер отношений с Российской Федерацией, а также пусть пока невятные, но вполне различимые признаки подготовки соседних государств к возможной общей дестабилизации ситуации в Украине и возможным обращения этнически родственных крупных социальных групп за поддержкой и помощью.

Характер межгосударственных отношений России и Украины не исключает, а при сохранении их нынешней направленности и динамики предполагает возможность втягивания государств в этноконфессиональные конфликты и возможность их перерастания в полномасштабный межгосударственный конфликт. Обе стороны, в геополитических, по сути спорах, активно прибегают к актуализации болезненных исторических тем и эпизодов, апеллируют к национальным и религиозным чувствам людей.

На наш взгляд, обе стороны в пылу спора перешли черту и уже находятся в состоянии информационно-пропагандистской войны. Обе стороны строят свою внешнеполитическую деятельность на поиске друзей и врагов, пытаются формировать группы дипломатической поддержки из третьих стран и международных организаций. Это ещё не война, но уже и не мир.

В современной Украине имеются социальные и этноконфессиональные условия и предпосылки для возникновения локальных очагов острого противостояния и конфликтов. Вероятность возникновения этнических конфликтов в Украине сохраняется, равно как и опасность вовлечения в них соседних государств. «Дальнейшее

обострение ситуации в Украине и ее полномасштабный дефолт по внешним обязательствам, — отмечает украинский исследователь, — может спровоцировать эффект домино во всем регионе Центральной и Восточной Европы»⁴⁵.

США и ЕС в силу особенностей их мировоззренческой и внешнеполитической концепций, а также очевидной неспособностью выйти из того, что российский эксперт Фёдор Лукьянов удачно назвал ментально-политическим шлейфом «холодной войны»⁴⁶ в стремлении обезопасить себя на будущее от усиления России как геополитического игрока первой величины, а также из экономических соображений, не только не предпринимают никаких дипломатических шагов, направленных на смягчение этого крайне опасного противостояния в Европе, но и нередко прямо или косвенно поощряют его своими заявлениями и действиями.

Было бы очень большой, фатальной ошибкой закрывать глаза на то, что так называемое «постсоветское пространство», под которым имеется в виду пространство занимавшееся ранее СССР и бывшее полем грандиозного социального эксперимента XX века, несмотря на свою внешнюю относительную умиротворённость чрезвычайно насыщено историческими и актуальными этнонациональными противоречиями, которые при определённых условиях могут превратиться в конфликты, масштаб и интенсивность которых невозможно предвидеть.

Их соединение с общим резким ухудшением социально-экономической ситуации в соответствующих новых независимых государствах, при попустительстве государств-соседей и тем более при вероятности их использования в игре на понижение российского влияния в регионе, равно как и любого другого влияния здесь, может актуализировать и активизировать очаги напряженности, способствовать быстрой эскалации этноконфессиональных конфликтов и общей дестабилизации всего постсоветского пространства. Югославия все еще возможна.

Примечания

¹ Олег Рябцев Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития / Отв ред. И П Добаев. — Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. -163с

² Можно сослаться хотя бы на выступление Джорджио Доминезе в Институте Европы РАН 8 апреля 2009 г.

³ История Украины. Научно-популярные очерки. Национальная академия наук Украины. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008, с.899.

⁴ <http://www.electoralgeography.com/ru/countries/ukraine/1991-referendum-ukraine.html>

⁵ <http://www.unian.net/rus/news/news-308575.html>

⁶ Андрей Макарычев. Россия, НАТО и «цветные революции»: дискурсивные ловушки. Вестник Института Кеннана в России. Выпуск 14. — М., 2008. С.51.

⁷ Подробнее об этом см.: Мироненко В.И. Российско-украинские отношения в 1991 — 2001 гг. Историкографический очерк. М., 2004., а также статьи автора Открытие Украины. Политическая анатомия «оранжевой революции». Современная Европа. 2005. №2; На пути к «пятой республике». Украина после «оранжевой революции». Власть. №12. 2005.; На пути к «пятой республике. Некоторые итоги «оранжевой революции». Современная Европа. 2006. №2; Игры патриотов. «Профиль» (Украина). — 2006. — август и др

⁸ http://ua.rian.ru/ukraine_news/20080324/77901570.html

⁹ <http://www.inosmi.ru/translation/237918.html>

¹⁰ См.: Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной (31 мая 1997 года. Киев) и Российско-Украинская Декларация // Российско-украинские отношения 1990-1997 гг. Сборник документов. — М.: МГИМО(У) МИД РФ, 1998. С. 51 и с. 59.

¹¹ Андрей Макарычев. Указ. ст., с. 48.

¹² С.А. Тархов. Итоги переписи населения Украины 2001 года. / Четвертые сокращенные чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. (Сборник докладов/ Под редакцией В.А. Шупера) М.: Эслан, 2004.

¹³ О.Д. Бойко. Україна 1991-1995 рр.: тині минулого чи контури майбутнього? (Нариси новітньої історії). — К.: «Іагістр-S» . 1996. с. 114.

¹⁴ Социально-экономическая география Украины / Под ред. О. Шабля. — Львов, 1995. с. 175, 234

¹⁵ Римаренко С.Ю. Чи можлива етнополітична стабільність в Україні? // Відродження. — 1995. №3. Сс. 3-6

¹⁶ П.И.Косуха. Конфессиональные конфликты на посткоммунистической Украине Социологические исследования. 1994. № 4.

¹⁷ С.А. Тархов. Указ. соч.

¹⁸ Інформаційний бюлетень Міністерства України у справах національностей, міграцій та культур. — К., 1995. Вип. №1, с. 33

¹⁹ Там же.

²⁰ Подробнее см.: Олег Рябцев Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития / Отв ред. И П Добаев. — Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. — 163 с.

²¹ Рябцев О.В. Указ. соч., С.27.

²² Рябцев О.В. Указ. соч., С.39.

²³ Дообаев И.П. Радикализация ислама в Крыму // Юг России и Украины в геополитическом контексте / Южнорусское обозрение. Вып. 40. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. — С. 169-170

²⁴ Кожин Ю.В. Национальная безопасность России в Черноморском регионе: крымский аспект // Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. / Отв. Ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных и региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 14, — Ростов-на-Дону, 2003.- с. 91 — 100

²⁵ «Газета». 3 февраля 2009 г.

²⁶ «failed state» — несостоявшиеся, неудавшееся государства (англ.)

²⁷ <http://www.unian.net/rus/news/news-287964.html>

²⁸ Сергей Лозунько. Украинцы навсегда. «Зеркало недели» №51 (443) 19 — 25 декабря 2008 г.

²⁹ Владимир Мартин. За державу обидно... Зеркало недели. №31(710). 23 — 29 августа 2008 г.

³⁰ Римаренко С.Ю. Чи можлива етнополітична стабільність в Україні? // Відродження. — 1995. №3. С. 3

³¹ Голос Украины. 22 серпня 1992 р.

³² Республика, 9 апреля 1993 г

³³ Час time. 26 січня 1996р.

³⁴ 28 ноября 1989 г было опубликовано Заявления Совета по делам религий при Совете Министров УССР, согласно которому Украинская греко-католическая церковь получила право государственной регистрации.

³⁵ О.Д. Бойко. Історія України. Посібник. — К.: Видавничий центр «Академія». 2002.

³⁶ Там же.

³⁷ А.Д. Бойко. Указ. соч. с. 613.

³⁸ См., например: Пётр Толочко. «Ваша Всесвятість, благословіть» «2000». 2008. 8 августа.

³⁹ НГ-Религии. Приложение к Независимой газете. 23 августа, 2000 г.

⁴⁰ Бойко О.Д. Украина в 1985 — 1991 pp.: основные тенденции11 суспільно-політичного розвитку: Монографія, — К.: ІПіЕНД, 2002. С. 111.

⁴¹ Современная политическая история России. (1985 — 1997 годы). Том 1. Хроника. — М., 1997. С. 191.

⁴² Например, на Архиерейском Соборе, проходившем 30-31 января 1990 года и полностью посвящённом состоянию церковных дел в Западной Украине.

⁴³ Коммерсант www.kommersant.ua. — 2005. — 19 июля. С. 4

⁴⁴ Мирон Бендик. Единая поместная Церковь: конфессиональная утопия или церковная реальность?

^{Зеркало} недели. 2006. 13 — 20 апреля.

⁴⁵ Юрий Сколотяный. ПроФОНДация. «Зеркало недели», 7 — 13 февраля 2009 г.

⁴⁶ Ф. Лукьянов использовал это определение в своём выступлении на заседании «круглого стола» «Россия и США: как мы видим друг друга?» 9 апреля 2009 г. в Горбачёв Фонде в Москве. Прим. авт.

■ ■ ■

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РОССИЯ*

Ф.В.Шелов-Коведяев

Банальные суждения о бедности и комплексах неполноценности, культурном¹ или религиозном конфликте не раскрывают причин остроты и сути ведущих процессов на международной арене. Перед нами очередной, насыщенный невиданными ранее ресурсами, виток соперничества западного и восточного глобальных политического и культурного проектов².

Открытый взгляд на историю человечества убеждает в том, что *восточный вектор глобализации первичен* по отношению к своему западному собрату. Уже мелкие царьки Древнего Междуречья именуют себя властителями четырёх сторон света, делая заявку на мировое господство. Это притязание — не признак цивилизации вообще. Ничего подобного нет ни у греков периода независимости, ни в Риме первых веков его истории. А вот на Востоке есть ещё китайская версия, признающая право на правление миром лишь за Поднебесной и считающая весь свет, включая и те страны, что покамест о том не подозревают³, её провинциями.

Восточный глобальный политический проект есть явление сугубо идеологическое и, за редкими и краткими исключениями, всегда неудачное. Даже Китай, после его консолидации в ханьскую державу, постоянно расположен к распаду: тысячелетиями его собирали внешние завоеватели. В XX веке та же функция была выполнена заимствованной с Запада социалистической идеей, обещавшей коммунизм и Гоминдана.

Западный глобальный политический проект, наоборот, всегда удачен и вырастает из прикладных намерений. Здесь важно подчеркнуть, что, вопреки встречающимся заблуждениям, Византия, как Восточная Римская Империя была продолжением западного (европейского) глобального политического проекта. Конечно, идейное обеспечение практических шагов присутствовало и в нём. Но разница в том, что *в отличие от Востока, где тон задаёт идеология, тут она служит оправданием уже состоявшегося обладания ресурсами.*

Зафиксируем: завершение, с падением Константинополя, первой стадии глобального западного политического проекта практически совпало с прологом его второго этапа, именуемого колониализмом. За которым друг за другом без пауз последовали неоколониализм, экономическая и политическая транснационализация и теперь вот явление, названное глобализацией. Значит, ему присуща не только преемственность, но и непрерывность. Безусловно, западные империи тоже распались. Но объединяющая их политическая модель оставалась стабильной, трансформируясь и приспособляясь всякий раз к новым условиям.

А вот в сфере культуры восточный глобальный проект, напротив, всегда успешен. Его достижения неизменно проникают в самое сердце Запада. Потому-то столь конфузно удивление американцев, что глобализация оказалась улицей с двусторонним движением. Дефицит

* Ф.В.Шелов-Коведяев — профессор факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, в 1991–1992 гг. — первый заместитель министра иностранных дел России.

широкого гуманитарного образования мешает им адекватно воспринимать реальный мир в многообразии его культурного достояния. Западный же культурный проект — явный неудачник. Он беспорядочно откатывается теперь даже в науке и технологиях. А его духовное влияние испаряется вслед за утратой европейцами прямого политического контроля над той или иной территорией: лишь на Филиппинах 90% верующих — христиане, а в остальной Азии они находятся в абсолютном меньшинстве.

Внутренне противоречивое состояние обоих проектов глубоко травмирует обе стороны. Они пытаются добиться полного успеха своего глобализма во всём. Одни навязывают к политическому преимуществу свои культурные эталоны, другие втаскивают за собой политический диктат. Например, исламские террористы и их идеологи разделяют, (хотя и ложное), убеждение, что они противостоят Западу не как системе ценностей, но абсолютному злу — безбожному и бездушному, без чётких культурных и нравственных ориентиров, — которое запрограммировано разьесть их родную цивилизацию.

ГИБЕЛЬНЫЙ ПИРУЭТ

Первый современный парадокс состоит в том, что западный глобальный политический проект в версии внешнеполитической стратегии США на наших глазах фактически превратился в восточный, который не может быть успешным. Крах всего евроатлантизма, который неминуемо последует вслед за обвалом экономики, настолько критичен для всеобщей стабильности, что его нужно обязательно предотвратить.

До недавнего времени Америка развивалась строго в рамках прагматичной модели. С большой неохотой она нарушила политику изоляционизма к концу Первой Мировой войны. Обеспечив же свои интересы по её итогам с удовлетворением опять замкнулась на самой себе. Не менее упорно она оттягивала свои прямые действия и в ходе Второй Мировой. А по её окончанию осталась на континенте ради сугубо экономических преимуществ. По той же причине идеологическое обеспечение «холодной войны» нельзя считать отходом от традиционной линии, так как информационная кампания в стане противника вполне укладывается в её русло. «Буря в пустыне» также не вышла за её пределы.

Между 1945-ым и 1991-ым годами США без шума оседлали ключевые узлы мировых транспортных, энергетических, финансовых и информационных потоков. Стали флагманом, становым хребтом мировой экономической и политической системы, подлинно мировой империей в итоге серии прикладных шагов, а не

гипертрофированных амбиций. Явив, тем самым, ярчайшую иллюстрацию западного политического проекта.

И вдруг в 2000-е их действия резко идеологизировались. Пренебрежение неготовностью традиционных обществ к восприятию новых идей и институтов не допускает иной оценки. Недаром Обама заговорил о необходимости умерить культуртрегерский пыл американцев.

Основа экономики США, потребление домохозяйств, несмотря на все антикризисные усилия, сокращается. Задолго до нынешних потрясений страна почти превратилась в чистого импортёра высоких технологий. Растёт дефицит торгового баланса, а с ним зависимость от внешних партнёров, прежде всего, Китая. Предупреждение Алана Гринспэна о том, что весьма вероятное падение ипотечного рынка ещё на 5% будет иметь катастрофические последствия для американской экономики, резко диссонирует с бодрыми заверениями официоза о завершении рецессии. Фрэнсис Фукуяма, аналитики РЭНД Корп. и Фонда «Наследие» отмечают нарастание в общественных процессах тенденций дезорганизованности, атомизированности, изолированности. При наличии обычно консолидирующего военного фактора некоторые штаты уже приняли декларации о суверенитете, а другие размышляют над их примером. Такие лидеры исследовательских рейтингов, как Стивен Козн и Энтони Слейтон, прогнозируют распад Штатов в 2012-2013 гг., что при психологической внушаемости американцев может иметь самые ужасные последствия.

Горячий азарт сразу в отношении Ирака, Ирана, Сирии, Северной Кореи, Ближнего Востока, упование на сценарии распада России и недооценка возможности усиления ЕС демонстрируют, что США впервые поставили императивный экспорт своего понимания свободы, демократии, прав человека, пределов суверенитета и пр., т.е. голую идеологию, выше прагматики. Даже частичное смягчение позиции в отношении Кубы, ООН и ряда иностранных политиков картины не меняют.

Это далеко не первый случай патологического заблуждения западной модели. Крестовые походы (недаром Буш-мл. в начале действий против Саддама оговорился по Фрейду), участники которых заодно не брезговали грабежом своих православных единоверцев, Инквизиция, Французская революция и Наполеоновские войны, мессианизм первых социалистов и попытки создания ими новых рационалистических религий и церквей, коммунизм Маркса и большевизм, фашизм и национал-социализм, грубо надломившие духовные силы и позитивную динамику многих наций, были вырождениями, (мало, к счастью, обеспеченными ресурсами), европейской теологии, философии и социологии.

Рах Americana, приобретающая самодовлеющую логику развития, вполне может опрокинуться в себя. Ведь глобальные империи, оставшись вне равной себе конкуренции, долго не живут, Америка не усвоила уроки прошлого, а механизм заложенного в восточный политический проект саморазрушения уже начал против неё работать. Послевоенный экономический и политический порядок уже во многом подорван. США утратили способность контролировать мировые цены. Ползучий распад антитеррористической коалиции, понятные ограничения резервов армии для ведения других крупных кампаний, неготовность госдепа ко многим событиям в Латинской Америке, СНГ и иных регионах мира, предупреждают о реальности фиаско.

О пошатнувшихся позициях сигнализируют и чувствительные для американского самолюбия уколы от союзников и сателлитов в ЦВЕ, которые прежде многих правильно оценили симптомы агонии СССР. Поиск сугубо технических решений ради отсрочки или отмены худшего лишь усиливают негативные тенденции. К сожалению, Штаты не хотят признавать, что именно их амбиция сократить число опор западного проекта до единственной делает его совершенно неустойчивым и превращает его самоликвидацию в нависающую реальность.

Вопреки расхожему мнению, этот вариант не отвечает интересам нашей страны, чего я ещё коснусь ниже. Чтобы его избежать, нужны нетривиальные концептуальные подходы, а не избитые стереотипы наших и зарубежных аналитиков, не берущих в расчёт, что после «востокковления» глобальной политики Америки её борьба с исламским экстремизмом переходит, хотя оба её участника того не понимают, во внутривидовой режим, что усиливает её обоюдную жестокость и кардинально повышает риск уничтожения противником либо самоликвидации Запада.

ЛОВУШКА АЗИИ

Сказанное заставляет пристальнее всмотреться в китайскую версию глобального политического проекта. Традиционная политическая идеология Китая двойственна. Она не только постулирует, что он имеет мандат Неба на управление миром, но и, благодаря конфуцианству, настраивает политика на предельный прагматизм, что позволяет синологам называть Поднебесную Римом Востока. Благодаря практичности, сепаратизм и цивилизационный оползень XX в. вызвали тут не крушение государственности, но переход к прагматике Дэна. Подобно

японскому мессианизму в 45-ом, идеология была отодвинута в сферу сугубо домашнего употребления.

Так образуется **второй парадокс** современности: китайский политический проект стал, по существу, западным, поскольку *на смену декларации* права на мировое господство в нём *пришли прикладные шаги* по реальному его присвоению. Китайцы держат рынок ширпотреба в планетарном масштабе. Им же принадлежит половина мирового рынка электроники. Только американские инвестиции и лишь в континентальную часть страны превысили 1 триллион долларов. Сотни миллионов хуацяо и бизнесов работают в диаспоре на интересы метрополии. Пекин уже *de facto оседлал* Запад его же средствами. Ибо тот не в силах оторваться от собственных материальных затрат и прибылей. Если же вспомнить о том, что власть должна опираться и на силу, то китайские армия и военная промышленность, в том числе в области высоких технологий, делают в последнее время поразительные успехи.

Отсюда **третий парадокс**. Поскольку дальневосточный политический проект мимикрировал, он имеет преимущество. Впервые не европоцентричная, а восточная идеологически и западная организационно модель может стать объединённой (и объединяющей) и всеохватной. Война его конкурентов, западного либерализма и исламского радикализма, между собой работает на интересы Китая. Обескровив друг друга, оба будут ему лёгкой добычей. Поэтому пока он свысока внешне почти не интересуются их суетой. Слово обезьяна, что наблюдает за дракой двух тигров.

Неспроста режим КПК исподволь прорабатывает перевод иероглифики на латинскую графику. Он загодя готовит прыжок на свою жертву. Ведь и нынешний унифицированный письменный язык был изобретён по приказу императоров, чтобы их подданные, которым для того заодно была предписана поголовная грамотность, одинаково понимали их распоряжения. Большевики с их всеобучем были жалкими эпигонами мандаринов. Конечно, следуя логике самораспада, китайский мир со временем обязательно развалится. Но до этого надо будет ещё дожить.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ «ЗАПАД-ВОСТОК»

До 1917 года Россия всегда развивалась в русле западного политического проекта. СССР резко изменил её вектор. Хотя формально с признаками державности у Советов всё обстояло благополучно, симпатии они не вызывали, доверия — и того меньше.

Советский Союз Ленина-Троцкого-Сталина до самого своего конца был классическим восточным глобальным

политическим проектом. Ибо выдвигал запрос на контроль над другими обществами до овладения необходимыми для того ресурсами. Отсутствовало уже минимальное организационное условие — единство в социалистическом и рабочем движении. Даже план победы в отдельно взятой стране не был достаточно обеспечен. Для погрязших в комплексах большевистских заговорщиков всё заменяла марксова идея всемирной пролетарской революции, пронизанная архаичным восточным мессианизмом, хорошо резонировавшим, по мнению Николая Бердяева, с православным сознанием, и многократно усиленная бредом перманентности.

За тысячелетия противостояния с восточным политическим проектом Запад научился улавливать появление очередной его версии и включать режим противодействия ему на уровне условного рефлекса. А коммунизм и «социализм» в этом смысле просто кричали о себе. «Холодная война» с Совдепией была для Запада межвидовой борьбой, подобно битве с гитлеризмом. Вот действительная причина западной неприязни, даже, если бы не было активной подрывной деятельности Коминтерна и его наследников. Европа сразу интуитивно ощутила, что большевистская Россия покинула рамки западного проекта и, предавшись восточному глобализму, стала ему реально чужой. Её неприятие имело культурный, архетипический характер.

В конце концов, оставшиеся в своей основе западными, русские сознание и общество отторгли восточное извращение «социализма». Властям надо помнить, что народ, эмоционально рванувшись к родной цивилизации, сделал свой европейский выбор ещё в августе 1991 года.

Увы, правительство недолго следовало за нацией, не говоря уж о том, чтобы помогать ей возвращаться к естественному пути развития. Поздний Ельцин и Путин вернулись к советской привычке ставить идеологемы выше прагматических интересов нации, и Запад вернулся к линии межвидовой борьбы.

Дело не в самой великодержавности, но в том, что её основательность прежде должна быть доказана неоспоримыми практическими преимуществами. Идеологизированный же глобализм не бывает успешным. С его участием на наших глазах распались Варшавский блок, СССР⁴, СФРЮ и Чехословакия. Тот же рок преследует СНГ, Россию и все новые государства, в которых состоят (квази)автономии — Украину, Грузию, Молдавию и Азербайджан. Замечу: я не отрицаю экономических, социальных и политических объяснений случившейся с Советами трагедии. Я не переписываю картину, но лишь дополняю её, помещая в контекст стабильных культурных кодов.

Если Россия, вдобавок к своим духовным, культурным, социальным, экономическим и политическими недугам, останется в плену миражей, её ждёт участь Союза. Тысячелетний проект может быть потерян за сто с небольшим, считая с 1917 года, лет.

Нынешним политикам не хватает понимания того, что страну не спасёт, пусть даже самое внушительное, но механическое увеличение военной мощи. Постоянно путая патриотизм с милитаризмом, власти лишь усугубляют идеологизированность своей политики. Мы должны оберегать нашу территориальную целостность не красивой фразой ради, а в прямом смысле для жизни на земле. Ибо нация, как всякий организм, работает на созидание, пока растёт. Когда она и её ареал начинают схлопываться, она переходит в режим умирания. Таков закон природы. Коль скоро эти процессы пошли в России после Первой Мировой войны, их следует остановить.

Чехия со Словакией пример не для нас. У них аграрная часть отпала от индустриальной: мы прошли такую возможность полвека назад. Да и работал там прагматичный западный проект, и поэтому были рациональные действия. Покуда же отчизна существует в рамках восточной девиации, тон в ней тон задают иррациональные эмоции, а потому раздел её в современном состоянии может быть только кровавым. Он похоронит мировой баланс, а мы станем дикарями в убогой резервации. Значит, наша ответственность перед собой и человечеством состоит в том, чтобы не допустить распада страны. Давайте всерьёз, с добрыми намерениями ко всем и разумно *позаботимся о себе*. От одного этого миру уже станет легче.

ВЫБОР ПУТИ

Полагаю, что программу самоликвидации, заложенную в нашу историю уже дорого стоившим людям⁵ вывертом в идеологизированную парадигму, остановит возвращение домой, в западный глобальный *политический* проект. Причём, это движение не потребует от России никакого над собой насилия. Ведь даже впад в восточную ересь коммунизма, Отчизна, — **очередной парадокс** — на практике проводила вестернизированную модернизацию. Такова была политика индустриализации, освоения Средней Азии и Кавказа, включая нынешние попытки адаптации Чечни, экспансии в Афганистан, Африку, арабо-мусульманский ареал и т.п.

Таким образом, западничество — в добром и дурном — оказывается вполне органично стране. В таком случае, надо внимательнее отнестись к тем двум формам, с которыми Запад ассоциируется теперь прежде всего: НАТО и Европейскому Союзу. Патриотический смысл

присоединения к обоим очевиден, так как тем самым будет гарантировано единство России, а на европейском направлении — созданы безопасные условия для её целостного возрождения. Кроме того, раз мы хотим вернуть себе место одного из мировых лидеров, надо иметь в виду, что никто в Евразии не может стать полюсом силы вне восточного или западного формата. Идея третьего пути бесплодна. Никому и никогда, даже СССР, не удалось её реализовать. Поскольку страна — неотъемлемая часть Запада, то именно внутри него и нужно стремиться стать самостоятельным центром влияния, вкупе с США и ЕС.

Спору нет, присоединение к Евросоюзу и НАТО имеет свои сложности. Например, контрпродуктивен отказ западноевропейцев от фиксации в конституционном договоре своей культурной идентичности. И без того бывшие достаточно туманными экономические перспективы единой Европы ещё и подкосил кризис. Европейский проект, при всеей его грандиозности, не может игнорировать глобальные процессы; здесь а настораживает многое: и миграционная экспансия Юга и Востока; катастрофическое положение с рождаемостью, рост популярности эвтаназии, всплеск молодёжных самоубийств в наиболее богатых обществах: если женщины там отказываются рожать, врачи помогают умирать, а подростки гибнут, то мужчины и социум в целом что-то очень неправильно делают.

Из этого ясно, что приобщение России к ЕС потребует глубоко эшелонированной, кропотливой, вдумчивой и спокойной взаимной работы по модернизации и конвергенции стандартов институтов и традиций. В том числе, по выравниванию векторов и темпа экономического роста, разделению и специализации рынка труда, в ходе которой предстоит закрепить русские национальные интересы и права наших граждан. Обилие объективных взаимных препон не означает, что нужно отказаться от этой стратегической линии. Но поскольку их устранение требует немалого времени, следует выработать общую правильную тактику комплексных встречных шагов, продвигаясь вперёд по мере открывающихся шансов, параллельно используя и иные возможности.

ПРЕИМУЩЕСТВА НАТО

Что же касается Организации североатлантического договора, то она быстрее, чем Европейский союз, приспособляется к новым членам и обстоятельствам. Да и её насчитывающие уже два десятилетия усилия по трансформации в систему безопасности не могут состояться без деятельного участия в этом России, т.к.

без нас глобальная конструкция потеряет устойчивость, что само по себе грозит планетарным переделом, в хаосе которого человечество может просто исчезнуть, и создаёт встречную заинтересованность в продвижении границы НАТО до Амура и позволяет нам при ведении соответствующих переговоров отстоять (без мелочности, но и ложной скромности) все принципиальные для нас моменты. Те, кто всерьёз противится объединению, впадают в саморазрушительную азиатчину. У нас не так много времени, чтобы возродиться или пропасть, и тратить его на пустые эксперименты преступно. Россия сейчас не настолько сильна, чтобы замкнуться в себе. Нам нужно время, дабы собраться. Чтобы его выиграть, надо включаться в евроатлантические структуры, поскольку выстраивать собственную, автономную от всех, систему безопасности, — дело весьма и весьма долгое и затратное. Придя в Альянс, мы поможем ему достичь ещё одной важнейшей цели. Поскольку его новые состав, масштаб и переориентация на линию Север-Юг создаст ему огромный объём работы по модернизации и укреплению своей целостности и управляемости и массу рутинных задач взаимной адаптации, западный проект будет заново прагматизирован и возвращён в своё естественное русло. Западу это выгодно и потому, что внутри организации мы становимся предсказуемым союзником.

Кроме того, членство в блоке актуальнее ещё по целому ряду причин. Во-первых, он объединяет страны сразу и Европы, и Северной Америки и укрепляет их перед лицом всё более ясной китайской угрозы. Во-вторых, совместные манёвры и операции доказали надёжность стыковки потенциалов, оружия и профессионального соответствия и взаимодействия военных обеих сторон. В-третьих, Обама и Андерс Фогг Расмунсен посылают нам совершенно ясные сигналы о готовности идти с нами на сколь угодно глубокое сотрудничество, полностью учитывая наиболее деликатные аспекты интересов нашей национальной безопасности. В четвёртых, опыт Франции и других членов показывает, что в его рамках можно вполне успешно проводить свою позицию. Главное — уметь её убедительно сформулировать и быть кооперативным. Аргумент оппонентов вступления в Альянс о диктате в нём США не проходит после его отказа подержать Буша в Ираке.

За покорность доморощенные ястребы выдают воспитанные в себе Западом дух солидарности и более глубокие, чем у нас, навыки коллективной дисциплины, позволяющие ему быстро вырабатывать паллиативы и эффективно принимать и проводить решения в общих интересах, а коли поиск согласия в том или ином вопросе

оказывается слишком сложным, находить ему устраивающую всех альтернативу. За примером далеко ходить не надо: накануне той же иракской операции Вашингтон отступил и нашёл иные пути реализации своих планов. Если и мы научимся хотя бы иногда смирять свой солипсизм и ограничивать прямолинейность, то вреда от того не будет. Чтобы быть правильно воспринятыми, надо проявить понимание важности названных качеств и способность ими руководствоваться.

Присоединившись к евроатлантическому сообществу в полном масштабе, мы, прежде всего, включимся в самую мощную оборонительную конструкцию северного полушария и обретём дополнительную надёжную солидарную защиту. Причём, найдём её сразу на всех четырёх до сих пор планируемых Генштабом направлениях противодействия потенциальным угрозам: на европейском и американском потому, что НАТО не конфликтует внутри себя; на южном — укрепим союз против террора; на восточном — укоротим амбиции Китая.

Наконец, вместо риска надорваться или промахнуться, ибо нельзя успешно подготовиться к конфликту на всех фронтах сразу, страна получит: во-первых, свободу манёвра инвестиционной активности в фундаментальные знания и разработки, включая оборонный НИОКР, за которые мы отвечаем в европейской цивилизации, и, во-вторых, расширение кооперации русского ВПК с зарубежными компаниями для входа наших технологий в закрытые нам пока секторы рынка вооружений.

Отечественный политический класс должен будет проявить тут предельный прагматизм, чётко сформулировать общенациональные, а не только бюрократические, интересы, дезавуировать замшелое пропагандистское клише враждебного Запада, прекратить демонизировать евроатлантизм и, наоборот, осознать, что, вступив в Альянс, Родина, в конце концов, оптимизирует решение ещё нескольких задач, которые привычно числятся среди наших традиционных полномочий. Так, пояс безопасности в северной четверти земного шара обретёт завершенность и целостность, сойдясь на обеих сторонах Тихого океана. Значение одного данного результата для мира невозможно переоценить⁶.

А ещё предложенный подход к проблеме, (не исключено, что путём слияния с ОДКБ,) серьёзно поможет нам справиться с ролью объединителей на постсоветском пространстве. Ведь в НАТО стремятся многие наши соседи. Всем понятно, что осуществить эти планы проще вместе. Принципиально важно, что, объединившись с Западом, мы решаем все свои проблемы: становимся мощным центром притяжения; возвращаем уважение и опаску восточным соседям; обретаем защиту от иных

потенциальных угроз. В союзе же с Востоком получаем одни сиюминутные выгоды.

К ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ

Большая сложность отношений с ЕС не означает, что неопределённость в них можно затягивать. Наоборот, учитывая, что Евросоюз (хотя там и не видят в русских элитах адекватного понимания и толковых переговоров) рассматривает перспективу объединения с нами как стратегическую неизбежность, и сроки, необходимые для решения всех возникающих тут вопросов, включая патристически чувствительную проблему Калининграда, предметные переговоры по ним нельзя откладывать. А поскольку здесь существует хороший задел — четыре общих пространства, — начать стоило бы именно с их максимально выгодного для нас расширения.

При этом нельзя забывать об истории, логике и целях создания единой Европы. С самого начала Шуманн и его наследники решали триединую задачу: исключения возникновения на континенте новых войн, смягчения течения и последствий экономических кризисов, мирное использование атома. Несмотря на периодические противоречия и отклонения, вроде прорывающихся иногда теперь настроений развивать проект *против* американцев, он и сейчас сохраняет свою генетически сугубую прагматичность. Если мы не хотим разогревать недоверие к России, то, принимая во внимание все названные обстоятельства, нельзя позволять себе, вместо продвижения позитивных программ, тонуть в иллюзиях относительно глубины внутриатлантических разногласий и тем более пытаться неуклюже играть на них.

Кроме того, надо исключить надуманные ограничения конкуренции на своём рынке для западных компаний. Ведь куда продуктивнее было бы, в рамках признанной практики, обуславливать сделки по приобретению крупной собственности ведущими транснациональными корпорациями разумными социальными обременениями. Например, программами улучшения экологии и среды обитания, развития территории и модернизации бизнеса, поддержки научных, образовательных и технологических проектов. Точно также стимулирование крупных инвестиций за рубеж и экспорт капитала при недофинансировании потребностей своего общества укрепляет у европейцев «восточный», нерациональный, ненадёжный образ России.

Неуместны и торможение проектов ТНК-ВР, давление на корпорации Шелл и Сименс и поворот экономической политики в сторону Китая, от которого исходит чувствительная угроза западным странам. Последнее

прекрасно понимает и цинично использует Пекин. Рассчитывать на него — хуже, чем преступление: политическая ошибка и близорукость.

В общем, у нас нет времени на сомнения. Чтобы сохраниться, Россия должна кардинально поменять свои укоренившиеся за период советского помрачения привычки. Иначе Кремль просто рискует пролететь мимо своего окна возможностей. Чтобы исправить развивающийся в своей логике негативный тренд, первейшие прикладные шаги надо направить на радикальное улучшение инвестиционного климата.

Среди них должна обязательно быть процедура реституции, включая все разумные обременения и ограничения её получения и использования в натуральной форме либо способ, сроки и размер компенсации за неё, конфискованной большевиками собственности достаточным и законным наследником её бывших хозяев. Данная мера убедительнее многих заверений и законов покажет, что власти современной России всерьёз уважают права частных собственников, и подхлестнёт процесс возвращения вывезенного за границу капитала. Она может также ускорить репатриацию части «старых русских», преуспевших за границей, чьи нынешние обстоятельства означают не только наличие собственных солидных состояний, могущих быть вложенными в страну, но и широких финансовых и политических связей, т.е. значительного потенциала улучшения её экономического и международного положения. Что, в свою очередь, послужит сигналом к увеличению масштабов привлечённых собственно иностранных средств.

Кроме того, если вернувшиеся потомки эмигрантов первой и второй волн окажутся довольно многочисленными, это заодно поможет улучшить качество и состав элиты, включив в неё ответственный и влиятельный национально (масштабами страны) мыслящий сегмент. Не менее важно куда более уважительное, чем у нового бизнеса, отношение старого русского зарубежья к сфере культурного, нравственного, духовного развития. Понимание им первостепенного значения универсальных знаний и вложений в фундаментальные науку, образование, медицину, культуру, как социальных инвестиций в инфраструктуру жизни, не как точек чистых затрат, но источника будущего роста. Участие репатриантов в хозяйственной жизни России также будет содействовать возвращению обратно недавно выехавших интеллектуальных и культурных кадров, то есть наращиванию конкурентных преимуществ, в которых у нас нет сопоставимых соперников. Всё это обеспечит, взамен погубившего СССР мнительного противостояния,

достойное уникального потенциала страны её место в европейском проекте и перспективу подлинной конвергенции разных его компонентов в одно неантагонистичное целое.

Когда с помощью тонкой экономической настройки мы справимся с широким структурным манёвром в стратегические социальные инвестиции, Запад сам придёт к нам за поддержкой. Более того, такой дрейф уже начался. Майкрософт несколько лет разрабатывает и производит в Нижнем и Питере программное обеспечение, чей экспорт ежегодно растёт на четверть. Боинг открыл свой крупнейший и новейший инженерно-конструкторский центр для создания перспективных моделей в Москве. Европейский центр ядерных исследований неэффективен без наших научных наработок. «Моторола», «Интел» и «Сан» заказывают здесь свои новые решения. В США на треть сократили ассигнования на науку, признав, что уровень компетентности их выпускников на голову ниже наших. А их предприниматель рвётся вкладывать в наши «умные» сектора. Ибо теория без технологий живёт, надо только постоянно финансировать её непрерывный рост. А они без неё — нет.

Похоже, мы накануне переноса к нам важнейших наукоёмких бизнесов. Этот процесс не надо ни тормозить, ни искусственно подталкивать. Вспомним, что начале XX века Россия уже почти стала деловой Меккой Европы и самой динамичной экономикой мира, но сгорела в пламени мирового конфликта. Оттого-то надлежит стране более всего заниматься самой собою, оптимизируя свои конкурентные позиции. То есть, создавая исчерпывающие условия для возврата уехавших и пестования новых мозгов (понимая, что их много не бывает), а значит, решая по ходу демографическую проблему и вопрос удержания территории с помощью роста её населения. В данном контексте получает свежее звучание и тема возрождения деревни как среды жизни и обычной и инновационной деятельности.

Не будет преувеличением сказать, что судьба европейской цивилизации сейчас в наших руках. Даже после массовой «утечки мозгов» Россия обладает, при 11,5% суши и 2,3% населения планеты, 24% интеллектуальных ресурсов человечества. В универсальных знаниях у неё вовсе нет сопоставимых соперников: за рубежом до 75% их производят выходцы из СССР. Эти ниши и следует решительно отстаивать и сохранять за собой. Ибо широкое культурное образование и соблюдение традиционных норм этики (упомяну лишь столь актуально звучащие в кризис слова Фукуямы, что нравственность обладает мощным потенциалом увеличения богатства) становятся главным мотором прагматичного развития.

Речь тут надо вести и о кардинальной реформе армии и её оснащения, о стимулировании НИОКР военного и двойного назначения и производстве высокоинтеллектуальной продукции в оборонном комплексе ради соответствия вооружённых сил актуальным вызовам и передовым системам, чтобы наша совместимость с последними, взамен нынешней готовности генералов к архаичной войне, не была утрачена к тому времени, когда она сможет быть востребована.

ХИМЕРЫ

Увы, вместо деятельного движения к союзу, начиная хотя бы с поставок энергоносителей в Северную Америку, и Россия, и США в поиске сепаратного выхода пытаются за спиной друг у друга договориться с Китаем. Одни подогревают его территориальные аппетиты, другие считают, что смогут его использовать в своём противостоянии с Вашингтоном. При этом обе стороны упускают главное: подобно тому, как турки, когда за их расположение состязались Византия и западные королевства, не были намерены ни с кем договариваться надолго, китайцам ныне тоже нет в этом никакой нужды, поскольку они имеют перед собой совсем другие ориентиры и стандарты. Во-первых, для ханьцев существует единственный вид мировых господ, ибо только самих себя они считают обладателями божественного мандата на управление земной жизнью. Насколько серьёзно они относятся к своему избранничеству, показывают неоднократные еврейские погромы в Пекине и Шанхае в XX в., хотя крошечная иудейская община не обладает там никаким влиянием. Волну насилия власти объяснили сугубо идеологическими мотивами — под Небом только один народ (и это китайцы) может быть его представителем. В последнее время в этом же отношении очень характерна тональность антияпонских выступлений. Во-вторых, европейцев и американцев в Поднебесной за глаза именуют «ваньдзю вандзе»: «заморские черти». При этом (вспомним, что понятия в китайской культуре шире определений, а ум и сердце неразделимы, как душа и тело) их считают бесами в буквальном смысле. Кстати, отношение к русским отнюдь не более завидно. На нас они смотрят со смесью восхищения, зависти и презрения. Последнее мы заслужили за то, что, обладая мощной культурой, не ищем в ней опоры, а постоянно насилуем её и отказываемся находить в прошлом точки отсчёта для насущной модернизации. Имея великих мудрецов, понимавших значение традиции и духовный смысл прогресса, не следуем их советам. Располагая такой литературой и древней живописью,

утратили известное им знание о качествах времени и связях интеллекта с душой. Наконец, надо помнить, что всякий, в том числе китайский, магизм принципиально враждебен любой христианской культуре. В-третьих, китайцы ни у кого не видят адекватного себе понимания перспективы: если у них краткосрочной называется программа, рассчитанная до 10-ти лет, среднесрочной — до 25-ти, а долгосрочная начинается с 50-ти, то в экономике потребления те же показатели соответствуют 5, 10 и 25 годам, а у нас — 1, 3 и 7-10-ти. При такой рассогласованности плодотворное взаимодействие проблематично.

Поэтому вера Запада во всемогущество прикладных временных решений, когда речь идёт о Китае и когда экономика потребления оказалась в беспрецедентно глубоком системном кризисе, выглядит наивно. Ведь ясно, что если развитые экономики и демократии, оказавшись в качественно худшем положении, чем прежде, окажутся неспособны принять решения, кардинально меняющие характер капитализма, то вполне возможно, что через пару десятилетий руководить миром будет не Вашингтон, а Пекин, который уже захватил и/или привязал к себе многие западные рынки, и база компромисса с которым потому тает на глазах.

Тем более простодушны отечественные упования на умиротворение Поднебесной через серию локальных пактов. Убедить нас в том, что союз с ней может быть нам стратегически выгоден после установления союзнических отношений с США, должна бы была уже одна её *de facto* индифферентность к острой для нас проблеме терроризма. Полезно также помнить, что, в отличие от наших внутренних разногласий с евроатлантической цивилизацией, история которых насчитывает менее века, и которые в силу этого относительно легко преодолеть в ситуации, когда мы оказались в одной лодке, заигрывать с Востоком вообще опасно: в прошлом у нас 900 лет жёсткого противостояния, о котором он ничего не забыл. И сейчас он, умащая лестью, цинично (такова обычная участь перебежчика) использует в своей игре со Штатами впасть в восточную ересь России. Непонятно, на чём тут основана уверенность Кремля, что страна в дальнейшем будет гарантирована от «союзной» агрессии с Дальнего Востока. Ведь за последние 25 лет экономика Китая опередила русскую более, чем в 6 раз, и продолжает расти. Очевидно, что логика её развития скоро, вслед за уже идущей ползучей, потребует открытой экспансии. Всплеск на таком фоне интереса к русскому языку у китайских студентов, в армии и полиции должен настораживать. Но, вместо этого, мы самоубийственно продаём туда современное оружие, зачем-то

убаюкивая себя тем, что за Уралом могут обитать только жители северных китайских провинций, и забывая, что для освоения Сибири как раз хватит нескольких сот миллионов северян.

* * *

Когда мы всерьёз возьмёмся за свою ответственность в европейской модели, то есть погрузимся в по-настоящему патриотическое дело, тогда страна обретёт привлекательность для проживания, деятельности и сотрудничества. Нет ничего нереального, в частности, в приёме западных выходцев для обучения на русском языке и их жизни на свободных территориях, где есть инфраструктура и граждане, отвечающие минимально привычным им стандартам, что станет важным элементом нужного нации демографического роста.

Для этого надо не гоняться за тотальным превосходством над развитыми экономиками, но понять, что наша специализация — уникальные знания и эксклюзивная продукция, без которых не сформируешь запрос на тираж, — и сосредоточиться на универсальных образованиях, науке, культуре, медицине. Если Южная Корея нашла свою цель в «интеллекте и традиции», почему нам не обрести её в «знаниях и творчестве»? Чем не национальная идея — стать локомотивом европейской цивилизации? Мы обладаем неповторимым ресурсом культуры (даже базовый диагноз кризиса западной модели цивилизации дал Питирим Сорокин, он же отточил и ключевые принципы социального партнёрства и европейского «социализма»), который никому иному не по силам в общем проекте. Следует лишь отдать себе отчёт в том, что культура есть не свободный набор простеньких признаков, а сложная система. Так нация сохранит себя. И вернёт вторую половину мозга западному проекту. Станет его интеллектуальным трестом и умом сердца, заняв своё достойнейшее место.

Поэтому не стоит посыпать голову пеплом из-за того, что в стране беда с выпуском своих серийных автомобилей: зато десятки штучно работающих тюнинг-ателье, заваленные заказами на годы вперёд. Точно также в авиационной промышленности мы разрабатываем аэродинамику, материалы, корпуса и формируем идеологию и требования к авионике и двигателям, которые изготавливают европейцы и израильтяне. Надо не плодить подмастерий и не дурманить себя призраками жандармской державности, а возродить крепкую политическую и гражданскую нацию, уважаемую за авторитет разума, силу духа и нравственного аргумента. Россия впервые имеет шанс достичь всего, не эксплуатируя жертвенность, и заботясь, прежде всего, о себе самой, уравновесить рассудочность западного проекта и укрепить тем самым мировой баланс, ни в чём не поступившись своими приоритетами.

Примечания

¹ За исключением Израиля, где противостояние пролегал между городской/денежной формой цивилизации и сельской, где главные ценности — земля и вода.

² Речь идёт о преимущественных характеристиках культурных моделей Запада и Востока.

³ Столь откровенный ответ китайского императора британскому монарху Георгу III так поразил Арнольда Тойнби, что даже русский дайджест его трудов пестрит ссылками на него.

⁴ Историческая заслуга М.С.Горбачёва в том, что он интуитивно бросился навстречу Западу, отчего и проявлял известную уступчивость. Сумей он провести политику вестернизации, у СССР были шансы сохранить единство, вместе с Прибалтикой.

⁵ Наш народ (до 70% численности) век живёт в состоянии тяжелейшего стресса — войны, революции, голодоморы, разрухи, репрессии, гонка вооружений, резкие изломы с 30-х по 90-е, кризисы. Оттого он и тоскует по «застою», периоду относительного покоя.

⁶ Наличие или отсутствие общих границ сейчас не имеет такого значения для возникновения конфликта, как ещё несколько десятилетий назад. ■ ■ ■

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ О ФЕДЕРАЛИЗМЕ

Теория и практика федерализма: международный опыт

Алла ЯЗЬКОВА

Эффективное функционирование входящих в систему евро-атлантической цивилизации государств, а в эпоху глобализации — также и их многостороннего общения — во многом обусловлено наличием общей для многих из них политической самоорганизации общества — федерализма¹.

Само понятие федерализм теснейшим образом связано с появлением и развитием современных общественных отношений, рыночной экономики, гражданского общества и национального государства. В основу созданной на его основе формы государственности заложена необходимость формирования геополитического пространства государства как объединения на договорной основе территорий членов (субъектов) федерации. Они, в свою очередь, наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая наличие собственной конституции.

Особенность федеративного устройства, в отличие от **унитаризма**, с одной стороны, и **конфедерации**, с другой, состоит в том, что, наряду со сложившейся в евро-атлантическом мире практикой горизонтального разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная ветви), оно предусматривает также вертикальное разделение властных полномочий между различными уровнями — федеральный центр, субъекты федерации, местные органы власти. Полномочия и компетенции федеративного центра и субъектов федерации определяются союзной конституцией,

которая предусматривает возможность наличия единого (федеративного) гражданства и/или гражданства федеративных единиц. Наконец, в современных условиях во многих странах, включая также государства западной цивилизации, заявляет о себе проблема соотношения принципов федерации с необходимостью решения национальных проблем, что становится особенно актуальным в связи с усилившимися тенденциями роста национального самосознания, а также колоссально возросшими потоками миграций.

ФЕДЕРАЛИЗМ — ЧТО ЭТО?

В российской и зарубежной политологической и правовой литературе существует множество определений и трактовок понятия «федерализм»². Обобщая их, известный теоретик федерализма Д. Дж. Элейзер указывал на наличие целого ряда подвидов федерализма³.

Это — и собственно *федерация*, предполагающая наличие наделенного властными полномочиями центрального правительства, при этом составляющие федерацию субъекты получают право на самоуправление и на соучастие в общем конституционном управлении. Для роспуска федерации необходимо согласие всех или большинства входящих в ее состав субъектов. Важной ступенью к развитию современных форм федерализма стала *конфедерация*, при которой ее участники сохраняют суверенитет и законодательные полномочия и

располагают правом свободного выхода. По мнению Д. Дж. Элейзера, наиболее характерный пример конфедерации в современных условиях — Европейский Союз. Менее известно такое понятие, как **федератизм** (*federacy*), предполагающий установление ассиметричного типа взаимоотношений между субъектом и более крупной федеративной державой при наличии широкой автономии субъекта. Иногда этот тип взаимоотношений определяется, как *содружество* (*commonwealth*), его примеры — отношения США с Пуэрто-Рико или Гуамом. Одна из форм федератизма — *ассоциированная государственность* (*associated statehood*).

Существуют также *унии* (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии), *лиги* (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), *кондоминиумы* (Андорра под совместным протекторатом Франции и Испании).

Что касается собственно федерации, то ученые-правоведы выделяют три ее наиболее известные категории, отражающие различные формы взаимоотношений между центром и субъектами, преимущественно в сфере экономики — договорную, централистскую и кооперативную федерации, позволяющие проследить тенденции исторического развития социально-экономических основ федеративной государственности⁴.

Договорная форма основана на передаче объединяющимися субъектами (государствами) части своих прав новообразованному центру, и федеральное правительство не может приобрести дополнительных прав, прежде всего, в сфере экономики, без предварительного согласия субъектов, поскольку оно сформировано ими.

Централистская форма основывается на том, что социально-экономическая (соответственно, и политическая) жизнь в отдельных частях государства должна регулироваться решениями общегосударственных органов. Идеологическим обоснованием этого служит тезис о том, что только народ страны образует единственно законный источник суверенной власти, и потому решения центрального правительства являются приоритетными и обязательными.

Кооперативная форма получает в Европе все большее распространение, будучи основана на социальном и экономическом сотрудничестве между федеральным центром и субъектами федерации, подверженном, в то же время, коррективам в соответствии с создающимися новыми условиями. При этой форме широкое распространение получают целевые программы развития, при реализации которых повышается роль субъектов федерации, развиваются конкурентные отношения между ними.

В процессе исторического развития конкретные формы федеративного устройства того или иного госу-

дарства подверглись изменениям в вопросах взаимоотношений между федеральным центром и субъектами федерации, преимущественно, в сторону их ужесточения. Нельзя, однако, не признать, что заложенные в основу федерализма как одного из наиболее масштабных явлений европейской цивилизации нового и новейшего времени общетеоретические постулаты и сложившиеся на практике «правила игры» сохраняются по сей день. На современном этапе вырисовываются также и перспективы утверждения *Европейского федерализма* — особой, находящейся в становлении формы экономического и политического союза государств Западной и Центральной Европы.

Сегодня из общего числа политически суверенных государств мира лишь 24 отвечают критериям федерализма, но в них проживает более 2 млрд. чел. или около 40% населения планеты⁵. Федерализм сохранился в большинстве развитых европейских стран, несмотря на то, что в годы второй мировой войны их территории подвергались неоднократным изменениям. В послевоенные годы преимущества федерализма по сравнению с унитаризмом были оценены целым рядом ранее унитарных и в то же время многонациональных и многоконфессиональных государств. Постепенно они приходили к соответствующим конституционным решениям, исходя из того, что лучшим способом совместного проживания является децентрализация власти, ее передача на более низкие этажи политико-управленческой системы и превращение находившихся под угрозой раскола государств в федерации. Такого рода решения были приняты в конце 1948 г. Индией, в 1969 г. Бельгией, в 1975 г. Испанией. Устойчивая тенденция к возрождению федерализма отмечается сегодня и в других странах, ориентирующихся на экономически наиболее развитые — США, ФРГ, Канаду, где, несмотря на все существующие проблемы, очевидны преимущества федеративного устройства. В то же время показателем также и возросший интерес исследователей к изучению причин, породивших распад федераций на территориях бывшего СССР, СФРЮ, ЧССР.

В зарубежной и отечественной литературе последних лет постоянно подчеркивается взаимная зависимость развития федерализма и демократии. Именно процессы либерализации и демократизации общественно-политических систем на протяжении всего нового времени и, особенно, в XX веке способствовали как появлению теорий и концепций федерализма, так и становлению федеративных государств⁶. Примечательно в этой связи наблюдение автора изданной в США книги И. Дукачека:

* Язькова Алла Алексеевна, профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник института Европы РАН.

федерализм — это «территориальное выражение внутреннего кредо демократии»⁷. А Д.Дж.Элейзер полагает, что, будучи средством укрепления демократического республиканизма посредством последовательного проведения в жизнь принципа разделения властей, как по горизонтали, так и по вертикали, федерализм был поэтому неприемлем для тоталитарных режимов.

Истоки федерализма

Элементы федерализма (конфедерализма) существовали еще в античности (Древняя Греция, Античный Рим) и в период Средневековья, но в их современном понимании идеи федерализма возникли в западно-европейской общественно-политической мысли в эпоху раннего нового времени. Одним из первых, кто обратился к этой проблеме, был Иоханнес Альтузиус (1562 — 1638), разработавший «федеральную теорию народного суверенитета», согласно которой государство характеризовалось как союз общностей, возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особыми соглашениями⁸.

Разработку идей федерализма продолжил один из лидеров квакерского движения в Северной Америке Уильям Пенн (1644 — 1718), опубликовавший книгу «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе» и изложивший в ней план создания на договорной основе «всеобщего союза (федерации) государств», не только западноевропейских, но также России и Турции под управлением Верховного совета, Парламента или Палаты государств Европы⁹. Эти же идеи развивал Жан Жак Руссо (1712 — 1778), подчеркнув те моменты, которые казались ему особенно важными, в частности, мысль о том, что государственное устройство и характер внутренней политики страны являются существенным условием для обеспечения внешнего мира: «Создайте европейскую республику на один день — этого будет достаточно, чтобы она существовала бесконечно, так как каждый из людей обнаружит на собственном опыте множество выгод для самого себя в общем благе», — утверждал он в опубликованной в 1761 г. статье «Суждение о вечном мире»¹⁰.

К осмыслению идеи европейского федерализма обращались многие, но первым, кто выявил объективную закономерность, которая принудила людей к созданию государства и должна неизбежно способствовать созданию союза народов, несомненно, был Иммануил Кант (1724 — 1804). Отвергая деспотический образ правления, Кант впервые установил связь между *республиканизмом*, как формой правления, основанной на конституции («на акте общей воли, благодаря которому

масса становится народом») и принципом отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной. Им же было сформулировано положение, по сей день сохраняющее принципиальную важность: о *федерации*, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к всеобщему миру. «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств»¹¹, утверждал И.Кант.

Таким образом, европейская общественная мысль уже к началу XIX века выдвинула принципиально важные положения, которые могли быть положены в основу практической политики федерализма. Но опыт федерализма в Европе пока еще был недостаточным. Одной из первых европейских федераций был созданный в 1291 году конфедеративный союз трех кантонов — Швиц, Ури, Унтервальден. Вся дальнейшая история свидетельствовала о тенденции к трансформации швейцарской конфедерации в федерацию, что фактически и произошло уже в XIX веке.

Швейцарская Конфедерация (таково официальное название государства) остается одним из самых прочных государственных образований в Европе. Ее основной закон — окончательно утвержденная в 1874 г. конституция — действует по сей день, большую роль играют также проводимые ежегодно референдумы, принимающие и утверждающие новые законы.

Федерацией семи соединенных провинций была основанная в 1579 г. и недолго просуществовавшая Нидерландская республика, оставившая имя современному государству Нидерландам.

АМЕРИКАНСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Принципиальным шагом в развитии и утверждении федеративных начал стало образование Соединенных Штатов Америки.

Во времена обсуждения американской конституции 1787 г. принадлежавшие к плеяде «отцов-основателей» американской нации А.Гамильтон, Д.Мэдисон и Д.Джей опубликовали под общим названием «Федералист» серию статей, пропагандировавших единство США на федеративной основе, и в результате сумели завоевать общественное мнение, получив поддержку Т.Джефферсона. Согласно конституции, в США была установлена федеративная форма государственного устройства, предусматривавшая жесткое разграничение полномочий и компетенций между Центром и Штатами. К исключительному ведению центра были отнесены: регулирование внутренней и внешней торговли, установление налогов и сборов, чеканка монеты и определение ее стоимости,

учреждение федеральных органов власти, набор и содержание армии, осуществление внешних сношений, регламентация авторского права и вопросов натурализации, управление территориальными владениями США¹².

За штатами сохранялась «остаточная» компетенция: т.е. вопросы, которые не были отнесены основным законом или принятыми поправками к ведению федерации. Но в последней трети XX века роль штатов и местных органов власти на практике стала возрастать, и в этой связи многие исследователи и наблюдатели отмечали наступление эры «нового федеративного порядка» и перераспределения полномочий в пользу штатов. Так, ряд штатов пошел на дополнение перечня основных прав и свобод человека, не перечисленных в федеральной конституции (в сфере защиты окружающей среды, образования, прав на медицинские услуги и совершение актов гражданского состояния, не говоря уже о различиях в налоговом законодательстве)¹³.

В современном евро-атлантическом мире федеративная система США представляется наиболее устоявшейся (сложившейся). По оценке специалистов, федерализм окончательно утвердился как одна из фундаментальных основ построения и развития американской государственности и политической организации общества, став частью американского образа жизни¹⁴. И все то главное, что присуще федерализму в его американском измерении, связано с фактом его превращения из чисто правового феномена (формы государственного устройства) в эффективное средство решения многочисленных проблем, в неотъемлемый образ жизни и систему ценностей всего американского общества.

Некоторые американские штаты по численности населения, размерам территории и возлагаемым на их руководителей полномочиям сопоставимы с независимыми государствами современного мира (в качестве примера можно привести Калифорнию с населением 34 млн. человек и правительственным бюджетом почти 100 млрд. долл.). По показателю объема ВНП 25-ти ведущим странам мира не уступают 10 штатов США, а с 75-тью странами сопоставимы все 50 штатов США¹⁵, и это не может не сказаться на характере отношений властей различного уровня — от федерального до муниципального. По свидетельству американских специалистов, вопросы федеративного развития и межправительственных отношений сегодня «занимают крайне важное место», хотя пока еще не смогли «трансформироваться в риторику предвыборных президентских кампаний или оказаться в фокусе общественного мнения»¹⁶.

Глобализация способствовала появлению новой составляющей американского федерализма, имеющей

стратегический и геополитический характер. Конкуренция таких мощных экономических соперников, как Европейский Союз, Япония, страны АТР на практике привела к возрождению, хотя и в новых формах, доктрины Монро, созданию под эгидой США зоны свободной торговли первоначально с Канадой, а затем по оси Канада-США-Мексика. В дальнейшем это не исключает нового типа конфедеративных союзов в западном полушарии, и уже сегодня привело к значительно более широкому участию субъектов американской федерации в международных связях и контактах. Если в 1970 г. только четыре штата США имели свои агентства за рубежом, то в настоящее время уже 42 штата и Пуэрто-Рико располагают сетью в 180 международных агентств и миссий в 30-ти странах мира¹⁷.

По оценке специалистов, американский федерализм, наряду с известной системой «сдержек и противовесов», сегодня приобрел роль достаточно эффективного балансира в перераспределении властных полномочий между центром, штатами и местным самоуправлением. Его способность к «самонастройке» не позволяет противоречиям между различными уровнями власти выливаться в конфликты, предлагая их политико-правовое разрешение на более ранних стадиях, что также характеризует качественно новый, «зрелый» уровень в развитии федеративных отношений в американском обществе.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Исследуя многочисленные разновидности и формы федерализма, сложившиеся к настоящему времени в Европе, специалисты различают:

- федерализм в англоязычных странах, имея в виду также и опыт колониального федерализма Британской империи, последующий опыт Британского содружества наций, а также проблемы унии Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Ольстера);
- специфику федерализма в германоязычных странах, прежде всего, в Германии и Швейцарии;
- федеративные черты, в различной степени проявившиеся в ходе автономизации ранее унитарных государств — Франции, Италии, Испании, Бельгии¹⁸.

Германия

Наибольший интерес представляют процессы утверждения федерализма в **Германии**, где его истоки прослеживаются в далеком прошлом. Священная Римская империя германской нации существовала в Средние века как союз феодалов, не сделавших ни шага

к формированию единого государства и в этом смысле затормозивших формирование немецкой нации. Германский (Северогерманский) союз (1815 — 1866) был всего лишь конфедерацией без центральной исполнительной власти. Реализацию национальной идеи затруднял и постоянный антагонизм между Австрией и Пруссией¹⁹.

Тем не менее, специалисты усматривают федеративный элемент в государственном устройстве Германии уже с начала XIX века, когда формирование необходимых для дальнейшего социально-экономического развития структур федеративного типа затруднялось противоречивыми устремлениями разобщенных княжеств: объединению (созданию союзного государства — *Bundesstaat*) препятствовало сохранение локальной самобытности баварцев, баденцев и т.д., их менталитету больше соответствовал Союз государств (*Staatenbund*)²⁰.

Созданная в 1871 году Германская империя сочетала в себе различные традиции и принципы при доминировании прусской государственности (доля прусского населения превышала 60%, а прусский король стал императором Германии). К началу XX века в империи сложилась устойчивая тенденция к унитаризму, при которой понизилось влияние бундесрата (федерального совета) и повысилась роль рейхстага как выразителя общих интересов империи²¹.

В дальнейшем германский федерализм испытал на себе последствия поражений в двух мировых войнах, господства тоталитаризма, оккупации и расчленения Германии после второй мировой войны.

Конституция Веймарской республики вобрала в себя различного рода настроения, однако централистские тенденции в ней возобладали, в результате чего был утвержден приоритет общегосударственного права над законодательством земель. Президент получал возможность использовать против вышедшей из повиновения земли вооруженную силу. Были расширены и другие его полномочия, что сыграло, как известно, трагическую роль в начале 1930-х годов²².

Государство национал-социалистов положило конец не только парламентаризму и демократии, но и федерализму как принципу государственного устройства. Вполне осознанное и поддержанное европейскими структурами стремление к преодолению абсолютной централизации времен нацизма во многом определило последующие шаги государственного строительства в ФРГ в направлении создания федерального (союзного) демократического устройства, при этом федерализм со свойственной ему системой сдержек и противовесов был противопоставлен унитаризму, который ассоциировался с политикой гитлеровского «третьего рейха».

В ходе федеративного строительства в Западной Германии была проведена перекройка земель (при сохранении их исторической специфики и названий), что частично объяснялось необходимостью преодоления диспропорций в их экономическом развитии, частично же — проблемой избавления от «антипруссского комплекса». В отличие от этого, в государственном строительстве ГДР преобладали централистские начала, нивелирование регионального разнообразия. В результате накануне объединения (в 1990 г.) в западной части Германии было 11 земель, включая Западный Берлин, а в ГДР — 5 земель, которые в 1952 г. были расчленены на административные единицы и восстановлены лишь в 1990 г.. Тогда же Западный Берлин был объединен с Восточным в качестве новой федеральной земли. Но и сегодня все еще остаются различия в демографическом и экономическом потенциале земель ФРГ, что особенно касается все еще не преодоленного разрыва между западными и восточными землями²³.

Тем не менее, специалисты полагают, что сегодня уже можно говорить о государственном устройстве ФРГ, как о «работающем федерализме», относя его к категории *кооперативного федерализма*. Это подразумевает существенную роль переговоров с целью согласования интересов и позиций федерального центра и земель, поэтому современный германский федерализм иногда называют «переговорной демократией»²⁴. В то же время для него характерно четкое разграничение компетенций и полномочий, а также равноправие земель в отношениях с федеральным центром.

Согласно конституции, в ведении федерального центра находятся внешние сношения, оборона и безопасность, финансовое и валютное регулирование, федеральный транспорт, федеральная государственная служба. К сфере «конкурирующей компетенции» относятся гражданское, уголовное и процессуальное право, законодательство по использованию ядерной энергии, земельное и жилищное законодательство. Все, что не относится к исключительной компетенции федерации и «конкурирующей компетенции», входит в законодательную компетенцию земель (внутреннее административное устройство земель, культура, средства массовой информации, школа, законодательство о местном самоуправлении).

Федерализм в Германии работает успешно, несмотря на все невзгоды, которые пришлось пережить немецкой нации (в понимании “nation state”) за последние два века. За это время Федеративная Республика Германия стала классической симметричной федерацией, весь ход развития которой подтверждает мысль о том, насколько

большое, если не решающее значение имеет «почва», на которую «высаживается» федерализм. Прижиться и заработать федеративным институтам позволили давние региональные традиции в сочетании с проявленной на всех уровнях общества последовательностью в восстановлении демократических свобод после падения нацизма.

В XX веке федеративные черты в различной степени проявлялись в ходе автономизации многих европейских государств, в прошлом унитарных.

Франция

В 1951 г. Вестминстерским статутом было оформлено **Французское сообщество**, федерация Франции, ее заморских территорий и бывших французских колоний, изъявивших желание остаться в Сообществе после получения независимости (в 1962 году на основе подписанных после многолетней войны Эвианских соглашений получил независимость Алжир).

В конце 60-х годов во Франции предпринимались попытки реформирования административно-территориального устройства, планировалось укрупнение административных единиц — 96-ти департаментов, повышение уровня их автономии и реального статуса, что сократило бы возможности их управления из центра. Но поскольку позиции сторонников сильного центра во Франции традиционно сильны, эти планы постоянно вызвали противодействие, особенно, в среде правых. Против них высказались и левые, усмотревшие в их продвижении антидемократизм в системе управления.

Тем не менее, Франция вынуждена была расширить автономные права наиболее проблемных регионов, к числу которых относится Корсика, самая отсталая в экономическом отношении часть Франции и в то же время по уровню жизни превосходящая большинство французских департаментов. Несмотря на достаточно крупные «вливания» (по некоторым данным в середине 1990-х гг. остров ежегодно получал 11 млрд. франков только правительственных субсидий, не говоря о финансовой поддержке со стороны Евросоюза), вооруженное противостояние сепаратистов, объединенных вокруг Национального фронта освобождения Корсики — НФОК, не прекращалось.

В 1991 году Корсика получила статус «нового территориального образования», и обсуждение этого вопроса вылилось в ожесточенные дискуссии о том, не нарушится ли принцип неделимости республики, если какая-либо часть метрополии будет располагать

автономными институтами. В конечном счете, была одобрена формулировка, согласно которой «Французская республика гарантирует... корсиканскому народу — составной части французского народа — право на сохранение его культурных особенностей и на защиту его специфических социальных и экономических интересов, если они не наносят ущерба национальному единству и целостности Франции»²⁵. Договор, закрепивший особое положение Корсики в составе Франции, можно рассматривать не только как вынужденный компромисс между центром и одной из территорий, но и как появление федеративных черт в унитарном государстве, что не могло не усилить тенденции к расширению самостоятельности других областей (Бретань, Бургундия и др.)

Испания

Постепенное расширение федеративных тенденций заметно также и в **Испании** — формально унитарном государстве, которое современные эксперты в области конституционного права нередко определяют, как «федерацию де факто»²⁶, хотя в конституции 1978 г. термин «федерация» отсутствует. Характерно, что по причинам противоположного свойства против употребления этого термина выступали националистические партии Каталонии и Страны басков. По мнению их лидеров, федеративное устройство уравнило бы их особый статус «исторических регионов» со статусом провинций, не обладающих особой культурно-исторической идентичностью. Центр же отвергал идею федерализма, как представляющую опасность для целостности государства. В конституции 1978 г. в этой связи специально записано: «Ни в коем случае нельзя принимать форму федерации для автономных общностей»²⁷.

После падения режима Франко и восстановления монархии в Испании получила развитие своеобразная модель, которую специалисты определяют, как «государство автономий» («автономизация»). В каждой из существующих 17 автономных общностей принимаются местные законы, создаются местные органы управления, деятельность которых контролируется правительством, Конституционным судом, Счетной палатой. Но в целом государство остается унитарным, его основу составляет единый суверенитет, хотя и далеко не бесспорный.

Италия

В отличие от Франции и Испании, в **Италии** после второй мировой войны были проведены административные реформы, которые определяются как «конституциональная регионализация». В 1948 — 1963 гг. в стране были образованы 5 автономных областей, наделенных

достаточно широкими полномочиями, впоследствии их число расширилось до 20²⁸. В автономных областях (регионах), которые, в свою очередь, разделяются на провинции и коммуны, действуют выборные органы власти, осуществляющие законодательные, исполнительные распорядительные и другие функции, а председатели советов представляют области вовне. По мере внедрения практики деления на регионы Италия стала приобретать черты федеративного государства.

В специальном разделе опубликованного в 2003 г. обширного труда итальянского научно-исследовательского института EURISPES «Федерализм: Италия трех скоростей» отмечено, что заложенные в конституции 1948 г. фундаментальные принципы регионализации и децентрализации власти не реализовывались до принятия в 1970 г. закона, расширявшего круг полномочий регионов. Принятый в 2001 году конституционный закон об изменении пятой главы второй части итальянской конституции подтверждал административные и налоговые компетенции коммун, провинций и регионов, предоставление большей власти местной администрации и усиление ответственности гражданского общества в делах управления на местах.

Не случайно и само название раздела: вывод авторов сводился к тому, что интенсивность процессов федерализации на Севере, в Центре и на Юге позволяет вести речь об «Италии трех скоростей». Особенно активны на этом направлении правоконсервативные партии Севера. В связи с обсуждением в парламенте в феврале 2004 г. правительственного законопроекта о реформе государственных институтов и внесении изменений в конституцию глава Лиги Севера, сенатор У.Босси заявил, что для него реализация федерализма является «категорическим императивом»: «Я буду добиваться этого, даже если придется вступить в союз с дьяволом». В практическом плане речь шла о реорганизации парламента и создании Федерального сената, и в центр дискуссии был вынесен вопрос о принятии «смешанной модели» формирования этого органа или более определенной модели по типу немецкого бундесрата, на чем настаивала «Лига Севера»²⁹.

Можно, таким образом, утверждать, что в Италии на смену конституционной регионализации постепенно идет федерализация республики, однако интересы и позиции различных политических партий, а также Севера, Центра и Юга затрудняют завершение назревших реформ. Переходный период расставания с исторически обусловленным централизмом может поэтому, согласно оценкам итальянских специалистов, растянуться на длительное время.

Бельгия

Тем не менее, общим вектором политики европейских государств остается тенденция к расширению демократических начал, децентрализации властных и управленческих структур и предоставления дополнительных прав регионам, имеющим национальную специфику.

Это очевидно на примере перехода в 1989 г. от унитарной формы правления к федерализму одного из старейших государств Европы — Королевства Бельгии, события в его истории, которое, по оценке премьер-министра Бельгии, стало такой же датой, как само ее образование в 1830 г. в качестве независимого государства. Суть федеральной реформы свелась к следующему. В стране существуют три равноправные лингвистические общины — фламандская, франкоговорящая (франкофоны) и немецко-говорящая, в соответствии с этим было принято решение о разделении небольшой по своей территории (около 30 тыс. кв.км) страны на четыре региона: Фландрия, Валлония, Брюссель и район немецко-говорящего населения. Центральное правительство передавало этим регионам на протяжении нескольких лет полномочия в самых различных сферах, и после его реорганизации в январе 1989 г. за ним были сохранены полномочия в области внешних сношений, обороны, безопасности, финансов и валютной политики, а также в вопросах поддержания внутренней безопасности. Остальные полномочия, включая самый широкий круг экономических и социальных вопросов, просвещение, культуру и здравоохранение, перешли в ведение регионов и общин, которые для этих целей располагают собственным бюджетом. Официальным языком во Фландрии является фламандский, в Валлонии — французский, соответственно, на этих языках осуществляется и делопроизводство.

Местные наблюдатели замечают, что спустя два десятилетия после децентрализации остается еще много проблем, но к унитарной форме не хочет возвращаться ни одна из национальных общин Бельгии.

Финляндия

Проблема самоуправления национально окрашенных территорий актуальна и для тех европейских стран, где эти территории и населяющие их этнические группы составляют абсолютное меньшинство, как, например, шведы, проживающие на Аландских островах, переданных Финляндии по решению Лиги Наций в 1921 году. Аланды имеют самый широкий суверенитет в вопросах организации внутренней жизни, за Хельсинки остается лишь право решения проблем внешней политики. И,

несмотря на то, что 93,6% населения говорят по-фински, в конституции Финляндии обозначены два государственных языка — финский и шведский, но двуязычие действует лишь на «Большой земле», а на острова финскому языку вход запрещен, и их жители имеют, помимо финского, еще и собственное гражданство, что ограничивает имущественные и иные права переселенцев с материка. Но конфликты на этой почве, как правило, не возникают³⁰.

Форум федераций

В целом же, несмотря на неизбежно возникающие проблемы, процессы децентрализации и федерализации становятся все более характерными для внутреннего развития стран Европы. В то же время под воздействием глобализации наметился процесс постепенного ограничения государственного суверенитета и расширения межгосударственных связей на основе конституционного федерализма³¹. Широкий круг связанных с этим вопросов обсуждался в ходе международной конференции «Федерализм в эпоху глобализации» (Квебек, 5-8 октября 1999), где был также утвержден постоянно действующий Форум Федераций³². Целью конференции было провозглашено совершенствование практики федерализма, а также поиск оптимальных форм взаимодействия национальных федераций в эпоху глобализации, когда объективно понижается значение государственных границ.

В рамках Форума Федераций были обобщены результаты многочисленных проведенных ранее исследований по проблематике федерализма, демократии и европейского мира, которые, по оценкам международных аналитиков, взаимосвязаны самым тесным образом. Именно процессы либерализации и демократизации государственно-политических систем на протяжении нового времени и, особенно в XX веке, вызвали к жизни теории и концепции федерализма, способствовали становлению федеративных государств. Они же были положены в основу попыток создания более прочного союза европейских федераций как исходного рубежа на пути к европейскому единству или, как сейчас его принято обозначать, *Европейскому Федерализму*³³.

Перспективы развития Европейского Федерализма

Концепции современного европейского федерализма появились в результате серии катастроф XX века, кризиса национальных государств и прихода к власти диктаторских режимов. При этом просматривалась непосредственная связь между идеями проповедников

европейской федерации — Ж.Моннэ, А. Спинелли и их единомышленников и философским видением И.Канта, который считал, что импульсом к созданию такой федерации могут стать «разрушительные силы войн». По мнению А.Спинелли, это означало, что федерализм — на его новом витке — это «идеология и теория войны и мира», поэтому эпоха мировых войн стала началом мировой (европейской) федерации (союза): «как только будут созданы федеративные институты, государства потеряют возможность развязывать войны»³⁴.

Основатель Европейского федералистского движения Жан Моннэ, соратником и другом которого был А.Спинелли, совместно с ним разработал принципы европейской унификации, основанный на постепенном разделении властей по вертикали (между национальным и европейским уровнем), и это предложение было в свое время поддержано Ф. Миттераном и А. де Гаспери. Методом политического продвижения своих идей Ж.Моннэ считал *терпение* (patience). Как он впоследствии замечал, он научился этому у виноделов, будучи сыном производителя и продавца коньяка: «Я знаю, что значит долгое время ждать позитивных результатов. У коньяка мы научились ждать. Это — единственная возможность получить хороший продукт»³⁵.

Послевоенная история Европейского федерализма показала, насколько прав был Моннэ. Политическая интеграция стран Западной Европы началась еще в 1950-е годы, но только к концу 1980-х годов уровень их сближения позволил предпринять практические действия по созданию качественно нового образования — Европейского Союза. В декабре 1985 г. Европейский Совет глав государств и правительств одобрил Единый Европейский Акт, дополнивший договоры о создании Европейских сообществ и положивший начало более тесному сотрудничеству в области внутренней и внешней политики. И только после подписания в феврале 1992 г. Маастрихтского договора Союз европейских федералистов объявил, что создание Европейской федерации становится практической задачей. Но и сегодня на этом пути остается еще немало препятствий и трудностей.

ФЕДЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Проблемы европейского и международного федерализма не нашли сколько-нибудь серьезного осмысления в отечественной литературе, за исключением фундаментальных трудов по проблематике экономической интеграции в Европе, а также немногочисленных изданий по общим вопросам федерализма и по истории федерализма в отдельных странах³⁶. Полезными для

понимания всей совокупности проблем представляются недавно появившиеся энциклопедические издания, содержащие статьи по различным аспектам федерализма³⁷. Обращает на себя внимание авторский подход к проблемам взаимоотношения и параллельного развития таких общественных субстанций, как федерализм и демократия, которые исторически были теснейшим образом связаны друг с другом. «Более того, именно процессы либерализации и демократизации государственно-политической системы на протяжении всего Нового времени, а затем в XX веке, способствовали как появлению теорий и концепций федерализма, так и становлению федеративных государств. Показательно, что первые демократические государства, такие, как Швейцария и США, формировались как федерации», — пишет А.А.Мелкумов³⁸. Далее он замечает, что внутреннее родство федерализма и демократии проявляется в их природе — договорной, сознательном и широком участии субъектов договора в выборе базовых принципов политического устройства, сохранении внутри единого политического сообщества множества центров власти. Демократическая система с ее принципами разделения властей, соблюдения прав человека, политического участия, выборности власти предстает как федеративная. И каковы бы ни были статьи конституции, устанавливающие форму государственного устройства, на практике федерализм не совместим ни с авторитарными, ни, тем более, с тоталитарными режимами, стремящимися к централизации власти и подавлению оппозиции³⁹.

В зарубежной литературе проблематика соотношения федерализма и демократии представлена многочисленными трудами, изданными в 1950-е — 1990-е годы. Наиболее общие выводы по всему этому кругу проблем были сформулированы в книгах и статьях Д. Дж. Элейзера, одного из ведущих зарубежных исследователей эволюции, принципов и форм федерализма⁴⁰.

В последующем изложении представлены некоторые из положений, сформулированных Д.Дж.Элейзером и важных для понимания сути федерализма, как наиболее перспективной формы организации общества и формирования международных отношений.

По мнению Д.Дж.Элейзера, необходимой и жизненно важной предпосылкой для продвижения идеи федерализма является наличие *гражданского общества*, при котором «граждане могут сами добиваться для

себя счастья, как они его понимают». У правительства имеется достаточно власти для регулирования тех сфер общественной жизни, в которых может потребоваться принудительное вмешательство, но еще большая часть общественной жизни должна организовываться индивидами, добровольно объединяющимися для сотрудничества в достижении общих целей. Гражданское общество состоит из индивидов и их ассоциаций; федеративное гражданское общество предполагает наличие широкого спектра таких ассоциаций. При этом политически полновластный народ («политически полновластным *волей Божьей*») заключает договор о формировании *политического сообщества* (*body politic, commonwealth*) и посредством этого учреждает правительство и передает ему столько власти, сколько считает нужным. Ни одно правительство не является в этом случае полностью суверенным, теоретически оно обладает только теми полномочиями, которые делегированы ему суверенным народом (гражданским обществом).

Сказанное относится, прежде всего, к трактовке федерализма теоретиками и политиками англоязычных стран. Федеративные системы континентальной Европы и стран, находящихся под влиянием европейской политической мысли, исходят из несколько иных постулатов. Предполагается, что политически полновластный народ путем договора создает свое *гражданское общество*, а также учреждает *государство*, которое призвано служить этому народу и его гражданскому обществу. Континентальное европейское *государство* более отделимо по своей структуре от *гражданского общества* и более централизовано. Тем не менее, предназначение государства также заключается в том, чтобы быть орудием в руках учредившего его суверенного народа и подчиняться ему.

Но и то, и другое принципиально отличается от *олигархической модели*, при которой существует единый центр власти, окруженный периферией. Внедрение федералистских принципов и осуществление соответствующих мероприятий, напротив, предотвратить или по крайней мере значительно ослабить воздействие гражданских инициатив. При такого рода *федеративном устройстве* правительство является потенциально наиболее сильным субъектом, контролирующим выполнение им же поставленных задач. Если же речь идет о *конфедерации*, то подконтрольные Центру основные составляющие ее единицы несут главную властную нагрузку.

В основу любой федеративной модели заложен *территориальный принцип*. Федерализм, строящийся на иной основе, оказывается весьма недолговечным,

поскольку добиться установления устойчивого конституционного порядка возможно для сопредельных территорий и населяющих их народов, но не на внетерриториальной основе. Чтобы федеративная система могла успешно функционировать, она должна распространяться на *всю территорию* данного государства. В случае, если каким-то территориям, населенным конкретными меньшинствами, предоставлена автономия, а контроль над другими полностью остается в руках центрального правительства, происходит периферизация получивших особые полномочия регионов. В любом случае подобная ситуация, скорее всего, закончится конфликтом, тем более, что такие формы выборочной автономизации, как правило, используются для регулирования этнических противоречий, вне зависимости от решения общих задач федерализма.

Составные части, на которые делится территория *государства* или *политического сообщества*, не обязательно должны быть полностью равными: они могут весьма сильно различаться между собой при том, однако, условии, что ни одна из этих частей не будет столь обширной или доминирующей, чтобы это угрожало единству или полномочиям остальных. Во времена второго рейха Пруссия подавляла все другие государства, входившие в состав германской федерации, до такой степени, что прусские институты выполняли функции общегерманских. В то же время, Соединенные Штаты, в состав которых входят и столь громадные штаты, как Калифорния и Нью-Йорк, и столь маленькие, как Род-Айленд, от существующих различий даже выигрывают, поскольку подобные неравенство и многообразие могут выступать и в ряде случаев выступают в качестве стабилизирующего фактора.

В отдельных случаях все же оказывается возможным заключение двусторонних соглашений между центральным правительством и отдельными конкретными субъектами. Так, с принятием конституции 1978 г. в современной Испании были заложены основы федеративной системы, и страна была поделена на автономные региональные сообщества. Одновременно предусматривалось, что Страна Басков и Каталония, а также любая другая региональная общность, которая того пожелает (в конечном итоге, ими оказались также Галисия и Андалусия), могут вести переговоры с Мадридом относительно устройства своих управленческих механизмов и объема передаваемой региональным правительствам власти. Большинство других регионов страны предпочло удовлетвориться тем базовым разделением власти, которое устанавливалось конституцией и введенными в соответствии с ней законами. Во всех случаях, однако,

каждая входящая в состав страны территориальная единица получила собственное региональное правительство, обладающее переданным ему и гарантированным конституцией объемом реальных властных полномочий.

Создание сложной системы разделения компетенций и полномочий, может быть эффективным лишь в том случае, если она обслуживает население с равноценной или, по крайней мере, близкой *политической культурой*. Необходимость наличия особой федералистской политической культуры признается уже всеми специалистами в области сравнительного федерализма, хотя вопрос о ее составляющих до сих пор не до конца выяснен. Наиболее адекватной федерализму является, по общему признанию, политическая культура Швейцарии, но элементы, подкрепляющие федеративное устройство, обнаруживаются в политических культурах и других «классических» федераций. Прийти к той или иной форме федеративного устройства можно и в том случае, если в рамках потенциального федеративного образования имеется несколько политических культур, уравнивающих друг друга. Но если политическая культура в принципе враждебна основным постулатам федерализма, возможности существования федеративной системы в какой бы то ни было форме резко сокращаются.

Любые федеративные системы и их механизмы должны создаваться на основе *широкого общественного согласия*. В конфедерациях «старого образца», образованных из ранее независимых государств, набор входящих в систему субъектов чаще всего определялся изначально; случаи, когда в уже готовое объединение входили новые члены, были крайне редкими. Однако федеративные образования и, особенно, конфедерации «нового типа» создаются на основе скорее серии соглашений, чем единовременного акта объединения. Так, в частности, создавался Европейский Союз, аналогичным образом в средние века и на заре нового времени строилась Швейцария, в XIX в. сменившая свое конфедеративное устройство на федеративное. Движется ли Европейский Союз в том же направлении дальше или нет, сказать пока трудно, однако если его цель — сохранение конфедеративного (или равноценного конфедеративному) устройства, его сегодняшняя политика, основанная на поступательной серии соглашений представляется вполне удачной.

Чтобы успешно функционировать, каждая федеративная система должна найти надлежащий баланс между *сотрудничеством* центрального правительства и федерированных единиц и *конкуренцией* между ними.

Это предполагает взаимопризнание законов в административной и судебной практике и введение «двухуровневого федерализма», «федерализма сотрудничества», позволяющего центральному и местному правительствам добиваться достижения общих целей. Если же каждое из этих правительств не будет сохранять за собой право на принятие решений и свободу сказать «нет», данное «сотрудничество» окажется лишь прикрытием насилия со стороны центральной власти. Аккумуляция центральным правительством громадных полномочий в сфере налогообложения в ущерб правам штатов в Австралии; широкое использование президентского правления в Индии — вот лишь некоторые из множества примеров, которые можно было бы привести, иллюстрируя подобное развитие событий.

При обсуждении федеративных образований в центре внимания нередко оказываются различия между системами, основанными на разделении властей, и парламентскими системами Вестминстерского образца. Системы, строящиеся на разделении властей, в большей степени, чем парламентские, опираются на обстоятельные и стабильные конституции, которые принимаются на основе всеобщего согласия. Конституционные документы федеративных образований англоязычных стран, как правило, бывают достаточно гибкими, в то время как в германоязычных федеративных образованиях подобные документы сформулированы более четко и менее поддаются неформальной модификации через интерпретацию.

Противостоящие утверждению основ федерализма силы чаще всего выступают с *унитаристских* позиций, другие стремятся к *фрагментации*. К первой категории относятся силы, исповедующие *тоталитарный* и *технократический* подходы. Для тоталитаризма неприемлема сама идея легитимности разделения властных полномочий, противодействие, которое встречает федерализм со стороны технократических иерархий, не носит столь всеобъемлющего характера.

Наиболее опасен для федерализма *этнический национализм*. Бытует представление, что федерализм может быть эффективным средством решения проблем, связанных с межэтническими конфликтами. На деле же образованные по этническому принципу федерации имеют наименьшие шансы на сохранение, поскольку они, как правило, не хотят сливаться в более тесные объединения, в них же заложено постоянное стремление к расширению суверенитета субъектов федерации и, в конечном счете, к независимости. Необходимость обуздать этнический национализм является на сегодняшний день не только самой распространенной, но и самой

труднореализуемой задачей. Этнический национализм, восходящий к образцам XIX в., стремится навязать любому свободному правительству бескомпромиссность, в то время как федерализм — это демократическая «золотая середина», предполагающая переговоры и компромиссы.

Многие ожидания, связанные с использованием федеративных принципов и механизмов, часто оказываются иллюзорными. И все же никогда прежде эти принципы и механизмы не применялись в европейской и международной практике столь широко и успешно, как в настоящее время. Принципы, механизмы и практика федерализма, как и демократии в целом, даже когда они воплощаются не в полном объеме, несомненно, способствуют укреплению всего того позитивного, что нарабатало человечество на протяжении своей долгой истории.

Примечания

¹ Происхождение термина — от латинских слов “*feodus*”, “*foederatio*” — соглашение, союз, объединение.

² См. М.Х.Фарушкин. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Изд-во Казанского университета, 1998, с. 14-20

³ Д.Дж.Элейзер. Сравнительный федерализм. — Полис, 1995, №5

⁴ Обобщенные характеристики этих форм см. «Федерализм. Энциклопедический словарь». М. 1997, с. 245.

⁵ R. Watts. Federalism in an era of globalization. — International Social Science Journal. March 2001, # 167, p 9

⁶ А.А.Мелкумов. Федерализм и демократия. — Федерализм. Энциклопедия. М.2000, с. 561

⁷ Duchacek I. Comparative Federalism: the Territorial Dimension of Politics. Lanam, 1987.

⁸ К.С.Гаджиев. Федерализм. — Федерализм. Энциклопедия, с. 550.

⁹ Трактаты о вечном мире. М. 1963, с. 22, 88.

¹⁰ Там же, с. 139.

¹¹ Там же, с. 158-159.

¹² Конституция Соединенных Штатов Америки. М.1993, с. 16.

¹³ Howard D. Protecting Human Rights in a Federal System. — In: Comparative Constitutional Federalism: Europa and America. Washington, 1990

¹⁴ В.Е. Шило. Федерализм как часть американского образа жизни: общая теория и практика развития. — Доклад на конференции 30-31 января 2002 года в Казанском институте федерализма (www.kazanfed.ru/actions/konfer1/doklad5/)

¹⁵ В.Е.Шило приводит эти данные, ссылаясь на: Peirs N.R. The Megastates of America. People, Politics and Power in the Ten Great States. N.Y., 1972; Fry E.H. The States of the USA Meet the Global Economy and IT Revolution.- In Federations. What's new in federalism worldwide. Vol.1, no.2, January 2001.

¹⁶ The Journal of Federalism, vol. 27, no. 2.

¹⁷ Подробнее об этом см.: В.Е.Шило. Современный федерализм в контексте международных отношений. — «США-ЭПИ», 1998, № 4.

¹⁸ А.В.Подколзин. О политико-правовом пространстве федерализма (www.xserver.ru/user/orppf/23.01.2006)

¹⁹ Йорг Релинг. Федерализм и демократия. Конституционный порядок в ФРГ. — Практика федерализма. М. 1999, с. 172.

²⁰ И.М.Бусыгина. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал формирования. — Полис. 2000, №5, с. 110.

²¹ Йорг Релинг, с. 173.

²² И.М.Бусыгина, с. 111

²³ «Большая четверка» — Северный Рейн-Вестфалия (17,9 млн. жителей), Бавария (11,6 млн.), Баден-Вюртемберг (9,2 млн.) и Нижняя Саксония (7,2 млн.) составляет более половины населения ФРГ, тогда как четыре малонаселенные — Мекленбург-Верхняя Померания, Гамбург, Саар и Бремен — в совокупности менее 7% жителей ФРГ — Йорг Релинг, с. 175.

²⁴ Luthardt W. Abschied vom Deutschen Konsensmodell? Zur Reform des Foederalismus — Aus Politik und Zeitgeschichte Band 13, 1999, S.20.

²⁵ Цит.по: А.В. Подколзин О политико-правовом пространстве федерализма, с. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Российские специалисты подвергают сомнению правомерность употребления ранее принятого термина «область», считая его неудачным для обозначения итальянского

“Regione”. Более точным, по их мнению, представляется термин «регион» — В.П.Любин. Федерализация Италии. — В кн. «Современная Италия». М.2004, с. 52.

²⁹ См.В.П.Любин. Федерализация Италии, с. 53.

³⁰ Новые известия 23.08.2000.

³¹ R.Watts. Federalism in an era of globalization. — In: International Social Science Journal. March 2001, # 167, p 9

³² На конференции выступили президент США Б.Клинтон, президент Мексики Э.Цедилло, премьер-министр Канады Ж.Кретьен, а также ряд европейских политиков.

³³ Федерализм.Энциклопедический словарь, с. 253.

³⁴ Altiero Spinelli and Federalism in Europe and in the World (ed by Lucio Levi). Milano, 1990, p. 9.

³⁵ J. Monnet. Memoires. Paris, 1976, p. 44.

³⁶ М.Х.Фарушкин. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Изд-во Казанского университета, 1998; И.М. Бусыгина. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования. — Полис, 2000, №.5; В.С.Рыкин. Австрийский федерализм. М. 1998; В.С.Шило. Канадский федерализм и международные отношения. М. 1985 и ряд других.

³⁷ Федерализм. Энциклопедический словарь. М 1997; Федерализм. Энциклопедия. М. 2000.

³⁸ Федерализм. Энциклопедия, с. 561.

³⁹ Там же, с. 562.

⁴⁰ Elazar D. Governing Peoples and Territories. Philadelphia, 1983; Elazar D. Exploring Federalism. Tuscaloosa, 1987; Д.Дж.Элейзер. Сравнительный федерализм. — Полис, 1995, № 5 и ряд других. ■ ■ ■

ЭКОНОМИКА

ТУРБУЛЕНТНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Глобальный кризис: опыт прошлого
и вызовы будущего¹

Владимир МАУ*

*«Все вообще теперь идет со скрипом.
Империя похожа на трирему
в канале, для триремы слишком узком.
Гребцы колотят веслами по суше,
и камни сильно обдирают борт.
Нет, не сказать, чтоб мы совсем застряли!
Движенье есть, движенье происходит.
Мы все-таки плывем. И нас никто
не обгоняет. Но, увы, как мало
похоже это на былую скорость!
И как тут не вздохнешь о временах,
когда все шло довольно гладко.
Гладко».*

**И.Бродский.
Post aetatem nostram (1970)**

ОПАСНЫЕ НАДЕЖДЫ

“Reserving the status quo on belief that oil prices will move higher and that fiscal can be tightened later... Moscow is trying to live through this crisis without visible reforms in fiscal, banking, natural monopolies or any other areas”². Такова оценка ситуации аналитиками GPMorgan, посетивших Россию в июне 2009 года, достаточно точно характеризующая настроения, господствующие в политической элите и широких общественных кругах. В этом нет ничего удивительного: именно с динамикой цен на

нефть (газ и металлы) связывало господствующее мнение экономический подъем 1999-2007 годов, равно как и начало нынешнего кризиса. Естественно, что выход из кризиса ассоциируется с повышением цен на энерго-ресурсы, и, соответственно, этот показатель привлекает повышенное внимание решительно всех — как говорили раньше, «от рабочего до министра». Надежда, что скоро «все образуется» и мы опять вернемся к политике «управления ростом благосостояния», пока остается доминирующей.

Проблема не в том, что роль топливно-энергетического сектора в экономическом росте России последнего десятилетия как правило сильно преувеличивают. Благоприятная экспортная конъюнктура вносили, конечно, заметный вклад в обеспечение высокой динамики отечественной экономики. Экспортная выручка укрепляла доходную базу бюджета и позволяла подхлестывать рост при помощи еще более быстро растущего государственного спроса, то есть нарастающих бюджетных вливаний. Однако для понимания нынешней ситуации и тенденций дальнейшего развития экономики важно признать, что высокие мировые цены на топливо являлись лишь одним из факторов, детерминировавших экономический рост, причем фактором, имевшим положительный эффект только в совокупности с другими обстоятельствами и благодаря этим другим обстоя-тельствами.

Во-первых, высокие цены на нефть и газ складывались на фоне беспрецедентного мирового экономического бума. Именно глобальный рост, порождаемый им спрос и связанные с ним низкие процентные ставки на финансовых рынках сформировали основу российского роста. Следует, однако, обратить внимание на уникальность этого феномена — повышение цен на базовые ресурсы (топливо и металлы) следовало за глобальным ростом и не становилось его сдерживающим фактором, как это было, например в 1970-х годах.

Во-вторых, важную роль сыграли внутривнутриполитические факторы, и прежде всего постигнутая к концу 1990-х годов макроэкономическая и политическая стабилизация. Революционная трансформация была завершена, элита в значительной мере консолидировалась, а страна получила важную прививку от финансового популизма. Консервативная фискальная политика стала основой нового экономического курса, что почти на десятилетие стало базой экономического курса страны.

Из сказанного следует, что цены на нефть и газ сами по себе не могут быть фактором или критерием оценки перспектив экономического развития России. Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура может, разумеется, способствовать повышению устойчивости бюджетной системы, что само по себе важно (особенно для обеспечения социальной и политической стабильности). Однако из этого никак не вытекает неизбежности восстановления российского экономического роста высокими темпами. Высокие цены на продукцию топливно-энергетического комплекса могут (и с высокой вероятностью будут) угнетать экономический рост в большинстве развитых стран, что негативным образом будет сказываться и на российской экономике, для развития которой важен динамичный мировой спрос, а не только акцизные доходы бюджета.

Нынешний кризис имеет системный характер. Он не может быть сведен к циклическим конъюнктурным колебаниям, когда за спадом автоматически следует подъем. Подъем, конечно, последует за спадом, однако для этого подъема должны будут произойти существенные изменения в технологической и организационной базе мировой экономики и отдельных стран. Именно от того, как та или иная страна сможет трансформировать свою структуру, приспособиться к новым глобальным вызовам зависит ее облик и место в посткризисном мире. Ожидание восстановления докризисного *status quo* является самой опасной политикой в настоящее время.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЕЛИКИХ КРИЗИСОВ

Современный кризис справедливо сравнивают с наиболее крупными кризисами прошлого. Среди его предшественников можно назвать:

■ Кризис 1857-1858 годов, или первый глобальный экономический кризис. Естественно, глобальный кризис по масштабам своего времени, то есть охвативший страны, в которых господствовал капиталистическая система. Этот кризис иногда называют любимым кризисом Маркса³, поскольку именно он дал решающий аргумент для построения экономической модели неизбежной гибели капитализма — через десять лет в свет вышел первый том «Капитала».

■ Кризис 1907 года — первый масштабный финансовый кризис, который был преодолен не сам собой, а при помощи целенаправленных действий. Правда, не столько правительств, сколько Дж.П.Моргана и связанной с ним группы финансистов. До этого реакция на кризисы как правило была пассивной: надо было подождать, пока все само рассосется. Фактически именно в 1907 году появилось понимание возможности формулирования и проведения антикризисных мероприятий, что предопределило теоретические и практические искания в области экономической политики XX века. Формирование Федеральной резервной системы США стало прямым следствием этого кризиса.

■ Кризис 1930-х годов или «великая депрессия», которая, собственно, и породила современную модель государственного регулирования экономики и даже современное экономическое мышление. “We are today in the middle of the greatest catastrophe — the greatest catastrophe due almost to entirely economic causes — of the modern world, I am told that the view is held in Moscow that this is the last, the culminating crisis of capitalism, and that our existing order of the society will not survive it”, — говорил летом 1931 года Дж.М.Кейнс. Подчеркивая системный характер кризиса, выходящего далеко за рамки собственно экономические. Кейнсианство стало реакцией на этот кризис и, по сути, представляло собой ответ на вопрос о возможности недопущения глобальных экономических катастроф в будущем.

■ Наконец, кризис 1970-х годов, давший миру невиданный ранее феномен — стагфляцию, то есть сочетание низких (или отрицательных) темпов роста и высокой инфляции. Появился даже оригинальный показатель уровня экономических тягот — суммирование процентов безработицы и инфляции. Выход из этого кризиса был сопряжен с масштабным дерегулированием и отказом от

* Мау Владимир Александрович, доктор экономических наук, ректор Академии народного хозяйства, главный редактор журнала «Экономическая политика», сподвижник Е.Т. Гайдара. Статья публикуется по договоренности с автором в рамках начала сотрудничества журналов.

финансового популизма — первоначально в наиболее развитых экономиках, а позднее и во многих развивающихся (включая посткоммунистические) странах.

Задача подробного анализа перечисленных кризисов (будем называть их с некоторой долей условности «системными кризисами») выходит за рамки настоящей статьи. Здесь же нам следует лишь подчеркнуть наличие некоторых общих характеристик этих кризисов. Их объединяет не особая глубина спада производства или финансового рынка, не параметры инфляции или бюджетного дефицита. Их вообще объединяют не цифры, а некоторые качественные характеристики, которые существенным образом влияют на дальнейшее развертывание политических, экономических и интеллектуальных процессов в ведущих странах мира.

Можно выделить следующие общие черты системных кризисов.

Во-первых, такой кризис несет с собой крупный интеллектуальный вызов, требующий глубокого переосмысления причин, механизмов развертывания и путей его преодоления. Как генералы всегда готовятся к войнам прошлого, политики и экономисты готовятся к прошлым кризисам. До поры, до времени это срабатывает — пока дело приходится иметь с экономическим циклом, то есть с повторяющимися проблемами экономической динамики. Поэтому первоначально для борьбы с системным кризисом пытаются применить традиционные, известные из прошлого методы. Применительно в 1930-м годам — это стремление правительства Г.Гувера (и прежде всего его министра финансов Э.Меллона) не вмешиваться в естественный ход событий, жестко балансировать бюджет и укреплять денежную систему, основанную на золотом стандарте. Как свидетельствовал опыт предшествующих ста лет, кризисы обычно рассасывались примерно за год и никакой специальной политики для этого не требовалось. Аналогично в 1970-е годы с началом кризиса попытались задействовать уже для того момента традиционные методы кейнсианского регулирования (бюджетное стимулирование в условиях замедления темпов роста и даже государственный контроль за ценами в исполнении республиканской администрации Р.Никсона), что обернулось скачком инфляции и началом stagflationных процессов.

Иными словами, к этим кризисам плохо применимы (точнее, вообще не применимы) методы экономической политики, выработанные в предыдущие десятилетия. Слишком много встает новых проблем, неясны механизмы развертывания кризиса и механизмы выхода из него, его масштабы и продолжительность.

В XX столетии на преодоление системных кризисов требовалось порядка десяти лет. И именно на это обстоятельство указывал П.Волкер, когда в июне 1979 года в разгар предыдущего системного кризиса вступал в должность руководитель ФРС: «Мы столкнулись с трудностями, которые до сих пор еще не встречались в нашей практике. У нас больше нет эйфории..., когда мы возомнили, что знаем ответы на все вопросы, касающиеся управления экономикой». (“We are face to face with economic difficulties really unique to our experience. We had lost that euphoria..., that we knew all the answers to managing the economy”).

Во-вторых, в ходе системного кризиса происходит смена модели регулирования социально-экономических процессов. 1930-е годы знаменовали собой завершение перехода на индустриальную стадию развития и закрепление идеологии и практики «большого государства», сопровождаемого ростом налогов, бюджетных расходов, государственной собственности и планирования, а в некоторых случаях и государственного ценообразования. Напротив, кризис 1970-х годов привел к масштабной либерализации и дерегулированию, к снижению налогов и приватизации — словом, ко всему тому, что требовал переход к постиндустриальной технологической фазе.

В-третьих, системный кризис является одновременно циклическим и структурным. Он связан с серьезными институциональными и технологическими изменениями, со сменой технологической базы («технологического уклада»), выводящего экономику на качественно новый уровень эффективности и производительности труда. Системное обновление технологической базы с точки зрения новейших достижений науки и техники является важнейшим условием успешного выхода из кризиса⁴.

Из сказанного следует и возможность существенной трансформации мировых экономических и политических центров силы в результате кризиса. Это не абсолютно необходимое следствие системного кризиса, но вероятность такого рода сдвигов достаточно высока.

Пользуясь популярной ныне терминологией, системные кризисы в полной мере можно характеризовать как **инновационные**. И в смысле прихода с кризисом (накануне, во время или после кризиса) новых экономических и политических институтов, и в смысле прихода нового поколения политиков, предпринимателей и экспертов, и в смысле новой технологической базы, приходящей на смену той, которая сложилась в результате предыдущего системного кризиса.

Все сказанное с очевидностью приложимо и к нынешнему глобальному кризису.

Налицо серьезный интеллектуальный вызов и невозможность оставаться в экономической парадигме предыдущих десятилетий. Появились новые инструменты финансового рынка, с регулированием которых государства, как выяснилось, справляться пока не способны. Экономическая дискуссия по вопросам противодействия кризису вращается пока вокруг традиционных для XX века проблем: кейнсианство vs. монететаризм, либерализм vs. дирижизм, причем на каждый аргумент, что произошедшее является «провалом рынка», находится не менее убедительный аргумент в пользу «провала государства». Антикризисная экономическая политика также пока вращается вокруг этих двух моделей, причем на практике сочетаются кейнсианские методы регулирования спроса (через бюджетные стимулы), и монетаристские методы воздействия на предложение (через смягчение денежной политики).

Все более остро встают вопросы новой модели регулирования, причем уже и в глобальном (всемирном) масштабе. Правда, до утверждений о необходимости регулирования производства, то есть возврата к модели середины XX века (до неоконсервативной революции) дискуссия пока не дошла — слишком тяжелым опытом для мира стали тенденции к огосударствлению (вплоть до всеобщего огосударствления) прошлого столетия, и пока возвращаться к нему никто из ответственных политических сил не собирается — хотя Кейнс и является самым популярным экономистом в современном мире. Пока речь идет о модели регулирования финансовых рынков, причем в глобальном масштабе, и это тоже было бы инновацией — со стороны государства или некоторого союза влиятельных государств.

Наконец, все активнее обсуждается вопрос о перспективах смены технологического уклада. Если 1930-е годы знаменовали собой завершение перехода к крупному машинному производству (конвейер, другие индустриальные технологии), а в 1970-е годы была создана база для микроэлектроники и современных компьютерных технологий, то в настоящее время, по мнению некоторых исследователей, начался переход к освоению более глубокого пласта мироздания: биотехнологии, нанно-технологии, информационно-коммуникативные технологии должны стать ключевыми направлениями развития и оказаться сферой острой конкурентной борьбы⁵.

Неудивительно, что задачи коренного структурного обновления в ходе кризиса ставят перед собой не только страны догоняющего развития, но и наиболее развитые государства. Их элита понимает, что игнорирование инновационных вызовов в условиях кризиса чревато

утратой лидерских позиций и стратегическим поражением в глобальной конкуренции. Недаром администрация США постоянно подчеркивает необходимость достижения качественно нового состояния страны после кризиса, причем имеется в виду модернизация не только технологий, но и социально-экономических институтов. По словам Л.Саммерса, the new American economy will be in different and better shape that it was before the bust, that it will be more export-oriented and less consumption-oriented, more environmentally oriented and less energy-production-oriented, more bio- and software- and civil-engineering-oriented and less financial-engineering-oriented, and, finally, more middle-class-oriented and less oriented to income growth that is disproportionate towards a very small share of the population⁶.

КОНТУРЫ И РИСКИ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Если мы признаем, что настоящий глобальный кризис является феноменом не столько циклическим, сколько структурным, из этого должны делаться соответствующие выводы.

Прежде всего это означает длительность глобально-го кризиса. Когда говорят о его завершении, то обычно описывают его или как остановку спада производства, или как начало роста фондового рынка. Именно на этом основании уже в середине 2009 года заговорили о появлении «зеленых ростков». Между тем, реальная ситуация гораздо менее однозначна и гораздо более сложна.

Падение производства, действительно, не может продолжаться вечно, равно как и падение фондового рынка. По этим параметрам, похоже, мир уже вступает в период некоторого равновесия. Однако проблема состоит в том, что равновесие это будет неустойчивым, как неустойчивым будет и возобновившийся экономический рост. Так было и в 1930-е, и в 1970-е годы — примерно десятилетие ушло на восстановление здорового и устойчивого роста, прерываемого иногда простыми циклическими или секторальными (банковским, финансовым) кризисами.

Выход на траекторию нового устойчивого роста возможен тогда, когда правительство данной страны сможет решить проблемы, которые составляют глубинные основания кризиса. Это проблемы технологические, экономические, регулятивные, социальные и, возможно, геополитические. Эти изменения происходят достаточно медленно, и ускорить их практически невозможно. Зато можно замедлить, цепляясь за старые экономические и технологические формы.

Сама антикризисная политика создает дополнительные проблемы и риски, которые проявятся уже в кризисном настоящем или в посткризисном будущем. **Наиболее важными из этих рисков нам представляются макроэкономическая дестабилизация, существенный рост государственного сектора (массовая приватизация) и moral hazard (риски недобросовестного поведения, или безответственность), оборачивающиеся консервацией существующих хозяйственных структур.** Рассмотрим ниже три эти группы проблем более подробно.

Ключевая проблема — накопление потенциала макроэкономической нестабильности, за которой может последовать нестабильность политическая.

Ключевой среди этих проблем является экспансионистская бюджетная и кредитно-денежная политика последнего года, нацеленная на противодействие дефляции и предотвращение запуска разрушительного механизма Великой депрессии восьмидесятилетней давности. Нынешняя политика дешевых денег и бюджетных вливаний неизбежно приведет к существенному росту суверенного долга большинства развитых рыночных экономик, а также делает более чем реальной в перспективе высокую инфляцию⁷. Именно поэтому вопрос об *exit strategy*, то есть о путях и направлениях деинфляции и сокращения государственного долга уже в настоящее время периодически возникает в дискуссиях политиков и экономистов. Возможные варианты действий властей достаточно очевидны: повышение налогов, сокращение бюджетных расходов, повышение процентных ставок.

Политические сложности такой политики не менее очевидны, причем они касаются как времени перехода к *exit strategy*, так и политэкономических последствий ее реализации. С одной стороны, политики развитых стран (и особенно США) призывают своих коллег не ослаблять усилий по бюджетному стимулированию. Ведь слишком раннее возвращение к бюджетному консерватизму может привести к срыву попытки запуска «экономического двигателя», который в результате прекращения поступления дешевых денег может начать вновь глохнуть. Правда, бывает очень трудно определить, в какой момент уже надо будет остановить печатный станок. С другой стороны, слишком длительная и слишком масштабная накачка экономики деньгами может (и будет) иметь долгосрочные последствия в виде выхода экономик развитых стран в поле высокоинфляционных значений⁸. Как свидетельствует опыт многих стран (в том числе развитых в 1970-е годы) вырваться из этой ловушки оказывается очень непросто.

Еще труднее оценить политэкономические проблемы и препятствия реализации постантикризисной политики. Ужесточение бюджетных расходов и повышение процентных ставок — процесс болезненный при любом режиме, но особенно опасен он для незрелых демократий, то есть для стран, избиратели которых по причине своей бедности более склонны поверить популистским лозунгам. Уже сейчас, наблюдая за правительствами стран, которые готовятся к выборам, нетрудно заметить склонность к популизму даже тех, кто до сих пор ему активно противостоял⁹. Исключительно редки политики, сдержанно относящиеся к государственной экспансии¹⁰.

Налицо опасность попадания развитых стран в замкнутый круг популизма, который, возможно, придется пройти несколько раз. Суть его достаточно проста и хорошо известна из опыта Латинской Америки XX столетия. Бюджетная и денежная экспансия способствуют оживлению экономики, но одновременно приводят к нарастанию госдолга и ускорению инфляции и росту процентных ставок. За этим следует дестимулирование производственных инвестиций — или из-за ускоряющегося обесценения денег, или из-за того, что наиболее привлекательными становятся вложения в государственные бумаги. Следующим шагом становится ужесточение бюджетной и денежной политики, что влечет за собой рецессию. За рецессией вновь может последовать смягчение макроэкономической политики — и так несколько раз по кругу. Особенно неприятно то, что подобные колебания неизбежно ведут к расшатыванию институтов государственной власти, к снижению ее эффективности. В странах со слабыми институтами экономический цикл популизма нередко сопровождается политическими переворотами¹¹, поочередным приходом к власти популистских и консервативных диктатур. Разумеется, опыт XX века здесь не является абсолютным образцом для повторения, однако дает важную информацию о возможной логике развития событий.

Конечно, латиноамериканизация не является неизбежным исходом антикризисной борьбы: многое зависит от эффективности и гибкости политических институтов, которые существенно различаются в охваченных кризисом странах. Однако риски попадания в описанный выше замкнутый круг реальны и нарастают. Первым, хотя и очень отдаленным сигналом, стало наметившееся в США повышение долгосрочной доходности по государственным ценным бумагам, свидетельствующее о нарастании ожиданий инфляционного скачка — первого шага в направлении дестабилизации.

Другой серьезной проблемой является массовая национализация — фактическая (скрытая) или явная

(открытая), а также усиление дирижистских тенденций в экономической политике ведущих стран мира. Как показал опыт последних четырех столетий, именно гарантии прав частной собственности создают основу для современного экономического роста, то есть роста, обеспечивающего значимое увеличение среднедушевого ВВП. Сейчас этот тезис поставлен под сомнение. Спасая должников и наполняя банки капиталом, увеличивая гарантии по частным вкладам, государство берет на себя риски, возникающие в результате действий всех основных участников хозяйственной жизни — и банкиров, и вкладчиков, и заемщиков. (Тем более, что на практике это нередко одни и те же лица). В борьбе с глобальным кризисом правительства большинства развитых стран предпринимают усилия, фактически дискредитирующие частную собственность, подрывающие фундаментальную основу рыночной экономики — личная ответственность человека (и прежде всего предпринимателя) за принимаемые им решения. Частные риски государство (но также и общество) готово принять на себя, то есть политика национализации убытков делает на следующем шаге неизбежной национализацию рисков.

Происходит фактическая национализация попавших в тяжелое положение компаний посредством предоставления им финансовой помощи. Национализация осуществляется по крайней мере по трем каналам: через выкуп долгов отдельных фирм, через рекапитализацию в обмен на акции, а также путем инфляции накопленных обязательств. Государства склонны взять на себя все пассивы (обязательства) финансовых учреждений — как путем гарантий, так и прямого вливания капитала. Естественно, что помощь финансовым институтам сопровождается формальным или фактическим размытием пакетов, принадлежащих частным собственникам. Права частной собственности ставятся тем самым под сомнение.

Правда, у нынешней национализации есть одна существенная особенность — ее вынужденный характер. Национализации XX века были идеологически мотивированными. Их авторы — от российских большевиков до британских лейбористов — были убеждены, что государственная собственность эффективнее частной. К концу XX столетия мир расстался с подобной иллюзией, и на смену массовым национализациям пришла политика дерегулирования и приватизации. И вот теперь мир вновь сталкивается с принципиально новым феноменом: никто (или почти никто) не считает госсобственность институтом, обеспечивающим экономическую эффективность. Однако во всем цивилизованном мире антикризисная политика оборачивается серьезным усилением госсектора¹².

Помимо прямого огосударствления (национализации) наблюдается общий рост дирижизма, то есть роста числа индивидуальных решений институтов власти, выбор ими (а не рынком) правых и виноватых, а также готовность государства указывать экономическим агентам, какие услуги они должны оказывать и какие товары производить. Банкротство Lehman Brothers, с одной стороны, и помощь Bear Stearns, AIG и CitiBank, с другой, плохо поддающиеся рыночной интерпретации, являются результатом индивидуальных решений, то есть соответствует логике центрально-управляемой экономики.

Следующим, вполне естественным шагом становится принятие правительственных решений относительно характера деятельности фактически национализированных институтов. Г. Браун еще осенью 2008 года заявлял, что он будет побуждать попавшие под его контроль банки вкладывать больше средств в малый бизнес. Того же требуют и от российских госбанков безотносительно к тому, как это отразится на качестве их портфелей. Поддержка малого бизнеса — конечно, святое дело, любимое всеми современными правительствами. Однако последствия такого рода решений нетрудно спрогнозировать: если власти дают указания, куда вкладывать деньги, то они должны будут оказать поддержку своему банку, когда эти политически заданные инвестиции окажутся неэффективными. То есть и господдержка, и неэффективность вложений образуют замкнутый круг.

Наконец, системные риски связаны с появлением среди рыночных игроков «самых равных» — тех, про которые говорят, что они слишком велики, чтобы разориться (too big to fail). В современном русском экономическом языке это феномен называется «системообразующие предприятия». Разумеется, во все времена существовали предприятия, крах которых нес повышенные социальные и политические издержки для данного общества. Однако сам феномен современного экономического роста предполагает не только появление новых бизнесов (и фирм), но и уход их со сцены в результате конкуренции. Конкуренция и отсутствие «неприкасаемых» является основой современного экономического и — шире — общественного прогресса.

Между тем, политика в современном мире в значительной мере нацелена на сохранение многих из тех гигантов, которые на самом деле являются рудиментами экономики прошлого. Существует по крайней мере два аргумента в пользу их поддержки. Во-первых, из-за важности производимых ими товаров или услуг. Во-вторых, из-за социальных (а то и политических) последствий,

которые может повлечь за собой их закрытие. Оба эти аргумента важны, однако решение встающих здесь проблем власти должны искать не в плоскости поддержания на плаву потенциальных банкротов.

В настоящее время большинство правительств полагает, что проблема «системообразующих предприятий» может быть решена путем лучшего регулирования их хозяйственной деятельности, более внимательного отношения к ним со стороны органов власти. Чаще всего такого рода предложения звучат применительно к банковскому сектору, хотя и к производственным отраслям (особенно инфраструктурным) они тоже вполне применимы. Эффективность подобного регулирования вызывает принципиальные сомнения: если раньше такой системы построить не удавалось, то почему она окажется эффективной теперь? Гораздо более продуктивным (хотя и более сложным) является путь преодоления однозначной увязки данной фирмы с оказываемой ей услугой, необходимой с национальной точки зрения. Государство должно обеспечить доступность активов и технологий для экономического агента, который может прийти на смену менеджменту и собственникам системообразующего банкрота, и именно в этом состоит реальное искусство политика¹³.

Социально-политические риски банкротства также должны быть предметом специального внимания государства. Речь должна идти о помощи в социальной реструктуризации и адаптации к новым сферам приложения труда занятых на банкротящихся предприятиях. Достаточно хорошо известен успешный опыт такого рода действий, в том числе и в России 1990-х годов — реструктуризация угольной отрасли позволила закрыть большое число неэффективных шахт, переобучая и перепрофилируя высвобождаемых работников, которые находили себе дело в других секторах.

Наконец, надо подчеркнуть сложность и неоднозначность механизмов возникновения и развития рисков эпохи системных кризисов. На волне критики либеральной модели последних тридцати лет стал популярен тезис о необходимости более активного вмешательства государства в экономику как источника преодоления рисков стихийного развития. Однако взвешенный анализ ситуации свидетельствует о неочевидности такого решения, поскольку государственное регулирование само по себе несет системные риски. “Top officials are calling for a powerful systemic risk regulator. But the US government is the most serious source for risk”, — небезосновательно писал стенфордский профессор John Taylor¹⁴, и слова эти справедливы не только по отношению к деятельности правительства США.

ПРОБЛЕМЫ, ПОДНЯТЫЕ КРИЗИСОМ

Экономический кризис поставил перед политиками и экспертами ряд крупных вопросов функционирования современных хозяйственных систем. Это вопросы, которые требуют интеллектуального прорыва, осмысления новых реалий и нахождения решений задач, как правило не имеющих однозначных решений. Тем не менее, каждый системный кризис заставляет искать ответы на системные вопросы и до сих пор ответы на них обычно находились. Другое дело, что некоторые ответы на кризисные вызовы давать трудно не только в интеллектуальном, но и в политическом отношении. Однако определяться все равно придется — и лучше рано, чем поздно.

Перечислим наиболее важные, по нашему мнению, вопросы развития нынешнего кризиса. Эти же вопросы являются одновременно и ловушками, в которые попали экономики многих (если не большинства) стран и ответ на которые необходим для реального преодоления кризиса.

1. Одной из основных, глубинных проблем, приведших к кризису, является наметившееся в мире в последние четверть века доминирование интересов капитализации над интересами повышения эффективности факторов производства (или роста производительности труда). Возникла ситуация, когда именно капитализация (а не устойчивость производства, не объем дивидендов) стали в первую очередь интересовать собственников — акционеров. Этот показатель стоял в центре их внимания и по нему они судили об эффективности менеджмента. Естественно, показатель, формирующий целевую функцию, начинает доминировать по отношению к другим параметрам деятельности. В данном случае на второй план уходило показателем производительности труда, обновления производства. Точнее, эти два последних фактора играли свою роль, но лишь в том случае, когда они не противоречили росту капитализации. На практике это означало стремление к максимальной концентрации производства в руках нескольких глобальных игроков (фирм), невозможность закрытия неэффективных предприятия и, напротив, готовность включать их в большие холдинги как фактор расширения рынка и капитализации.

Мотивировка менеджеров крупнейших компаний все более напоминала мотивы красных директоров. Необходимость постоянно отчитываться перед партийными и административными органами за выполнение плановых показателей (в рублях, в штуках) делала невозможной обновление производства, переход на более качественную продукцию, поскольку это привело бы к сокращению

выпуска старой продукции, что было недопустимо с политической и административной точек зрения.

Следствием такой мотивированности современного менеджмента становится рост монополизма (в результате слияний и поглощений), торможение повышения производительности труда, а в конечном счете и дестимулирование инновационной активности.

В изменении мотивации собственников и менеджмента в направлении усиления внимания к качественным аспектам развития фирм состоит главный вопрос регулирования, поставленный нынешним глобальным кризисом. По нашему мнению, это более глубокая проблема, чем регулирование финансовых рынков, которая при всей ее важности является производной от конфликта между капитализацией и эффективностью.

2. С проблемой недобросовестного поведения (*moral hazard*) связаны подходы современных правил к формированию антикризисной политики. У этой политики существует два аспекта. С одной стороны, необходимо поддерживать социально-политическую стабильность, не допускать раскачивания ситуации, вероятного по мере нарастания безработицы, банкротств и неопределенности, а в ситуации высокой инфляции — и сокращения бюджетных расходов. С другой стороны, как признают практически все, кризис — это и время для обновления, для формирования новой экономики, для модернизации.

Естественно, оба подхода на уровне практической политики противоречат друг другу. Способы и результаты разрешения этого противоречия зависят уже от искусства политиков, от способности политической элиты адекватно воспринимать вызовы времени и отвечать на них. В конечном счете все зависит от эффективности политических институтов, от их гибкости и одновременно устойчивости. Опыт XX века свидетельствует, что зрелые демократии обычно оказываются более эффективными для нахождения прорывных решений в условиях масштабных кризисов.

На повестке дня современной антикризисной политики стоит вопрос об оказании государственной поддержки экономическим агентам, прежде всего банкам и предприятиям. И здесь правительства должны решать сложнейшую задачу: как помочь становлению новых секторов экономики, нового бизнеса, смягчая рост социального недовольства, чреватого социальным взрывом, идущего как раз со стороны так называемых «системообразующих предприятий», многих из которых точнее было бы называть «системообразующими банкротами» — крупных старых фирм, послекризисные перспективы которых вызывают серьезные сомнения.

Это же и проблема сочетания текущих и стратегических вызовов. С ней сталкивается американская администрация, когда пытается решать две противоположные, по сути, задачи — как стимулировать потребление домохозяйств, чтобы не допустить дефляционной ловушки, и одновременно как стимулировать сбережения, то есть привести в соответствие расходы домохозяйств с результатами их производственной деятельности. Между тем, именно последняя задача является стратегической: без ее решения, без сдутия «потребительского пузыря» нельзя вернуться на траекторию устойчивого экономического роста.

Схожие противоречия можно наблюдать и в российской антикризисной политике. Мы одновременно хотим воспрепятствовать росту безработицы и провести структурную модернизацию, начать движение из ловушки нефтяной зависимости. Хотя еще кризис первой половины 1990-х годов показал, что сохранение высокого уровня занятости смягчает социальные конфликты, но закрывает путь для структурного обновления и роста эффективности.

Ситуация осложняется еще и тем, что в настоящее время применительно ко многим предприятиям реального сектора остаются неясными фундаментальные основания их трудностей и, соответственно, их перспективы в посткризисном мире. Иными словами, речь идет о разграничении проблем недостаточной ликвидности и платежеспособности. Не зная контуров будущего экономического мироустройства, структуры спроса и новых рубежей производительности труда, зачастую трудно однозначно сказать, какие предприятия имеют перспективы, а какие являются банкротами. А эта неопределенность, в свою очередь, существенно ограничивает готовность банков к кредитованию реального сектора и реструктуризации существующих долгов.

Наконец, аналогичные процессы предопределяют и ситуацию в самом банковском секторе. Несомненно важна роль его оздоровления, расчистки балансов и создания новых кредитных организаций. Однако и здесь неясность соотношения проблем платежеспособности и ликвидности затрудняет выработку последовательной и осмысленной политики государства по отношению к банкам. В результате, как отмечается в годовом докладе Банка Международных Расчетов (Bank for International Settlements, Базель), “The reluctance of officials to quickly clean up the banks, many of which are now owned in large part by governments, may well delay recovery”¹⁵.

3. Далеко от своего разрешения вопрос о модели посткризисного миропорядка, соотношения экономических

сил и тех ролей, которые будут играть отдельные страны и регионы.

Ключевым здесь является ответ на вопрос о перспективах конструкции, которую некоторые политики (З.Бжезинский, Г.Киссенджер) обозначают как «Большая Двойка» (G-2)¹⁶, а Н.Фергюсон (Niell Ferguson) с налетом провокативности назвал Химерикой (Chimerica=China+America)¹⁷. Речь идет о формировании глобального дисбаланса, который на протяжении десятилетия рассматривался как основа сбалансированности и устойчивости мирового роста. В результате сложился режим, противоположный модели глобализации рубежа XIX–XX веков: если сто лет назад капитал двигался из центра (развитых стран) на периферию (*emerging markets* того времени), то теперь развивающиеся рынки стали центрами сбережения, а США и другие развитые страны преимущественно потребляли.

Несмотря на явно выраженную тенденцию к этой новой конструкции международных экономических и политических отношений, ее нельзя воспринимать как данность. Слишком много очевидных, как казалось, тенденций на практике демонстрировали несостоятельность. Однако от того, приведет ли эта тенденция к реальному возникновению G-2 зависит многое как в механизмах выхода из кризиса, так и в конфигурации посткризисного мира.

4. Пока еще совершенно неясными остаются вопросы новой финансовой системы и механизмов ее регулирования. Все говорят о провале принципов саморегулирования финансовых рынков, обвиняя в этом экономический либерализм вообще и А.Гринспена в частности. Ведутся интенсивные дискуссии в различных международных форматах (G-8, G-20, Форум финансовой стабильности). Однако внятного понимания того, к какой модели регулирования следует придти, не просматривается.

Дискуссии пока ведутся на идеологическом уровне и в основном в парадигме XX века — о провалах рынка или провалах государства, о кейнсианстве и монетаризме, о необходимости создания новых регулятивных органов в национальном (сверхрегулятор в США) или международном масштабах. Все это представляет определенный интеллектуальный интерес, однако мало способствует продвижению к новой системе регулирования, отвечающей реалиям XXI века.

Между тем, как было отмечено выше, **ключевой проблемой системных кризисов является вопрос о новой модели регулирования**. Это должна быть модель, отражающая реалии современного мира, включая скорость распространения информации, глобальный

характер информационных и финансовых потоков, наличие качественно новых инструментов финансового рынка. Но, повторим, контуров новой модели регулирования как раз пока и не видно.

5. Новая модель экономического регулирования будет сопровождаться трансформацией системы финансовых расчетов, что означает и новую конфигурацию мировых (или резервных) валют. На эту тему с началом кризиса много сказано, причем дискуссия вращается вокруг четырех основных вариантов.

Во-первых, сохранение лидирующих позиций доллара США при усилении роли как евро, так и нескольких традиционных региональных резервных валют.

Во-вторых, усиление роли искусственной валюты международных расчетов (SDR) в качестве мировой резервной валюты.

В-третьих, появление новой резервной валюты, то ли альтернативной американскому доллару и евро, то ли функционирующей наряду с ними, причем в этой роли многие видят китайский юань.

Наконец, в-четвертых, повышение роли региональных резервных валют и появление среди них некоторых новых (например, российского рубля). Предполагается, что множественность резервных валют станет подкреплением тенденции к многополярности мира и будет способствовать большей ответственности денежных властей соответствующих стран (поскольку резервные валюты будут конкурировать между собой).

Отдельной проблемой здесь являются перспективы доллара как они видятся в результате проведения беспрецедентной денежной политики ФРС по предоставлению ликвидности.

По данному вопросу идут преимущественно политические дискуссии. Однако понятно, что резервной валюты нельзя «назначить». Выдвижение на эту роль происходит естественным путем, в результате проведения властями данной страны ответственной денежной политики, ведущей к повышению международной привлекательности данной валюты. Серьезных практических решений этой проблемы пока не существует.

6. Наконец, формирование новой технологической базы и новой конфигурации мировых товарных потоков. Кризис предполагает технологическое обновление, с которым связана трансформация спроса на многие товары производственного и потребительского назначения, и особенно на инвестиционные и топливно-энергетические продукты. Естественно, это скажется на ценах на большинство присутствующих на рынке товаров, выход на новые равновесные уровни цен, что повлечет за собой и изменение политических конфигураций.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Перечисленные выше эти вопросы пока остаются без ответа. И это неудивительно: требуется определенное время, не только для того, чтобы их решить, но даже для их осознания. Поэтому-то кризис, подобный нынешнему, несет с собой в первую очередь серьезный интеллектуальный вызов. И только после того, когда будут найдены ответы на перечисленные вопросы, можно будет говорить о начале последнего этапа кризиса — этапа выхода из него. Иными словами, само по себе прекращение спада и даже возобновление некоторого роста еще может не означать завершения системного кризиса, а только определенного его этапа.

Пока же мы находимся в начале конца первого этапа глобального кризиса. Мы уже в полной мере осознали его тяжесть и глубину. Можно даже сказать, что мы осознали инновационный характер этого кризиса. Однако все еще велика надежда на то, что кризис завершится как тяжкий сон и далее все пойдет по-прежнему. Вера в восстановление *status quo* продолжает оставаться одной из основных иллюзий как элиты, так и обывателей («общественного мнения»).

Мы понимаем некоторые элементы того, что должно составлять *exit strategy* из этого кризиса, включая оздоровление бюджета (сокращение бюджетного дефицита), дезинфляцию (если борьба с дефляцией приведет-таки к инфляционному скачку, что представляется весьма вероятным), а также реприватизацию (возврат к нормальной частной собственности).

Однако мы пока не знаем механизмов выхода из кризиса и, соответственно, его продолжительность.

По-видимому, мир ждет достаточно длительный период неустойчивости. Названные выше системные риски, а также вызовы, стоящие перед экономической политикой ведущих стран, формируют основу нового этапа экономического развития — этапа, открытого началом глобального кризиса. С высокой степенью вероятности мы вступили в «турбулентное десятилетие»¹⁸ — период нестабильности экономического и политического развития мира и отдельных государств.

«Турбулентное десятилетие» не означает постоянного спада и того накала страстей, через который мир проходил осенью 2008 года. Это будут колебания в темпах роста, период неустойчивого роста со своими локальными подъемами и спадами, с всплесками инфляции и попытками ее подавления.

Если пользоваться историческими аналогиями, то, при всей их условности, можно сказать, что мы живем

пока на этапе президентства Г.Гувера применительно к кризису 1930-х годов или президентства Р.Никсона в США (или правительства Г.Вильсона в Великобритании), если сравнивать с 1970-ми годами. Иными словами, уровень понимания кризиса и инструментов противодействия ему остаются в парадигме опыта прошлого — в нашем случае, кризисов XX века.

Такова же и политика помощи экономическим агентам: она ориентирована больше на спасение «героев прошлого», ветеранов индустриальных битв, чем на помощь росткам новой экономики — хотя о них, по крайней мере, в последнее время уже заговорили.

Приход новых Ф.Д.Рузвельта, М.Тетчер или Р.Рейгана с их принципиально нетривиальными, пусть и диаметрально противоположными, подходами к решению системных проблем, которые ставит кризис, еще только предстоит. Для их прихода надо осознать неэффективность борьбы с кризисом в традиционной парадигме и сформировать общественный спрос на новый курс — новый New Deal. И мы не знаем пока, каким он на самом деле будет.

Примечания

¹ Автор выражает признательность Ирине Стародубровской, Сергею Синельникову-Мурылеву, Никласу Сундстрему и Ксении Юдаевой за ценные соображения и комментарии, использованные при написании настоящей статьи.

² Russia. Emerging Markets Research. JPMorgan Securities Inc. June 12, 2009.

³ См. Аникин А. История финансовых потрясений. М.: Олимп-Бизнес, 2000. С. 72.

⁴ Кризис 1857-1858 годов характеризовался также беспрецедентными финансовыми спекуляциями в предшествующие несколько лет. Именно тогда появилась крылатая фраза: «Еще несколько лет назад у меня не было ни гроша, а теперь у меня долгов на пять миллионов».

⁵ Ряд экономистов рассматривают проблему смены технологической базы, находясь в логике «больших циклов конъюнктуры» Н.Д.Кондратьева — длинных волн, охватывающих 50-60-летний период. (См. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Вопросы конъюнктуры. Т. 1. Вып. 1. М., 1925). Это интересная и потенциально продуктивная гипотеза, хотя строгих доказательств ее верности нет и быть не может в связи с отсутствием достаточного числа статистических наблюдений — да и сам автор рассматривал эти свои выводы лишь как гипотезу.

⁶ С.Глазьев является одним из наиболее активных сторонников подобной точки зрения на кризис. (См. Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. М.: ГУУ, 2008).

⁷ <http://www.ft.com/cms/s/2/6ac06592-6ce0-11de-af56-00144feabdc0.html>. (Financial Times. 2009. July 10).

⁷ Впрочем, некоторые экономисты приводят аргументы об инфляционной безопасности проводимой в настоящее время денежной политики. (См., например, статьи Р.Krugman и R.Skidelsky в Financial Times в мае-июне 2009 года. Развернутая аргументация это позиции содержится в докладе: Richard Koo: a personal view of the macroeconomy, Nomura Securities, 30 July 2009.

⁸ The Annual Report of the Bank for International Settlements “highlighted two main risks: first, that not enough will be done to ensure a durable recovery from crisis; and second, that the emergency action to stabilize the financial system will undermine efforts to build a safer system” (See: Giles Chris. BIS calls for wide global financial reforms // The Financial Times. 2009. June 30. P. 3).

⁹ Характерный пример дает А.Меркель, которая была главной защитницей ценностей свободного рынка, настаивала на ограничении бюджетного дефицита и непринятии слишком мягкой денежной политики. Однако в июне 2009 года в связи с предстоящими в сентябре парламентскими выборами она выступила с новыми инициативами по расходам федерального бюджета — хотя и сделала это с оговоркой о необходимости возврата в будущем к сбалансированному бюджету: “Of course, we will have to come back to a situation where we don’t spend more than we earn. But in the order to get there, we need to do two things: we must invest in the future, that is education and the environment” (The Financial Times. 2009. June 30. P. 2).

¹⁰ В этой связи интересно отметить, что среди узкого круга политиков, озабоченных последствиями популистских антикризисных мер, оказались В.Путин и Д.Медведев. Еще в феврале 2009 года, выступая в Давосе, российский премьер-министр предостерегал против неумеренной экспансии государства в вопросах собственности и регулирования. А в июле на саммите «Большой Восьмерки» президент России предложил ограничить государственные финансовые вливания и начать всерьез обсуждать стратегию посткризисного развития — *exit strategy*.

¹¹ Классическим считается следующее описание популистского латиноамериканского цикла, сделанное в 1990-х годах Р.Дорнбушем и С.Эдвардсом:

Фаза 1 — Начало популистской политики как реакция на депрессию или стагнацию оборачивается заметным ростом экономики и, соответственно, реальных доходов, удовлетворяемых как внутренним производством, так и импортом. *Фаза 2* — появление в экономике «узких мест», связанных с товарным дефицитом или дефицитом платежного баланса при постепенном сжатии международных резервов, направляемых на поддержание валютного курса. *Фаза 3* характеризуется быстрым нарастанием инфляции и (или) товарного дефицита, дефицита бюджета, оттоком капитала и демонетизацией экономики, что неизбежно ведет к девальвации, существенному падению доходов населения и почти всегда к потере политического контроля со стороны правительства. *Фаза 4* знаменует переход к ортодоксальной стабилизации, осуществляемой новым (нередко военным) правительством. (Dornbusch R., Edwards S. (eds.).

The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991. P. 11-12).

¹² «...Политические ярлыки потеряли свой смысл. Если правительства, придерживающиеся разных убеждений, анализируют банки и накачивают экономику деньгами, то что сегодня отличает левых от правых, либералов от консерваторов, социалистов от капиталистов, кейнсианцев от монетаристов?» (Thornhill J. A Year of Chocolate Box Politic // The Financial Times. 2008. Dec. 24. P. 6).

¹³ “Too big to fail” — whether the claimant to a bank or to an auto company — is not a status that we can live with. It is both better politics and better economics to deal with the problem by facilitating failure than by subsidising it”. (Kay J. Why “too big to fail” is too much for us to take // The Financial Times. 2009. May 27. P. 9).

¹⁴ Taylor John. Exploding debt threatens America // The Financial Times. 2009. May 27. P. 9.

¹⁵ См. Giles Chris. BIS calls for wide global financial reforms // The Financial Times. 2009. June 30. P. 3.

¹⁶ Brzezinski Z. The Group of Two that could change the world // The Financial Times. 2009. January 14. P. 9.

¹⁷ “Welcome to the wonderful world of ‘Chimerica’ — China plus America — which accounts for just over a tenth of the world’s land surface, a quarter of its population, a third of its economic output and more than half of global economic growth in the past eight years. For a time it seemed like a marriage made in heaven. The East Chimericans did the saving. The West Chimericans did the spending. Chinese imports kept down US inflation. Chinese savings kept down US interest rates. Chinese labour kept down US wage costs. As a result, it was remarkably cheap to borrow money and remarkably profitable to run a corporation. Thanks to Chimerica, global real interest rates — the cost of borrowing, after inflation — sank by more than a third below their average over the past fifteen years. Thanks to Chimerica, US corporate profits in 2006 rose by about the same proportion above their average share of GDP. But there was a catch. The more China was willing to lend to the United States, the more Americans were willing to borrow. Chimerica, in other words, was the underlying cause of the surge in bank lending, bond issuance and new derivative contracts that Planet Finance witnessed after 2000. It was the underlying cause of the hedge fund population explosion. It was the underlying reason why private equity partnerships were able to borrow money left, right and centre to finance leveraged buyouts. And Chimerica — or the Asian ‘savings glut’, as Ben Bernanke called it — was the underlying reason why the US mortgage market was so awash with cash in 2006 that you could get a 100 per cent mortgage with no income, no job or assets” (Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History of the World. The Penguin Press, 2008).

¹⁸ А.Гринспен назвал книгу своих воспоминаний “The Age of Turbulence”. Она была написана еще до кризиса и в основном посвящена периоду 1987-2002 годов — периода бурного экономического роста. Ныне же понятно, что только сейчас, после выхода книги в свет, начался реальный «век турбулентности».

60 YEARS
2009

От редакции

Среди многих юбилеев 2009 года шестидесятилетие Совета Европы — особый. Совет Европы — первая в мире универсальная международная организация, созданная на пепелище Европы после Второй мировой войны людьми (и странами), стремившимися учесть страшные уроки тоталитаризма, одичания, ненависти, национального высокомерия и презрения к человеческим жизням.

Совет Европы создан на принципах безусловного уважения к правам человека и человеческому достоинству.

Уинстон Черчилль считается одним из отцов европейского единства. Его знаменитая речь в цюрихском университете, которую мы публикуем ниже, стала принципиальной основой будущих многотрудных шагов по примирению и соединению европейцев. В его Уставе сказано:

«Целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами во имя защиты идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу.»

Трагично, но не случайно, что Советский Союз, понесший самые страшные потери во Второй мировой войне и ставший главным победителем нацизма, не был среди учредителей Совета Европы. Не был потому, что принципы и ценности создателей Совета Европы были перпендикулярны не декларируемому, а реальным действиям и ценностям сталинского (и постсталинского) режима.

Большую часть своей истории Совет Европы прожил без нашей страны.

Только с освобождением от тоталитаризма и с возрождением демократических принципов новая Российская федерация смогла войти в семью европейских народов. Тринадцатилетняя история российского членства в Совете Европы — трудная и противоречивая история.

Но историческое значение этого членства — огромно. Синий флаг с ореолом золотых звезд — это флаг Совета Европы (заимствованный и Евросоюзом). Это и наш флаг — как полноправного члена европейской семьи.

Совет Европы не управляет ни экономикой, ни армиями. Но он поддерживает самое лучшее, что есть в душах 800 миллионов людей, населяющих наш континент.

Парламентская ассамблея Совета Европы — слепок общественного мнения и настроений всех 47 стран входящих в него. Надо научиться слушать его, уважать его, и — тогда — влиять на него.

Редакция журнала «Вестник Европы», вступив в сотрудничество с Советом Европы, отныне будет постоянно рассказывать своим читателям о его многогранной деятельности. □

РЕЧЬ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЯ В В ЦЮРИХСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Господин Президент, Дамы и Господа,

Сегодня, мне оказана большая честь выступить перед вами с речью в стенах этого старейшего университета. Я высоко ценю предоставленную мне возможность.

Сегодня, мне бы хотелось затронуть тему трагедии Европы. Этот величественный континент, объединяющий в себе самые прекрасные и возделанные части земли, обладающий умеренным и ровным климатом, является родиной всех великих народов западного мира. —Это источник христианской веры и христианской морали. Здесь зародилась почти вся культура, искусство, философия и наука древних времен и современного мира. Если бы Европа однажды объединилась и признала свое общее наследие, не было бы предела счастью, процветанию и славе трех-четырёх миллионов ее жителей. —Однако, Европа также дала начало ряду устрашающих националистических раздоров, порожденных Тевтонскими народами в их стремлении к власти, свидетелями которых стал двадцатый век и многие из нас. Эти раздоры — подрывают мир и омрачают будущее всего человечества. —

Удивительно, но факт, что великая Республика по ту сторону Атлантического океана, в конце концов, осознала, что развал и порабощение Европы затронет и ее судьбу и протянула руку помощи и покровительства, дабы не вернулись времена мрачного средневековья во всей своей жестокости и нищете. Господа, а ведь времена эти могут еще вернуться.

В какой упадок пришла нынешняя Европа? Некоторым из малых государств в самом деле удалось прийти в себя, но на большинстве территорий великие полчища истерзанных, голодных, измученных работами и растерянных людей изумленно взирают на развалины своих городов и жилищ и вглядываются в темный горизонт, ожидая прихода новой беды, произвола и мучений. —Среди победителей раздается гул голосов; среди побежденных — лишь мрачное безмолвие отчаяния. И это все чего добились жители Европы, поделенные на столько древних государств и народностей, и Германские племена, раздирая друг друга на куски и неся опустошение всему вокруг.

Однако, все это время существует и иной путь, и если большинство людей из разных стран встанет на этот путь всецело и по доброй воле, положение дел —преобразится чудесным образом, и через несколько лет вся Европа, или ее большая часть, станет так же свободна и счастлива, как современная Швейцария. Но что это за высший путь? Это путь воссоздания Европейской Семьи, или той ее части, которую мы способны возродить, и наделения ее таким устройством, чтобы она смогла жить в мире и безопасности и быть свободной. Мы должны построить нечто на подобии Соединенных штатов Европы. И только таким образом сотни миллионов трудящихся смогут вновь обрести простые радости и надежды, ради которых стоит жить. А встать на этот путь просто. Все, что для этого требуется, это разрешить сотням миллионов мужчин и женщин творить добро вместо зла и получать в награду благословение, а не проклятие.

Многое, Дамы и Господа, на пути к достижению этой цели было сделано усилиями Панъевропейского Союза, который многим обязан Графу Куденхове-Калерги, и который пользовался поддержкой знаменитого Французского патриота и государственного деятеля Аристида Бриана. Также существует колоссальная организация теоретических основ и практического применения, которая была создана в атмосфере больших надежд в период после конца Первой мировой войны. Я имею в виду Лигу наций. Лига наций не была обречена на провал в силу своих убеждений и воззрений. Лига наций потерпела поражение, потому что государства, ее создавшие, предали эти убеждения. Она распалась, потому что члены правительства тех дней боялись взглянуть в лицо фактам и принять меры пока время еще оставалось. Эта катастрофа не может повториться. Теперь у нас есть много знаний и материала для строительства; а также горький опыт, за который мы дорого заплатили, чтобы побудить строителей к действию.

Два дня назад, к своей великой радости я прочитал в газетах о том, что мой друг Президент Трумэн выразил понимание и интерес к этому грандиозному плану. —И нет таких причин, в связи с которыми региональная организация Европы могла бы каким-либо образом противоречить идеалам Всемирной организацией объединенных наций. Напротив, я убежден, что большее объединение будет по-настоящему

крепким, только если оно будет основано на меньших логически последовательных естественных союзах. В западном полушарии уже существует такой естественный союз. У нас, Британцев, есть свое Содружество наций. Подобные союзы не ослабляют, а наоборот усиливают мировое устройство. Они в действительности являются его основной опорой. Почему бы не быть и Европейскому объединению, которое могло бы дать усиленное чувство патриотизма и общего гражданства разрозненным народам этого неспокойного и могущественного континента? Почему бы ему не занять свое законное место в ряду других великих объединений, чтобы внести свой вклад в формирование будущего человечества? Для того чтобы достичь этого, миллионам семей, говорящим на разных языках, необходимо совершить сознательный подвиг веры.

Мы все знаем о том, что обе Мировые войны, через которые мы прошли, явились результатом тщетного, но страстного желания вновь объединенной Германии господствовать в мире. В этой последней схватке были совершены преступления и массовые убийства, которые могут сравниться лишь с нашествием Монголов в четырнадцатом веке, и —коим по своей жестокости нет равных в истории. Вина должен быть наказан. Германии должно быть отказано в возможности перевооружения и развязывания еще одной жестокой войны. И когда мы это исполним, а мы это исполним и исполняем уже сейчас, тогда возмездие должен прийти конец. Как сказал Господин Гладстоун много лет назад, мы должны совершить «благословенный акт забвения». Мы все должны будем повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы не можем позволить себе нести за собой через время ненависть и жажду мести, произрастающую из былых ран. Если мы хотим спасти Европу от бесконечных мучений и, безусловно, от рокового конца, мы должны совершить акт веры в Европейскую семью и акт предания забвению всех преступлений —и безумств прошлого. Способны ли народы Европы дотянуться до этих высот освобождения души и инстинктов духа человеческого? Если способны, то все зло и нанесенные раны смогут быть искуплены перенесенными мучениями. Хотим ли мы захлебнуться в еще одной агонии? —Неужели единственный урок истории в том, что человечество не способно на понимание? Да будет справедливость, милосердие и свобода. Народы должны только возжелать этого, и желание их сердец исполниться.

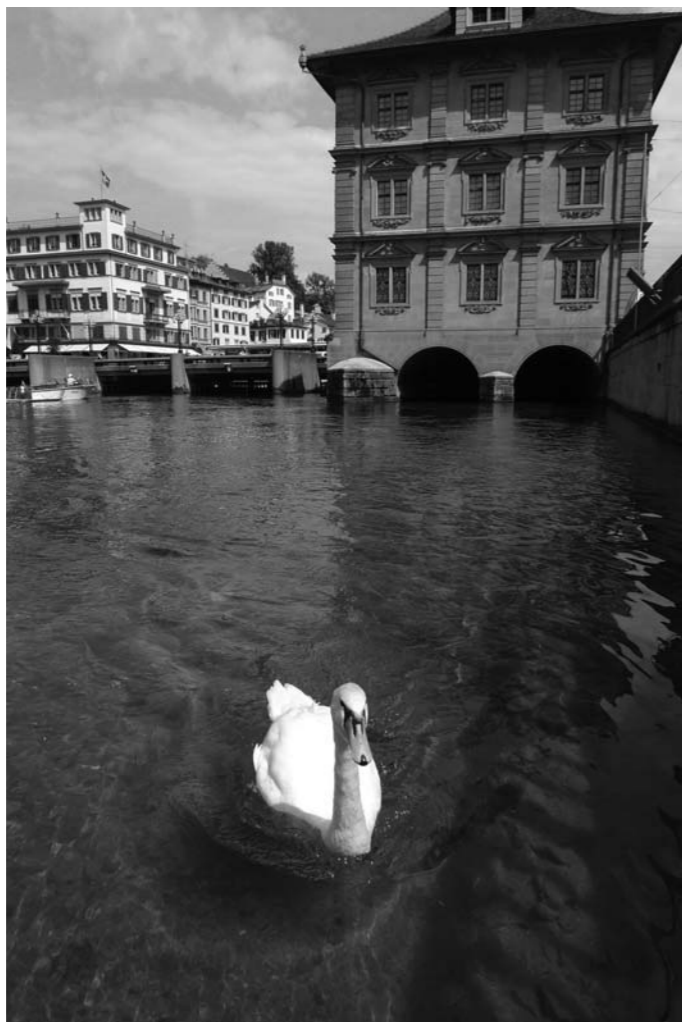
То, что я сейчас скажу, удивит вас. Первым шагом на пути к воссозданию Европейской семьи должно послужить партнерство между Францией и Германией. Только таким образом Франция сможет восстановить свое духовное и культурное господство в Европе. Возрождение Европы невозможно без сильной духом Франции и сильной духом Германии. Идеальное устройство Соединенных штатов Европы подразумевает, что материальная мощь одного государства не столь важна. Малые государства должны быть равнозначны большим и должны заработать свое доброе имя путем внесения своего вклада в общее дело. Старейшие государства и княжества Германии, добровольно объединенные в федеральную систему для всеобщего удобства, могут занять отдельные места в составе Соединенных штатов Европы. Я не стану расписывать подробный план действий для миллионов людей, желающих быть счастливыми и свободными, преуспевающими и защищенными, которые хотят наслаждаться четырьмя свободами, о которых говорил великий Президент Рузвельт, и жить в соответствии с принципами, определенными в Атлантической хартии. Если это их желание, если это желание Европейцев из стольких стран, им остается только сказать об этом и средства непременно будут найдены, и механизмы исполнения этого желания запущены.

Но я должен предупредить вас. Времени может оказаться не так и много. Сейчас мы на передышке. Пушки прекратили огонь. Битва закончена, но опасность еще не миновала. Если мы намерены образовать Соединенные штаты Европы, или подобный союз под иным названием, мы должны начинать сейчас.

В настоящее время мы странным и тревожным образом живем под щитом, или я бы даже сказал защитой атомной бомбы. Атомная бомба все еще находится в руках того государства и того народа, который никогда не прибегнет к ее использованию за исключением случаев ущемления прав и свобод. Но может случиться и так, что через несколько лет это неслыханная машина уничтожения будет широко распространена, и катастрофа, которую повлечет ее использование сразу несколькими враждующими странами, не только положит конец тому, что мы называем цивилизацией, а просто уничтожит саму Землю.

Теперь я должен подытожить все предложения, представленные на ваше рассмотрение. Нашей постоянной целью должно быть возведение и утверждение мощи Организации объединенных наций. — Согласно и в рамках данного устройства мира, мы должны воссоздать Европейскую семью в форме регионального объединения, которое возможно будет называться Соединенными штатами Европы. Если на начальном этапе не все государства Европы будут иметь желание или возможность вступить в союз, мы, тем не менее, должны продолжать формировать и объединять в союз страны готовые к вступлению. Идея освобождения простых людей всех национальностей и стран от войны или порабощения должна быть основана на твердых принципах, на страже которых должна стоять готовность всех мужчин и женщин скорее принять смерть, чем покориться тирании. Во всей этой неотложной работе Франция и Германия должны вместе взять на себя лидерские обязательства. — Великобритания, Британское содружество наций, могущественная Америка и, я надеюсь, Советская Россия — в действительности будут или, что ж, должны стать друзьями и покровителями новой Европы и стоять за ее право жить и процветать. □

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТ ЕВРОПЫ И ЧЕМ ОН ЗАНИМАЕТСЯ

Кто мы?

Совет Европы — старейшая международная политическая организация на континенте. Наши основные задачи — это защита прав человека, развитие демократии и утверждение верховенства права на территории всех входящих в Совет стран. Организация была основана в 1949 году, и сегодня в неё входят 47 государств «большой Европы». Таким образом, Совет Европы представляет мнения более 800 миллионов европейцев.

Наши цели

Нашей основной целью всегда оставалась гарантия человеческого достоинства представителям всех народов, населяющих Европу. Мы идем к этой цели, утверждая такие фундаментальные ценности, как демократия, права человека и верховенство права. Мы верим в то, что лишь на этих ценностях может быть построено толерантное и культурное общество. Мы также считаем, что такой фундамент обеспечивает стабильность, экономический рост и социальную сплоченность во всей Европе.

Мы ищем решения общих проблем, с которыми сталкиваются все европейские государства, таких как терроризм, организованная преступность, коррупция, мошенничество в киберпространстве, клонирование и нарушение биоэтики, насилие в отношении детей и женщин, торговля людьми. Только общими усилиями всех стран в составе Совета Европы возможно добиться результатов в борьбе с этими социальными проблемами.

Наша деятельность

Во многих конкретных областях стимулом к работе Совета Европы становятся одобренные в его стенах конвенции. Смысл этих документов в гармонизации законов многих стран по единым стандартам Совета Европы. Наиболее известной стала Европейская конвенция по правам человека. Она описывает те права и свободы, которые государства в составе Совета обязуются гарантировать своим гражданам. Всего на сегодня принято более 200 конвенций. Их также подкрепляют многочисленные резолюции и рекомендации в адрес отдельных стран, которые помогают им в решении общих социальных и политических проблем.

Как работает Совет Европы?

Комитет министров — орган Совета Европы ответственный за принятие решений, в него входят министры иностранных дел всех входящих в Совет государств или их представители в Страсбурге. Решения Комитета министров ложатся в основу европейских конвенций, соглашений и рекомендаций в адрес стран-членов.

Парламентская ассамблея (ПАСЕ) — это мозг Совета Европы, где зарождаются идеи, и проходит их обсуждение. Парламентарии из стран, состоящих в Совете, обсуждают направления политики, которые затем становятся обязательными для исполнения на национальном уровне. Члены ПАСЕ назначаются парламентами каждой из стран Совета Европы.

Конгресс — это голос местных европейских властей, представляющих более 200 тысяч регионов и муниципалитетов из 47 стран. Избранные представители местных органов власти обсуждают здесь общие проблемы, сопоставляют свой опыт по поиску решений и вместе разрабатывают новые законы. Задача Конгресса — укрепление демократии и улучшение условий жизни населения в регионах.

Конференция МНПО объединяет более 400 международных неправительственных организаций. Она является единым форумом для представителей этих организаций и обеспечивает устойчивую связь между политиками и гражданским обществом. Опыт и экспертные знания МНПО обогащают работу других органов Совета Европы и позволяют политикам прислушиваться к проблемам европейского общества.

Европейский суд по правам человека — юридический орган Совета Европы, обеспечивающий гарантию прав человека всем гражданам Европы. Решения Суда принимаются в отношении государств и частных заявителей вне зависимости от их национальности. Деятельность Суда основана на Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в 1950 году.

Комиссар по правам человека. Бюро Комиссара по правам человека — это независимая структура в составе Совета Европы. Комиссар отвечает за осведомленность населения о принципах прав человека и за уважение этих принципов со стороны государств, входящих в Совет Европы. Комиссар исполняет преимущественно «профилактические» функции и этим кардинально отличается от Европейского суда по правам человека.

Генеральный секретарь избирается Парламентской ассамблеей (ПАСЕ) на пятилетний срок и отвечает за стратегическое и бюджетное планирование, а также общее управление Советом Европы.

Символика

Европейский флаг был утвержден Советом Европы в 1955 году после тщательного отбора вариантов и представляет собой круг из золотых звезд на синем фоне. Число звезд неизменно: двенадцать, в данном случае, — символ совершенства. Этот же флаг был одобрен в 1986 году Европейским Сообществом (сегодня — Европейский Союз).

Европейский гимн был принят Советом в 1972 году, а позднее также стал гимном ЕС. Мелодия гимна — обработка «Оды к радости» из Девятой симфонии Бетховена, сделанная Гербертом фон Караяном.

Отличия от других европейских институтов

Несмотря на общую символику, цели и задачи Совета Европы и Евросоюза достаточно легко различимы.

Совет Европы — организация межправительственная, и своими приоритетами считает защиту прав человека, демократию и верховенство права. Сегодня Совет Европы насчитывает 47 государств.

Европейский Союз состоит из 27 стран, частично отказавшихся от суверенитета в пользу совместного принятия решений по общим проблемам. ЕС — структура надправительственная.

Все без исключения страны, принятые в Евросоюз, первоначально состояли в Совете Европы.

Знаете ли вы, что...

...на территории Совета Европы запрещена смертная казнь? По решению ПАСЕ с 1985 года отказ от практики смертной казни стал предварительным условием для вступления в Совет.

...все лекарства от простой таблетки до самых сложных препаратов, которые продают на территории Европы, контролируются Европейской дирекцией по качеству медикаментов, одной из структур Совета Европы?

...Совет Европы стал первой в мире организацией, утвердившей законы в отношении многих проблем современности, таких как искоренение терроризма и запрет на клонирование людей?

47 стран в составе Совета Европы

Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, «бывшая Югославская Республика Македония», Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Молдова, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония

Подробности о деятельности Совета Европы вы можете также получить на сайте www.coe.int □

«ДВЕНАДЦАТЬ СЮЖЕТОВ» СОВЕТА ЕВРОПЫ

Совет Европы известен своей многогранной деятельностью в области прав человека и развития демократии в 47 странах Европы. Но многие темы, которые рассматриваются в рамках различных проектов Совета Европы, также заслуживают внимания. Из обширного списка этих тем мы выбрали «12 сюжетов», которые помогают подробнее узнать о работе организации, за последние 60 лет признанной эталоном в утверждении верховенства права на европейском континенте.

Отказ от телесных наказаний детей

Во многих европейских странах телесные наказания по-прежнему считаются допустимым методом дисциплинарного воздействия, в особенности, в домашних условиях. Исследования, проведенные в Словакии, показали, что 98,6% родителей убеждены в том, что они могут позволить себе рукоприкладство по отношению к детям.

Совет Европы уверен, что насилие в отношении детей нельзя оправдать ничем. Дети — не «маленькие взрослые» с «мини-правами». Дети имеют полное право на защиту от любых форм насилия, в том числе, от телесных наказаний, где бы они ни — применялись.

Для охраны и продвижения прав детей, а также для защиты детей от всех форм насилия Совет Европы создал программу «Строим Европу для детей и вместе с детьми». В 2008 году, под лозунгом «Не делай больно — приласкай!», стартовала информационно-разъяснительная кампания, призывающая отказаться от телесных наказаний детей.

Совет Европы поставил себе целью добиться отмены телесных наказаний во всех входящих в него государствах. Каждая третья страна в составе Совета Европы уже запретила телесные наказания законодательно, а целый ряд стран выражают намерение провести в этой сфере правовые реформы.

«Остановить бытовое насилие!»

Бытовое насилие в отношении женщин — одно из самых серьезных нарушений прав человека по признаку пола. Несмотря на прогресс, достигнутый на уровне международного законодательства, в политике и на практике, проблема сохраняет свою актуальность для всех государств-членов Совета Европы и всех слоев общества.

По данным исследования, проведенного Советом Европы в 2006 году, от 20% до 25% женщин хотя бы раз в своей жизни сталкивались с физическим насилием, а более 10% женщин подверглись сексуальному насилию. Кроме того, специалисты предполагают, что от 12% до 15% всех женщин в возрасте от 16 лет стали жертвами бытового насилия.

Совет Европы выступил с целым рядом инициатив по укреплению защиты женщин от насилия. В период с 2006 по 2008 гг. была проведена кампания по борьбе с насилием в отношении женщин, в том числе насилием бытовым. Она была направлена на привлечение внимания к тому факту, что насилие в отношении женщин является нарушением прав человека, а также на поддержку действенных мер по профилактике и борьбе с насилием в отношении женщин в странах, состоящих в Совете Европы.

Борьба с предрассудками в отношении цыган

В Европе проживает около 10 млн. цыган. Эта группа населения представлена почти во всех государствах-членах Совета Европы, а в некоторых странах Центральной и Восточной Европы цыгане составляют до 5% населения.

Совет Европы является базовой организацией для Европейского форума цыган и проводит кампанию «Доста!», посвященную борьбе с социальными стереотипами и предрассудками в отношении цыган.

Несмотря на свой весомый вклад в становление европейского культурного наследия, сегодня цыгане формируют самое крупное меньшинство в Европе, представители которого часто не имеют гражданства. Цыганам приходится сталкиваться со множеством проблем: сложностями при получении образования

или при трудоустройстве, с дискриминацией в медицинском обслуживании или в решении жилищных вопросов, с нетерпимостью и с насилием. Совет Европы убежден, что право цыган на гражданство и другие основные права должны быть признаны в законах.

Защита детей от сексуальной эксплуатации

В развитых западных демократических странах каждый десятый ребенок, молодой человек или девушка становятся жертвами сексуального посягательства. Сексуальная эксплуатация детей — одно из самых вопиющих проявлений насилия в отношении детей.

В 2007 году Советом Европы была принята Конвенция о защите детей от эксплуатации и посягательств сексуального характера. Это первый международно-правовой документ, относящий различные формы сексуального посягательства в отношении детей к уголовным преступлениям, в том числе, если такие действия были совершены дома или в семье. К настоящему моменту Конвенцию уже подписали 33 государства, в 2009 году она должна вступить в силу.

Кроме того, Конвенция Совета Европы о кибер-преступности устанавливает уголовную ответственность за распространение детской порнографии в интернете и предусматривает меры по обеспечению международного взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с этим явлением.

Защита прав людей с ограниченными возможностями

В Европе проживает около 80 млн. инвалидов. В некоторых странах Совета Европы люди с ограниченными возможностями по-прежнему сталкиваются со сложностями при реализации некоторых своих прав и свобод, например, в таких сферах, как трудоустройство, образование и участие в политической жизни.

Политика в отношении инвалидов часто предусматривает лишь меры связанные с медицинской реабилитацией и социальными выплатами, а также их обслуживанием в специализированных учреждениях. Поэтому больше внимания следует уделять обеспечению прав человека и социальной адаптации людей с ограниченными возможностями.

В 2006 году Совет Европы принял «План действий по защите прав инвалидов», предусматривающий меры поощрения участия инвалидов в политической, общественной и культурной жизни, а также меры в сферах образования, информации, трудоустройства, доступности объектов архитектуры и транспорта.

Огромные возможности социальной интеграции людей с ограниченными возможностями открывает интернет: работа в режиме онлайн, электронная демократия, доступ к знаниям и информации. Совет Европы уделяет особое внимание вопросам удобства доступа и конструктивным решениям с тем, чтобы новые технологии помогали обеспечивать равные возможности для полноценного и активного участия инвалидов в жизни общества и не служили дополнительным фактором — социальной отчужденности.

Межкультурный диалог

Окружающая нас культурная среда становится все более многообразной, что приводит к возникновению новых социальных и политических проблем, нередко порождающих нетерпимость, социальные стереотипы, расизм, ксенофобию, дискриминацию и насилие.

Межкультурный диалог играет важную роль в предупреждении разделения общества по этническому, религиозному, языковому и культурному признаку и обеспечивает конструктивный и демократичный подход в вопросах сосуществования различных идентичностей. Он очень важен в борьбе с нетерпимостью и развивает взаимопонимание в восприятии наших ценностей и подходов.

В целях обеспечения лучшего взаимопонимания между представителями различных культур, а также социальной сплоченности и стабильности Совет Европы уделяет приоритетное внимание развитию межкультурного и межрелигиозного диалога. В мае 2008 года была выпущена «Белая книга по вопросам межкультурного диалога», которая дает политическим руководителям и гражданскому обществу концептуальную основу и практические рекомендации по развитию межкультурного диалога.

Борьба против подделки лекарств

Подделка лекарственных препаратов превратилась в промысел, зачастую связанный с организованной преступностью, жертвами которого каждый год становятся сотни тысяч человек. Поддельная медицинская продукция занимает 10% мирового лекарственного рынка, а ежегодный ущерб, наносимый фармацевтической отрасли, оценивается в 500 млрд. евро.

К сожалению, межгосударственное сотрудничество в этой сфере ещё недостаточно развито. Особое беспокойство вызывает рост продаж поддельных лекарств через интернет, следствием чего может стать неконтролируемый трансграничный оборот препаратов, потенциально опасных для здоровья людей.

Совет Европы, с помощью специалистов Европейской дирекции по контролю за качеством медикаментов (ЕДКМ), участвует в работе по стандартизации лекарств, в европейской программе испытаний лекарств, поставляемых в аптеки и больницы, в создании нормативной базы для переливания крови и пересадки органов и в борьбе с подделкой лекарственных препаратов. Он также занимается разработкой конвенции — открытой и для неевропейских государств — о противодействии обороту поддельных и незаконно произведенных лекарств и медицинских средств, в том числе через интернет.

«Электронная демократия»

Электронная демократия может рассматриваться как использование новых информационных и коммуникационных технологий государством, политическими партиями, гражданскими объединениями, гражданами и т.д. в интересах укрепления демократии, демократических процессов и институтов.

Работы по тестированию и внедрению электронного голосования уже ведутся в целом ряде стран, например в Эстонии, Нидерландах, Великобритании и Швейцарии. В 2007 году в Эстонии процедурой электронного голосования воспользовались 10% граждан. —

Наряду с этим, электронная демократия несет в себе определенные риски: она, например, чревата возникновением «цифровой пропасти» и новых форм дискриминации. Кроме того, граждане станут доверять электронной демократии лишь тогда, когда убедятся, что передаваемые ими с помощью электронных средств данные не будут использоваться и храниться для других целей, в ущерб их интересам.

Для Совета Европы электронная демократия (ЭД) стала еще одним способом участия граждан в функционировании демократических механизмов, который может помочь возродить интерес к политике и демократическому процессу. Он позволяет использование инструментов электронной демократии с целью расширения возможностей участия в политической жизни, особенно для инвалидов, которым раньше было трудно физически участвовать в демократических процедурах.

Борьба за отмену и запрет смертной казни

На сегодняшний день Европа — единственный континент в мире, где перестала применяться смертная казнь. Все 47 государств в составе Совета Европы либо отменили у себя смертную казнь, либо установили мораторий на исполнение смертных приговоров.

Совет Европы сыграл ведущую роль в борьбе за отмену смертной казни, исходя из принципа, что ей нет места в демократическом обществе. Стремление искоренить смертную казнь нашло воплощение в «Протоколе №6» к Европейской конвенции о правах человека. Он был принят в 1983 году, благодаря инициативе Парламентской ассамблеи Совета Европы об отказе от применения смертной казни в мирное время. В 2002 году был сделан еще один важный шаг: принят «Протокол №13» об отмене смертной казни при любых обстоятельствах, даже за преступления, совершенные в военное время.

Совет Европы объявил отказ от смертной казни одним из предварительных условий для приема в Организацию. В результате, на территории входящих в него государств с 1997 года не было ни одного случая применения смертной казни.

Парламентская ассамблея продолжает держать вопрос о смертной казни на контроле. Она распустила процедуру своего мониторинга на страны, имеющие при Совете Европы статус наблюдателей. Главным образом, это относится к США и Японии.

Искоренение пыток

Европейский комитет по предупреждению пыток (ЕКПП) — единственный — общеевропейский орган, уполномоченный в любой момент проводить инспекции мест лишения свободы (включая тюрьмы, полицейские участки, психиатрические учреждения, иммиграционные центры) в любых государствах, входящих в Совет Европы. По результатам таких инспекций составляются отчеты для соответствующих государств, которые в большинстве случаев дают разрешение на их публикацию.

В ноябре этого года ЕКПП, состоящий из экспертов различных специальностей, отметит 20-летие. Со времени своего создания в 1999 году ЕКПП провел более 250 инспекций и опубликовал более 200 отчетов о них.

Проблема пыток и унижающего достоинство человека обращения или наказания является актуальной и в сегодняшней Европе, причем эти явления не ограничены какой-либо одной страной или регионом. ЕКПП разработал множество детальных рекомендаций по улучшению условий содержания, многие из которых уже реализованы государствами, входящими в состав Совета Европы.

Работа над проблемами, связанными с миграцией

За последние десятилетия быстрыми темпами растет миграция с других континентов в Европу, а также между самими европейскими странами. Одни иммигранты прибывают на наш континент в качестве беженцев или в поисках политического убежища, другие — по экономическим причинам. В 2005 году приток новых иммигрантов в страны Европы составил 1,9 млн. человек.

На протяжении нескольких лет Совет Европы занимается разработкой единых политических подходов к решению проблем, связанных с миграцией. Он содействует укреплению сотрудничества между странами происхождения, транзита и приема мигрантов и призывает входящие в него государства к принятию конкретных мер для более полной социальной адаптации мигрантов и членов их семей, для борьбы с расизмом, ксенофобией и насилием по отношению к ним.

Недавно в Совете Европы рассматривались проблемы, связанные с массовым прибытием в южные районы Европы мигрантов, прибывающих морем. Лишь за 2007 год у берегов Италии, Испании, Греции и Мальты было подобрано более — 51 тысячи таких «людей в лодках». Совет Европы призвал правительства европейских государств установить минимальные стандарты приема «людей в лодках», которые гарантированно обеспечивались бы во всех странах, куда прибывают мигранты.

Управление сферой интернета

Во всём мире Интернет оказывает огромное воздействие на жизнь людей. По данным «ComScore Networks», в 1999 году на планете насчитывалось 300 млн. пользователей «всемирной паутины». В 2009 г. по оценкам, достигло полутора миллиардов человек.

Совет Европы стремится к тому, чтобы управление сферой интернета опиралось на ценности демократии, права человека и верховенство права. Он видит свою задачу в понижении рисков, связанных с использованием интернета не по назначению, и в увеличении его возможностей для повышения качества жизни, в том числе для инвалидов.

Совет Европы содействует повышению доступности, безопасности, надежности, устойчивости и непрерывности работы интернет-сервисов. Он отстаивает свободу слова и распространения информации в интернете, указывая при этом на необходимость соблюдения других законных прав и интересов.

Деятельность Совета Европы в этой области опирается на ряд основных конвенций и инновационных инструментов, направленных на борьбу с киберпреступностью, защиту детей от вредного интернет-контента, предупреждение кибертерроризма, защиту потребителей от фальсифицированной лекарственной продукции, развитие электронной демократии и обеспечение полноценного участия инвалидов в общественной жизни — как непосредственно, так и с помощью сетевых ресурсов.

Подробнее об этих сюжетах вы можете прочитать на сайте www.coe.int

Томас Хаммарберг, комиссар Совета Европы по правам Человека

О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

ВЫЗОВ, НА КОТОРЫЙ ПРЕДСТОИТ НАЙТИ ОТВЕТ В КОПЕНГАГЕНЕ

Изменение климата приводит к беспрецедентному глобальному кризису в сфере прав человека — и должно быть отражено скоординированными правовыми действиями

На повседневную жизнь миллионов людей уже влияют последствия глобального потепления: опустынивание, засухи, наводнения или циклоны. Под угрозой находятся основные права человека — такие, как право на жизнь, здоровье, пищу, воду, жилье или собственность. И страдать будут больше всего те, кто уже уязвим, и не в последнюю очередь — население бедных районов, и среди них — пожилые люди, женщины и дети. Поэтому столь важно и для защиты прав человека добиться серьезной договоренности в отношении климата на Конференции ООН в Копенгагене в декабре этого года.

Во Всеобщей декларации прав человека заявляется, что «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы ... могут быть полностью осуществлены». Сегодня этот порядок подрывается в результате того, что не предпринимаются эффективные действия по борьбе с изменением климата.

Мэри Робинсон, бывший Верховный комиссар ООН по правам человека, недавно написала, что «мы все потерпели поражение, потому что не смогли оценить масштабы и срочность этой проблемы. Изменение климата выявляет бесчисленные слабости в существующей у нас организационной архитектуре, в том числе и в ее правозащитных механизмах. Для эффективного решения этого вопроса требуется изменить политические подходы во всем мире — от сбора информации и коллективного принятия решений до охраны порядка и распределения ресурсов».

Вызов, на который предстоит найти ответ в Копенгагене, состоит в том, чтобы компенсировать эти упущения и начать создавать согласованный потенциал для предотвращения дальнейшего опасного глобального потепления и, одновременно, принимать необходимые меры для возмещения того ущерба, который стал сейчас неизбежен или уже нанесен.

Это потребует уникального *духа глобальной солидарности*. Нам нужно признать нашу взаимозависимость. Глобальному потеплению способствовали, прежде всего, более богатые страны, в то время как самые бедные на сегодняшний день больше всего страдают от последствий этого явления.

Обязательства развитых государств по снижению уровня выбросов углекислого газа ни в коей мере не отвечают ожиданиям развивающегося мира. Бедным странам не помогли и фонды, выделенные на адаптацию и призванные защитить общество этих стран от последствий изменения климата. А это в свою очередь приводит к тому, что и развивающиеся страны меньше хотят ограничивать объем своих собственных выбросов.

Еще одним пробелом в дискуссиях вокруг изменения климата до сих пор было отсутствие упоминания о правах человека. И хотя в докладах Межправительственной группы экспертов по вопросам изменения климата (IPCC) излагаются социальные последствия глобального потепления, в них не проводится анализ состояния прав человека.

Следует отметить, что Бюро Верховного комиссара ООН по правам человека весьма своевременно выпустило доклад о связи между изменением климата и правами человека. В этом документе описываются последствия изменения климата для отдельных лиц и общин, а также подчеркиваются вытекающие из договора обязательства правительств защищать тех, чьи права пострадали от воздействия глобального потепления или от политики и мер, направленных на решение проблемы изменения климата¹.

В другом недавнем докладе, опубликованном Международным советом по политике в сфере прав человека, высказывается мысль, что следует стереть дисциплинарные границы между проблемами окружающей среды и законодательством в сфере прав человека². ... Важно понять, кто находится под угрозой и как лучше защитить этих людей. Информация о влиянии на права отдельных лиц и обществ, как мы надеемся, будет способствовать осознанию того, что нужно предупредить такие цепные реакции, как массовые перемещения людей и конфликты. Это может сделать более целенаправленным оказание помощи наиболее уязвимым группам... Иными словами, этому нужно уделять приоритетное внимание. Население, затронутое данными проблемами, имеет право получать надежную информацию, а также на участие в принятии соответствующих решений на основе подлинно демократического процесса. Эти намерения отражены в Орхусской конвенции 1998 года, в которой содержатся положения об инициативном обмене информацией и об участии пострадавших в подготовке планов и программ по борьбе с экологическими угрозами³.

Существует острая необходимость обсудить такой вопрос как ответственность. Используя нормы в сфере защиты прав человека, государства могут определить минимальные требования как для политики смягчения воздействия на окружающую среду, так и политики адаптации. Должно быть ясно, что ущерб

¹ Доклад Бюро Верховного комиссара ООН по правам человека о связи между изменением климата и правами человека — Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the relationship between climate change and human rights (A/HRC/10/61)

² Изменение климата и права человека — Climate Change and Human Rights. A Rough Guide. Общий справочник, опубликованный Международным советом по политике в сфере прав человека, 2009 год. Цитата из Мэри Робинсон взята из предисловия к этому докладу.

³ Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общества в процессе принятия решений и доступе к правосудию по экологическим вопросам (1998 год).

окружающей среде, который выходит за определенный порог, нанося ущерб отдельным правам человека, является неприемлемым и незаконным.

Мэри Робинсон заявила о необходимости оттачивать правозащитные инструменты для поиска ответов на новые вызовы, связанные с изменением климата. Требуется принять эффективные процедуры для определения ответственности и выделения компенсации пострадавшим. Однако будет непросто установить конкретную ответственность в тех случаях, когда имеется слишком много участников, причем из иных стран нежели те, где был нанесен ущерб.

Европейский суд по правам человека в определенной степени признал экологические права (в основном в связи со статьей 8 Европейской конвенции). По одному из таких дел Суд отметил, что «серьезное загрязнение окружающей среды может нанести ущерб благополучию отдельных лиц и помешать им пользоваться своими домами таким образом, чтобы это не сказывалось отрицательно на их частной и семейной жизни»⁴.

Суд также подтвердил обязательство государств проводить должные исследования, до того, как разрешить такой вид деятельности, которая могла бы нанести ущерб окружающей среде, а также доводить результаты этих исследований до общественности⁵.

Кроме того, Суд установил нарушение права на жизнь в деле, в рамках которого власти не предпринимали профилактических действий, когда они знали о повышенном риске в результате схода селевых потоков и не информировали население об этом риске⁶.

В Европейской социальной хартии предусматривается право на здоровье, и от государств-участников требуется обеспечивать «устранение, насколько это возможно, причин нарушения здоровья» (статья 11). На этой основе Европейский комитет по социальным правам установил ответственность государств за то, чтобы добиваться ощутимого прогресса в снижении уровней загрязнения⁷. Это же постановление охватывает и риски, связанные с ядерной энергетикой, с асбестом или с безопасностью пищевых продуктов. И это — лишь первые шаги. Благодаря растущему осознанию того ущерба, который наносится в результате изменения климата, возникает необходимость в дальнейшем уточнении тех обязательств, которые должны быть связаны с правом на здоровую окружающую среду.

Уже на первой Конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме в 1972 году было заявлено о праве всех людей на то, чтобы иметь «адекватные условия жизни, в окружающей среде такого качества, которое позволяет жить в условиях достоинства и благополучия...Мы все несем «высокую ответственность за защиту и улучшение окружающей среды для нынешнего и будущих поколений». Да, именно об этом и идет речь.

[19/10/2009] [19/10/2009]

НЕОБХОДИМО ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ЗА ОТМЕНУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

[05/10/2009]

Шаг за шагом идет процесс отмены смертной казни. Большинство стран мира в настоящий момент прекратили применять это жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство наказание: 94 государства приняли решение о полной отмене смертной казни, 10 отменили это наказание в отношении всех обычных преступлений, а 35 других стран за последние десять лет не казнили ни одного человека.

⁴ См. дело «ЛОПЕС ОСТРА (LOPEZ OSTRA) против Испании», заявление № 16798/90, постановление от 9 декабря 1994 года, §51.

⁵ См. дело «ТАШКИН (TAŞKIN) и другие против Турции», заявление № 3 46117/99, постановление от 30 марта 2005 года.

⁶ См. дело «БУДАЕВА (BUDAYEVA) и другие против России», заявление № 3 15339/02, постановление от 29 сентября 2008 года.

⁷ Решение Европейского комитета по социальным правам по делу «Фонда Сарантопулоса по правам человека (MFHR) против Греции», жалоба № 30/2005, решение по существу от 6 декабря 2006 года, §§ 203 и 205.

Ныне Европа близка к тому, чтобы стать регионом, свободным от смертной казни. Однако сама идея упразднения смертной казни пока не победила.

Самые населенные страны мира по-прежнему сохраняют смертную казнь — Китай, Индия, Соединенные Штаты и Индонезия. Это означает, что большинство населения мира живет в странах, в которых смертная казнь продолжает использоваться в качестве наказания. Во время предвыборных кампаний в США эта тема находится под запретом, и даже наиболее прогрессивные кандидаты избегают поднимать ее, опасаясь негативных последствий.

Да и в других странах политики сталкиваются с проблемами, касающимися общественного мнения относительно этого вопроса. Российская Федерация приняла на себя обязательство отменить смертную казнь 13 лет назад, когда она вступала в Совет Европы. Был введен мораторий, однако, как представляется, Государственная Дума еще не готова отменить смертную казнь *де-юре*.

После чудовищного террористического акта в школе в Беслане в сентябре 2004 года многие стали высказываться за казнь одного из нападавших, выжившего в этой катастрофе. Однако судебные органы России остались верны решению о моратории даже в этой чрезвычайной ситуации, и смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

Опросы общественного мнения в отношении смертной казни обычно показывают, что большинство выступает за сохранение этого наказания. Особенно это проявляется тогда, когда происходит жестокое и широко освещаемое в СМИ убийство.

Однако результаты опросов общественного мнения по этому вопросу нелегко правильно истолковать. Существует большая разница между немедленной реакцией на жестокое преступление и изложением взвешенного мнения об этических аспектах и принципах, касающихся узаконенного государственного убийства.

Важно отметить, что в европейских странах не существует широкой поддержки возвращения к смертной казни. Такие предложения не исходят от больших политических партий.

И тем не менее я считаю, что важно вновь и вновь излагать сильные аргументы против убийства как наказания в судебном порядке. Эти дискуссии будут продолжаться, и новые поколения должны иметь возможность воспользоваться нашим прошлым опытом.

Можно убедительно доказать, что смертная казнь является *неэффективной*. Она не имеет сдерживающего характера: уровень преступности не ниже в тех странах, которые сохранили это наказание, и не поднимался в тех странах, где смертная казнь была отменена. Более того, тенденция наблюдается как раз обратная.

Но что при этом реально существует — так это настоящий риск казнить *невиновного* человека. Непогрешимой системы правосудия не существует, ведь судьи — это люди, ошибки совершаются и в зале суда. А когда осужденный казнен, то исправлять ошибку слишком поздно. Имеется целый ряд таких дел — некоторые из них удалось прояснить по прошествии времени благодаря новым методам анализа ДНК — и нет гарантий, что такие ошибки не будут происходить в будущем.

Было также доказано, что режим смертной казни явно склоняется к *дискриминации* в отношении бедных и групп меньшинств. Привилегированные люди с широкими связями намного меньше рискуют

подвергнуться такому наказанию, чем те, кто совершил аналогичное преступление, но принадлежит к малообеспеченным группам населения. Самая большая угроза существует для маргинализированных людей; как правило, они находятся в невыгодном положении во время судебного разбирательства — и тоже самое касается смертной казни.

Это — сильные аргументы. Однако речь не идет лишь об эффективной профилактике преступности, судебной определенности или о предупреждении дискриминации — речь идет о самой сути прав человека.

Во Всемирной декларации заявляется, что никто не должен быть подвергнут пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию. Были попытки найти способы казни с причинением меньшей боли, для того чтобы сделать сам процесс более «гуманным». Все это провалилось, в том числе и в отношении самого акта убийства; существуют недавние примеры долгих мучений на электрическом стуле или при инъекции яда. И даже если этого можно избежать, это никак не снизит психологических страданий от ожидания казни. Смертная казнь является жестокой, бесчеловечной и унижающей достоинство — и так будет всегда.

Основной аргумент против смертной казни состоит в том, что она *нарушает право на жизнь*. Государственные убийства — это действительно крайнее отрицание прав человека. Именно поэтому столь важно, чтобы мы продолжали действовать в поддержку отмены смертной казни.

И в этих усилиях Совет Европы выступает на передовых позициях. Все государства-члены ратифицировали Протокол № 6 к Европейской конвенции об отмене смертной казни в мирное время, а большинство стран согласилось взять на себя обязательства по Протоколу № 13, запрещающему смертную казнь при всех обстоятельствах (в том числе и в военное время). К этому должны присоединиться и другие государства.⁸

Должно быть понятно, что Беларусь может надеяться на членство или даже статус наблюдателя только после того, как она отменит смертную казнь. Следует напомнить и правительствам США и Японии, что их статус наблюдателя поставлен под сомнение из-за их позиции по данному вопросу.

А пока должны продолжаться успешные дипломатические инициативы в ООН. В 2007 году Генеральная Ассамблея подавляющим большинством приняла резолюцию, в которой содержится рекомендация о введении всеобщего моратория на использование смертной казни. Аналогичная резолюция была согласована в 2008 году, причем в ней вновь было подчеркнуто, что мораторий должен быть установлен «с целью отмены смертной казни».⁹

Наша позиция в отношении смертной казни указывает, какой тип общества мы хотим построить. Когда само государство убивает человека, находящегося под его юрисдикцией, оно посылает сигнал: крайнее насилие имеет законное основание. Я убежден, что смертная казнь приводит к жестокости в обществе. В каждой казни есть аспект «око за око».

Цивилизованное общество должно раскрыть обман, скрывающийся за этой идеей — государство может убить человека для того, чтобы доказать, что убивать нельзя. □

⁸ Протокол № 13 не подписали Азербайджан и Российская Федерация. Его подписали, но не ратифицировали Армения, Латвия, Польша и Испания. Остальные 41 государство-член этот Протокол ратифицировали.

⁹ В ходе голосования в Ассамблее в 2007 году (A/62/PV.76) было 104 голоса за, 54 против и 29 воздержавшихся. В 2008 году (A/63/PV.7) было подано 106 голосов за, 46 против и 34 воздержавшихся. С текстом резолюций можно ознакомиться по адресу: www.un.org.

Томас Хаммарберг, комиссар Совета Европы по правам Человека

ПРАВА ДЕТЕЙ

ДЛЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ ТРЕБУЮТСЯ НЕ ПРОСТО ГРОМКИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ, А СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ И КОНКРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

[16/11/2009] Конвенция ООН о правах ребенка стала одним из наиболее известных и пользующихся широкой поддержкой международных договоров в сфере защиты прав человека. Ее ратифицировали практически все государства в мире, и тем самым они взяли на себя юридические обязательства соблюдать ее положения. В результате этого, положение детей заняло более видное место в политической повестке дня. Однако реальное выполнение Конвенции было менее эффективным, чем мы это прогнозировали. Главная причина этого — отсутствие систематического, всеобъемлющего подхода к правам детей как к политическому приоритету.

Хотя дети представляют большую группу населения и являются будущим общества (во многих смыслах), их проблемы редко становятся основным приоритетом в политике. Как правило, министры по делам детей занимают второстепенные позиции и не входят во внутренний круг власти. И когда политические вопросы разделяются по принципу «мягкие» и «твердые», то детские проблемы рассматриваются как «мягкие-мягкие». Причем зачастую эти вопросы рассматриваются как неполитические, а иногда и просто как тривиальные. Само изображение на избирательных плакатах политиков, целующих детей, стало символом такой тривиализации.

Для выполнения требований Конвенции недостаточно жестов — требуются серьезные политические обсуждения и подлинные перемены. Конечно, сама цель Конвенции — это улучшение положения детей и условий их жизни. В результате ратификации государство берет на себя обязательство соблюдать принципы и положения Конвенции и проводить их в жизнь для всех детей.

Одной из возможных причин задержек в выполнении Конвенции может быть отсутствие понимания со стороны политических руководителей или неприятие обязательств, вытекающих из этого документа. Политические руководители, вероятно, не всегда проводят различия между благотворительностью и подходом, основанным на правах.

Малообеспеченные дети, точно так же как и лица с ограниченными возможностями, долгое время были любимым «объектом» благотворительности. Им оказывали помощь, но не по праву, а потому, что люди чувствовали к ним жалость. И это — одна из тех позиций, которым бросает вызов Конвенция.

В Конвенции ребенок рассматривается именно как субъект. Он или она имеет право на школьное образование, охрану здоровья и соответствующий уровень жизни, а также право быть выслушанным и право на уважение его или ее мнения. И это касается как смышленного малыша, так и проблемного подростка.

При этом само понятие, что дети имеют права, является радикально новым, совершенно чуждым старомодному убеждению в том, что дети получают права лишь в день своего 18-летия, а до этой даты носителями их прав являются их родители.

Еще одним важным моментом в Конвенции является то, что дети и их интересы должны стать приоритетом. В качестве главенствующего принципа в Конвенции заявляется, что «первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» во всех действиях, касающихся их, независимо от того, предпринимаются ли они местными или национальными властями, парламентами, судами или службами социального обеспечения, включая и те, которые являются частными (статья 3).

В Конвенции также требуется предпринять конкретные шаги, для того чтобы гарантировать ее подлинное выполнение. В ней предусматривается, что правительства должны принять юридические, административные и иные меры «в максимальных рамках имеющихся у них ресурсов» для обеспечения того, чтобы дети могли пользоваться своими правами (статья 4).

Многие из нас, кто принимал участие в подготовке Конвенции, осознавали риск того, что итоговый документ будет рассматриваться некоторыми как некий идеалистический набор благих пожеланий, а не как определение прав человека у детей. Вызов состоял в том, чтобы наполнить четким содержанием *обязательства*, которые проистекали бы из подхода, основанного на признании прав.

Комитет ООН по правам ребенка — выборный орган, который осуществляет мониторинг за выполнением Конвенции — придает огромное значение методам и средствам ее выполнения. Основываясь на опыте и предложениях со стороны ЮНИСЕФ, неправительственных организаций и некоторых правительств, можно определить ключевые меры в контрольном списке систематических мероприятий, которые обязаны осуществлять серьезно настроенные правительства. Это включает необходимость:

- ◀ разрабатывать всеобъемлющую национальную повестку дня в поддержку детей
- ◀ обеспечивать, чтобы все законодательство в полной мере соответствовало правам детей, что требует включения Конвенции в национальное право и практику, а также обеспечения того, чтобы ее принципы и положения имели преимущественное значение в тех случаях, когда они входят в противоречие с национальным законодательством
- ◀ подчеркивать роль детей в процессе разработки политики в рамках всей системы управления путем оценки влияния принимаемых решений на детей
- ◀ проводить соответствующий анализ бюджета для определения того, какая его часть расходуется на детей, и для обеспечения эффективного использования ресурсов
- ◀ создать постоянные органы или механизмы по продвижению координации, мониторинга и оценки деятельности во всех сферах управления, в том числе и на местном уровне
- ◀ обеспечивать сбор и использование достаточного объема данных для улучшения положения всех детей в каждой стране
- ◀ поднимать уровень осведомленности и распространять информацию о правах детей и о том, что это означает на практике, в том числе благодаря обучению всех должностных лиц, работа которых связана с детьми, или тех лиц, кто непосредственно работает с детьми
- ◀ вовлекать самих детей, а также гражданское общество в процесс выполнения решений и в информационно-пропагандистскую работу

◀ развивать независимые уставные органы в поддержку детей — омбудсмена по правам детей, комиссара или иные структуры — для содействия правам детей, и

◀ давать приоритет правам детей во всех формах международного сотрудничества, в том числе в программах технической помощи.

Эти десять рекомендаций взаимно усиливают друг друга и имеют ряд общих характеристик. Каждая из них призвана опираться на обсуждения в обществе и прозрачные процедуры. Каждая отстаивает принцип «дети в первую очередь», признавая при этом необходимость скоординированных усилий для обеспечения того, чтобы права детей были интегрированы в существующие административные структуры. Требуется, чтобы и сами дети участвовали в этих процессах.

Главная идея состоит в том, чтобы вопросы детей были переведены из области исключительно благотворительности в политическую повестку дня — и заняли в ней высокое место.

Ряд правительств европейских стран уже предприняли действия на основе этих рекомендаций, например, благодаря принятию национальных стратегий, совершенствованию своей внутренней координации в отношении вопросов, связанных с детьми, разработке системы сбора данных и назначению омбудсмена по делам детей — как в бюро омбудсмена по общим вопросам, так и отдельно.

И тем не менее, существуют зияющие пробелы, свидетельствующие о том, что правительства действуют недостаточно серьезно. Это отражается и в том, что по-прежнему отсутствует должная защита детей.

Слишком мало делается для того, чтобы создать условия для посещения школы для детей с ограниченными возможностями. Дети из групп меньшинств, и не в последнюю очередь рома, находятся в неблагоприятном положении в большинстве областей жизни. Дети, конфликтующие с законом, слишком часто заключаются под стражу. Дети среди незаконных мигрантов находятся в уязвимом положении и страдают от эксплуатации. Плохо обращаются с детьми-беженцами. Примерно в половине европейских стран по-прежнему используются телесные наказания, а некоторые дети сталкиваются с насилием в школе. Правосудие, школы и города все еще не адаптированы для детей.

Одна из причин, почему влиятельные политики предпочитают громкие заявления, а не конкретику по вопросам детей, связана, вероятно, с тем, что многие из них ведут такой образ жизни, который изолирует их от повседневной реальности детей. Мнения самих детей всерьез не воспринимаются, а их родители или опекуны во многих случаях не имеют времени или возможности представить их взгляды.

Действительно, серьезность политических обязательств в настоящее время проходит проверку в связи с обсуждениями бюджетов. В самом начале нынешнего экономического спада в ряде стран уже наблюдались бюджетные сокращения, которые нанесут ущерб детям — либо напрямую в государственном бюджете, либо в результате снижения поддержки местных органов власти.

В некоторых странах были значительно уменьшены средства, выделяемые на образование, здравоохранение и социальное обеспечение. И это произошло еще до того, как правительства начали выплачивать долги, связанные с тем, что государственные деньги пошли на преодоление финансового кризиса и спасение банковской системы.

Это вызвало дискуссии о конкретном значении «максимальных рамок» имеющихся ресурсов, выделяемых для детей. Неизбежно, что интересы детей тоже пострадают, когда все общество будет вынуждено

затягивать пояса. Однако совершенно очевидно, что самому духу Конвенции противоречат такие решения, которые нанесут ущерб тем, кто уже уязвим, и в силу этого будут обостряться уже существующие формы неравенства.

Сейчас особенно важно, чтобы еще до утверждения бюджетов на следующие годы были проанализированы краткосрочные и долгосрочные последствия для детей. И ныне в Европе мы уже сталкиваемся с серьезной проблемой детской бедности — ужасающе распространенную в некоторых странах. В этом случае большое число детей попадает в неблагоприятное положение с первых лет своей жизни. Все это требует решения, и нынешний кризис — это отнюдь не аргумент, чтобы сидеть сложа руки, а наоборот.

Ограниченность средств не может рассматриваться как оправдание игнорирования обязательств по защите прав детей и для откладывания выполнения соответствующих мер. Чем больше трудностей, тем больше оснований для того, чтобы действовать, проявляя при этом ясную политическую волю по решению проблем на систематической основе.

Действительно, именно в кризисных ситуациях государство должно подтвердить свои обязательства и в полной мере соблюдать права детей — всех детей. □

Об авторе:

Томас Хаммарберг (Швеция), комиссар Совет Европы по правам человека с апреля 2006 года. До этого он занимал пост Генерального секретаря Amnesty international, Шведского отделения международной благотворительной организации «Save the Children» («Спаси детей») и Международного центра Улафа Пальме. Работая послом, консультировал шведское правительство по вопросам прав человека. Томас Хаммарберг работал Полномочным представителем Генерального секретариата ООН в Камбодже, был региональным советником Верховного комиссара ООН по правам человека. Не забывая свои прежние профессии — журналиста и преподавателя — он регулярно пишет статьи и ведет свою личную колонку «точка зрения».

ТУРБЬЁРН ЯГЛАНД — НОВЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Во время своей осенней сессии Парламентская Ассамблея избрала нового генерального секретаря Совета Европы Турбьёрна Ягланда. Впервые данную должность занял представитель Норвегии, который в первом туре выборов получил абсолютное большинство — 165 голосов. Влодзимеж Чимошевич (Польша) набрал семьдесят голосов, из 245 поданных.

Стоит отметить, что вновь избранный Генеральный Секретарь имеет большой опыт в сфере международных отношений. За свою политическую карьеру Турбьёрн Ягланд занимал посты Премьер-министра Норвегии (1996–1997), Министра иностранных дел (2000–2001), а также в течение 15 лет был членом норвежского парламента (Стортинга), в том числе и в должности его Председателя. Недавно он был избран Председателем норвежского Нобелевского Комитета, который ежегодно вручает премию мира.

Ягланд был Секретарем Рабочей партии Норвегии (1987–1992), а затем с 1992 по 2002 возглавлял ее. Он занимал пост Вице-президента Социалистического Интернационала (1999–2008), а также являлся председателем Социального Международного ближневосточного Комитета с 2001 по 2006. В 2000–2001 годах он был членом группы «Шарм эль-Шейх», известной также как «Комиссия Митчелла». В 2001–2005 годах Турбьёрн Ягланд был председателем Европейского Агентства по окружающей среде.

Т.Ягланд имеет учёную степень по экономике, которую он защитил в Университете Осло в 1975 году. Он родился 5 ноября 1950 в Драммене (Норвегия). Женат, имеет двоих детей.

За последние 20 лет Ягланд был автором множества публикаций по различным темам, особенно в области европейских и международных отношений. За последние 20 лет в Норвегии были изданы четыре его книги: «Моя европейская Мечта» (1990), «Письма» (1995), «Наш Уязвимый Мир» (2001) и «Десять Тезисов по ЕС и Норвегии» (2003).

По оценкам коллег, Турбьёрн Ягланд является человеком работоспособным и трудолюбивым. Его безусловные идеологические приоритеты — защита прав человека, верховенства права и принципов демократии, что, безусловно, немаловажно для такой организации, как Совет Европы.

За прошедший год, во время предвыборной кампании будущий Генеральный секретарь встретился с политиками и представителями правительств почти всех 47 стран — участниц Совета Европы, что позволило ему ознакомиться с интересами практически всех государств и очертить круг проблем, которые предстоит решать как самой организации, так и международной общественности в целом.

Генеральный Секретарь о роли Совета Европы и его будущем

Турбьёрн Ягланд считает, что Совет Европы играл важную роль на таких ключевых этапах европейской истории, как послевоенный период и падение Берлинской стены. И сегодня организация, с его точки зрения, обладает серьёзным потенциалом для того, чтобы оставаться одним из главных игроков на европейском пространстве.

К тому же, Совет Европы является едва ли не единственной панъевропейской организацией, достоинство которой состоит как в том, что в ней представлены практически все страны континента, так и в общечеловеческой значимости ее ценностей и политических ориентиров, а также в представительстве на уровне парламентов стран и на местном и региональном уровнях.

Сегодня, как никогда ранее, Совет Европы крайне необходим международной системе. Хотя, по мнению г-на Ягланда, он должен стать более влиятельным в политическом плане за счет решения тех вопросов, в которых он наиболее компетентен, а также борьбы с проблемами, которые встали перед странами, входящими в его состав. «Не стоит ограничиваться обещаниями и поиском новых стандартов, которым должны соответствовать государства, ведь сегодня важнее сфокусировать внимание на содействии странам, которые хотят участвовать в общеевропейском деле,» — считает новый Генеральный секретарь.

Что же касается Европейского Союза, то он не смог бы существовать или, по крайней мере, осуществлять свои интеграционные проекты без взаимодействия с политическим центром в Страсбурге. Совет Европы создал общие юридические стандарты, существующие вне правил Общего рынка. Для новых демократических государств, возникших после падения Берлинской стены, важно было, прежде всего, соответствовать определенным стандартам Совета Европы. Лишь исполнение этих принципов позволило им начать вести переговоры о вступлении в Европейский Союз.

В то же время Турбьёрн Ягланд считает, что Совет Европы не должен быть залом ожидания для государств, которые хотят стать членами Европейского Союза.

В условиях международной нестабильности Совет Европы должен четко определить свое место в системе европейских институтов, сохраняя при этом свою политическую силу и влияние, а также способность должным образом реагировать на глобальные проблемы, с которыми сталкиваются его члены.

Усилить своё влияние Совет Европы может только за счет глубокого понимания тех вызовов, которые бросает Европе современность. А это, в свою очередь, возможно только при понимании того, аким образом можно обеспечить и защитить демократические права и свободы в 21 веке.

Турбьёрн Ягланд также обеспокоен проблемами международного масштаба. Он считает, что не только позитивная деятельность человечества может стать движущей силой 21 века, но и изменения климата, борьба с бедностью и предотвращение конфликтов, вызванных национальной или религиозной ненавистью. В связи с этим все мировое сообщество должно сосредоточить свои усилия на том, чтобы именно мировая экономика и информационные технологии, научная революция и развитие демократии стали доминирующими опорами развития современного мира.

«Только сообща, отбросив национальные, культурные или политические предрассудки, мы сможем справиться с вызовами 21 века» — утверждает новый Генеральный секретарь Совета Европы.

Но для начала сам Совет Европы должен стремиться создать общеевропейскую систему взаимосвязи, в которую были бы вовлечены все его члены и которая способствовала бы укреплению единства на основе прав человека, верховенства права и принципов демократии.

Турбьёрн Ягланд: о России

Не следует ассоциировать Россию с СССР, а тем более ставить ей в вину преступления различных советских режимов, как это делают некоторые страны Совета Европы. Об этом заявил новый генеральный секретарь Совета Европы на своей первой пресс-конференции. «Наиболее трудно разрешимые проблемы современной России достались ей в наследство от прошлого», отметил г-н Ягланд. Именно это наследие мешает подчас России выйти на правильный путь.

Он также отметил, что вступление России в Совет Европы стало важнейшим историческим событием. И теперь европейским странам стоит поддержать Российскую Федерацию в ее эволюции с учетом истории и ее уроков. Взаимные обвинения лишь могут стать преградой для дальнейшей интеграции и развития отношений между Россией и другими странами Европы. □

АВАРИЯ

Петр ОРЕХОВСКИЙ

1.

Городу N далеко до Москвы и Оксфорда. Говоря словами Фернана Броделя, он является эксплуатируемой территорией или периферией российской экономики, говоря словами Юрия Яременко, градообразующие предприятия N находятся на среднем уровне хозяйственной иерархии, а если использовать высокий стиль советской публицистики, это город угля и стали. Дыра, в общем.

Анатолий Александрович Белов города N не любил, хотя и прожил в нём большую часть своей жизни. В России мало кто любит места, в которых сохраняется население, у любого русского человека есть ощущение случайности собственного пребывания в данном конкретном месте. Почему мы здесь, а не там, с этими, а не с теми — российская история не оставляла особого выбора, но до сих пор этот выбор приводит своей состоявшейся спецификой в состояние задумчивости и удивления. Только в брошенных деревнях или городских трущобах, на сентиментально-романтических руинах советского прошлого многие чувствуют неожиданный уют и умиротворение открывшейся истины — так и должно было случиться. Воздух чист, зелено, уютно. Население кончилось, а вместе с ним — и конец истории. Никто не мешает погрузиться о том, что не случилось с Россией в прошлом и не наступит в будущем.

Белов отправил своего сына учиться в московский химико-технологический университет, который за глаза звали «менделавочкой», а уже на старших курсах оплатил пребывание и получение магистерской степени в Оксфорде. Анатолий Александрович полагал, что умный русский человек должен жить преимущественно за рубежом, изредка заезжая за деньгами в шумную и негодную для жизни, но богатую Москву. Сам он подумывал на старости лет тоже отъехать куда-нибудь в небольшую европейскую страну, туда, где оседет его сын с чистым и интеллигентным зарубежным семейством. Для этого нужно было копить деньги, которых Белову вечно не хватало. Зарабатывать он их не умел, а тратить любил, что делало его идеальным типом политического деятеля. Российский начальник должен быть щедр, за эту черту характера многое прощается ему подчинёнными. Деньги при этом тратятся государственные, так чего же их экономить? Тем более что вся экономия уйдёт потом в карман вышестоящих начальников, о чём всем звеньям вертикали власти прекрасно известно. Да ещё на следующий год меньше дадут.

Анатолий Александрович вёл себя по правилам, а это означает, что он пользовался репутацией правильного человека. Последнее, впрочем, не означает, что Белов не воровал или не совершал других предосудительных поступков. Кто ж в России без греха? поди поищи. Неровён случай, ещё найдёшь такого, и придётся спасаться бегством, поскольку честный человек, согласно евангельской истории, имеет полное право запустить в грешника камнем. Да и булыжник

этот достанет скорей всего из-за пазухи — у честного человека в России много чего должно было накопиться на душе. Поэтому правильный человек в России — это совсем не то, что честный; правильный — это человек удобный, предсказуемый и понятный окружающим и отсюда годный для государственной службы, которая и требует от личности проявления именно этих качеств.

Впрочем, правильности в России мало, чтобы сделать карьеру. У каждого начальника, как и у любой женщины, должна быть своя загадка, изюминка, иначе говоря. У Белова это были связи, которые остались ещё с комсомольского прошлого. Он нечасто ими пользовался, но при случае мог удивить собеседника осведомлённостью. Анатолий Александрович был человеком, что называется, с прошлым, что также отразилось и на его внешности: седые виски, шевелюра цвета перца с солью, чуть запавшие щёки и отсутствие положенного российскому чиновнику некоторого излишка упитанности сразу же производили впечатление импозантного мужчины (слово «импозантный» Белов произносил не иначе как с буквой «у» в середине, что звучало несколько кокетливо).

Анатолий Александрович руководил строительством в городе N, а место это было бойкое и хлебное. Щедрость природы позволила продержаться ему шесть лет, что было рекордом для крупного городского чиновника. После этого его переместили курировать торговлю, на фронт работы куда менее хлопотный и доходный. Прежние налаженные цепочки взаимных услуг мэрии и строительного бизнеса разрушились, а новые привели к увеличению цен в течение полугода в полтора раза, что, несомненно, свидетельствовало о существенном притоке инвестиций в строительную сферу. Россия в очередной раз пыталась решить свой жилищный вопрос, а это потребовало новых людей, а новые люди нуждались в новых, существенно больших финансовых средствах. Неизвестно, лучше ли новое старого, но оно дороже, существенно дороже — а иначе и откуда бы ему было взяться. Смена поколений, ничего не поделаешь.

Белов всё это понимал — и не протестовал. Главное, что он сохранялся в обойме, был востребован, считался членом команды, мог отдаваться любимому делу, реализовывать план Путина, добиваться роста благосостояния народа и улучшения инвестиционного климата. Законы изменения климата обычного продолжают оставаться для человечества загадкой, но это для российского чиновника — тьфу! чем непонятней, тем лучше. И Анатолий Александрович, как и положено, действовал на благо родины в новой, хотя и хорошо известной — кто ж, казалось бы, торговли не знает? — сфере, приглядывая за билбордами, ассортиментом городских рынков и соблюдением прав потребителей в магазинах города N, и всё никак не мог понять, где же планом Путина и благом родины определена сфера его кормления? Чем с ним должны делиться нынешние акулы свободного предпринимательства?

Конечно, за время работы на прежнем месте Белов через свою жену и её родню вошёл в состав владельцев некоторых строительных фирм, которые продолжали платить его семье положенные дивиденды. Но хотелось продолжать плодотворно трудиться, получая удовлетворение от работы. Оно конечно, некоторое удовлетворение сохранялось. Но не полное, далеко не полное. И это мучило и мешало, мешало и мучило.

Жена Белова Кристина Алексеевна и не подозревала о его душевных терзаниях. Поскольку она была его второй женой и не присутствовала при начале строительства карьеры Анатолия Александровича, она полагала, что деньги Белову платят за ум и компетентность, а также глубину понимания общественно-политических процессов, патриотизм и преданность идеалам партии Единая Россия. Она искренне обижалась, когда слышала, как членов этой партии отчего-то называют за глаза едорасами. Кристине Алексеевне было 32 года, она воспитывала их двух общих дочерей трёх и пяти лет. Кроме государственных и муниципальных мужей она дружила с подданными местных королей угля и стали и любила город N чистой патриотической любовью.

Правда, и у неё был свой скелет в шкафу. Она не переносила и боялась сына Белова от первого брака, который был всего на семь лет младше её. Он был слишком умный и, по её мнению, не любил Россию. Иначе чего бы он делал в Оксфорде?

С другой стороны, наличие экзотического пасынка поднимало Белова, а стало быть, и её саму в глазах окружающих, поэтому при случае она была не прочь похвастаться родственником перед знакомыми. На вопрос, который вертелся у неё на уме в связи с предательством родины, Кристина достойно отвечала членам местного истеблишмента: «Диссертацию пишет. Докторскую. Правда, у них там докторская, как у нас кандидатская. Но ведь в Оксфорде».

И это было правдой. Виктор Анатольевич действительно писал диссертацию и готовился получать Ph. D. Но кроме того, он устроился работать в фирму, которая производила горное оборудование и газоанализаторы, так как денег ему не хватало куда сильнее, чем его отцу. Но последний об этом не знал, ибо Виктор Анатольевич деньги просил редко, будучи горд и сохраняя глубоко спрятанную обиду за старый развод его матери с Анатолием Александровичем. Мать же его, Анна Георгиевна, хоть и прошла путь от учительницы химии до директора школы и была дамой по

меркам города N весьма обеспеченной, сыну деньгами помочь не могла. Она не вышла после развода замуж, а поэтому пристально следила за светской жизнью Кристины Алексеевны через разных общих знакомых. И иногда, не часто, но всё же сообщала Виктору Анатольевичу о новом автомобиле Кристины Алексеевны, их поездке с детьми в Гоа или на Пхукет. Что придавало общей жизни семейства Беловых необходимое напряжение и внутреннюю динамику. Ведь чего только не случается в различных провинциальных городах, раскинувших своих уроженцев по всему миру, от Оксфорда до Западной Сибири!

2.

Василий Иванович Черняев особо не задумывался о своём отношении к городу N. Как-то само собой получилось, что он прожил в нём почти всю жизнь. Про таких говорят: «где родился, там и пригодился», и действительно, Василий Иванович сгодился городу N на многое.

Сначала он получил маркшейдерское образование в Горном институте, потом работал на местной шахте мастером, потом — начальником участка. Шахту закрыли за аварийность и убыточность, и Василий Иванович испытал смешанное чувство. С одной стороны, он понимал, что риск работы в шахте превышал все допустимые пределы и что в один несчастный день он мог пополнить собой горький список погибших. С другой стороны, после того как шахту закрыли, район шахтёрских двух-, четырёхквартирных домов с частичными удобствами во дворе, ухоженными огородами и рядом расположенными картофельными полями стал быстро приходить в упадок. Народ потянулся на заработки поближе к центру города N, до которого надо было ехать через полосу промышленной зоны и шахт около полутора часов. Поскольку у Черняева была своя машина, то он укладывался в час. Но чем заниматься, чтобы прокормить семью во второй половине бурных девяностых, когда Россия занялась реструктуризацией своей угольной отрасли, он решительно не понимал.

К городу N, несмотря на обширность своей территории и многочисленность населения, превышавшего полмиллиона постоянных жителей, никак не подходили характеристики свободного рынка труда, так любимые умными московскими экономистами. Крупные предприятия отчего-то не предоставляли никаких вакансий для рабочих в местный Центр занятости, а менеджеры и инженерный персонал нанимались здешними представителями крупного капитала без услуг рекрутинговых агентств и прочих разных хедхантеров, непосредственно по протекции. Компетентность и наличие производственного опыта играли определённую роль в пределах пристально рассматриваемой статистической погрешности.

Василий Иванович, как и любой советский инженер, свято веривший в преимущества капитализма, встал на учёт в Центре занятости, где ему стали выплачивать пособие по безработице, и честно заполнил анкеты в трёх таких трудоустроительных организациях. Немалое пособие, выплаченное с учётом его бывшей немалой шахтёрской зарплаты, полностью ушло на услуги штатных трудоустроителей. Понадобился месяц, чтобы он понял роль этих замечательных рекрутинговых агентств, — они обеспечивали доходами и занятостью не других, а только себя. И искать для него работу не собирались.

Тогда Черняев задумался о своих старых знакомых — и вспомнил о Белове, который ещё возглавлял тогда строительный комплекс. Анатолий Александрович помог старому сослуживцу — Василию Ивановичу работал на шахте, где Белов когда-то был освобождённым секретарём парткома. Тем более что это ему ничего не стоило — Черняев по его рекомендации устроился не в одну из патронируемых Беловым строительных фирм, а в отдел комплектации оборудования N-ского металлургического комбината. Василий Иванович сильно потерял в официальной зарплате, но много выиграл в приобретении опыта хозяйственной жизни. Ранее, на шахте, он сталкивался с денежными расчётами только у окошка кассы, теперь же ему открылся новый мир, связанный с закупками и экспедицией, бартером и наличностью, лизингом и инжинирингом. Последние операции Василий Иванович осваивал с большим интересом, подозревая, что они и составляют будущее закупок комбинатом сложного дорогого оборудования, но освоение шло с трудом до тех пор, пока его начальник, тоже бывший угольщик, не объяснил ему, улыбаясь белозубой акульей улыбкой: «Это у них там лизинги, рейтинги, инжиниринги и прочий всякий маркетинг. А у нас в основе всего лежит откатинг. Включи этот элемент в свои расчёты — и всё поймёшь».

Черняев включил, и действительно понял; как понял, что откатинг есть операция, в результате которой получает свой процент он, а не поставщик. Далее он быстро включил и то обстоятельство, что себе он может оставить не более пятнадцати процентов от суммы отката, потому что иначе его тут же уволят. Деньги следовало передать

далее белозубому начальнику, который тоже с кем-то делился, так что операция получалась многоходовой и люди в ней участвовали проверенные. Жизнь стала налаживаться. В уставшей от безделья и воровства стране обнаружился рост производства — и сразу же стал расти спрос на металлопрокат, метизные изделия, продукцию кузнечного производства. Следом потихоньку началось обновление машинного парка N-ских заводов. Черняев построил квартиру поближе к центру и перевёз семью из полуразрушенного дома, которому городской архстройнадзор никак не давал статус аварийного (а куда переселять? за чей счёт? чиновники тоже плачут). Старший сын уехал учиться в областной центр, намереваясь овладеть в политехническом профессии машиностроителя, не поддавшись на уговоры Василия Ивановича пойти на факультет пищевых производств, — там был слишком высокий конкурс. Младшей дочери стали нанимать репетиторов — живя на шахтёрской окраине, она привыкла заниматься из рук вон плохо и после перевода в новую школу центрального района сразу же стала учиться на тройки и двойки. Жена Черняева тоже нашла себе работу поближе к новому дому. Она давно окончила бухгалтерские курсы, бросив работу техника-лаборанта при шахте, и работала операционистом в системе Сбербанка. Ей пошли навстречу и перевели в один из филиалов в центре N.

Черняев, однако, оставался недоволен. Василий Иванович имел несчастливый характер — ему была присуща привычка обдумывать происходящие события и, более того, пытаться соотносить то, что он делает, со своей системой моральных ценностей. Пресловутый инжиниринг, которым ему приходилось заниматься совместно с фирмами, обеспечивающими техническое обслуживание сложного оборудования, установленного на комбинате, предусматривал графику проведения планово-предупредительных ремонтов, профилактических работ, всё это долго составлялось, рассчитывалось, согласовывалось... и, к сожалению, далеко не всегда соотносилось с реальным режимом работы предприятия. Визируя акты выполненных работ, Черняев шёл навстречу как сервисным фирмам, так и потребностям производства, внутри себя понимая, что работы выполнены максимум на 60-70%, а комбинат оплачивает все 100%. Для того чтобы сделать всё полностью, оборудование надо было останавливать, а во время летнего пика спроса на металл, связанного с ростом строительства, этого делать никому не хотелось. Вдобавок и сервисные фирмы немного доплачивали ему лично за лояльность. Все были довольны, и Василий Иванович тоже был доволен, однако где-то в глубине души сохранялся осадок — случившиеся ЧП на производстве, связанные с аварийными остановами оборудования, приводившими к внеплановым, иногда целосменным простоям, списывались на нарушения режима эксплуатации, что было, конечно, чистой правдой, но не всей правдой. Так устроена жизнь: хорошие заработки соседствовали у Черняева с внутренними сомнениями, и он утешал себя тем, что лучше уж такое положение, чем внутренние сомнения и низкие заработки.

«А не проходимец ли я?» — спрашивал себя Василий Иванович после очередного дележа отката, полученного от поставщиков оборудования. Приходилось отвечать на этот вопрос утвердительно. «Но ведь кругом-то тоже одни проходимцы» — тут же находилось возражение. И действительно, кругом были одни проходимцы. Учителя плохо учили, потому что потом сами же занимались репетиторством с детьми, которые получили двойки. Врачи плохо лечили, потому что потом больные приходили к ним снова и снова и платили дополнительные деньги. Президент плохо правил страной, потому что у него кончался срок президентства, а если бы не кончался, то правил бы ещё хуже, потому что его всё равно было не сменить, а поэтому был проходимец по определению. Даже попы плохо молились Богу, потому что разгневанный плохими молитвами Господь сильнее наказывал Россию, и в церквях становилось больше паствы.

С этим невозможно было бороться, и Черняев и не боролся, давно решив, что он неудачник по жизни. Всё началось прямо с рождения, когда ему дали имя и отчество легендарного комдива, а фамилия подкачала. Звёзды встали не так, и он родился не в то время и не в том месте, а поэтому проживал не свою жизнь. Ведь не могли же его постоянно окружать мошенники, лжецы, казнокрады. Просто ему отчаянно не везло. Да и внешность его — средний рост, наметившийся животик, чуть пухлые губы и щёки, чернявая, не желавшая сесть шевелюра, начавшая редеть по бокам высокого лба... когда он глядел на себя в зеркало, в ответ на него взирал скользкий, слегка нагловатый тип приятного проходимца, похожего на лукавого царедворца и первого русского профессионального учёного Ломоносова или оптового покупателя мёртвых душ Чичикова. Такие могут пойти далеко, но рано или поздно всё равно всплывает какое-то обстоятельство, омрачающее их счастливое настоящее и заставляющее сомневаться в безоблачном будущем. Конечно, случаются и исключения, но они подтверждают правило: даже в случае первого президента Российской академии наук не все открытые им законы природы впоследствии оказались законами. Впрочем, Черняеву судьба Ломоносова не грозила — вряд ли кто-то стал бы копаться в подробностях его биографии.

И ему в очередной раз не повезло — на комбинате поменялся собственник, затем начал меняться менеджмент — и его белозубый начальник счёл за лучшее уволиться с комбината, а заодно предложил уйти и Василию Ивановичу. Так Черняев неожиданно для себя стал предпринимателем без образования юридического лица — а заодно и начальником отдела закупок N-ской торговой компании. Вместо инжиниринга он теперь занимался логистикой, а поскольку в торговой компании в отличие от металлургического комбината оказалось большое количество женского персонала, постольку Василий Иванович стал не только проходимцем, но и ходоком на пятом десятке лет своей жизни. Он и не подозревал, что его судьба может быть столь разнообразной. Если бы кто-то сказал ему, что скоро бывшего советского горного инженера будет искать выдающийся организатор и политический деятель, правильный человек Александр Анатольевич Белов, которого назначили курировать торговлю, то Черняев бы просто не поверил.

3.

Город N считался городом рабочим, и с этим никто никогда не спорил. Для Василия Ивановича было естественным полагать, что на работе человек проводит почти треть своей жизни. Однако Черняев никогда не задумывался, что из этой посылки следует, что целых две трети отпущенного ему судьбой времени он проводит вне работы. При этом в городе N считалось неприличным «грузиться» производственными проблемами: свободное время должно было посвящаться разнообразным увлечениям — от огородничества, лежания в гараже под собственным автомобилем до совместного потребления спиртных напитков в рамках тихих, гармоничных речных или озёрных ландшафтов. Рабочий человек заслужил право на отдых — считалось, что промышленность угнетающе действовала как на психику, так и на физическое состояние организма.

Между тем научно-технический прогресс, на который возлагалось столько надежд в светлом социалистическом прошлом, внезапно проявил свои антигуманные достижения в немытой капиталистической России. Как-то незаметно оказалось, что литейные цеха, напоминавшие запахом, температурой и освещением мини-копию Ада, были ликвидированы, самая распространённая профессия России — грузчик — понесла большие потери, на шахтах появились новые проходческие комбайны, и даже сбор пустой стеклотары более не приносил столь значительных доходов, как это было в советское время и в раннюю эпоху легализации бомжей и начала ваучерной приватизации. Много ручного труда осталось в строительстве, но и там появились новые средства малой механизации, о которых домашние мастера, ремонтировавшие квартиры собственными силами, ранее могли только мечтать.

Неожиданности принёс с собой научно-технический прогресс. Под суровым взглядом частных охранных агентств и прицелом шпионских телекамер, рамок с металлоискателями, установленных на проходных, существенно сократилось поголовье несунув. Пьянство на рабочем месте, столь популярное среди класса-гегемона, тоже стало терять свои позиции, перемещаясь в кабинеты топ-менеджмента, да и там происходили уж совсем фантастические для недавнего советского директората вещи. У начальства в баре подолгу стояли крепкие спиртные напитки, по несколько бутылок, иногда початых — и всё это не требовало немедленного употребления вплоть до полного изнеможения. Впрочем, конечно, такое возмутительное положение наблюдалось не везде, отнюдь не везде, оставляя надежду на сохранение традиций.

Изменилась и торговля. Василий Иванович, воспитанный на представлениях о дефиците и товаропотоках с заднего крыльца, был удивлён разнообразием типов, видов, марок, размеров и упаковки того, что покупало население. Оказалось, что едва ли не главным полезным действием в его работе была кодификация и поддержка электронного учёта всего этого изобилия. Сама база данных обобщённого «склада» торговой фирмы велась рядовыми работниками, однако Черняеву приходилось их постоянно контролировать, сверяя данные документального и электронного учёта, что его несколько нервировало. Он начинал чувствовать себя бухгалтером, а Василий Иванович по старой советской привычке не любил людей этой профессии.

Но главное, что изменилось, — это соотношение рабочего и свободного времени. Василий Иванович внезапно обнаружил, что ни о какой одной трети не может быть и речи, — он проводил на работе по 10-12 часов ежедневно, прихватывая выходные. Однако что он такого делал в эти часы присутствия? На шахте он учил, а потом следил за качеством работы крепильщиков и забойщиков, не гнушался мелких ремонтов оборудования, участвовал в регулярных совещаниях по планированию проходческих работ и каждый вечер отхаркивал из лёгких угольную пыль. Здесь же кроме ежедневного подведения баланса «получено-отпущено» основной работой Черняева стали разговоры. И он всё время должен был быть «под рукой» у начальства, которое могло внезапно решить «посоветоваться». Черняев

сначала очень нервничал, ему даже снились коммерческие диспуты, именуемые в народе разборками. Но потом он привык, вошёл в курс дела и решил, что был прав, когда думал про торгашей, что все они — бездельники. И проходимцы в квадрате, само собой разумеется.

Постепенно Василий Иванович понял, что его нынешняя работа представляет собой определённый образ жизни среди относительно замкнутого круга людей. В советское время таким образом жили работники спецслужб, милиционеры и адвокаты, но воочию с этими людьми героических профессий Черняев не сталкивался. Ранее Василий Иванович общался на работе с одними людьми, на отдыхе — с другими, кроме того, были ещё соседи по двору (впрочем, тоже связанные с угледобычей), друзья по институту, многочисленная родня, как его собственная, так и его жены. Всё это были разные пласты жизни, достаточно слабо пересекающиеся друг с другом. Сейчас же он практически не встретился с прежними друзьями и родственниками и не испытывал по этому поводу сожалений.

Длинный рабочий день Василия Ивановича стал вмещать посещение сауны и спортзала, вечерний ужин в ресторане и нерегулярный секс в служебном кабинете или случайной квартире. Ранее такой образ жизни был доступен только бандитам, научным сотрудникам и преподавателям, но никак не инженерам и конторским работникам. Именно бывшие «научники» и «преподы», занявшись бизнесом, легко перенесли туда старые привычки некоторой расслабленности заодно с креативностью — заставить их отсиживать ровно по восемь часов на одном месте было невозможно. Так сформировался неповторимый стиль русского бизнеса, вместе с арго, вмещающим блатной жаргон и множество англицизмов, а в рабочем городе N вместе с новыми многочисленными церквями и часовнями появились обширные курортно-торговые кварталы, где среди рабочего дня с беспечным видом фланировали хорошо одетые мужчины и женщины. И бывший безработный инженер Василий Иванович Черняев, ругавший нуворишей и проходимцев, загубивших прекрасную страну, которую мы потеряли то ли в 1991, то ли в 1917, то ли ещё в 1861 году, вовсю пользовался плодами новой жизни, принесённой в N достижениями научно-технического прогресса и радикальных капиталистических реформ.

4.

Большую часть своей жизни Василию Ивановичу Черняеву было некогда. То он бежал на работу (которая, надо сказать, не вызывала у него отвращения), то с работы торопился домой, к семье. В советское время было принято говорить, что, когда с радостью идёшь на работу и с радостью возвращаешься домой, — это и есть счастье, но Черняев об этом не догадывался. А если бы ему сказали об этом, то, наверное, не согласился, как и большинство российских граждан. Для счастья им надо что-то ещё, что-то иногда совсем неожиданное, типа победы сборной России по футболу в мировом чемпионате. И много других фантастических желаний загадочным путём попадают в их головы, а голова Черняева в этом смысле ничем от них не отличалась.

Сложный период закрытия шахты и безработицы плохо повлияли на семейные отношения Василия Ивановича. Он стал угрюм и раздражителен, и хотя это продолжалось всего полгода, но прежняя семейная гармония так и не восстановилась.

Раньше, когда и он, и его жена работали в одной отрасли, они часто обсуждали своих начальников и сослуживцев, были в курсе дел друг друга. После перехода жены в Сбербанк она перестала рассказывать Василию Ивановичу о том, чем занимается, но ещё интересовалась делами на шахте. Когда Черняев устроился на комбинат, он тоже стал мало говорить о своём производственном быте.

Оставались дети, но сын после окончания школы уехал из N, а дочь больше делилась своими подростковыми проблемами с матерью и только иногда обсуждала с Василием Ивановичем различные исторические сюжеты. Для математики, физики и естественных наук у неё были репетиторы. Черняев перестал торопиться домой.

При этом у него не возникло мыслей обзавестись новой семьёй, новыми детьми и начать весь круг жизни сначала, отнюдь. Василий Иванович, склонный к самоанализу, сделал другой вывод — настала осенняя пора жизни, идёт естественное охлаждение. Пора копить деньги к пенсии.

Всё это могло бы сделать Черняева тяжёлым человеком, однако этого не произошло. Его внутренний мир мало интересовал окружающих, а сам он туда никого особо не приглашал. Зато Василий Иванович продолжал с любопытством осматриваться вокруг себя, не переставая удивляться. Способность разглядеть что-то новое, сохраняющаяся в человеке зрелого возраста, вещь редкая, а дополненная желанием понять других людей — редчайшая. Черняев слыл интересным собеседником и компанейским человеком. А поскольку он, с одной стороны, не лез к труженицам

капиталистической торговли с очевидными намерениями, а с другой, никогда не отказывался от этих намерений, оказавшись наедине, за ним закрепилась репутация дамского угодника.

Романы Василия Ивановича были естественным продолжением служебно-дружелюбных отношений. Собственно, ни он, ни его партнёрши, которые по большей части были намного его младше, не рассматривали эти отношения как романы. Скорее, это было эмоциональной разрядкой взрослых людей, не предполагавших никаких дальнейших обязательств. И всё равно, каждый раз, когда это случалось, Черняев мысленно про себя удивлялся — на его взгляд, кругом было полно более достойных кандидатур, а главное, молодых, в том числе и холостых, и разведённых. Как-то, находясь в интимной близости с заведующей мебельным магазином Ольгой Петровной Маловой, он поинтересовался у неё секретом своих сексуальных успехов и отсутствием таковых у молодого поколения. В ответ он услышал поразившую его речь о том, что новая генерация представляет собой в массе офисный планктон, ориентированный на карьеру. Виртуальное общение они предпочитают реальному. Жениться они хотят на дочери миллионера, при этом дочь должна быть фотомоделью и младше их на десять лет. А пока они амортизируют своё либидо в основном с девушками по вызову.

Ольга Петровна недавно поимела высшее экономическое образование, но, несмотря на это, знала термин либидо. Василию Ивановичу было с ней интересно, и он заходил к ней в гости чаще, чем к другим своим знакомым дамам. Магазин, которым управляла Малова, находился близко к центру N, мебель была дорогая, и народ бывал там по выходным, рассматривая образцы, удивляясь изыскам дизайнеров и поражаясь ценам. В обычные дни работы было мало, и Малова легко могла отлучиться из своего кабинета, что было существенным преимуществом. При этом магазин показывал хорошие обороты, о чём Черняев знал и не переставал удивляться.

— Неужели у нас в N так много богатых людей? — задал как-то невинный вопрос Черняев Ольге Петровне. Она в ответ прищурилась, что сделало её лицо лукаво кокетливым, и ответила:

— Много, конечно. Особенно сталеваров и шахтёров.

— Ты хочешь сказать, что они мебель покупают?

— Случается. Но в основном-то им деньги нужны. Точнее, не столько им, но их хозяевам.

— Деньги всем нужны... Но у хозяев шахт и заводов они вроде бы есть.

— Есть-то они у них есть, да не те.

— Какие ещё не те?

— У них есть безналичные. И за ними хорошо следят, за безналичными. А нужны наличные. Вот они и покупают мебель в пять раз дороже, чем она стоит. Разницу потом я отдаю им. За вычетом небольшого процента.

— Да ладно. Мы уже полгода никакой новой мебели практически тебе не завозили. Что ты им продаёшь?

— Необязательно же прямо-таки продавать реальную мебель из магазина. Можно продавать виртуальную, которой и в природе не было, главное, чтобы она по бумагам и чекам прошла. А ещё можно и с твоего склада, совсем другую, офисную. У тебя она влёт уходит. Вспомнил?

Черняев вспомнил. Действительно, уходила, и действительно, формально продавалась по образцам через мебельный магазин. Правда, ценами он никогда не интересовался — да и не было в подсистеме «Склад» розничных цен на реализуемую продукцию. «Век живи — век учись, дураком помрётся» — подумал Василий Иванович. И дружба их с Ольгой Петровной, обогащённая тайным знанием, стала ещё крепче.

5.

Идеалисты и романтики считают, что деньги разъединяют людей, но это не так. Люди живут по берегам денежных рек, которые объединяют их в общество. Полноводные реки питают здоровые, красивые организмы. Там, где вместо рек текут пересыхающие ручейки, люди болеют, преждевременно старятся и умирают. А пустынные, лишённые денежных знаков натуральные хозяйства разрушают общество и порождают мизантропов, опасющихся друг друга.

Кто бы мог ещё создать такие неожиданные смелые комбинации из человеческих натур, придумать многочисленные поводы для встреч, напряжённых интриг и другой радости человеческого общения, кроме денег, которые создают их легко и произвольно, самим фактом своего существования? Может, только какая-нибудь партийная организация, ставящая себе целью изменить мир. Сравнивая деньги и коммунистов, приходится признать правоту Джона Кейнса — пусть лучше человек тиранит свой собственный кошелёк, чем себе подобных. Конечно, окружающих можно унижать и с помощью кошелёка, но за это придётся дорого платить, добываясь согласия на терпение своих выходок. В этом случае тиранство не может быть долгим — это слишком дорогое удовольствие даже для самых богатых людей.

Виктор Белов деньги не любил, считая их необходимым злом. Каждый раз, когда ему приходилось сталкиваться с этой материей, он терялся, не умея выставить работодателю достойных требований при продаже своей рабочей силы и плохо различая статусные и не статусные вещи при покупке. Поэтому дорогая рубашка могла соседствовать в его костюме с брюками, купленными на распродаже, а поскольку он предпочитал мягкую обувь, то галстук и пиджак легко мог быть дополнен тёмными кроссовками и ранцем, куда он запихивал ноутбук. Ранец со временем стал представлять собой что-то среднее между вещмешком и сидором, но Виктора это не волновало: главное, что ляжки можно было натянуть на оба плеча. Он не любил портфели и сумки через плечо — в детстве, сидя за книжками, он приобрёл небольшое искривление позвоночника, так что правое плечо оказалось на пару сантиметров ниже левого. Эта особенность его организма со стороны была почти незаметна, но Виктору казалось, что дело обстоит совсем не так. В целом искривление сыграло даже положительную роль — он стал делать по утрам обязательную зарядку и упражняться с гантелями. Хотя он и не стал атлетом, но мальчишеская субтильность исчезла вместе с комплексами, уступив место для нормальной уверенности в себе.

В демократичной Москве, среди студентов и выпускников технических вузов, такая форма одежды была весьма распространённой, и Виктора Белова в этой среде никто не держал за «ботаника». Напротив, эта новая беспорядочно одетая молодёжь презрительно относилась к гламурным героям нового времени, завсегдамым московских клубов и бутиков. Последние отвечали им тем же, полагая себя будущими хозяевами России. В каком-то отношении эти капиталистические стилиги нового времени были правы — те, кого они называли ботаниками: геологи, физики, химики, математики, биологи, дети небогатых родителей, ориентированных на остатки советского качественного высшего образования, — не делали карьеру, не боролись с ними за деньги и власть. Вместо этого новые инженеры и учёные рассылали свои резюме по зарубежным университетам и транснациональным компаниям и разъезжались по миру, создавая острый дефицит квалифицированных технических кадров в России. И те, кто не уехал, могли диктовать свои условия оплаты труда, которая отнюдь не уступала уровню доходов правильно одевающихся молодых людей.

Но в чопорной провинции всё было иначе. В N Виктор был одинок. Люди его генерации, оценивая внешний вид Белова, делали однозначный вывод о наличии умственных отклонений, чудачества, которое и привело их земляка в лаборатории Оксфорда, где он явным образом мало зарабатывает, раз так одевается. А мало зарабатывать (или, по понятиям местных жителей, «плохо жить») можно и в N, зачем было тратить усилия на переезд в такую даль? Поэтому Виктор останавливался у матери, делал несколько дежурных визитов отцу и избегал общения с бывшими школьными приятелями.

В этот раз он приехал в N на месяц — следить за тем, как газоанализаторы его фирмы монтировали взамен старого советского оборудования. Перед этим приборы прошли долгую процедуру испытаний и лицензирования в Ростехнадзоре в Москве, и Виктор ожидал увидеть кого-нибудь из столичных специалистов в N-ской шахте. Однако новые газоанализаторы, которые в два с лишним раза точнее определяли наличие метана и других опасных газов в штреках и штольнях, похоже, интересовали только самих угольщиков. Даже местные представители Ростехнадзора в шахте не появлялись, мотивируя это тем, что проверят работу всей смонтированной системы в целом, после пуска, при этом угольное предприятие должно было сначала оплатить их проезд и будущую работу.

Впрочем, он не обращал внимания на эти рабочие обстоятельства, поскольку по уши влюбился в директора мебельного магазина Ольгу Малову, с которой его познакомил Василий Иванович Черняев, зря надеждавшийся на несовместимость социальных статусов работника торговли и учёного-химика. Виктор Белов спал по четыре-пять часов в сутки, поскольку делил время между шахтой, Ольгой и ноутбуком, за которым он пытался писать текст своей диссертации, время от времени начиная путать английские и русские абзацы, сбиваясь с одного языка на другой. Белов ходил по облакам и не понимал, как он мог раньше жить без этого странного ощущения, внезапно обострившего все его чувства, открывшего неизвестное второе дно его души.

Дочь Черняева училась в школе, где директорствовала первая жена Анатолия Александровича Белова, с которой Черняевы сохраняли добрые отношения. Они встречались — иногда два-три раза в год, иногда раз в два-три года. Мать Виктора Белова постепенно озаботилась тем, что её сын двадцати семи лет всё ещё не был женат, что, по её мнению, было категорически неправильно. И она попросила Василия Ивановича, работающего в торговой компании, а стало быть, по мнению директора школы, знающего полгорода, познакомить Виктора с какой-нибудь умной, самостоятельной девушкой. Черняев не смог придумать ничего лучшего, чем взять Белова-младшего на корпоративную вечеринку, которые у них случались не реже двух раз в месяц, и познакомил с Ольгой Петровной, директором мебельного

магазина и сверстницей Виктора. Она полностью отвечала критериям матери Белова — самостоятельная и умная. Василий Иванович полагал, что отсутствие у Виктора искренней любви к деньгам — свойства, которым более или менее обладали все торговые работники, — оттолкнёт молодых людей друг от друга, однако он ошибся. Ольга была слишком самостоятельна, чтобы подчиняться правилам города N, и слишком ценила ум и оригинальность, чтобы не заинтересоваться Виктором. В разгар вечеринки они исчезли, что, кроме Черняева, рассчитывавшего остановиться на ночь в квартире Ольги, никто не заметил. Василий Иванович пережил сложную гамму психологических переживаний и вернулся домой сильно выпивши.

6.

Виктор Белов, при внешней разболтанности своего костюма, был человеком решительным и последовательным. Имея некоторый сердечный опыт, приобретённый ещё в студенческое время, и осознав, с чем столкнулся и что легко может потерять, он предложил Ольге руку, сердце и переезд с ним в туманный Альбион с дальнейшим не менее туманным будущим. Самого Виктора неопределённость будущего не пугала, скорее наоборот, рассматривалась им как некоторое конкурентное преимущество по сравнению с молодыми людьми, населяющими город N. Он был уверен, что перед ним открыт весь мир, и делился со своей вновь обретенной любовью возможностями последующей жизни в различных странах — от Канады до Южно-Африканской Республики.

Если бы он специально хотел потрясти воображение директора мебельного магазина, то вряд ли бы ему удалось придумать что-то лучше. Ольга Петровна вдруг увидела, что сказочные герои, которые появляются из неведомых далей на белых конях и предлагают руку и сердце, всё-таки бывают в реальной жизни. Она тоже увлеклась Беловым, а его неожиданное предложение после двух недель знакомства что-то сломало в ней. Вместо многоопытной женщины и менеджера, умевшей заставить полтора десятка молодых дам беспрекословно выполнять её указания, перед Виктором оказалась вдруг робкая и недоверчивая девчонка.

Конечно, она приняла предложение Белова. Однако Ольга Петровна знала толк в жизни и понимала, что, несмотря на взаимное чувство, нужно позаботиться и о деньгах, и о том, где жить и как жить. Сразу же лететь с Виктором в Оксфорд и выполнять при нём почётную роль любовницы-домохозяйки, занятой постоянной экономией денег, которая вдобавок целыми днями не видит только что обретенного молодого мужа, ей совсем не хотелось. Ольга тоже знала себя и понимала, что такое романтическое поведение — лучший способ постепенно отравить их любовь. Но и терять Виктора было страшно.

Тем временем вокруг молодой пары начались, как и положено, разговоры. Мать Виктора была рада, хотя и по старой педагогической привычке весьма настороженно отнеслась к профессии невестки. С другой стороны, объясняла она Виктору, Ольга человек практичный, и к её мнению надобно прислушиваться.

Родители Ольги Петровны, с которыми она познакомилась Белова-младшего, отнесли к Виктору с дружелюбным недоверием. Мать Ольги была пенсионеркой и подрабатывала вахтёром, отец, несмотря на то что уже выработал свой пенсионный стаж в «горячем» цеху, тоже продолжал трудиться на заводе; правда, теперь уже в инструментальном производстве. С людьми, подобными Виктору Белову, они не встречались в своей жизни; Англия была далёкой «капстраной», которую иногда показывали по телевидению. Виктор им скорее понравился, чем не понравился, при этом в разговоре с Ольгой Петровной применялись эпитеты — некурящий, непьющий, работающий, не грубый. Этого было достаточно, тем более что Ольга уже пару лет назад приобрела себе квартиру и съехала от родителей. У неё был ещё не нашедший себе места в мирной жизни и ушедший служить по контракту младший брат, но его мнения спрашивать никто не собирался.

Когда мать Белова не без злорадства сообщила о матримониальных намерениях сына Анатолию Александровичу, он отреагировал на возможность выгодного обретения в качестве невестки директора мебельного магазина совсем по-другому, чем остальные предполагаемые родственники. Белов-старший был резко против и рассматривал женитьбу Виктора на Ольге исключительно как мезальянс. Перспектива его собственной безоблачной старости в тихой маленькой европейской стране недалеко от сына становилась призрачной, и он был возмущён. Но Анатолий Александрович даже не мог найти Виктора, чтобы попытаться вмешаться в процесс. Зато, выяснив у своей бывшей супруги, кто познакомил молодых друг с другом, Белов-старший нашёл Черняева.

У него был долгий разговор с Василием Ивановичем. В некотором раздражении Белов упрекал Черняева в неосмотрительности, в том, что тот своими действиями по ознакомлению Белова-младшего с особенностями светского

времяпровождения нынешней N-ской элиты нанёс ущерб будущей карьере учёного-химика. В своих ответных речах Василий Иванович корректно и мягко объяснял бывшему парторму, что сам он, Черняев, и в мыслях не держал вредить перспективам развития мировой химической науки, что возраст его сына весьма располагает к началу регулярной интимной жизни, что Ольга Петровна Малова — дама в высшей степени приличная и даже располагающая определёнными финансовыми средствами и влиянием.

Но Анатолий Александрович не мог сдержаться. Он обещал обрушить на торговую компанию, в которой имел честь служить Василий Иванович, кары небесные в лице административного ресурса партии «Единая Россия», которой известно кто покровительствует, но имени которого нельзя произносить вслух. На что Черняев резонно возразил, что в его торговой компании тоже немало членов правящей партии и что компании в целом угрожать не стоит, а если требуется Малову уволить, то это, конечно, возможно, но он бы этого добиваться Анатолию Александровичу никак не посоветовал. Поскольку сейчас от отъезда в Англию Ольгу Петровну очень удерживает высокооплачиваемая и интересная работа, а после её увольнения он лично не видит никаких препятствующих причин для её последующей эмиграции. Напротив, ввиду того обстоятельства, что у Анатолия Александровича теперь в торговой компании появляются родственники, а, как известно, нет более надёжных человеческих связей, чем кровные, то возникает взаимный интерес и даже некоторые к реализации данного интереса возможности. И в конечном итоге люди не только женятся, но и разводятся, чему доказательством является жизненный опыт самого Анатолия Александровича. Жизнь же молодых людей в разлуке, да на таком расстоянии, да в окружении различных соблазнов — здесь почему-то Василий Иванович напомнил об английских негрятках и то ли подмигнул, то ли так показалось Анатолию Александровичу — так вот жизнь молодых людей в разлуке имеет свойство скорее разрушать былые привязанности.

Конечно, Черняев не убедил Белова. Но заставил задуматься. Это помогло — Анатолий Александрович разговаривал со своим сыном в гораздо более спокойном тоне, нежели изначально собирался. И получил в ответ на свой сакраментальный вопрос: «На что жить собираетесь?» весьма удививший его ответ. Белов-старший и не подозревал, что его сын приехал в N в деловую командировку и каждый день спускается в шахту, контролируя и непосредственно монтируя зарубежное оборудование. И что в Англии, кроме оксфордской стипендии, по договорённости с университетом он работает в фирме, которая ему платит зарплату, очень даже большую по N-ским представлениям.

Услышав про шахту, Анатолий Александрович дёрнулся лицом и даже начал фразу со слов «А как же...», но потом из рассказа сына понял, что монтаж оборудования, собственно, уже закончен и в городе N сына удерживает только предстоящая регистрация брака с Ольгой Маловой. Узнав об этих обстоятельствах, Белов-старший вздохнул и продолжать прерванную фразу не стал.

7.

Виктор Белов и Ольга Малова заключили скоропалительный брак по осени, и Виктор уехал обратно в Великобританию, дописывать свой фундаментальный труд. Они перезванивались каждые выходные, а на череду рождественско-новогодних праздников Ольга приехала в Оксфорд. Там они роскошно-бездарно провели время, занимаясь любовью, приготовлением и поеданием пищи, а также посещением пабов, где пили тёмный с горечью английский эль, который отчего-то сильно понравился Ольге. Заодно она осмотрелась в старом университетском городе, отметила про себя подавляющий численный перевес мужчин, большой дефицит красивых женщин и окончательно утвердилась в верности принятого ею решения не торопиться с переездом. К лету Виктор должен был закончить свои научные упражнения — и после этого решать вопрос о постоянном месте работы. Ольга всё-таки надеялась склонить его к жизни в России, хотя после посещения Оксфорда сильно задумалась о месте жительства сама.

Англия показалась Ольге вполне обычной страной, ненамного более благоустроенной, существенно более сытой и слегка менее суетливой, чем Россия. Всё казалось похожим на Москву или даже на город N; ничего сверхъестественного — множество январских луж способствовало грязи, под ноги изредка попадались окурки, фасады отдельных домов показались ей вполне закопчёнными, вещи в магазинах — слишком обыкновенными по сравнению с запрашиваемой ценой. Спокойное отношение к великой морской державе она отнесла на счёт своих бывших завышенных ожиданий; до этого она была только в Турции и Таиланде. Кроме того, её неприятно поразила пара случайных столкновений с новыми русскими эмигрантами. Они явно не испытывали радости при встрече с соотечественниками, напротив, их лица явно выражали одну и ту же мысль, которую Ольга перевела себе как «понаехали тут всякие в нашу любимую Англию». По-другому перевести эти гримасы было невозможно, Малова слишком хорошо знала эти выражения родных

лиц. После этих встреч она лучше поняла своего мужа, который часто, характеризуя соотечественников, применял выражение «русский гадючий взгляд».

И хотя Ольга так и не очаровалась Англией, после возвращения в N её ждал культурный шок. После приезда мусор, убитые дороги, злые лица постоянно попадались ей на глаза. Ольга не могла понять, почему она раньше этого не замечала. У неё возникло долго не проходившее ощущение, что в N всё время идёт война всех против всех, и на уровне бессознательного каждый ожидает самого худшего от своего ближнего. Милиция, власти, бандиты здесь были вроде как и ни при чём, напротив, они выступали своего рода сдерживающими барьерами того, чтобы соседи не разграбили жильё тех, кто ушёл на работу, автомобилисты не стали бы ездить по тротуарам, на большой скорости давя прохожих, в магазинах бы не продавали заведомо испорченные и не годные к употреблению вещи. Люди на её родине делали всё, чтобы изгадить друг другу жизнь, получая от этого какое-то извращённое удовольствие. После долгих размышлений Ольга решила, что место если не менеджера, то продавца в магазине она сможет найти и в другой стране, в которую их с Виктором забросит судьба, и что отъезд из России далеко не такое страшное событие, как ей это раньше представлялось.

Тем временем в области K, где находился город N, подошли сроки выборов в областной Совет. И началась разнообразная, присущая электоральным мероприятиям, агитация, наглядная, телевизионная и газетная. Анатолий Александрович Белов как лицо ответственное в городе N за проведение избирательной кампании от партии «Единая Россия» вспомнил о своей невестке, глядя на коробку из-под большого ксерокса, установленного в штаб-квартире правящей партии. Сначала он думал, сколько же в ней может поместиться долларов, потом решил, что такую коробку с долларами никак не могли бы унести два человека, а тем более один. Потом он решил, что в девяностые годы денег на закупку больших ксероксов не хватало, и герои компании «Голосуй или проиграешь!» должны были обойтись чем-то меньшим.

Проблемы, стоявшие перед Анатолием Александровичем, были весьма остры и неотложны. Во-первых, нужно было как-то заплатить агитаторам и различным массовикам-затейникам. Денег, которые проходили через официальный бюджет, выделенный ему для освоения, явно не хватало для решения поставленных задач. Во-вторых, что-то приключилось в банковской системе города Москвы, и деньги вдруг потекли в российские регионы и города. То ли там убили банкира, который боролся с коррупцией, и посадили другого банкира, который взяточник, то ли совсем наоборот: убили взяточника, а посадили борца, который сразу же стал писать письма из заключения и никак не мог успокоиться, — но результат был налицо: в Москве стало трудно обналичивать крупные суммы, необходимые для жизни в одном из самых дорогих городов мира. Скрепя сердце москвичи перенесли эти операции в регионы. И Белова-старшего как человека заслуженного и авторитетного попросили помочь в решении этого деликатного вопроса. Как выразился его собеседник, деньги требовалось отмыть, а провинция в России всю жизнь служила помойкой.

Раздумья над коробкой из-под ксерокса привели Анатолия Александровича к правильному решению — он позвонил снохе и договорился о встрече. Ольга отнеслась к его предложению с некоторым задевшим его равнодушием, обозначила процент, но сообщила, что ей нужно переговорить с её начальством, так как магазин — стопроцентная дочка N-ской торговой компании. Вскоре Белов-старший убедился, что Ольга знала, о чём говорила, и N-ская торговая компания активно включилась в политический процесс.

Деньги поступали в банки города N на счета многочисленных фирм, фирмочек и даже предпринимателей без образования юридического лица включая Василия Ивановича Черняева. Потом — за вычетом некоторого весьма скромного процента они грузились в броневики, самолёты, поезда и везлись по большей части обратно в Москву, хотя отдельные транспорты с нарезанной Гознаком бумагой двигались и далее на Восток, в загадочный край Маньчжурию. Сопровождали деньги сотрудники охранных агентств и некоторое количество лиц с уголовным прошлым — в городе N либерально относились к бывшим ошибкам серьёзных людей, которые впоследствии оставили прежние глупости и занялись капиталистическим бизнесом, а N-ская торговая компания всегда уважала своих партнёров и клиентов.

Так весна 2006 года заставила Анатолия Александровича примириться с Ольгой Маловой и признать её компетентность и деловые качества. Он постепенно встроился в систему капиталистической торговли: N-ская торговая компания с его легкой руки получила пару хороших земельных пятен для строительства магазинов — и не осталась в долгу; кроме того, его отблагодарили и старшие товарищи по партии, и московские деловые партнёры. Конечно, Анатолий Александрович не стал купаться в деньгах — он соблюдал скромность. Только Кристина Алексеевна временами портила ему настроение, называя за глаза Ольгу Петровну торгашкой и всячески подчёркивая её низкий, не соответствующий положению семьи Беловых социальный статус. Не мог же Анатолий Александрович посвящать жену в подробности своей сложной бюрократической работы, направленной на развитие деловой активности и подъём торговли

в городе N. И хотя он стал испытывать к Ольге Петровне симпатию, в основе которой, как Анатолий Александрович убеждал себя, лежали исключительно её деловые качества, всё же домыслы Кристины Алексеевны по адресу снохи приходилось терпеть молча. Чего не сделаешь ради спокойствия в семье. Но поползновения жены на критику умственных способностей пасынка, который взял себе в жёны торговку, Анатолий Александрович решительно пресекал.

8.

На жизни Василия Ивановича Черняева мало отразились события областной выборной кампании, в результате которой, как и ожидалось, победили представители партии «Единая Россия». В соответствии с его теорией откатинга это был очередной праздник проходимцев, мало имевший отношения к народной жизни. То, что Василий Иванович по ходу официально народного волеизъявления получил свой процент с нескольких банковских операций, лишь подтверждало его мнение, что он неплохо освоился в новом для себя окружении. Вдобавок в отличие от металлургического комбината в N-ской торговой компании не было ни аварийных остановов оборудования, ни графиков планово-профилактических работ, так что ершистая совесть Василия Ивановича была спокойна.

Какое-то время они не встречались с Ольгой Петровной, но по весне Василий Иванович стал опять заходить в мебельный магазин поболтать и изредка вместе пообедать. Он сделал пару попыток поцеловать Малову, оставшись наедине, но Ольга их решительно пресекла, сказав, что интимные отношения окончены и что она Черняеву очень признательна за знакомство с Виктором, однако теперь она не свободна и не может быть такой, как раньше.

— Э, да ты, Ольга Петровна, влюблена, — сказал Василий Иванович.

Малова покраснела, потом, помолчав, сказала:

— Да. А разве это плохо?

— Нет. Скорее наоборот. Просто я, видимо, завидую.

— Если бы только ты. Жила себе одна — до дому проводить было некому. Вышла замуж — проходу не дают, что не вечер в гости набиваются.

— Тяжело тебе, — притворно вздохнул Василий Иванович. Ему не было жалко Ольгу Петровну.

— Ещё бы, — искренне посочувствовала себе Ольга. И позволила Василию Ивановичу проводить себя до дому.

По дороге домой Ольга Петровна завела философический разговор на волнующую её тему — кто же всё-таки виноват и в чём причина того, что в России люди плохо живут. Василий Иванович очень был удивлён постановкой вопроса и отвечал приятной собеседнице:

— Отчего же плохо? Если рассмотреть сумму прикладываемых усилий и получаемый в виде дохода и потребительского набора результат, то народ у нас живёт очень даже хорошо. Ведь кого у нас сейчас более всего стало? Сплошные торговцы кругом, да ещё вон — охранники с бандитами. Про чиновничье крапивное семя я не говорю, этой заразы всегда хватало, но сейчас-то как всё разрослось и колосится...

— Я не о том, Василий Иванович, — перебила его Малова. — Вы мне скажите, отчего у нас люди друг к другу относятся, как к врагам, которых надо победить, завоевать? Всячески унижить? Где пресловутая широкая русская душа, доброта, щедрость, взаимовыручка? Это вообще когда-нибудь имело место? Или это сказки советского прошлого?

— Думал я об этом, Оля, хотя в отличие от вас я за границей так и не побывал, остаётся только поверить вам на слово, что там всё по-другому... Что же до нашей милой родины, так мне кажется, что всё это от нас с вами и идёт. Сами виноваты.

— Сложное какое-то у вас объяснение. Не понимаю.

— Я это к тому, что мы с вами начальники, и на нас равняются. Но мы же играем по тем правилам, которые начальством и установлены. Тут хочешь не хочешь, либо надо правила менять — что мы с вами делать не хотим или не можем, либо наши мозги, чтобы всего этого не замечать и полагать, что всё кругом прекрасно. В любом случае получается, что сами мы и виноваты, что такие вопросы в голову приходят.

— Круто, — сказала Ольга после паузы. — Знаешь, Василий Иванович, а ведь Виктор — не такой, как мы.

— Вот это как раз знаю. Однако не ожидал, что это тебе в нём понравится.

Малова и сама удивлялась, почему ей так хорошо с Виктором Беловым. Она не могла разговаривать с ним на те темы, которые часто возникали при их встречах с Черняевым, — Виктор просто не понимал, что она имела в виду. По мнению Ольги, у него всё было слишком просто: решил — сделал и не думай о последствиях, оно само будет так, как и должно быть. Но именно это её и привлекало.

Сама она была другой. Склонность к самоанализу и желание предвидеть последствия своих поступков роднили её с Василием Ивановичем, а желание давать кроме деловой ещё и моральную оценку происходящему делали их интересными друг для друга. Ольга иногда думала, что лучше всего её понимает именно Черняев, но рядом с Виктором фигура Василия Ивановича блекла, он становился предсказуем и скучен.

Виктор же был каким-то отчаянным, и от этого у неё иногда захватывало дух. Однако эта отчаянность отнюдь не была надрывной, легкомысленной, после которой — хоть трава не расти, таких молодых людей Ольга встречала в Оксфорде, и в этом Ольга тоже отдавала себе отчёт. Но что-то в Викторе Белове было такое, мешающее ей представить его в качестве человека, размышляющего о том, как всё вокруг плохо, это с ним не совмещалось. Он был везунчик, верящий в свою удачу, — и, видимо, поэтому Ольге было с ним так легко и весело, как ни с кем другим.

Виктор Белов защищал свою диссертацию в начале мая — он опередил свой график, и Ольга приехала к нему на защиту. В этот приезд Оксфорд уже действительно очаровал её — после N, где было пыльно и грязно даже после традиционного апрельского субботника, где только начали лопаться почки деревьев и стала показываться клейкая листва, в Англии уже было лето. Городок утопал в зелени, всё было прибрано и ухожено, и Малова, оказавшись в маленькой однокомнатной секции, в которой жил Виктор, почувствовала себя почти дома.

Для Виктора это была счастливая неделя — всё прошло удачно, рядом была любимая женщина, которая наконец согласилась ехать с ним куда угодно. Сразу же после защиты он послал резюме в три университета США, где занимались подобной тематикой. Кроме того, у него сохранялась возможность остаться и в лаборатории Оксфорда, в которой он выполнял свою докторскую работу, — теперь, как он рассчитывал, у него будет другая позиция, а стало быть, и лучший контракт.

Но неделя прошла, и Ольга поехала обратно в N. Они договорились, что как только Виктор определится с работой, он вызовет её к себе насовсем. Для этого понадобится другая, не гостевая виза, но всё это, по мнению Виктора, было пустяками.

Через две недели Белову позвонили из фирмы, где он работал прошлой осенью, и предложили съездить в командировку на родину с плановой инспекцией оборудования. Отчёты, которые присылали им угольные предприятия, насторожили инженеров фирмы — в ряде случаев данные наблюдений как будто повторяли друг друга, что теоретически было возможно, но маловероятно. Белов-младший с радостью поехал в N.

9.

В N Виктор поселился у Ольги, начал работать и только потом зашёл к матери и отзвонил отцу. Белов-старший пригласил его в гости, долго рассматривал диплом о присвоении степени доктора философии Оксфордского университета и качал головой. Потом интересовался географическими и карьерными возможностями сына и восхищённо вздыхал. Кристина Алексеевна настойчиво угощала Виктора чаем и спрашивала, отчего же Белов-младший сегодня пришёл один, пусть приводит свою молодую жену, они найдут, о чём поговорить между собой, этак по-женски. Ближе к концу визита Анатолий Александрович поинтересовался, что Виктор сейчас делает в N, сын ответил ему про цель командировки. Белов-старший нахмурился и сказал:

— Не твоё это дело по шахтам лазить. Сверх официальные данные Ростехнадзора и угольщиков, отошли своим начальникам и закончи свои упражнения. От тебя ничего большего не требуется.

— Неправильно это. Надо на приборы посмотреть, а то странные отчёты получаются.

— Пусть специалисты технадзора смотрят — они же разрешение на эксплуатацию подписывали? Нарушений нет?

— Да там странно всё как-то. С одной стороны, все положенные разрешения есть. Но диапазон опасного содержания метана существенно изменён. Там, где наши приборы уже технику должны блокировать, у них только предупреждение о потенциальной опасности.

— Вот-вот. А ты специалистов технадзора в шахте видел?

— Нет. Ну и что?

— Да вот то, что регламенты эти в Москве утверждают, а чтобы ездить в регионы смотреть... не поедут никогда.

А ты вон из Оксфорда за этим припёрся.

— Есть же ещё и местный технадзор.

— И что — местный технадзор? Они одной рукой представления пишут о нарушениях техники безопасности на

шахтах, а другой — разрешения о продолжении эксплуатации. Заодно ещё бумаги страшные губернатору посылают, что существует опасность аварии. Сколько существуют шахты, столько — и эта опасность.

— Что-то я не понял, что ты хочешь сказать?

— Технадзор себе заранее соломки подстилает, потому что знает кошка, чьё мясо съела, вот что я хочу тебе сказать. Вроде, мы вас предупреждали, теперь, если случится что, сами виноваты. А заодно и деньги имеют хорошие за свои разрешения. На самом же деле в шахтах небезопасно, и я хочу, чтобы ты туда не ходил. Теперь понятно?

— Понятно. Только я всё равно пойду. И насчёт опасности ты преувеличиваешь. Английские газоанализаторы — очень надёжная вещь, до долей процента дают оценку содержания газов в воздухе.

— Если бы такая задача была поставлена, ты думаешь, что в СССР не сделали бы такие приборы? Такая точность просто никому была не нужна. Ты же сам сказал, что диапазоны содержания существенно изменены по сравнению с вашими требованиями. Не связывайся ты с этим, очень тебя прошу.

Правила Белова-старшего столкнулись с правилами нового поколения, и упрямство Виктора, разумеется, победило. Анатолий Александрович воззвал к авторитету Черняева, просил сына с ним посоветоваться. Тот пожал плечами. Тогда Белов-старший набрал сотовый Василия Ивановича и попросил «воздействовать», так как его собственного терпения на сына не хватает. Но Черняев заупрямился и сказал, что он пятнадцать лет в шахте отработал и никого отговаривать от подобной работы не собирается. И что Белов-младший правильными вещами занимается, так что пусть делает то, что делает. А он, Белов-старший, как бывший парторг здесь неправ, потому как если шахтёры гибнут, то непонятно, почему не должен собою рисковать сын члена нынешней правящей передовой капиталистической партии. Анатолий Александрович обиделся и попрощался сухо и с Василием Ивановичем, и с Виктором Анатольевичем. Единственное, о чём ещё сына попросил, чтобы тот ксерокопию диплома своего докторского снял для отца. Что Белов-младший и сделал, зайдя на работу к своей жене. Потом они взяли такси и поспешили домой — им вечно не хватало друг друга, и Виктор сразу же забыл о неприятном разговоре с отцом.

На следующий день Виктор продолжил работу в шахте. Он понял, почему данные по разным угольным предприятиям совпадали, — официальные отчёты содержали показатели содержания метана, которые были взрывоопасны, но допускались российской практикой «в порядке исключения». Но он не мог понять, почему английские газоанализаторы не включали аварийную сигнализацию и не блокировали работу комбайнов. Поэтому от основного ствола он двинулся дальше по штреку, где работали проходческие комбайны, заготавливая уголь, и стал осматривать приборы, которые прошлой осенью монтировал он сам. Виктор обнаружил, что целостность пломбы на приборе была нарушена. Он вскрыл прибор и увидел, что кто-то произвёл другую регулировку шкалы, — теперь, чтобы газоанализаторы заблокировали работу шахты, требовалось вдвое большее содержание метана в воздухе. Ещё он понял, что в штреке сейчас смертельно опасное содержание метана по английским понятиям. И это было последнее, что он понял.

От взрыва метана и пожара в этот день погибла почти вся смена — более шестидесяти человек.

10.

На окраине города N, где когда-то жил Черняев, надрывно и чуть фальшиво духовой оркестр министерства по чрезвычайным обстоятельствам играл траурные марши. Кладбище было недалеко от шахт и от бывших шахтёрских жилых кварталов — надо было только подняться через распадок на сопку. Поэтому про погибших шахтёров здесь говорили: «жил в яме, теперь ушёл на гору».

Сопка когда-то была лысой, но с годами её засадили берёзами и соснами. Они шумели над головами многочисленной процессии, медленно тянувшейся вверх. Угольное предприятие выплатило родственникам «похоронные», из области выделили дополнительные средства на организацию траурных мероприятий, так что все ритуальные агентства города N были здесь. Если бы не это, процессия тянулась бы ещё медленней — дорога наверх едва позволяла разминуться двум машинам, народ вытянулся в длинную колонну, стараясь не толкаться.

Тело Виктора Белова, как и тела шахтёров, находившихся в роковом штреке, с которого покатился огненный вал, сильно обгорело. Их хоронили в закрытых гробах. Нёсшие такие гробы часто менялись на пути в гору, как будто они были намного тяжелее обычных — то ли из-за приколоченной гвоздями крышки, то ли из-за какого дополнительного отдавливающего плечи горя.

Рядом с Ольгой Маловой шёл её отец, мать на похороны не пошла, сказала, что для неё это слишком тяжело. Не было в процессии и Кристины Алексеевны Беловой, а родители Виктора шли рядом, но не подавали друг другу руки.

Вслед за родственниками шли шахтёры, среди которых был и Василий Иванович Черняев: эту дорогу он знал хорошо и бывал здесь регулярно.

Плакавшие потихоньку всю дорогу женщины наверху, у открытых могил, начали рыдать в голос, едва заглушаемые медью оркестра. Ольга ничего не видела из-за своих слёз, её держал отец. Городское начальство, прочувствовавшее момент, обошлось без речей. Сопровождавшие процессию милиционеры выстроились в ряд, дали три залпа в воздух, и могилы стали засыпать землёй.

Губернатор области K в своём интервью по поводу взрыва на шахте в N отметил, что шахта была передовая, с новым оборудованием и зарубежными приборами контроля. И — тем не менее — взрыв. Значит, контроль нужно осуществлять более жёстко, те, кто сейчас это делал, с этой задачей не справляются.

Менеджмент угольного предприятия намёк понял правильно и изъявил готовность передать свои акции в пользу государства. Более про руководство шахты губернатор не вспоминал.

Зато руководство Ростехнадзора всё поняло совсем неверно и обиделось. А после этого заявило, что губернатор сам всё прекрасно знал, его неоднократно предупреждали, но шахты как работали, так и продолжают работать во взрывоопасных условиях.

После этого губернатор тоже обиделся. И подал на руководство Ростехнадзора в суд. Или это руководство Ростехнадзора подало на губернатора в суд. Или они оба подали друг на друга в суд, а последний отказался всё это рассматривать. Ольга Малова, которая сначала следила за этими перипетиями, так и не поняла, чем всё кончилось и кто виноват. Она даже спросила по наивности своего тестя, почему в это не вмешается правящая партия «Единая Россия» или оппозиция в лице хорошо известной ему КПРФ. Почему молчат другие партии, так много говорящие о Чечне, Эстонии и Украине, почему они не приедут в Сибирь и не разберутся, что здесь происходит? На что Анатолий Александрович сказал, что это вопрос не политический, а производственный, и не партийное это дело, а хозяйственное. Белов-старший был правильным человеком и политику всех российских партий понимал правильно.

11.

Ольга долго не могла смириться со смертью Виктора Белова. У неё был опыт разрывов с мужчинами, был опыт похорон бабушки и сравнительно молодой, умершей в сорок лет, сестры матери. Однако всё это было не то и не так. Ольга только после смерти Виктора поняла, как сильно она любила его, до этого, как ей казалось, она скорей восхищалась им и радовалась своему отражению в его глазах, а отражение было прекрасным — Виктор умел восхищаться ей так, что она сама казалась себе умней, благородней и красивей. С ним она была намного лучше, чем наедине с собой.

Она продолжала время от времени встречаться с Черняевым, которому иногда позволяла проводить себя домой, но не более того. О Викторе они не разговаривали. Свекор рассказал ей о том, как просил Василия Ивановича отговорить Белова-младшего от непосредственной инспекции приборов и что ему на это Черняев ответил. Ольге хотелось поговорить об этом с Василием Ивановичем, однако в первые месяцы после аварии на шахте она не могла этого сделать — любое воспоминание о Викторе сразу же приводило к слезам.

Прошло почти полгода, прежде чем она относительно успокоилась и впервые смогла вспомнить Оксфорд с улыбкой. После этого Ольга решила поговорить с Василием Ивановичем, у которого в это время в мебельном магазине образовалась новая пассия, — помимо дружеских разговоров с Ольгой он стал встречаться с завсекцией кухонной мебели. Когда Малова заметила это, она даже развеселилась и стала иронизировать над черняевской неверностью. Он смущённо оправдывался и говорил, что Ольга для него всегда на первом месте, пусть только подаст малейший знак к действию.

Для своего серьёзного разговора она, вопреки их обыкновению, пригласила его к себе в квартиру на кофе. Василий Иванович, было, насторожился и попытался её обнять в прихожей, но она отстранилась. Черняев извинился и пошёл на кухню первым.

— Почему ты Виктора не уговорил в шахту не ходить?

— Это тебе Белов-старший сказал?

— Да.

— Вот ябеда, а ещё старший товарищ... Это всё, Оля, из чувства мести. Он же у меня девушку отбил. Тебя то есть.

— А если серьёзно?

— Ты же сама сказала, что он — не такой, как мы. Если что-то менять, то надо было делать так, как делал он,

непосредственно самому проверять приборы, составлять акты... Это во-первых. А во-вторых, шахта действительно была в хорошем состоянии — новая система вентиляции, всё по уму... Не верил я, что такое там может быть.

— Вот это твоё «во-первых»... Что надо было менять? И если шахта была в хорошем состоянии, то как могло всё это произойти — пожар, взрыв?

— Как-как, обычно... Это же система. Вот ты представляешь себе, если бы эти английские газоанализаторы действительно работали как положено, то что бы было?

— Конечно, нет. Объясни.

— После того как обнаруживается превышение содержания метана, сначала, естественно, пытаются проветрить, увеличивают поток воздуха как могут. Только штреки бывает что и не проветриваются, как, я полагаю, и было в этом случае. Так что дальше надо останавливать лаву полностью, выводить людей, закладывать заряды и взрывать. Метан частью взрывается вместе с зарядами, частью выгорает... Потом опять проветривать. Обустраивать лаву. И только тогда возвращаться к добыче угля. Это означает — как минимум, понимаешь, как минимум два месяца.

— И что — два месяца?

— Два месяца шахта стоит. Угля нет, продукции нет. Предприятие несёт убытки. Шахтёрам платят голый тариф, который составляет всего треть от зарплаты, если я не ошибаюсь.

— Ты хочешь сказать, что все это знают, и шахтёры, и начальство...

— И Ростехнадзор с губернатором тоже.

— И что теперь — лучше получается жизнью рисковать? Вот ты, когда работал там, внизу, всё это знал и продолжал работать?

— Да, знал и продолжал рисковать. И, как видишь, живой, потому что это не так часто случается. Потом — а где у нас иначе устроено? Ты же пользуешься нашими самолётами, едешь по нашим дорогам... что ты думаешь, самолёты в лучшем состоянии, чем шахты? И ты знаешь это, и все знают это, но стараются об этом не думать.

Главное — кому она нужна, такая моя жизнь? Кому я нужен без денег? Тут же, видишь, как получается — если шахтёры начнут требовать соблюдения всех правил, то останутся без заработка. А начальство им предлагает — выберите сами, ребята. Мы можем и по таким правилам, и по таким... только потом на нас не пеняйте. Демократия, типа. Догадайся, что люди выбирают. С одного раза.

— Почему ты говорил, что Виктор мог это изменить?

— Потому что кто-то должен был сказать, что жизнь стоит дороже денег, и остановить шахты. Это же начальство должно делать, люди с высшим образованием, интеллигенция, как говорили раньше. Нельзя же рабочим это доверять, иначе зачем мы все нужны? Только вот у нас пороку не хватает — мы и свою жизнь не ценим, так чего уж там чужую... Вот зачем был нужен парень с докторской степенью из Оксфорда. Он действительно был другим.

— Положим, я к своей жизни так не отношусь, и к чужой тоже.

— Ты так уверена?

— Да.

— А кто Белову-старшему деньги помогал обналчивать? Думаешь, это не то же самое? Думаешь, новая партийная сволочь намного лучше старой партийной сволочи? Ведь именно они и установили и хранят эти правила. Оля, Бог не берёт плату наличными. Виктор расплатился за чужие грехи, это верно, а каково тебе, если он заплатил и за твои, и за мои слабости тоже?

— Какая связь между обналчиванием денег и авариями? Где одно, где другое? Ты говоришь злые глупости. Я не хочу тебя слушать. Уходи, Черняев.

И Василий Иванович Черняев ушёл. Он считал себя проходимцем и невезучим человеком, но когда Ольга Малова успокоилась, она подумала, что Василия Ивановича всю жизнь сопровождала удача. Ему просто чертовски везло. Только он сам то ли это не понимал, то ли не хотел в это верить.

Июнь — сентябрь 2007

ДОЛЯ ДИПЛОМАТА

Стихи

Александр ГЛАДКОВ

ЭЛЕГИЯ

Февраль струится в тишине
Предошущением потери,
Как в мрак разверзнутые двери
В болезненном и нервном сне.

На выход шаг — и ты летишь,
И рвешь руками плотный воздух,
И остро понимаешь-поздно:
Весны капель не воскресишь.

Необратимость перемен,
Закономерность увяданья
И утонченные страданья
Небрежной радости взамен.

Февраль на смену января,
А вслед декабрь. И в звездном шлаке
Причудливо мерцают знаки
Надгорнего календаря.

ЧЕРНОГОРИЯ

Черепичное марево крыш
Черногория — гора черна.
По-над волнами метание чаек. Тишь.
Под горячим солнцем дремлет страна,

Ей мерещатся крики янычар,
Холодный блеск венецианских мечей —
Много столетий держала удар.
Каждый норовил прихватить, кто побойчей,

Суровые крепости монастырей,
Православной веры надежный оплот.
В зыбкую неизвестность от привычных дверей
Отплывает монтеградский плот.

Деревенский инглиш приморских кабаков,
Кириллица, перетекающая в латынь,
Смешение понятий, потрясение основ.
Неизменна одна Адриатики синь.

Камо грядеши, гордый народ?
Оксидентальный выбор, славянская плоть,
Соблазны, сомнения, неясный исход.
Чрна гора, храни тебя Господь!

Герцог Нови, 05.07.2009

***

Утомительно нежное солнце,
Серебристый зной Адриатики.
А где-то снежная Арктика...

Сплетение красок и чувств
От оранжевой страсти до черной колючей вражды
Омывают потоки воды.

В ясно очерченных пределах
Безразличного космоса
Мечутся души бово.

Шаг вправо, шаг влево...
Не нарушить режим — смерть.
Божий дар? Надсмотрщика плетъ?
Как — посмотреть...

Между Арктикой и Антарктикой
Безмятежно плещется Адриатика,
Между началом и концом узкий зазор — жизнь.
Верить или не верить —
Каждый должен проверить.
Герцог Нови, 05.07.2009

ЦВЕТЫ

В траве, на земле, на колючих кустах,
На корявых древесных ветках
Цветы, словно поцелуй в уста,
Будто утренней свежести слепки.

Васильки среди спелой ржи,
Ромашки у помоечного целлофана,
Как веселая анафема обыденной лжи,
Легкодушное отрицание подлости и обмана.

Мать Божья! Цивилизационный тупик.
Устои рушатся, империи исчезают.
Но пробивается на опушке холодный родник,
И упрямо ландыши расцветают.

Эти разноцветные дерзкие отголоски зари
Как последняя проповедь для дураков:
Оглянись, защити, сохрани, сотвори
И ныне, и присно, и во веки веков.
Валлисские Альпы, —июль 2009

***
Не могу быть умным, умным не хочу.
Чайкой над рекою бешено мечусь.
Покружу над башней, как греху Адам
Припаду я к Вашим волевым губам.

Скажите извечное: как на свете жить,
Как нельзя беспечно женщину любить.
Милая, Вы правы. Факты налицо...
Как движенья плавны! Как светло лицо!

Говорите. Слышу. В частоколе фраз,
Если не увижу, то учую Вас.
Что возьмете с чайки? Писк да глупый риск,
Да полет отчаянный, как разрыв страниц.

Я вздохну печально,
Погашу свечу.
Я люблю нечаянно.
Умно не хочу.

***
Я улетаю. Верь, не верь.
Захлопнется ловушкой дверь,
Завоет самолет, как зверь.
Мне грустно.

Что есть любовь? Игра ума
Иль это истина сама
С насмешкой переплетена
Искусно?

Мы говорим: «Я очень рад».
Но сердце спит и тусклый взгляд.
Конечно.

Так почему же в глубине,
Как батальоны на войне,
Упорно держится во мне
Надежда?!

***
Молодость уходит, ускользает,
Как трамвай в промозглый, пьяный час.
Как любовь, веселая, босая,
Убегает молодость от нас.

Я-то думал, что еще успею
Надышаться, начудить, допеть.
Я-то верил, что еще сумею
От избытка счастья охмелеть.

Поздно. Наступает отрезвление.
Юности потрескалось стекло.
Понедельник вслед за воскресеньем.
Кончено. Погасло. Отцвело.

«САД»

Роза
Посвящается дочери
Безумно краток час цветенья розы.
Ей только миг отпущен, а потом
Слетают лепестки, как высыхают слезы,
Как дети забывают отчий дом.
Так наша жизнь: прекрасное начало
Нам предвещает таинство финала.

Нет в мире ничего прочнее розы.
Ржавеет сталь и рушится стена.
Но презирая бури и морозы,
Веками к солнцу тянется она.
Так наша жизнь: предчувствие конца
Не омрачает юные сердца.

Ирис

Желтый ирис расцвел в светотени,
Словно память о дивной весне.
В обрамленьи роскошной сирени
Он грустит в голубой тишине.

Он грустит о безоблачно сладкой,
О далекой и дивной любви.
А сирень осыпает украдкой
Лепестки и надежды свои.

***
Мы тихо этот мир покинем вскоре,
И в неизвестность души отлетят.
Но чей-то смех отринет чье-то горе,
И свежий снег покроем старый сад.

Нам не понять заботы садовода,
Нас беспокоит собственный уход.
Но безупречна линия восхода
Над глубиною безмятежных вод.

Смысл перемен нам не понять до срока,
И почему так сердце одиноко...

ДРУГУ. ЮБИЛЕЙНОЕ

Когда внезапно грянет юбилей,
О прошлом не печалься, не жалея.

Пусть пролетели юности года
Стремительно, внезапно, в никуда.

Как легкий вздох,
Как птицы взмах крыла,
Удар врасплох —
Так молодость прошла.

В пожаре дней,
Как слиток золотой
Среди углей,
Светится возраст твой.

ДОЖДЬ

Дождь идет по траве,
По дрожащей листве,
Как стежок по канве.
По Москве, по Москве.

Словно кто-то большой
Разрыдался навзрыд.
Обнаженной душой
Зацепился за быт.

Или кто-то забыт, Потерялся, убит,
Или кто-то о милых ушедших скорбит.
Я лицо подниму.
Ты поплачь — я пойму.

Пусть смешаются слезы мои и твои.
Мы сильны, мы найдем утешенье в любви.
Ты меня задержал. —Пустяки, я прошу.
Ничего не поняв, пешеходы бегут.
Я стою под дождем. По щекам, по плащу
То ли струйки воды, то ли слезы текут.

***
Солнца шар источает свою благодать.
Жить хочу, удивляться, любить и страдать.
Счастье — это ромашка на летнем лугу,
Это слова росток на губах у младенца— «агу»,
Это всполох улыбки случайной в метро наугад,
Это чей-то встревоженный, ласковый, преданный
взгляд,

Это капельки пота, натруженность праведных рук
И веселое форте свиданий, аллегро разлук,
Это тихая нежность заката и шепот впотьмах,
Обветшалая прелесть в старинных любовных стихах,

Это сутолока клятв, обещаний, присяги чернил,
Свежесть ветра, упругость натянутых жил...
Нет несчастья, покуда не скажут: он умер,
он был...

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Шелестят по асфальту машины,
Словно крысы несметной толпой,
Перекрасив и лапы и спины,
На преступный спешат водопой.

Словно город затоплен, захвачен
Этой бензовоночей ордой,
Захламлен, зачумлен, околпачен,
Беспощадной колесной бедой.

По ногам, по цветам, по сердцам.
Боже, боже. Содом и Гоморра —
Это детская шутка, умора.
И библейский бедлам не бедлам
По сравнению с воплем затора
У погасших глазниц светофора.

Шелестят по асфальту машины,
Окружают дома и сады.
И царевна не плачет каминно,
А в «Рено» покупает понты.

Где ты, мальчик с волшебною дудкой?
Где твой тихий манящий мотив?
Либо нас ты избавь от рассудка,
Либо в омут орду уведи.

НОВОГОДНЕЕ

С Новым годом! Ибо новый год
Нечто доброе, Бог даст, нам принесет.
Старый год невинно виноват
В том, что стал для всех он староват.

Старый год, как среди лета снег.
Старый год, как среди горя смех.
Старый год, как хрупкий шар **повис**
Перед тем, как об пол, глухо, вдрызг.

С Новым годом!
Ибо не у дел
Тот, кто добровольно постарел.

***
Я хотел бы стать скрипачом,
Чтобы скрипка звенела: слушай!
И своим беспокойным смычком
Молодые пронзала души.

Я хотел бы музыкой плыть
По волнам беспричинной боли,
Я хотел бы по-бабьи завывать
О людской бестолковой доле.

Я хотел бы разоблачить
В беспричинности первопричину.
Я хотел бы, момент улучив,
Раскрутиться кольцами дыма.

***
По Варшаве я хожу, сам себе принадлежу.
Это вот и есть свобода та, которой дорожу.
Без которой хлеб не власть,
Не отнять и не украсть.
Даже если осерчает на меня родная власть.

Сказка ложь, да в ней намек.
Только нам намек не впрок.
Но пока не бита карта, и пока не вышел срок.
А пока не вышел срок, повторяется урок,
Что дороже, чем свобода, эта пара рваных строк,

Эти серые глаза, это вечное «нельзя»,
И открытое кокетство, и сокрытая слеза.
Все пройдет, сказал мудрец,
Все исчезнет, наконец.
Но останется Варшава и неровный стук сердец.

Я бегу, и ты бежишь.
Я спешу, и ты спешишь.
Улетаю из Варшавы. От себя не улетишь.

***
Когда нам было лет по двадцать,
Не уставали мы влюбляться.
Когда нам было лет по тридцать,
Как обожали нас девицы!

Пусть нам, мой друг, давно за —сорок,
Не отсырел любовный порох.
Когда мы будем стариками,
Нужны мы будем только маме.

Когда мы будем стариками,
Себя утешим мы стихами.
Мы грустно вспомним о былом
И потихонечку всплакнем.

МОЛИТВА

Скучно. Огнем Валтасара горит на стене
Неизбывное слово «скука».
Скучно. И чувства дрожат в полусне,
Словно побитая сука.

Имеется в виду собака, вовсе не дама.
Мама,
Роди меня обратно.
Неприятно.

Можно по-светски наплевать свысока.
Подумаешь, штука.
Можно зашвырнуть эту сволочь за облака.
Сверху обрушится та же скука.

Можно повеситься. Это идея:
Висишь, не думаешь, —суровый болванчик.
Можно надраться до отупения.
Был пай-мальчик, стал как хрустальный стаканчик.

О-сто-чер-тело.
Славно рифмуется — тело.
Тоже было, держали в объятиях.
Надержались до невосприятия.

Все было.
Судью на мыло.
Судьбу на мыло.
Постыло.

Только где-то над Москвой
Самолетик вьется.
Он сольется с синевой
Или разобьется...

Господи! Научи, как не думать, не слышать,
Как выжить.

О ВДОХНОВЕНИИ

Я вдохновения глоток
Испил из темного бокала.
Строка небрежно побежала
На приготовленный листок

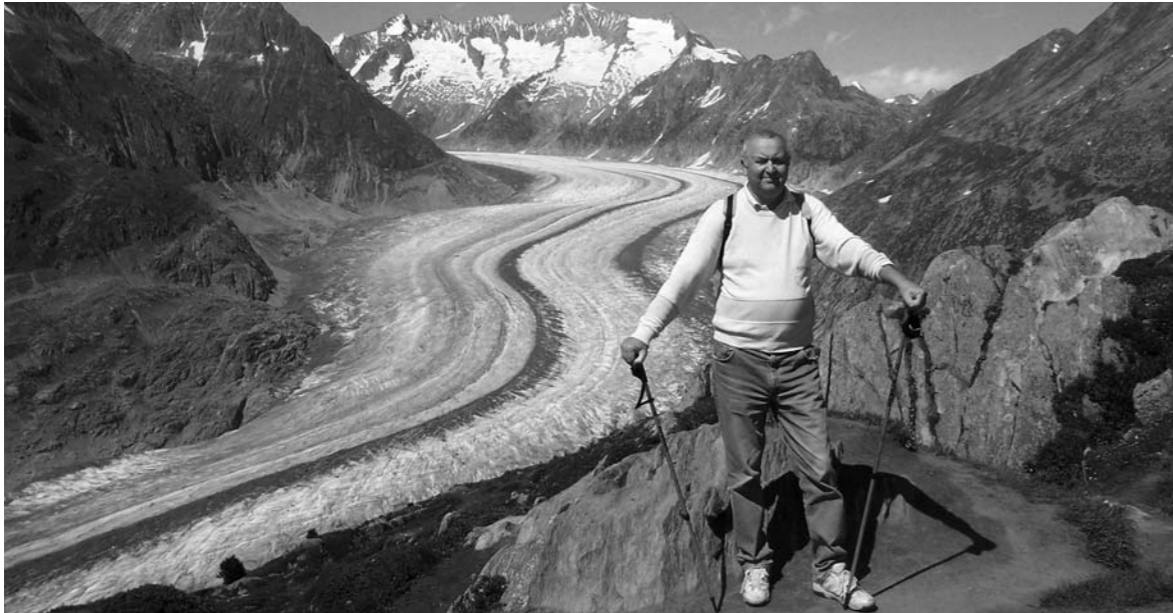
Звени, ручей небесных струй,
Посланец Феба и Зевеса,
Дитя природы, враг прогресса
И Музы нежный поцелуй.

Не покидай меня, мой друг,
Позволь с тобою породниться.
Пускай поэзии Жар-птица
Не покидает дивный луг...

Увы, волшебник Берендей
Рассыпал ландыши и розы.
Метафизическая проза
Грызет горбушку поздних дней.

Берн, июнь 2009

■ ■ ■

ПОНИМАЯ РАЗНИЦУ

Александр ГЛАДКОВ

Дипломат-поэт — явление не столь уж редкое в отечественной и мировой литературе. Вспомним, например, русскую историю: князь Антиох Кантемир, блестящий дипломат эпохи императрицы Анны Иоановны; автор лучшей русской пьесы первой половины XIX века «Горе от ума», один из умнейших людей своего времени Александр Грибоедов; рано ушедший из жизни, талантливый современник Пушкина и Грибоедова Дмитрий Веневитинов; философ и тончайший лирик, великий поэт Федор Тютчев.

Дипломатами были и иностранные стихотворцы: англичане Филипп Сидни (XVI в.) — один из лучших английских поэтов всех времен, Генри Уотсон (XVII в.); американец Джеймс Рассел Лоуэлл (XIX в.); лауреат Нобелевской премии по литературе, прозванный «поэтом для поэтов», француз Сен-Жон Перс (1882 — 1975); китаец дослужившийся до поста министра иностранных дел своей страны Ву Тин-Фан (1842 — 1922) и многие другие.

Ну, уж если мы вспомнили о министрах, то нельзя не назвать имена двух наших современников: бывшего главы внешнеполитического ведомства (2002 — 2004 гг.), позднее — премьер-министра Франции, «карьерного дипломата» и плодовитого автора Доминика де Вильпена и нашего действующего министра иностранных дел, между прочим, автора знаменитого «Гимна МГИМО» Сергея Викторовича Лаврова. Кстати, в российском МИД уже давно существует поэтическое объединение, которое время от времени выпускает сборники стихов дипломатов-поэтов.

Откуда этот симбиоз поэзии и дипломатии? Ответ, пожалуй, очевиден: в дипломатии в разные времена и в разных странах работали и работают люди достаточно образованные, с широким кругом интересов. И среди них, конечно, были и есть персоны, склонные к творчеству и обладающие соответствующими способностями. Любому дипломату приходится много писать: справки, информации и другие документы. Разумеется, некая депеша, предположим, по правочеловеческой тематике и лирическое стихотворение — произведения, мягко говоря, разных жанров. Но и в дипломатическом документе от тебя ожидают не только достоверности содержания, но и ясности изложения, и хорошего стиля. Эта служба в известном смысле помогает совершенствовать авторский слог.

Ну, а кроме того, сдается мне, человек — существо не одномерное, многослойное. И на разных этажах его психологического Эго могут мирно уживаться профессиональный чиновник, любящий семьянин и вдумчивый художник.

Судьба распорядилась так, что несколько лет моей жизни оказались тесно связанными с творчеством самого «философского» и самого «немецкого» (так его часто называли критики) русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Я приехал в Мюнхен летом 2000 г. в качестве вице-консула за 3 года до его 200-летия. Известно, что Тютчев прожил в столице Баварии как русский дипломат, а позднее в качестве частного лица более 20 лет. К сожалению, имя поэта на его фактически «второй Родине» к началу XXI века оказалось «прочно подзабыто». Потребовалась серьезная трехлетняя «информационно-разъяснительная» работа, включавшая многочисленные встречи и беседы с руководством Баварии и городских властей Мюнхена, журналистами, директорами библиотек и книжных магазинов, наконец, просто с влиятельными и культурными людьми «Афин на Изаре» для того, чтобы постепенно это имя стало привычным для здешней политической и культурной элиты.

Бавария достойно отметила юбилейный тютчевский 2003 год. Самое удивительное, что нам удалось, несмотря на казавшиеся непреодолимыми сложности, получить согласие местных властей на установку памятника Ф.И.Тютчева в центре Мюнхена. Открытие элегантного, исполненного в классической манере памятника (автор — известный московский скульптор Андрей Ковальчук) стало крупным культурным и общественным событием, выходящим далеко за пределы Баварии. Можно сказать, что действующие российские дипломаты отдали долг своему великому предшественнику.

Если кто-то из читателей «РШ» соберется посетить один из лучших городов Европы — Мюнхен (благо ехать не далеко), очень бы посоветовал дойти до Финансового сада (Finanzgarten), примыкающего к зданию правительства Баварии, и поразмышлять вблизи юного Федора Ивановича о глубоких корнях русской культуры и о ее —естественном переплетении с культурами —иных европейских наций. А, может быть, просто прочесть вслух или про себя одно из замечательных произведений нашего классика и порадоваться, что Господь подарил нам такое чудо — великий и свободный, изящный и благородный русский язык.

Никогда не считал себя поэтом и всегда на литературных чтениях и просто в беседах говорил об этом прямо. Это никак не связано с ложной скромностью или склонностью к самоуничтожению, нет. Знаю, что мною написано какое-то количество хороших и даже отчасти очень хороших стихов, которые не испортят любую поэтическую антологию. Но в моем понимании Поэт (с большой буквы) это не только литературные способности, умение писать хорошие стихи, чувство ритма, владение рифмой. Это особое мировосприятие, постоянная готовность воспринимать звуки и послания иной нездешней высоты и чистоты. Перефразируя известную строку из «Маленьких трагедий» А.С.Пушкина, их мало избранных. Добавим от себя: а много и не надо.

Поэтому Поэты для меня это Пушкин и Рильке, Баратынский и Пастернак, Гейне и Шекспир (или тот, кто до сих пор скрыт за этим именем). Поэтому огромное количество авторов, в том числе печатающихся и именующих себя поэтами, с моей точки зрения, таковыми не являются. Хотя среди них, бесспорно, есть талантливые люди, пишущие добротные вещи. Просто не дотягивают они до Поэта, исключительно с моей личной, субъективной точки зрения. А есть и такие, что, взглянув на одно-два их «произведения», вспоминаешь бессмертного Козьму Пруткову: «Если у тебя есть фонтан — заткни его. Дай отдохнуть и фонтану».

Когда-то давно произошла ситуация, которая укрепила меня в моих мыслях о разнице между Поэтами и поэтами. На борту самолета Аэрофлота, летевшего из Люксембурга в Москву, я, еще совсем молодой человек, оказался в кресле по соседству с очень известным советским поэтом с Кавказа. Этот человек обладал всеми возможными титулами: лауреат Ленинской премии, Герой социалистического труда, академик. Мы летели в полупустом самолете, пили хороший грузинский коньяк, читали друг другу стихи. А потом он стал мне рассказывать некоторые интересные и неизвестные эпизоды из жизни Бориса Пастернака. —В какой-то момент этот несколько захмелевший господин произнес фразу и повторил ее несколько раз: «И мы исключили Пастернака из Союза писателей. Кто исключал? Я исключал, он (называлась фамилия тоже широко известного советского поэта) исключал. Кого исключили? Пастернака». Его жена пыталась остановить это самобичевание. Но он отмахивался: «Я старый человек, женщина. Чего мне бояться?!». Было очевидно, что участие в той «процедуре» он не простил себе и через много лет. И было ясно, что он, Герой и лауреат, и хороший поэт к тому же, понимал разницу между собой и Пастернаком.

Надо всегда понимать разницу. ■ ■ ■

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ХУДОЖНИК ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ

Автопортрет русского художника Екатерины Медведевой

Катя МЕДВЕДЕВА

Я, Медведева Екатерина Ивановна, родилась 10 января 1937 года в селе Голубино Белгородской области Ново-Оскольского района в крестьянской семье. В 1947 году я попала в детский дом №2 г. Шуша Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. В 9 лет я лишилась родителей и поэтому попала в детдом. В 1954 году я окончила школу ФЗУ в г. Баку и стала ткачихой. Я ненавидела эту профессию за то, что в сказке Пушкина ткачиха сделала зло. А теперь я так хорошо чувствую ткани, потому что я честно выполняла свою работу, хотя и не любила ее. У меня есть дочь, 42 года. Я до сих пор не понимаю, что такое «выйти удачно замуж». Мне в этом не везло. Жизнь у меня тяжелая, но интересная, а интересно жить тяжело. Я всегда верила, что мои знания куда-нибудь определятся, поэтому терпела и из любого положения выходила честно.

В 1967 году я поступила работать реквизитором в народный театр в клуб работников торговли в Кисловодске. Там была изостудия. Я в 39 лет впервые в жизни увидела художника, который писал картину. 5 января 1976 года я попробовала первый творческий рисунок гуашью. Художникам очень понравился. А до этого я после дождя ходила любоваться горами. Там такие бархатно-зеленые горы, и все говорила: «Ну почему я не художник?!» Я в 1972 году окончила Культпросвет училище, поэтому я и работала в клубе. 6 лет я работала начальником отделения связи, очень интересная работа, в селе особенно. После первого рисунка, который я назвала «Хлеб насущный» мне стали дарить альбомы, краски, кисти.

Режиссер народного театра дал мне на одну ночь 11 больших альбомов импрессионистов. Ван Гог мне больше всех понравился. Мне все было понятно: и крестьянская тема, и шахты. Я все об этом слышала, так как до войны мы жили в г. Шахты Донецкой области, я была совсем маленькая. Мне художник сказал: «Рисуйте когда хотите и сколько хотите». Я с 6 утра и до 2 ночи рисовала в Кисловодске, по 10-15 рисунков делала, а они все хвалили. Через 10 дней пришла к нам главный художник артели по росписи посуды и стала меня приглашать расписывать посуду. Она говорит: «Поставят уже кем-то расписанную чашку, а вы повторите». Я сказала: «За 8 часов я столько своего нарисую, а зачем мне повторять чужую работу?» Оклад в 2 раза больше моего предложили, но я не пошла. Слава Богу. В январе я начала, а 10 апреля 1976 года в клубе, где я работала, была организована моя первая персональная выставка. Организовал ее художник Анатолий Николаевич Морев. 37 рисунков выставили. Что странно, преподаватель художественной школы написал в книге отзывов «Как, мол, ей не стыдно — в 39 лет рисовать как пятилетний ребенок». Я в слезы и к Мореву А.Н., а он меня успокаивает — мол, это он вам комплимент подарил. Не каждый может быть ребенком в 39 лет. Никого не слушайте и ни у кого не учитесь. Спасибо ему.

В 1981 году Дом народного творчества меня послал в Старую Ладугу в дом творчества. 5 лет я уже рисовала только графику. Там был руководитель группы московский художник Юрий Юрьевич Косоговский. А я приехала с книгами Гоголя и тушью. Он мне сказал: «Берите краски и холсты и пишите картины». Я его спросила, получится ли у меня, на

что он сказал: «У Вас все получится». Сказал, как печать поставил. Я там за 2 месяца нарисовала 45 картин маслом, 6 из них 2 м x 1,5 м. Просто революция какая-то была. Что там было! Я же была в самодеятельной группе. Профессионалы ко мне каждый день ходили, а дилетанты, их много было, они ненавидели меня.

Я вообще плачу сполна за все. И хорошо. В 16 лет я поняла, что ни на кого нельзя надеяться, только на себя. В доме творчества была пожилая женщина — самодеятельная художница. Она мне предложила в своей мастерской выставить на комиссию мои картины, так как в моей они не помещались. Что началось! Руководитель бежит ко мне, кричит, почему я с ней выставляюсь, на что я ответила, что она сама предложила. Он в ужасе, говорит: «Она сама?!» — а я говорю: «Да!». Все художники — 75 человек — и комиссар кинулись к моим картинам, а ее и не замечают. Она побежала к нашим художникам вся в слезах. Наши ее стали успокаивать: «Не плачьте, Клавдия Афанасьевна, дальше Дома народного творчества ее, мол, картины не найдут». А я услышала, забежала и кричу: «Плачьте, Клавдия Афанасьевна, плачьте: пойдут мои картины и в Париже, и в Москве, и по всему миру!» и ушла. И все сбылось. В Париже в 1993 году была персональная выставка на Елисейских полях. 53 отзыва мне привезли. В 1994 году — выставка в Ницце с Марком Шагалом, Матиссом и нашей московской художницей Наттой Конышевой. В 1982 году мои коллекционеры купили и возили к Марку Шагалу 11 моих работ. Он сказал: «Катя — это русский талант со своим почерком. Она также любит цвет, как и я». Передал мне альбом со своими работами и автограф «Марк Шагал». Мне столько альбомов тогда подарили еще с картинами М. Шагала.

Я самый счастливый художник конца 20 и начала 21 века. У меня сколько работ, столько и праздников духовных, радостных. Есть старинная притча 12 века о художниках. Царь вызывает визиря и спрашивает, сколько в стране художников, на что тот ответил — «600 человек». «Посади их всех в тюрьму. Сколько рисуют?». «300» — сказал визирь. «Теперь создай им роскошную жизнь. Сколько рисуют?». «3». Вот три художника настоящих, а остальные только льготами художников пользовались. Художник тот, кто не может не рисовать. Изобразительное искусство — это изобразительный образ. Мне кажется, большинство и не думает об этом. Детей вообще нельзя учить рисовать. Только технику рисования надо. Они должны взахлеб рисовать и радоваться, а им учителя свое навязывают, вот и копии появляются.

Судьба кого выбирает, того и испытывает. Самое трудное — быть простым. Интересный человек должен быть доступным, объяснять людям, то есть делиться радостью.

В сентябре 1976 года я уехала из Кисловодска на Родину к себе. Меня в Азербайджане за 18 лет так не обидели, как на моей Родине за 4 года. В 1979 году была областная выставка самодеятельных художников в Белгороде. Из журнала «Декоративное искусство СССР» пришло письмо, что есть такая художница, чтобы провели выставку мою. В 1978 году я 20 дней жила в Москве: ходила по выставкам, а моя была в редакции журнала «Декоративное искусство СССР». Я заняла в Белгороде первое место. Все подарки — книги они мне вручили и месячный оклад. Приезжаю на работу, рассказываю. А одна говорит: «Что ты нас унижаешь?». Я отвечаю: «Я не унижаю, я делюсь радостью». Еще бы, у них и мужья, и дома, и огороды, а у меня ничего и вдруг обо мне и по радио, и в газетах. Я думаю, что завистники сильных двигают вперед и не дают зазнаться у кого успех, а слабых душат.

Ненавижу жадных, завистливых. Я сдала экзамен на жизнь и на живопись. 19 лет подряд у меня каждый день были гости, у кого бы я ни жила. 6 лет я жила в Москве у разных художников и каждый день выпивали. Сейчас я не пью четвертый год. Не спилась, не списалась — испытание было. Пила один раз в три дня от горя когда внук заболел, да и дочь больная. Бог меня любит.

Первые мои коллекционеры — Норберт Кухинке и его жена Катя. Он играл профессора в фильме Данелия «Осенний марафон». Первая персональная выставка в Москве была открыта 30 декабря 1981 года во Всероссийском Доме народного Творчества. Запланировали на 20 дней, а продолжалась 2 с половиной месяца. Приехали 5 дипломатов с немецкого посольства на выставку. А у меня под живописью висели акварели. Они спрашивают, эту можно купить, а я отвечаю продано. За полчаса акварель всю купили работники Дома народного творчества. Вадим Алексеевич главным отдела изобразительного искусства. Он много для меня сделал. В Старой Ладого был, нам слайды показывал с картин других художников. Интересно все!

Я стою на выставке, а меня 7 человек за руки тянут, хотят купить, а Катя Кухинке стоит в стороне и наблюдает, и говорит: «Хорошо, что проданы». Потом она подошла ко мне, спросила, сколько стоит портрет моей дочери. Дочь беременна 8 месяцев, читает, в индийском платье, под торшером. Я говорю, что я не знаю, пойду спрошу Вадима Алексеевича. Вадим Алексеевич Помещиков велел сказать 200 рублей. Я ей сказала, а она говорит: это хорошо, что вы спрашиваете. У них в коллекции 250 картин моих. На таможне говорили иностранцам: «И вы за это г... деньги платите?!» На что Катя Кухинке ответила: «Для вас они г..., а для нас — гениальные художники».

Выставок у меня столько, что я уже давно не считаю. С картинами легко расстаюсь. И двух одинаковых у меня нет. Выставки: Москва, Кисловодск, Белгород, Ленинград, Чебоксары, Старая Ладога, Новый Оскол, Старый Оскол, Ивоен-Город и так далее. Дармштадт, Западный Берлин, Майнц, Копенгаген, Стокгольм, Париж, Ницца, Чикаго, Финляндия. Сейчас 10 картин в Нью-Йорке на выставке, а я люблю Россию, Рязанщину. Нигде не была за границей. 22 приглашения в архиве домашнем во все страны.

Я люблю быть хозяйкой положения, а как попало ничего не делаю никогда, все с любовью.

Я гонимая. Раньше я не понимала это. Что в этом суть жизни, то есть гонимые — это личности. Меня унижали — я не унижалась, знала себе цену, в душе терпела и не злопамятна нисколько. Блаженны гонимые, ибо они Бога узрят. Евангелие. Когда меня бросали друзья, я поразмыслив, радовалась. Освободилась от плохого человека.

Сколько я ездила — проживу 3 года, меня какая-то сила выталкивает, и если я не уезжаю, то потом такие неприятности. Слушать надо интуицию — святость душевную. Ангел — вестник. Никогда не искала и не ищу выгоды, а друзья и бросали, так как никакой выгоды и мысли чистые. Люди продаются как орехи колются под молотком. Некоторые не знают, для чего живут. Художники тоже должны думать, для чего писать. Хорошо, если есть, что сказать, а если нет, а тебя уже приняли. Остается мешать другим и завидовать. Художник тот, кто ни на кого не похож. А иногда на выставке смотришь, картины одинаковые, а фамилии разные.

Художники, и сильные, и слабые, уже должны быть благодарными за то, что рисуют. Это так прекрасно! Картина — это молитва, кто как молится — такая и работа. О деньгах нельзя думать, когда пишешь, потому что, когда пишешь, то как бы беседуешь с Богом. А хорошая картина свою стенку да найдет. Кто рисует, уже спасен от многого, общение — самая трудная и необходимая вещь.

Р.С. Одна художница в Старой Ладого говорит: «Так, как Катя, я могу с закрытыми глазами нарисовать». А я ей говорю: «Почему же с закрытыми, ты попробуй с открытыми». А она в канаве прутки черным карандашом рисовала, как черви, кому они нужны? Мое искусство насколько простое, настолько и сложное.

В какой-то песне есть слова: «Поцелуй за полчаса до весны». Вот этот поцелуй всех слабых и косит. Потерпеть бы немножко — победа ждет. Девушка, не дождавшись 2 месяцев любимого с армии, выходит замуж за нелюбимого, просто так, или еще хуже — назло. Кому назло?! А потом ходит, в окна заглядывает, как он живет с другой — вот и зависть. Зависть — это рак души, неизлечимый.

Ломоносов придумал закон о сохранении энергии в природе. Сейчас нужен закон о защите и сохранении энергии человеческой. Может быть, меньше было бы всяких колдунов, экстрасенсов и всякой нечисти. Я уже 22 года от них защищаюсь. Гнать их надо, а мы интеллектом мучаемся.

ПОХОД В БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Я очень люблю Большой театр. Но то, что случилось в 90е годы, когда приезжал французский балет, нам подарили два билета. Я уже говорила, я ничего не беру бесплатно, но тут подарок. Мы поехали. Начался первый акт и что мы видим? В натуральную величину виселица и на нее влезает артист балета. Знаете не очень приятно, согласитесь. Мы вышли на улицу с контрамарками покурить. Сумка моя осталась в гардеробе. Покурили, заходим, а нас не пускают. Номерок, ничего не проходит. Мы говорим, что мы решили уйти со спектакля, но в сумке документы. Начался шум, мы доказываем, они не в какую, представляете? Что с работниками театра было, до сих пор не пойму.

Собрались люди, слушают и ничего не понимают. Один подошел ко мне из администрации и говорит: «Сейчас я ее вынесу на улицу». Я ему говорю: «Только попробуйте, тронуть». Они нас выгоняют без наших вещей и думают так должно быть. Смотрю на ум вышел главный администратор, взял у нас контрамарки, посмотрел номерок и пропустил нас в гардероб. Сейчас это звучит как юмор, а тогда не до смеха. В 1995 году в мае я прочла книгу: «Я Майя Плисецкая» и стала рисовать балет. Вот что это было? Не знаю.

ХУДОЖНИК

Когда я говорю, что я художник, то я не горжусь и не хвалюсь. Я хочу сказать, что многие живут для себя, работают на себя, а художник живет не для себя, а для людей. Все равно все остается людям.

Великий художник Александр Иванов, когда написал «Явление месии народу» и 121 этюд маслом на бумаге в Италии он сказал: «Пишут картины не художники, а те, кто страдает». Без страдания нет творчества. Мое счастье, что

не училась ни в студии, ни в институте рисовать, меня бы сразу выгнали. Царь Александр об Алексее Кольцове русском поэте сказал: «Восхищенный природой без наук». На днях фильм прошел по телевизору. Пушкин, Достоевский, Лермонтов не учились литературе, а кто сейчас вспоминает кем они служили.

Я не могу не верить, Богу, в себя, людям, детям и я не могу не писать картины. У нас в России даже нет литературы о том, как вести себя в мастерской художника. Для меня каждая картина — это экзамен. Экзамен на жизнь, если хотите. Я живу не зря!

Дети в художественной студии. Не все дети станут художниками, но среда, где краски, холсты, мольберты, улыбающиеся лица, это все остается на всю жизнь и спасает человека от неприятностей. Поэтому учить всех на один манер или манер учителя нельзя. Надо раскрывать индивидуальность каждого ребенка, вдохновлять, чтобы ребенок взахлеб от радости творил. А подрастет он сам выберет профессию. Не трудно писать картины, труден быт художника. Поэтому быть или не быть у Шекспира. Далеко не все выдерживают в жизни трудный быт. Слово художник объемлющее:

Надо быть честным, первым долгом равнодушным к другим, ответственным, уступать другим, помогать начинающим. Летом 2008 года ко мне привели девочку 15 лет с работами. Она учится в художественном училище. Входят ее мама, тетя и девочка. А дядя ее меня знает и попросил, чтобы посмотрела. Мать работает директором средней школы. Они только вошли и мать говорит: «Ну говорите!» Так грубо. — А я ей говорю, то что я скажу вашей дочери, вам это не нужно, выходите и ждите на улице (в машине). Мать в ужасе, она упакованная, самоуверенная и вдруг я их попросила выйти. Я посмотрела ее работы. Акварель грязная, но в раме под стеклом и копия с какой-то работы. Я спрашиваю девочку: «Когда ты рисуешь, ты думаешь об учителе?» — «Конечно, хочется понравиться» — сказала девочка. Ее мама оказывается контролирует каждый мазок. Но ей ставят пятерки. Мать не выдерживает и посылает свою сестру. Я ей сказала, что она и поймет то, что я говорила девочке. Что вы пришли? Знаете что она мне ответила: «А вы не волнуйтесь, она еще к вам приедет.» Вот так. С этими пятерками художниками не станешь. Они отняли у меня время, как будто я их знала или звонила им. Это директор школы! Девочке я сказала, чтобы она закрывалась в комнате и рисовала, можно с музыкой, смотря какая тема и не показывать матери сразу, а показывать преподавателю. Они тоже думают, что рисовать легко. Малевич говорил: «Я люблю мастера кисти первого касания». — «Не пишите горшок, пишите проблему горшка». Малевич.

19 февраля 2009. Москва.

ХУДОЖНИКИ

В 1976 году Кисловодские художники удивлялись, что я сразу поняла Ван Гога. Я восемь лет работала ткачихой и не любила эту работу. Деревянные колодки как у Ван Гога на картине носила после войны моя старшая сестра Полина. У Ван Гога описана сама жизнь, как же тут не понять и не почувствовать. Через много лет я поняла его знаменитые «Подсолнухи» — это «Тайная вечеря», потому что он был проповедником и очень верующий и добрый человек. 12 подсолнухов желтые и красивые, а Иуда — это черный подсолнух. Еще картина «Ирисы». Две белые фигурки — это Иисус и Магдалина, а Ирисы стелятся по земле, так быстро ползут с камнями. Кто безгрешен, брось же в меня камень. Ирисы в таком движении, как будто торопятся бросить в меня камень.

Помните скульптуру Шадра «Булыжник пролетариата». В 1988 году я написала 2м x 1,5 картину «Булыжник пролетариата». Летит в Христа и его Веру. Выставка проходила на Профсоюзная 100.

Мне сообщили, что пришел член союза художников. Он посмотрел мою выставку, взял книгу отзывов, а я испугалась, убежала. А он написал очень хороший отзыв. Мы все удивились. В Беляево на Профсоюзной 100 мы жили и творили там 3 года. Двое из нас были москвичи, а 5 художников не были прописаны даже в Москве. Потом я еще писала женщины Бурлаке на реке Суре. Приехала англичанка увидела и кричит: «Катя, я, я, бурлака, у меня 4 книжных магазина». И купила ее. Мы все там работали с упоением. Сколько людей к нам приходили туда. Беседы, споры, фотографировали, а ночью писали картины. Я очень благодарна отделу культуры Черемушкинского района Москвы и Валентину Хрущу, который собрал нас всех в Беляево.

1. Хрущ Валентин умер
2. Леша Соболев умер в Америке
3. Сережа Алферов убили
4. Юрий Плис
5. Боря Серов умер
6. Саша Лисовский
7. И Я.

Мы работали там с 1988 по 1991

В 1989 году к нам в подвал приехал коллекционер Володя Асриев одесист из Лондона. Асриев играл на скрипке в Лондонском театре. Он был расстроен. Он рассказал о неприятности в его жизни. Я ему предложила написать его портрет. Сидим беседуем и я пишу. У меня получилась картина по поводу иконы «Нечаянная радость». К чему бы это? А его оказывается сократили на работе. Я ему сказала, что все будет хорошо. Вы не поверите! Из Лондона в Одессу позвонили домой Асриеву, а из Одессы к нам в Беляево и сообщили: «Его приглашает на работу другой театр еще лучше прежнего». Вот так. Он купил у меня эту работу. Он и получил нечаянную радость в жизни, а писала портрет, а получилось то, что ему было нужно в этот момент.

Подсолнух — это место под солнцем. Поэтому Ван Гог и писал их. Он покоил свое место под солнцем среди художников. Он стал солнцем для художников.

Выложено на сайт журнала Ж.Ж 12 февраля 2009 года

В ЖУРНАЛ ЖЖ

Арбат, Арбат, Арбат...

Прекрасный 1987 год подарил художникам Арбат. Какое время! Теплая осень! Арбат — это экзамен для художников. А какие лица у прохожих были. Люди каждый день ехали на Арбат, как на праздник. И в центре всех событий на Арбате были художники.

Мне тоже так хотелось там встать с моими картинами. Стеснялась, сидя на скамеечке и смотрела на этот многолюдный улей с лампочками оригинальными. Однажды я решилась... Осмелилась выставить портрет Володи Высоцкого. А я не знала, что он пробовался на роль в к-ф Емельяна Пугачева и отращивал усы и бороду. Как бы я защитилась

от злых зрителей, если бы я знала об этом. Я написала его с усами и бородой и назвала картину: «Володя Высоцкий». Когда я стояла у меня публика менялась почти через каждую минуту. Равнодушных не было: кто ругал, кто хвалил. И так Высоцкий — портрет. Подходит мужик за 50 далеко и говорит: «А почему с бородой, а почему Володя, что она с ним знакома что ли?»

Потом выделился из толпы молодой мужчина: «Да ее расстрелять надо за портрет».

— А я говорю: «Есть пистолет, стреляйте, как раз я у стенки стою».

— Я ему ответила: «Посмотрите какая у вас красавица жена, а вы палач». Они тут же убежали под неодобрительный взгляд толпы.

А я уже была знакома с Олегом Бурьяном. Я у него останавливалась, т.к. жила я тогда в Калужской области у дочери. Так получилось, что я год и 2 месяца не была прописана нигде. Вообще я уже 5 лет платила за успех сполна. Вечером ко мне приехал атташе по культурным связям между СССР и Германией Клаус Шрамайер. Он так прекрасно воспринял портрет Высоцкого, я сразу успокоилась и сказала Клаусу о том, что было на Арбате. Он спросил сколько стоит, на что я ответила, что просила 50 рублей. Он мне сам дал 200 рублей и уехал. Мы хорошо обмыли мою попку со всей семьей Олега. Выпивали на Арбате с Олегом и другими художниками. Ведь запрещали выпивать. А выпить на Арбате — это была такая романтика! Это чудо!

ЛЮБОВЬ

Любите друг друга, но за свой счет!

Если бы молодые люди влюблялись, любили бы за свой счет: цветы, театр, конфеты, то любовь в семье была бы крепче. Надо рассчитывать только на себя во всем, только тогда вы будете самостоятельными и независимыми.

Меньше было бы краткосрочных браков, которые быстро уничтожают любовь. Много таких, которые гордятся заработком родителей: живут их авторитетом, именами и деньгами. Надо быть самим собой, и благодарить Бога за то, что живешь и что имеешь ты, а не твоя бабушка или родители. Когда есть свое — Я — тогда начинается совсем другая жизнь. Родители должны только помогать, а не содержать молодоженов. Ищите трудности преодолевайте их — вот где шкала жизни. Я ничего бесплатно не принимаю; позволить не могу и хорошо. Я думаю, что разводов будет гораздо меньше т.к. делить нечего. А сейчас как, выходят не по любви, а за деньги, сразу рожают и на развод. Потом отсуживают у мужа деньги, квартиру и думают, что они счастливы. Счастье не в деньгах и не в квартире. Она то мужа не любит, а отец ребенка любит. Вот уже трое несчастных. Вся жизнь человека зависит от его поступков. Заранее т.е. в кредит делайте добро людям, все это вам вернется. Хорошо итог дня продумывать, что сделал хорошего и что плохого. Вообще воспитывать в себе личность. Как хорошо быть честным человеком! Не бегайте за автографом, а добейтесь, чтобы у вас просили автограф. Не завидуйте никому, а старайтесь подтянуться к человеку, которому завидуете (в его лучших качествах).

Помните в «Обломове» когда отец Штольца провожает в Петербург, он сыну говорит: «У меня в Петербурге есть друг, который имеет два дома и если тебе будет трудно, обратись к нему, на что Штолец ответил: «Я к нему пойду, когда у меня будет два дома». Вот слава! Они нужны каждому человеку. Для меня, если фильм плохой, то я жду хотя бы одну фразу, но такую, которая на всю жизнь запоминается. Это и есть работа над собой. Плохо быть потребителем, что-то свое в жизни надо создавать. Если все время потреблять, то и зубы не нужны, молочными обойдешься. (образно говоря). Я не учу никого, я просто делюсь практичными в хорошем смысле этого слова советами. Практичными психологически, а не материально (практически).

Категорически нельзя унижать никого, даже уличную девушку и бомжа т.к. вы не знаете их жизни. А потом жизнь дает нам всем оценку, а не какая-то ханжа. Обманывать нельзя ибо «Обман религия рабов» не нами сказано... Обманщик всегда боится разоблачения, а отсюда трусость. Деньги только зарабатывают. Желательно не смеяться над людьми, т.к. насмешка означает бедность ума — Горький. В споре не рождается истина, а рождается драка, вражда. Истина рождается в непринудительной беседе. Развивайте в себе **Чело века**, т.е. сколько будете жить развивайте свой ум. Без страданий нет творчества.

17 февраля 2009 года.

* * *

В конце 1980 года я приехала в Москву, а 30 декабря 1981 — состоялась первая моя выставка живописи в Москве. 30 декабря я спешу на свой вернисаж в Сверчков переулок дом 8, Всероссийский дом народного творчества. Такой красивый снегопад в этот вечер был. Вдруг я увидела милиционера, который стоял на пяточке и регулировал. К нему не пройдешь. Но вдруг мне захотелось поздравить его с новым наступающим 1982 годом. Я иду напрямую к нему, а сама держу в руке открытку новогоднюю. Он показывает, что сюда нельзя и когда я подошла к нему и протянула открытку, он взял ее в руки и заплакал. Видите как мало нужно для счастья! Вот это не забыть никогда. Выставку открывала сама директор Всероссийского дома народного творчества Эльвира Семеновна Кунина, красивая, высокая и очень добрая. Спасибо ей очень большое. Выставку открыли на 20 дней, а продолжалась до 15 марта 1982 года. Вся интеллигенция Москвы была на моей выставке.

Я тогда жила в Калужской области и работала воспитателем в СПТУ. 2 января 1982 года мы с дочерью поехали на мою выставку. Приехали в Москву у нас с ней остался 1 рубль, купили пачку сигарет, это 60 коп и осталось нам на двоих 40 коп. Дочь беременна, что делать. Искусствовед Пацюков Виталий Владимирович рассказал обо мне Кате и Норберту Кухинке. Мне искусствовед из Дома творчества говорит: «Вам иностранка оставила номер телефона, чтобы вы ей позвонили». Я испугалась, как это я и иностранке звонить, я прошу, чтобы она позвонила. Она сказала, что ей нельзя, мне можно. Звоню, а она по-русски отвечает. Через полчаса 5 дипломатов на двух машинах приехали на выставку. Катя Кухинке увидела портрет моей дочери и спрашивает: «Сколько стоит?» А я говорю, я не знаю, пойду спрошу. А она говорит это хорошо мол, что вы спрашиваете.

Короче говоря у нас появилось 320 рублей, мы скорей побежали с дочерью в Кафе «Чайка» на улице Чернышевского обедать. Вы можете себе представить когда семь человек меня тянут за руки к понравившимся картинам и спрашивают: «Сколько стоит». Это счастье, надо еще уметь пережить. В советском Союзе никто себя не готовил к успеху, а только защищались и внутри и снаружи. Меня всю жизнь гнали и выгнали в искусство.... С годами я много поняла. Дружишь с подружкой и вдруг появляется третья и сразу они обе начинают дружить против меня. Я расстраивалась,

но теперь я вам всем хочу сказать, что это очень хорошо, когда Бог уводит от тебя плохого человека. Никогда не надо расстраиваться по этому поводу.

Бросишь плохого, сразу появляется хороший человек. Может быть поэтому пословица народом придумана: «Свято место пусто не бывает». Если вы гонимы по жизни, значит в вас есть искра божья, живите и радуйтесь.

Около счастливого и все счастливы и наоборот. Но появились и завистники. Некоторые считают, что я не достойна моих же картин, а что мне обижаться, когда самого Моцарта считали не достойным своей музыки. А судьи кто

Зло и злость счастья не прибавляет злым, а последнюю радость отнимет. Если вы не болеете, хорошо себе чувствуете, почему же вы злитесь? Я выбрала успех в искусстве, но не деньги.

Бреду своим путем
Будь всякий при своем.

А.С. Пушкин.

Если слабо, то подтянитесь, художников много хороших, с которых можно пример брать, как вести себя. Вообще, чем добрее, тем ближе к истине, а истина — это Бог.

18 февраля 2009 года.

МОЛОДОСТЬ

Молодость — это счастье, энергия, красота лица и тела — но это и опасность стать жертвой. Вообще жизнь можно представить, как огромный вклад в сберкассе на ваше имя. И кто как этим вкладом пользуется. Некоторые сразу тратят жизнь на мелочи, на пороки и т.д., а другие растягивают это на всю жизнь. Это те, которые живут по совести и чести. После ухода молодых лет, на смену красоты должна приходиться мудрость. Красота внешняя, а душевная красота внутренняя, и если между ними присутствует гармония, вот тогда красота оправдана. Мужчины гуляют с красивыми, а женятся на умных душевных девушках (большинство). Потом красота детей — это заслуга родителей. Поэтому гордиться красотой нельзя.

Надо опасаться равнодушия.

Будьте горячими, будьте холодными, но не будьте теплыми, т.е. равнодушными, ибо из-за их молчания совершаются все преступления в мире. Евангелие.

Те, кто не стесняются учиться всю жизнь — теми никогда не овладевает гордыня, один из великих грехов. Есть мать, а есть служанка — мать. Ничего хорошего из этого мальчика или девочки не получится, если они к матери относятся как к служанке. Такую роскошь позволять себе нельзя! Сейчас в жизни людей пошла очень плохая мода откупаться от всего и всех. От Бога никто никогда не откупится — это надо помнить всегда!

17 февраля 2009 года.

ПОЭЗИЯ

Катя МЕДВЕДЕВА

РОК....

Женщина сидит босая
И собака у у у....
И на жизнь
Лишь тень бросая
Я так больше не могу

Рок Рок Рок
Всюду рок повальный
Рок Рок Рок
Всюду рок опальный

***

Холодильник чист,
Как ангела ладошка
И сухая ложка

Дерет рот
Погодите, отдохну немножко
И завою как собака рок
Рок рок рок

***

Рок из больницы сюда стремится
Рок из гробницы
Рок Рок Рок
Птица нам снится
Счастье нам снится
А на пороге Рок рок рок
Козерог.

Екатерина 1987г

***

Накинув на пейзаже
Графическую шаль
Художник график
Нежно улыбался.
1987г.

***

Больнее всех коллеги бьют по кисти и перу

***

Я снимаю розы экватора
На мобильный фотоаппарат,
Чтобы не завяли они скоро
Завтра я их буду рисовать
2004г.

ПРАЗДНИК.

Арбузно-красная на небе полоса!
На улице светло и никого нет в маске
Сегодне май; четвертый день лишь Пасха!
3 мая 2000г.

ЛЮБОВЬ.

В твой дом
Внесла я
Радость без печали

Ты стал добрее
Чутьочку нежней
И на фронтоне дома
Нас встречали
Как символ мира
Пара голубей.
1980г.

***

Что человек
Без того что он
Любит и делает.
Из ф-ма?

МОСКВА.

Утро, снег — погода славная!
Москва ты моя православная!
Вчерашний день
Второе января
Снег падал
Точками вуали
Люблю Москву
Я в январе и мае
Люблю я «новости» ее
И «Вести»
Когда на столике
100 грамм и 200
Шампанского иль пива
Люблю Москву красиво!

ДЕТДОМОВЦАМ.

Как одуванчиков без пуха
Их подбирали тут и там
Детей по разным детприютам
Распределяли по годам.
1976г.

■ ~ ■ ~ ■

СТИХИ

Владимир ЭФРОИМСОН

* * *

Плакал, когда хоронил отца,
и когда узнал об изменах жены,
и когда вдруг понял — друзья ушли,
и когда осознал, что хочется жить...
И слёзы накатывались оттого,
что слышался голос: «Ты один
до конца твоих дней, но никогда
не удастся остаться одному!»
Смеялся, когда приходил домой,
и когда узнавал об изменах жены,
и с друзьями ушедшими водку пил,
и забывал, что хочется жить.
И смех душил только оттого,
что голос, твердивший: «Ты один!»,
всё бубнил эту фразу опять и опять,
не давая остаться одному.

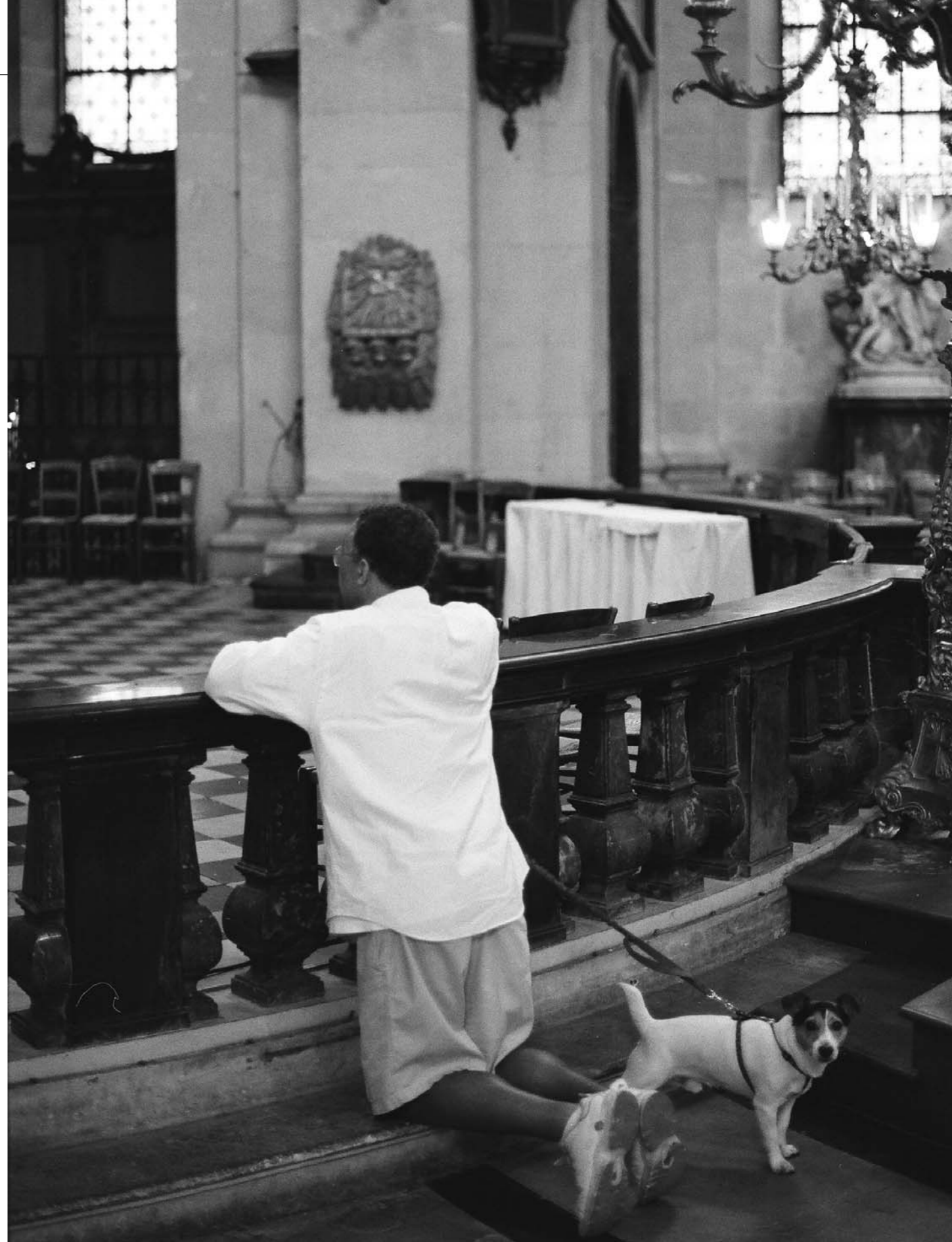
* * *

Не бывает стремительным бег,
не бывает волшебным полёт,
как не может быть вещим Олег,
потому что Олег — идиот,
Как не может быть грозным Иван,
и великим не может быть Пётр —
ведь дрожит у Ивана стакан,
ну а Пётр не стаканами пьёт.
Не скажу о великих иных —
может быть Александр и велик,
что решил среди народов земных

прославлять македонский язык.
Впрочем, будь поумнее Филип,
Александр понастырней чуть-чуть,
может быть Александр бы не влип
в омерзительно длительный путь.
Был бы наш Александр — музыкант,
может даже он был бы хорош,
потому как имел он талант,
а талант просто так не пропьёшь.
И рассказ написал бы Плутарх
(параллель не придумал бы он),
как войну променял сей монарх
на кифары сомнительный звон.
Золотым бы назвали тот век,
когда царь, потешая народ,
песни пел про стремительный бег,
а еще про волшебный полёт.

ПЕСЕНКА О ВЕЗЕНИИ

Ты не догадывался в чём
твоё везение, а значит,
причинно-следственную связь
понять тем более не мог —
свернул бы за угол, потом
всё было бы совсем иначе,
в совсем другую влез бы грязь,
споткнувшись об иной порог.

Крутых решений произвол,
досадных мелочей насмешка
переплетаются хитро,
в них разобраться мудрено —
положим, ставишь на орёл,
хотя в душе уверен: решка! ...
монета ж станет на ребро —
значение этого темно...

Как повезло тебе, когда
глаза продравши с перепоею,
встать попытался, но не смог
и всё на свете пропустил.
Тогда казалось, что беда,
но встреча с будущей женою
не состоялась... а итог —
свободен, весел, полон сил.

Ты был случайностью спасён,
но так и не узнал об этом,
и долго клял ещё вино,
жизнь погубившее твою....
И может, только смутный сон,
привидевшийся прошлым летом,
как приоткрытое окно
у бездны смертной на краю....

* * *
Пилот над жаровней ночного Нью-Йорка
Вираз заложил, заходя на посадку.
Во сне продолжала работать подкорка,
Жизнь осуществлялась не валко, не шатко.

Несильный удар, шебуршнули колеса,
Увесистый Боинг завыл в торможеньи.
Во сне намечалось решенье вопросов,
Но, впрочем, не тех, что нуждались в решеньи.

А Боинг неспешно катился по полю
Туда, где виднелся паук терминала.
Во сне ощущалось присутствие боли,
Но это почти ничего не меняло.

Уже подцепили рукав перехода,
Пошли пассажеры на выход устало.
Во сне было ясно: —конец перелёта,
Но вот пробуждение не наступало.

СЛУЧАЙ В ДОРОГЕ

Вдруг сирены вой загробный,
красно-синие огни...
И жена шипит мне злобно:
«Говорила ж, не гони!»

Штраф — да чёрт с ним, чай, не первый,
заплачу, —и все дела...
А жена попортить нервы
повод всё равно б нашла...

ПРО ПЕСОК

*...Построить дом, посадить дерево,
вырастить сына...*

Всё, что сделать я пытался,
выходило на песке —
дом построенный шатался
при малейшем ветерке,

мною посаженная ёлка
иглы сыпала с ветвей,
дети... впрочем, тут надолго...
Нет, не будем про детей.

Только прошлые уроки
никогда не шли мне впрок —
жухнет клёна лист широкий,
дом качает ветерок.

Вновь подпорки ставлю к дому,
к дереву тащусь с водой —
как всё, Господи, знакомо!
В этот раз — как в тот, другой...

Жизнь в попытках протекала,
да не вдоль, а поперёк —
то ли много, то ли мало...
так вот и ушла в песок.

МОНОЛОГ

Закрыли землю облака,
и ничего не видно,
а мне спуститься, посмотреть
сегодня недосуг,

и разогнать те облака,
чтоб снова стало видно,
как догадались Вы, мой друг,
мне тоже недосуг.

Ну что с того, что облака,
и ничего не видно,
и что с того, что и гонять,
мне нынче недосуг, —
я всё устроил на века,
добротю и солидно,
и беспокоиться пока,
нам не о чем, мой друг.

Припомним давние дела,
весёлое начало,
когда земля ещё была,
безвидна и пуста,
мой дух летал над бездной вод,
мотаясь, де попало,
и сочинял, как идиот,
явленья и места.

Вот разделил я твердь и день,
а так же с мраком воду,
в саду зелёном создал тень,
сад населил зверьём,
изобретал по мере сил
капризную погоду,
и человека я слепил
в обличии моём.

А что потом — не разберёшь,
да и припомнить трудно:
какой-то брат и чей-то нож,
и, кажется, потоп...
Я поначалу обещал
им справедливый суд, но
всё ж, поразмыслив, отказал,
не замараться чтоб.
Менялись судьи и цари,
и всякие пророки...
Всё это, что ни говори,
успело надоесть —
броженье мелкое в умах,
да скучные пороки,
и просьбы, просьбы в их мольбах,
да выпренняя лесть.

Так что уж лучше облака,
и ничего не видно,
а разгонять их я пока,
пожалуй, погожу... —
узреть плоды трудов своих
противно и обидно,
кому же каяться мне в них,
понятно и ежу.

* * *

Вот опять накатила апатия,
мне привиделось место в раю....
Не найду я никак покупателя
на бессмертную душу мою.

Носит где-то рогатого врага,
и никак он не встретится мне.
А прошу то я очень недорого,
знаю точно: сошлись бы в цене —

ведь не жажду ни славы, ни власти я,
не стремлюсь быть опять молодым,
да и главный соблазн — сладострастие —
тоже тает, —как трубочный дым.

Что же он не мычит и не телится,
прячет свой знаменитый оскал?
Соглашусь на любую безделицу,
на пустяк... да хоть денег бы дал!

Для неё ведь все эти старания,
для души — а она здесь одна...
Ей, как бабе, хватило бы знания,
что ещё хоть кому-то нужна.

* * *

«Не жди слишком многого от конца света», —
говорил старый циник пан Санислав Лец...
Будет унылое дождливое лето,
когда до всех вдруг докатит, что вот он, конец.
И в занюханном баре, хлебнув текилы
под соль с лимоном, так как лайма нет,
ты проворчишь, дескать это мило,
что же так, без лайма, и кончится свет?!

А он так и кончится — с текилой, но без лайма...

ИСПОВЕДЬ ПИШУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Играть в слова я начал довольно рано,
Позже стал играть в рифмованные слова,
А эти игры предполагают либо сердечные раны,
Либо, на худой конец, борьбу за какие-нибудь там
неотъемлемые права.

Нет, поймите правильно, это тоже, конечно, всё было —
И любовь, и протесты, и что там ещё в поэтическом
недлинном ряду,

Но за этим ощущалась какая-то невнятная, почти
невербальная сила,
За неимением лучшего использующая эпико-
лирическую белиберду.

А сердечные раны... — и они появились в возрасте
довольно юном,

Задолго до начала игры в рифмованные слова,
И я был в тех ситуациях стеклянным, деревянным,
чугунным,

Но не мог противиться этой части моего естества.

Хотя это ведь тоже борьба, и к тому же не так корява,
Как та, с протестами, со всей этой выпренной
ерундой...

А впрочем, ни там, ни там не ждёшь ни добычи, ни
славы,
И не знаешь, чем на самом деле всё кончилось —
победой или бедой.

А сила, что стоит за словесными играми... — так с ней
еще хуже —

Её нет и нет, и вдруг подхватит, несёт, и ты уже
где-то вне

Своего мира... а она исчезает, бросив тебя посреди
огромной вонищей лужи,

И ты ещё долго барахтаешься, один, беспомощный,
в этом жидком говне.

ГАДАЛКЕ

Хочу ли я знать, что будет со мной?

Да в общем то, не хочу.

Хочу ли я знать, что было со мной?

Я знаю это и так.

Ты мне расскажи, что со мной сейчас,
поскольку прямо сейчас
кто-то зашёл ко мне со спины

и не доступен для глаз.

И что творится там за спиной,
за стеной, за вторым углом,
происходит неведомо мне со мной,
подкапывается под мой дом.

И дела нет ни до всяких «потом»,
ни до поросших быльём,
когда сейчас выживаю с таким трудом,
не зная, что грянул гром.

* * *

В клинической смерти я не был ни разу,
Я не уходил по пустым коридорам,
Не падал в воронку, подобную глазу,
Где свет завивается вихрем, в котором
Зависшие звезды и сгустки как слизи... —
Картинка из книжки про жизнь после жизни.

Но вот ощущение пустого полета,
Когда ни восторга, ни страха, досады,
Ухода, улета, туда, за ворота,
За грань, за границу, за стену, ограду,
Знакомо по снам, по дремотному бреду,
По мысли щекотной, что завтра уеду,

В нем освобождение от давнего груза,
Но освобождение без облегченья,
Как будто расстался не с тяжкой обузой,
А с частью приросшего к телу свеченья,
В нем освобождение от собственной воли,
Которая, в сущности, прихоть всего лишь...

Откуда бы знать мне про все эти штуки,
Когда не случалось бывать мне за краем,
И не преуспел я в оккультной науке
(Которую все мы с трудом постигаем)...
Лишь воображеньё... И кто ж это знает,
Как в самом то деле за краем бывает...

* * *

А память — вот капризная девица! —
что сохранит, а что пошлёт на свалку...
Но даже то, что вроде сохранится,
глядит неуверительно и жалко,
как старый дом в преддверии ремонта...

Но полыхнёт однажды не впопад
в разрывах туч над жестким горизонтом
тропический стремительный закат,
раскачка звёзд над замершей трубой,
ползёт рогами вверх луна — и вот

протяжна ночь, как долгий звук гобоя,
и в центре мира грустный пароход...

* * *

В детстве ночь притягательна и в то же время страшна,
ночь в юности почти незаметна,
а потом её едва хватает для сна —
проживается худо-бедно.

Ну а позже, когда выходишь на спуск с плато,
ночь опять наполняется смыслом —
не то какие-то люди идут, не то
какие-то знаки, числа.

Числа, числа — давно оплаченные счета,
поменявшиеся номера телефонов,
математизированная суета,
материализация стонов.

Ночные числа — бессонных слонов учёт
(их уж такое стадо, что надо посторониться),
а всего точней — замысловатый обратный счёт,
как ни крути, приближающийся к единице.

РЕШЕНИЯ

Вот ты и понял, что решенья раньше были совсем
просты —
когда всё получалось не так и — складывалось не там,
ты вставал и шёл, и жёг за собой мосты,
а также корабли, дневники и прочий горючий хлам —
уходил от жены к жене, сменил десятки работ,
улетал из страны в страну... продолжить бы можно ряд —
и всегда решеньем было — «вставай, и вперёд»,
что казалось правильным на первый и на второй взгляд.
И даже на третий — это когда оглядываешься назад,
чтобы сыграть в игру «что было бы, если не...», —
уходы не выглядят причинами понесённых утрат —
просто цель не видна, и тяжело, как на лыжах по целине,
когда снежное поле, а идти, похоже, надо туда,
где что-то темнеет вдали — должно быть, лес,
а вокруг никого, ничего, ни звука, ни запаха, ни следа...,
и свет такой тусклый — трудно поверить, что он
с небес...

И вот снова решать... Но тяготы выдуманного пути
сейчас
много весомей, чем все звонкие доводы прежних лет, —
и ты тянешь, откладывая выбор в который раз,
вплоть до того ухода, когда выбора в сущности уже нет.

* * *

Приходит к нам освобождение,
когда процесс автовождения,
лишенный страха — и сомнения,
уже не требует внимания —
нога не трогает сцепление
перед началом торможения...
И вот тогда воображение
парит в просторах мироздания.

**ПЕСЕНКА
ПРО НОСТАЛЬГИЮ**

Уезжая из России,
я боялся ностальгии —
ну еще бы! — ведь другие
так страдают от неё.
Ностальгия тем занятна,
что хотя и неприятна,
но стремление обратно
возвышает бытиё.

Так красиво утром рано,
съев на завтрак два банана,
выпив соку полстакана,
пострадать чуток в тиши
совмещенного клозета
с ощущением что это —
достоверная примета
утонченности души.

И я ехал, полагая,
что моя судьба такая,
что я буду жить, страдая,
как об этом говорят, —
эмигрировал — и что же? —
я, похоже, толстокожий,
и суюсь с кувшинной рожей,
так сказать, в калашный ряд.

Там художники, поэты,
там артисты из балета,
музыканты из квартета
и ценители искусств,
деликатные натуры,
словом, цвет литературы
и хорошенькие дуры
для возвышенности чувств.

Там изысканно вздыхают
и Россию вспоминают,
и, конечно, проклинают
происшедший катаклизм,
но на это я не годеи,
потому как беспороден,
и чудовищно безроден
низкий космополитизм.

Что ж, придётся жить попроще —
пусть другим мозги полощут,
про берёзовые рощи
мелют горы чепухи —
душам скучно без нагрузки
точно водке без закуски,
но об этом лишь по-русски
получаются стихи.

ПАМЯТНИК (НЕРУКОТВОРНЫЙ)

Когда придёт мой срок,
в назначенный момент,
все те, кем быть я мог,
взойдут на постамент,
на странный пьедестал,
где памятник не мне,
а тем, кем я не стал,
хоть стать бы мог вполне —

учёный и поэт,
учитель и пижон,
известный сердцеед,
весёлый фанфарон,
знаток хороших вин,
фотограф и танцор,
упёртый семьянин,
умелый ухаждёр... —

я ими был — почти —
недожимал чуть-чуть,
сворачивал с пути,
увидев новый путь...
И в памятнике их
вот так останусь я —
во всех ролях моих
несостоявшийся.

* * *

Не хочу я вспоминать
никакие пакости —
боком выйдет, как всегда,
мне любой пустяк —
то ли втюрюсь, как мудака,
то ли пью без закуски —
словом, всё всегда идёт
наперекосяк.

Вот опять в метро подсел
злой шизофреник —
и откуда напозлзло
это дурачьё?! —
И вообще, кода вот так
не хватает денег,
свинство это, доложу! —
знать бы только, чьё...

* * *

Между пятой и шестой авенями
на каком-то сорок с чем-то стриту
постречался я с такими парнями —
аромат от них стоял за версту.

И пахнуло сразу чем-то знакомым,
чем-то этаким, до боли родным,
и хоть выхлоп шёл не водкой, а ромом,
ощущался в нём отечества дым.

Распознали мы друг друга с полвзгляда
по ухмылке и по форме ушей —
вот скажите мне, ну много ль нам надо,
чтоб в Нью-Йорке отыскать корешей.

Развернувшись, мы поперли на запад,
нас, конечно, занесло в «Самовар»,
где присутствовал положенный запах,
обещающий разгула угар...

Меж какими-то двумя авенями,
на стриту каком-то, так его мать,
оказались мы в финансовой яме —
а чего ещё я мог ожидать?!

* * *

Как в басне сказано одной,
стал к старости глазами слаб.
Не знаю, что тому виной, —
должно быть, это из-за баб —

уж слишком много я глядел,
искал единственную ту,
и созерцанье лиц и тел
сгубило зренья остроту.

Но что меня приводит в злость, —
ещё ушами стал я слаб.
Откуда это бы взялось?!
Конечно, тоже из-за баб —

всего наслушался сполна:
скандалы, плач, посуды гром...
Теперь ушам моим хана,
но хоть не тронулся умом...

Ручаться, впрочем, не могу...

КИНО НА ТАЙМС-СКВЕР

А на Таймс-Сквер снимается кино,
зевак немного — здесь народ бывалый.
Ньюйоркцам что — видали всё давно,
удел приезжих разевать хлебало.

А впрочем нет — приезжих здесь полно.
Видать и им кино по барабану,
они всё это видели в кино
и даже щёлкать камерой не станут.

Прожектора, актёры, режиссёр
(звёзд не видать, но всё ж таки актёры) —
похоже здесь не видят их в упор,
ещё чуть-чуть — и будут класть с прибором.

Как ни крути, а здесь Нью-Йорк живёт,
жизнь на Таймс-Сквер бурлит как борщ в кастрюле...
Кому он сдался, этот эпизод!
Пускай снимают свой декабрь в июле.

* * *

Когда б умел я жить с иронией,
с усмешкой делать нечто важное,
меня б любили посторонние,
и ненавидели б домашние.

Жизнь у меня совсем иная —
я меланхолик в чистом виде...
Чужие про меня не знают,
а дома... дома ненавидят.

* * *

Все ждут страсти от поэта
аль ещё какой-то жути —
чтобы рвал свою рубаху,
да и прочую одежду,
заходил в диком вое,
чтобы слёзы лил навзрыд —
ну а он забыл про это,
водку пьёт и шутки шутит...
лишь душа, дрожа от страха,
без намёка на надежду,
завернулась с головою,
и беспомощно скулит...

■ ■ ■

ЛИРИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

СТИХИ

Светлана ВАСИЛЬЕВА

ОТКУДА ВЗЯТЬСЯ НЕЖНОСТИ,

наполнить дни парадные —
мы как шары по смежности
и цели биллиардные.
Зеленое и ходкое
лежит сукно нарядное,
лули прямой наводкою,
кати, кати снарядами,
дуплетом прямо в угол,
спасибо, не в лицо.
Удача ходит цугом,
привычным летним кругом.
Садовое кольцо.
Садовое, —бульварное,
московское кольцо.

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ

Я выпала в безмолвие,
В сухой осадок чистый,
Подобно крику совьему
Средь щебета и свиста.

Где трое собираются
Во славу и без славы,
Там слово набирается

Предательской отравой,

Отвагою речистою
Бесчисленных укоров
И красотой цветистою
Ненужных разговоров.

Как мало прошлым летом
От дня Преображенья
Нам перепало света,
Как много словопренья!

Там, за звериной чашею,
Под купольною чашею,
Забытыми божками

Лежат плоды сладчайшие,
Пресветлые, горчащие,
С гниющими бочками.

Отнято, передарено
Позаросло быльем
Под смутный —лепет парки.

Промыто-пережарено,
Качается белье
В старинном дивном парке.

Полукалеки, скромницы,
Бредут однокорытники,
Себе кажусь смоковницей
Я в их белокопытнике,

Застенчивой, бесплодную,
И Богом позабытую,
И никуда не годною,
Но всё же не убитую.

Как будто —держит кто-то
Меня в пеленах лета,
Младенческой немоты
И золотого света.

И чайки солью с перцем
Озёрненскую пустошь
Присыпали по сердцу
Так солоно и густо.

ДЕТСКАЯ ПОЭМКА 1

Слово — серебро, молчанье — золото,
потому течет и не кончается.

Сколько уже прожито и пролито,
тихо колыбель моя качается.

Сто даров несут — не надрываются,
стелят сто дорог — не зарываются

цапля с журавлем и сойка с кочетом,
птица Рух, и всё такое прочее.

Все драконы и цари — для молодца, —
спи до пробужденья, мое золотце.

Ниточка с иголочкой — для девицы,
спи спокойно, слюбится и стерпится.

Коль читать, —так —только книжки детские,
и лелеять думы, —соответственно.

Лютики-цветочки, ручки-веточки,
как я перед вами безответственна!

Прочитаешь все тома и книжицы,
что-то наматается, нанижется.

Ус седой и долгий волос крашенный,
бес в ребро и ум вчерашний траченный.

Это всё младенчество, младенчество,
мать-кисельны берега да млечество.

Да отечество святое, дым отечества.
Одиночество, конечно, одиночество...

Это ведь обещано, обещано:
ножки маются, а зубки режутся.

У луны-сестры и брата-месяца
глазки, рожки, — золотое зеркальце.

За шажком —шажок, шлепки и радости,
«Отче наш», и «Не убий», и «Радуйся!».

Плоть уже ходячая и зрячая,
шёрстка шелковистая ягнячая.

Так куда ж вы, розовые пяточки,
рыжие, буланы, каурые,

для чего резвились, жеребяточки,
точно свищет голь по закоулочкам?

На копытцах ссадины и трещинки —
не залечат никакие пластыри.

Отпускают птиц на Благовещенье,
стадо разбредается без пастыря.

Все проходит — детское, советское,
рабское, родное, инфантильное,

басенки про ангела немецкого,
культпоход за Тилем и Митилею.

Что-то нынче кружит нас метелию,
заметает славное отечество,

души всех вещей, каких хотели мы,
Воду, Хлеб и даже человечество.

Потому и говорю
за недостатком доводов,
нестыковкою причин и поводов —
в ухе —звон, и этой звонкой мерою
как дитя —смеюсь и как младенец верую,

как Тимур перед серпом и молотом —
слово серебро, молчанье — золото.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Заплелись возле самой реки
васильки, васильки, васильки.

Закатилось нечаянно вдруг
мимо глаз, мимо губ, мимо рук

под обрушенное под крыльцо
золотое мое кольцо.

Может, стрелки пустились вспять
или время — в сплошной бесхоз,

кружит влёт, сквозь хвойную гать
Солнцем — конь скандинавский horse.

И маячат в окне у нас,
точно праздничные флажки,

обнаружив двойной — раскрас,
сине-желтые васильки.

Флора города — ну да пусть,
только ты цветку не соври,

бьется в такт нитевидный пульс
где-то тут, у цветка внутри.

Госпожа Фортуна, не злись!
Я сама груз удач снесу,

только что это, брат, за жизнь
быть привязанным к колесу.

Васильков лепестковый сбор
восковой имеет навар:

Иезекиилиев дозор
где-то там, у реки Ховар...

Как глазастро сверкает ось
с тесным ободом — заодно,

с каждым кругом крепчает кость,
не падет ни одно звено.

Девой ль мученицей молчишь
в тесной памяти о былом,

колесе, распустившем шип
над крутым, над неженским лбом?

Солнце Александрии. Казнь.
Но сраженному вдруг грозой,

суждено колесу упасть
и рассыпаться под стопой...

Всё вернется опять на круг —
нареки его, нареки,

в честь того, что так мир округл
и вослед бегущей строки.

Возле поля, у самой реки —
васильки, васильки, васильки.

И небесная гладь — на руке,
в золотистом своём ободке.

* * *

Я еще расскажу, расскажу,
прошепчу, прокричу, прошуршу,
точно птичий базар на заре,
словно осень чудит на дворе,
заползая в декабрь на карачках
по листве, перепревшей давно,
мимо чаш, обнажающих дно,
где звенело когда-то вино

одуванчиков.

Я еще допою, допою,
всё, что пролито, снова налью
и, быть может, придумаю новый Тайшет
и вторую создам Ангару.
Всё, что прошлое сводит на нет,
этот ранящий воздух побед
полной грудью вдохну, прослезясь на ветру,
никакого сомнения нет.

Я еще обращаю, обращаю
в безнадежную веру свою,
снегирем красногрудым в краю просвищу
каждый куст, чтоб был слышен в раю.

И возникнет меж песенных строк
то звезда, то огонь, то цветков.
Заземлив расстояний блуждающий ток,
в песне той заалеет Восток.

Я отдам, я, конечно, отдам
все долги не сочтенные — вам,
не сведённые счета навеки сведу
и задую, задую в дуду.

Я еще отпущу тот улов —
неизбежность потерь и даров,
скрип шагов за окном, над землей голоса
с их припевом, сводящим с ума.

Посветлеет под снегом река Бирюса.
Потемнеет река Колыма.

И гляжу я в окно, как школяр,
в остывающий медленный пар
предрождественской кухни.
Мечет ночь золотым крендельком
и течет по стеклу молоком.

Электричество в комнате тухнет.

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Да здравствует праздник! Пускай все дела перетрут
В нелепый винтаж, — безделушек невинную лепту,
В напиток игристый и, хоть не целебный, волшебный
И прозы запал, и поэзии лечащий труд.

Да будем как дети, быть может. И именно тут,
Где звезды крепчают, а образ природы нищает,
Где, тускло китайским фонариком ночь освещая,
Окно не сдаётся в ночи, как последний редут.
Где можно увидеть в окрестных садах фейерверк,
Небесные розы в шипах, понасажённых густо,
Как к ним потянулся ребенок до нежного хруста,
Как темными елями лес до зари островерх...

Салюта бесцельность. А кажется, — всё же
бесценность —
Сам черт в Рождество, и серебряным снегом люцерны
Засыпанный где-то на острове призрак — Готланда;
На башне резной петушок и (привет фатерланда!)
Восходит звезда ГТО детских снов, мол, всегда —

к обороне готов

И даже к труду, если только торжественным — скопом.
Но лютия, платан, гиацинт — это личный улов,

Увы, разлетевшихся в прах,
несчастливых моих гороскопов.

Там Глюк был и Брамс, кто-то сеял и множил талант,
Печаль прорастала в лирических тучных — реестрах.
Ну хоть бы — сегодня какой-нибудь ветхий оркестрик!
Да стих фейерверк и уснул навсегда музыкант.
Под утро, наверно, — раздастся молчанье быков,
Заблеет из облачной пряжи родная отара,
Задышит, зачавкает звуков земная опара,
Но лучше, о Боже, не знать мне таких — языков.
Быть может, достанет к утру электронная почта:
Год новый — век старый. Ну, в общем, пока, брат,
пока...

Кинь в чашку чаинок щепотку и хочешь не хочешь —
Прими эту участь, пусть счастье найдет дурака.

* * *

Пока перст Божий не коснулся
До наших пристальных очей,
Средь елисеевских закусок
Взять итальянских куличей.

Душиста плоть их, что с изюмом,
С цукатами и вовсе без,
Но красотой и круглой суммой,
Должно быть, искушает бес.

Куплю я лучше свой, родимый,
Не в дешевизне дело, нет —
Должно быть, в Родине единой.
Печален вкус ее и цвет.

Невзрачны зерна урожая,
Хоть хлеб печется век подряд.
И я на празднике чужая,
Мне черт родня, а брат не брат.

Вот только по тебе скучаю,
Моя душа, среди «братков».
Всё пристальнее примечаю
Глаза собак и стариков.

Кто предан, продан иль отмечен
Чертою общих неудач, —
Был теми мой проход замечен.
Зачем им покаянный плач?

Так много неучтенной доли,
И немоты, и пустоты,

Что в день святого богомолья
Я за тебя молюсь. А ты?

Пусть грешному грехи простятся,
Безгрешный — не узнает их.
На царские часы ложатся
Распев, молитва, акростих.

Боль всех потерь не сосчитала,
Она ничейною была.
Град сеял, —солнышко блистало.

Я в плач пускалась, как могла.
Зато стихи я написала.

ЛИРИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Июньский зной, но близится гроза,
Идет, опережая недороды.
Не оскудела наша полоса
Могучей философией природы.

Победным звуком ширится оркестр,
Дождя и града слитным пиццикато,
Как будто бы достигли здешних мест
Чужие боги, лары и пенаты.

Хозяйство это сроду не отдаст
(Земля есть притяжение предметов)
Промчавшемуся ветру свой балласт.
Зерно падет, и свет коснется света.

Как прочен раздираемый покров,
Когда из дыр небесных льет и хлещет,
Какая плоть, какая, боже, кровь
Соединений, не учтенных вещью.

Пока не разлетелись в пух и прах,
Там, на ступеньках лестницы бессмертных
Брат стоик, академик и Плутарх
Всё спорят о первичных элементах.

О лике, видимом на блюдечке Луны,
Глядящем мутновато, однобоко
На нас из серповидной кривизны
Бугров и впадин поднебесным оком.

Один сказал:
— Я что-то не пойму,
Скорей же, и вовсе не приемлю.
Неужто разрешаются в Луну
Все души? Только тело — в землю...

Земля, как ни крути, отстой Луны,
Косматая низина, это ясно.
Ее пространства не освящены.
Луна — есть уголь тлеющий. — Прекрасно!—

Сказал другой. — В том нету
новизны,
Тела лишь тем едины, что похожи.
Затмень Солнца — это тень Луны,
Луна — Земли подобие, так что же?..

Так что ж, прошла, как будто не была
Гроза над крышей, я насквозь промокла
И тихо с долгой лестницы сошла,
Не выслушав догадки Эмпедокла.

Пион осыпался, но стоек был люпин,
Дрова в огня нуждались продолженье,
И странным доказательством любви
Качался мир единства и смешенья.

Натура дорисовывала жизнь
По краешку, и не было мне дела,
Что качества противные сошлись,
Остановясь у своего предела.

Существованье всюду скрытых пор —
Прав Эмпедокл! — открылося —картине,
Среди родных равнин и лунных гор
И у меня в груди, посередине.

Я так любила торжество и сбой
Природных аналогий, тех и этих.
Но снова мы не встретились с тобой
Ни —на земле, ни в дымке голубой,

На лестнице.
Прости, перипатетик!

ДЕТСКАЯ ПОЭМКА 2

1.

Курица-красавица
У меня жила,
Ах, какая умница
Курица была!

Шила сарафаны,
Кроила сапоги,
Пышные, румяные
Пекла мне пироги.

А когда устанет,
Сядет у ворот,
Сказочку расскажет,
Песенку споет.

2.

Курочка по зернышку
Ходит и клюет.
Здравствуй, красно солнышко,
Прибыль и расход!

Нынче дни голодные,
Завтра урожай.
Не волнуйся, родная,
Не переживай.

Выйду на крылечко —
Вида нету слаще.
Золото-яичко,
Курий глаз ядащий.

3.

Ты не бойся курочки,
Той, что квохчет всласть.
Бойся той, что, дуручка,
Запоет не в масть,

В час, когда над недрами
Всходят петухи,
Фениксы с халкедрами
Лишь поют стихи.

Ведь на руку скорую
Песни не споешь.
Есть река, которую
Не переплывешь.

4.

Курочка-наседочка
У меня была,
И держались деточки
Мамина крыла.

Нынче ж суеверья
Тонкая блесна,
Лезут пух да перья
Из подушки сна.

Лучше бы не трогать
Истины простой —
Черен глаз, как деготь,
Курьей слепотой.

* * *

В полях, по обещанью, елисейских,
Таких далеких от земного горя,
Под утро открывается лазейка,
Чудес житейских разливанно море.

Хребтами перепаханная влага
Как мозговая косточка и хрящик.
Плавучая волной подхватит драга
Всех путешествующих и болящих.

И у земли всё тот же самый очерк
Богатств рассыпанных, сажений, пядей.
Благодарю тебя, о Чудотворче,
За —силу щедрую высот и впадин.

За —смертный сон животных и растений,
На дне хранящихся, пока твоя работа
Их не отыщет в тьме месторождений
И не возвысит до седьмого пота.

А я —возьму доступную мне россыпь,
Для верности тропарь пропев —хвалебный,
Забыв, какие ветры в поле косят,
И заварю двенадцать трав целебных.

* * *

Деревя качаются тихо-тихо,
мой дух — сосна, —а твой ствол — пихта.

В друидском сумраке всё сокрыто:
твое кормило, мое корыто.

Могучий ритм сочленений парных
течет системою коронарной.

Мы будем жить, как две взрослых белки,
попав нечаянно в переделки.

Нырнем в сыновний —родной орешник —
тебе орешек и мне орешек.

САД И ПОРТИК

Яблочный Спас засыпает плоды в закрома,
Чтоб пространство насытилось мало помалу,
Не поскупились на золото осень сама —
Только жильца бережливость на дне обуяла.

Пусто в прихожей, как будто бы только что тут
Гроб выносили сосновый —под скрип коростели.
Мыши-полевки —орудуют, сахар грызут;
Буквы все точат слова, а сосуды пустеют.

Старость и бедность стоят у закрытых ворот,
Или приходят счета в затрапезном конверте.
Все это мудрости позднее знание — дает:
Не умирать раньше выплаты долга и смерти.

Нищим стоять перед другом куда веселей,
Чем в одиночестве праздновать вора и труса.
Пишет Сенека Луцилию письма дороги длинней,
снега белее: «Я жалею, ссорюсь, сержуся...»

«Телу дана передышка, а кажется — бремя;
перипетии в суровом лежит переплете;
нужно —копить и беречь и хранить свое время.
Царственный август; в наличии сад есть и портик.

Ты мне велишь, чтоб описывал всё без изъятя,
каждый мой день, пустяки, злоключенья, напасти.
Разве уже ничего —не могу и скрывать я?
Что ж, пусть душа — нараспашку. Для Бога — все
настежь.

Пусть будет жизнь на виду, что нам толку таиться,
груз свой неся в темный трюм корабля из Китая.
Благо мое — одиночество, только не —длится,
если я им без тебя целый день обладаю.

Хочешь, как данник, pošлю тебе умные книги —
ты прочитаешь одну за другой на досуге, с начала
и до конца. Если строчка подчеркнута, вникни
в то, что сердило меня, —а порой восхищало.

Речь о причинах бесстрастия и наслажденья.
Даже в героях не числясь, о, как умирать нам
достойней?
Мир будет гибнуть в огне, нам предсказывал стоик, —
лучше уж сразу всю руку туда положить, без сомненья.

Иль, наслаждаясь темным смыслом речей Гераклита,
всякий свой день полагать безнадежно последним.
Сад посетим, где бессмертна цикута Сократа,
и сохраняет привычку не дрейфить твой гений-посред-
ник.

Дни все идут под уклон, и плоды на исходе —
вот где источник бесстрастия и наслажденья.
Глупость одна процветает противно природе:
жизнь каждый раз начинать свысока, —со слепого
рожденья.

Повремени! Это наше последнее время —
перевести все софизмы в систему уловок, деталей.
Сад Эпикура покинув и портик, где статуи дремлют,
блажь философскую сменим на тихую поступь
сандалий.

Тот, кто с носилок вещает, и пеший не могут
сходу друг друга понять, точно всадник тирана.
Страшен порою чужой философии коготь,
в рану запущенный, если отрытая рана.

Серапиона химера: —слов сказанных больше,
чем произнести может голос один человеческий;
вот и толкают друг друга и сыплются в уши.
Нужно следить не за блеском, —за скоростью речи.

Чтоб озирались слова и
медлительный —дух-наблюдатель
все подмечал, будто считывает по бумажке.
Так оглянемся в пути, моего постоянства приятель,
поговорим по душам — не в распев, а в растяжку.

Что бытие? Ведь не то, что тут есть, а глаголы:
падает снег, вещь стареет, дорога петляет.
Мир, кем-то названный древним, сметен и расколот —
только лицо твое есть, что глядит на меня, наставляет.

Есть лишь одно бытие, где сознанию не тесно:
это наука для любящих —вместе проснуться,
в душах, как в каменном своде, разлита телесность,
тело лишь может касаться и тела — коснуться.

Качество есть, что невольно становится благом,
силой природною ветвь расцветает мгновенно
лишь потому, что приходит медлительным шагом
величины —возрастание и перемена.

Смерть не всесильна: Сократ победил ее ядом,
славу —снискав, и слова его школу родили.
Вот и с тобой мы, по жизни идущие рядом,
хоть что-нибудь в этом —времени да победили.

В небе грохочет огромною дверью Вергилий
или другая —всевышняя —номенклатура,
сыплет —червонное золото века Сатурна —
значит, мы все-таки что-нибудь да победили...

Ночь ли гремит колотушкой, а может быть, утро
стрельчатый луч выпускает в меня, только где я?
В розовом небе нетленно мерцает платонова утварь —
то, что работа природы дает в образец как идею.

Будь же здоров. Я — здоров. Вот возможности для
подражания.
Кто дует в рог, кто старинные книги читает.
Всё в этом мире душе предназначено на подержанье;
горестен тот, кто счастливым себя на считает...»

Дождик с утра зачастил, воеет ветер в трубе —
Мы от природного цикла как прежде зависим.
Только боюсь, не дожждаться ни мне, ни тебе,
Ни прошлогоднего снега, ни нравственных писем*.

Вспрочем, смотри —веселей! Будь здоров. Я — здоров.
Пусть тебя благо, как вежливый гость, не покинет.
Все же природа —разумнейший из докторов,
Так как —одну жизнь дала, но одну и отнимет.

Будем под кровлей стоять на своем пяточке,
Может быть, личным пространством и время покроешь.
Беды Улисса в железном лежат сундучке —
Зренье прельщать красотой, быть в плену у чудовищ.

Лето кончается, день стал короче на шаг,
Каждая клетка осеннею сыростью дышит.
Скоро отправится август в изгнание, и Сад
Ветви склоняет. Сенека Луцилию пишет...

Август 2008 — август 2009

■ ■ ■

* Сенека — римский философ и поэт, автор «Нравственных писем к Луцилию».

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ — СОБЕСЕДНИК XXI ВЕКА.

Заметки на полях книги Рауэна Уильямса «Достоевский: язык, вера, повествование»¹

Е.Б. РАШКОВСКИЙ

...И Карамазовы, и бесы жили в нем...
Иннокентий Анненский,
«К портрету Достоевского»

Три трудности

Автор этой книги о Достоевском — не просто ученый, работавший с русскими оригиналами его произведений, и не просто мыслитель. Автор — священнослужитель, да к тому же еще и предстоятель Англиканской церкви — епископ Кентерберийский. Так что книга — результат интегрального опыта ученого-филолога, социального мыслителя и богослова. Однако же, сказать новое и насущное слово о Достоевском — вещь нелегкая. О Достоевском написаны не то что томы — целые библиотеки. Однако собеседование русского писателя с миром — продолжается. И посему — требует от мира всё новых и новых прочтений и откликов. Ибо всякий великий текст столь насыщен образами, идеями и смыслами, что на каждом витке истории продолжает требовать от людей и новых вопросов, и новых ответов. И речь здесь вовсе не о постмодернистском «вчитывании» в великий текст каких-то новых, извне навязываемых смыслов, но о самой открытой природе человеческого мышления и творчества. Не побоюсь сказать: природе, открытой во времени и открытой в Вечность. И, стало быть, — о свойстве великого текста каждый раз по-новому собеседовать с нами сквозь века.

Если внимательно читать книгу Р. Уильямса, то можно отметить, по крайней мере, три трудности, с которыми не мог не столкнуться автор при работе над современным обобщением художественного наследия Достоевского.

И первая трудность — это *трудность языка*. Дело не просто в трудности русского языка как такового. Дело также и в том, что как бы в самое сердцевину нарратива Достоевского ворвалась сама живая стихия русской речи позапрошлого века — с ее инверсиями, варваризмами, просторечиями, игрой корнесловий, с характерной для бытовой речи усеченностью грамматических конструкций, с гротескными «словоерсами»². А ведь наш автор работал с книгами Достоевского в оригинале...

Вторая трудность — множественность школ и стилистик англоязычных переводов Достоевского, приводящих ко множеству несходных интерпретаций оригинала. Если угодно — *трудность перевода как осмысления и истолкования*. Характерный пример: само название романа «Бесы» воспроизводится англоязычными переводчиками и комментаторами по-разному: как “Devils” и как “Possessed”. Нашему автору ближе первый вариант перевода: не «одержимые», но именно «дьяволы».

Третью трудность я определил бы как *трудность дисциплинарную*. После второго издания (1963) книги М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» коренным образом изменилась сама познавательная перспектива изучения наследия великого писателя³. Описанное Бахтиным «многоголосье» в произведениях Достоевского (многоголосье не только в мыслях, речах и

в самой сложности поступков взаимодействующих персонажей, но и «многоголосье» во внутренней речи и во внутренних мотивациях отдельных героев) исключает возможность однозначных и абсолютистских трактовок его произведений. Но это не всё. Изучение Достоевского не может быть «разобрано» по отдельным дисциплинам. Более того, дисциплинарное «разнесение»⁴ оказывается почти что непреодолимой преградой между Достоевским и современной культурой. Достоевский, монополизированный филологами, психологами, философами, богословами, — уже — не Достоевский, но, скорее, часть истории тех или иных академических дисциплин.

И мне думается, что одна из предпосылок ценности книги Р. Уильямса как раз и заключается в том, что автор всерьез осознал все эти три трудности и попытался пробиться к тому Достоевскому, который, оставаясь русским писателем и православным верующим, — объективно — оказывается «поверх барьеров» исследовательских дисциплин, стран и конфессий.

Сквозные темы истории

Р. Уильямс начинает свою книгу с обоснования актуальности наследия человека для современной мысли и для современного читателя.

Действительно, те проблемы, которыми болен нынешний мир — терроризм, издевательство над детьми, распад семьи, утрата чувства Святыни, «сексуализация культуры»⁵, столкновение локальных культур, распад традиционных людских идентичностей — всё это сполна присутствует в мысли и текстах Достоевского. И не только (и даже не столько) в подчас «монологичной» и тенденциозной его журналистике и публицистике, — сколько на несравненно более глубоком уровне его художественных повествований, с их темами человеческих сомнений, страданий, падений, внутренней опустошенности (desolation) и попыток возрождения (см. с. 1).

Анализируя весь строй сюжетосложения, мысли и речевых характеристик в романах Достоевского, Р. Уильямс обнаруживает, что Достоевский воспринимает и описывает своих героев в столь характерном именно для нынешнего мира состоянии некоего *двойного* и во многих отношениях необратимого *кризиса*. И связан этот двойной кризис не только с эрозией представлений и святынь традиционного общества⁶, но и с симптомами распада того основанного на рационалистических посылах либерально-просветительского мировоззрения, которое также входит в круг «святынь» и регулятивов современного общества (см. с. 58-60). В самом сюжетосложении и речевом поведении почти каждого из

романов Достоевского подчеркивается слабость и нерешительность «либералов-идеалистов», не способных, на взгляд писателя, дать сколько-нибудь серьезный ответ на грозные вызовы жизни и мысли.

В великой и поныне продолжающейся тяжбе между рационализмом и традиционализмом Достоевский, казалось бы, готов принять сторону последнего. Ан не тут-то было!⁷ Страшные образы традиционалистского мира — юродивый Семен Яковлевич в «Бесах» или снедаемый злобой и гордыней невежды монах Феррапон в «Братьях Карамазовых» — образы в своем роде тех же «бесов», одержимых безлюбой самоправотой. То есть ложью. То есть стремлением упростить и демонизировать всё богатство человеческого опыта, чувств и проблем (см. с. 70-72).

Действительно, как настаивает Архиепископ на протяжении всей своей книги, сама «демонология» у Достоевского — особая. Не столько метафизическая, сколько, скорее, историческая. «Демонология», вырастающая из разломов и культурных травм человеческой истории. Происки «лукавого» всегда присутствуют на страницах его романов; но всё это весьма далеко от абсолютизма средневековой, ренессансной или барочной демонологии. «Лукавый» играет нашими жизненными ситуациями не сам по себе, но через падшест исторического человека. Демония в произведениях Достоевского — это прежде всего наша безлюбая одержимость своими же собственными влечениями, собственной одержимостью. Одержимостью собственной плотью (взращенный на крепостных хлебах барин Свидригайлов), познанием (Иван Карамазов)⁸, справедливостью и порядком (Шигалев, Великий инквизитор), собственным эмоциональным миром (Лиза Хохлакова). И даже религией, наконец. И эта вот человеческая одержимость своими безлюбными страстями и отбирается «лукавым» для его манипуляций, для собственных его «водевилей», гротескных и беспощадных. А уж отыгравший свою роль одержимый (воистину — the possessed!) подчас отбрасывается «лукавым», как отыгранная карта. Как отбрасываются в актах самоубийства Свидригайлов, Ставрогин и Кириллов⁹, Смердяков.

Если прислушаться ко внутренней смысловой динамике романов Достоевского, борение Божеского и демонического в человеке во многом не только определяет собой историю, но и непрерывно порождается историей. Да и сама христологическая тема в романах Достоевского, по мысли английского исследователя, имеет мало общего с его публицистическим консерватизмом.

Христос не может быть прямолинейно представлен ни в одном из литературных героев Достоевского — будь то князь Мышкин, Тихон или Зосима. А если

и представлен — то лишь намеком о Самом Себе, как в «поэме» о Великом инквизиторе. Ибо Христос — в Своей уникальности, в Своем неповторимом сплетении вечного и исторического — превыше всяких наших представлений и всякой внешней проявленности. «Лукавому» же в его интригах, в его стремлениях к распадению и разладу, легче всего выразить себя в «бесах», смердяковых или ставрогинных (см. с. 107).

Так что, если исходить из художественной и духовной логики Достоевского, настаивает Р. Уильямс, волнующий писателя глубокий человеческий кризис коренится не столько в традиционализме и рационализме самих по себе¹⁰ и не только даже в их исторической тяжбе, но в ином. В исторической эрозии постигаемого не столько разумом (но и разумом!) сколько интуицией и страданием *чувства благодарности и благодати*. Или — иными словами — опыта благоговения. Все страницы последнего романа Достоевского, посвященные как старцу Зосиме и Алеше, так и позднему и трагическому прозрению Мити Карамазова — не только обоснование благодатных жизненных смыслов, но и, если вспомнить слова Мити, — «гимн» этим смыслом. Ведь именно благодаря этим столь трудно дающимся обыденному сознанию смыслом и возможны некоторое взаимопонимание между людьми и некая человеческая мера нашего существования..

Эрозия же этого чувства благодарности / благодати, эрозия этих жизненных и — по существу — христологических смыслов оказывается в любой из исторических периодов предпосылкой саморазрушения культуры в человеке и человека в культуре. И Достоевский — именно как творец художественного повествования — отдает себе отчет в непреложности этого исторического правила, или — как говорят английские историки — этой regularity.

В этой связи Р. Уильямс напоминает читателю историю слабовольного и капризного Степана Трофимовича Верховенского, этого, по словам Уильямса, «либерального гуру» (с. 230), против своей воли взрастившего и Ставрогина, и «бесов» (они же — кружок «наших»), и — по внутренней своей безответственности — оказавшегося косвенным виновником злодеяний своего бывшего крепостного Федьки-Каторжного, которого некогда проиграл в карты (см. с. 229-231, 194-195)...

Проблема благодарности / благодати, как настаивает исследователь, коренным образом связана у Достоевского с проблематикой человеческого самоопределения в свободе. Самоопределения в том нравственном мире, где, по словам американского ученого-русиста Александра Михайловича, не бывает алиби (см. с. 172-173)¹¹. Так что проблема свободы — это вовсе не проблема

«потребительского выбора» (с. 237) и не проблема силового реванша, как она, соответственно, трактуется в нынешнем консервативном и революционном политических дискурсах. Это, скорее, непреложная проблема достойного выживания нас, людей, и нашей истории (в человеческом ее качестве). Выживания «первого Адама» во «Адаме Втором»: во Христе¹². На этой проблематике и строится вся вольная или невольная художественная стратегия Достоевского; эта проблематика и делает его наследие актуальным и для нынешнего дня (см. с. 237-243).

Человек бунтующий¹³

Итак, свобода — прежде всего свобода нашего самоопределения перед нами самими, перед миром и перед Богом — стержневая тема мышления и творчества Достоевского. Тема грозная и, по существу, не допускающая никаких приукрашиваний, никакой сентиментализации. Наша свобода разрывает нас между нашим внутренним «подпольем» и Небом. Подчас, однако, и «подполье», и Небо могут быть связаны в нашем внутреннем опыте самым причудливым и непредсказуемым образом. И эту связь Достоевский постигал в ходе всех своих жизненных «университетов» и в родительском доме, и в питерских трущобах, и в минуты своей несостоявшейся казни, и в «мертвом доме». И продолжал постигать в своем творческом самопознании и в анализе окружающей жизни до конца своих дней.

Р. Уильямс прав, утверждая, сколь важным было для Достоевского наблюдение русской психеи в самом себе, и в окружающих, и в процессах работы над своими художественными повествованиями (fiction): наблюдение огромной амплитуды внезапно меняющихся состояний благоговения и падения, веры и богохульства, смирения и вспышек бунтарства (см. с. 214-217).

Действительно, Россия с тогдашней (да и нынешней) нерешенностью ее исторических судеб была основной художественной и духовной лабораторией Достоевского. Но дело не только в конкретных обстоятельствах истории и культуры, с которыми сталкивался писатель. Сами эти обстоятельства оказались важным стимулом его художественных и религиозно-философских исканий, которые приобрели некий универсальный смысл. И в этом плане «Братья Карамазовы» — последний роман Достоевского — привлекает к себе особое внимание британского исследователя. По его словам, открытость жизни, открытость истории, сама открытость духовного мира писателя обусловили и фабульную, и идейную открытость романа. Писатель отказывает и себе самому,

стало быть, и читателю, в презумпции всезнания. И криминальная фабула, и сюжетные, и идейные контрверзы романа так и остаются недосказанными. «Последнее слово» — не прерогатива ни автора, ни читателя, ни интерпретатора. Вся архитектура повествования и сюжета, все речевые характеристики героев выстроены так, что если и доверяется кому «последнее слово», — то только Богу (см. с. 136-149).

За этой недосказанностью — полагает исследователь — выявляет себя вечно открытая проблематика человеческой свободы. Свобода не в том, что она беспредпосылочна и произвольна, но в том, что человек призван дать свой собственный отклик на вызов обступающих его уникальных обстоятельств жизни и мысли¹⁴. И эту проблематику свободы невозможно «заболтать» в прописях и назиданиях. Не случайно, как показывает Р. Уильямс, тексты романов Достоевского насыщены столь рискованными пародийными аллюзиями на евангельские повествования или на казавшиеся в те поры непреложными правила православного быта: Ставрогин безропотно сносит пощечину, полученную от Шатова, своего бывшего крепостного (как, впрочем, и князь Мышкин сносит пощечину от нетитулованного Гани Иволгина); Версилов, постивший первые два дня Страстной седмицы, требует на Великую среду свой обычный бифштекс; «блудницы» (будь то Соня Мармеладова, Настасья Филипповна или Грушенька) оказываются в десятки раз умнее и прозорливее большинства «добропорядочных» людей...

А что может быть антитезой этому мучительному и непредсказуемому состоянию нашей свободы? Здесь Р. Уильямс — именно как британский мыслитель, как соотечественник лорда Актона или Джорджа Оруэлла — не колеблется с ответом. Антитеза свободе — как раз произвольность нашей презумпции всезнания, когда, не ведая толком проблем и запросов собственной души, мы принимаемся за «арифметику» утопического исправления мира (каждый в своем роде — будь то Фома Опискин¹⁵, Раскольников, Шигалев или Великий инквизитор). Утопия Большого Коллективного Блаженства, утопия душевного комфорта для статистического большинства «малых сих», по необходимости внутренней своей логике, исключает «неудобных» людей. Но тогда и мысль, и свобода, и творчество — исключаются¹⁶. И Сам Христос — неудобен и потому подлежит исключению. О чем и повествует «поэма» Ивана Карамазова о Великом инквизиторе.

Однако, что важно для текстов Достоевского: ревнители Коллективного Блаженства — не только фанатики всезнания и не только аппаратчики насилия: они еще и эстеты насилия. Петруша Верховенский уже загодя

любуется «красотой» (а, скорее, — уродливой помпезностью) будущей диктатуры; он любит барский комфорт и даже от следствия и правосудия бежит в вагоне первого класса (см. с. 122-123). А уж за аскезой Великого инквизитора невозможно не разглядеть сладострастного упоения властью. Но, боюсь, даже и Достоевский не мог представить себе, какие муки могут испытывать в зонах Большого Коллективного Блаженства не только «неудобные люди», но и низведенные до уровня «миллионов счастливых младенцев»¹⁷ благодетельствуемые массы...

Впрочем, софистика Великого инквизитора, направленная на «разоблачение» человеческой свободы (человек мелок, легковверен, капризен и посему лишь обречен метаться между крайностями бунта и рабьего послушания) небезосновательна. И, казалось бы, многие персонажи Достоевского — убийцы и самоубийцы — движутся к своей временной или окончательной гибели непосредственно из софистики своих внутренних монологов, в коих можно отыскать всё, что угодно: и интеллектуальную хватку, и черты некоторой житейской умудренности, и даже какой-то минимум пусть нахвтаных, но всё же теоретических познаний. Но нет в них только одного: они не согреты подлинным опытом общения с другим человеком¹⁸. Иными словами — опытом любви (см. с. 115-117)¹⁹. Но что важно для понимания всей смысловой и композиционной структуры романов Достоевского: подлинный диалог — диалог, который вершится в любви (Раскольников — Соня, Раскольников — Порфирий, умирающий Степан Трофимович — Книгоноша, Митя и Алеша Карамазовы), — оказывается предпосылкой прорыва души из демонского плена. «Бунт» преобразуется в «гимн». Тогда как убийство (включая и само-убийство) мыслится Достоевским как последнее слово павшего и согласившегося со своей падшестью человека (см. с. 184-187).

А ведь и «гимн» — тоже в своем роде протест. Но протест против собственной падшестьи и вместе с нею — против падшестьи мира.

* * *

Именно в этой точке нашего разговора — разговора о странной взаимобратимости бунта и любви в произведениях Достоевского — я позволил бы себе на несколько минут прервать изложение содержания книги архиепископа Кентерберийского и поделиться с читателем некоторыми собственными наблюдениями по части именованных персонажей Достоевского.

В литературе немало исследований на сей предмет. Исследователи всегда подчеркивают, что именем Мария — самым прекрасным женским именем на

Земле — Достоевский одарил «Хромоножку» — прозорливую юродивую Марию Лебядкину.

Однако, когда пишут об уникальности в романах Достоевского именованной Марии-Хромоножки, обычно забывают и о другой Марии — о нигилистке Марье Шатовой. Как и первая, так и вторая Мария — жертва Ставрогина, да к тому же и невольная принявшая на себя предел человеческого страдания: гибель собственного мужа и собственного дитя.

У Достоевского есть и герои, которых он одарил собственным именем: Федька-Каторжный и Федор Павлович Карамазов. Оба — преступники, но одновременно и парадоксальные мыслители.

Феодор — буквально — дар Божий.

Оба Федора — носители дара жизни и пускай софистически извращенного, но всё же остро и провокативного дара мысли. И оба — подобно обеим Мариям — утрачивают свои дары из-за насильственной смерти, которую, впрочем, накликают сами...

Вообще, чем больше мы размышляем над именованными персонажами Достоевского и над связью этих именованных над всей структурой и ходом его повествований — тем более приоткрывается странная и в каждом ракурсе меняющая свои перспективы архитектура его романов и повестей. А вместе с меняющейся архитектурой повествований — и сам внутренне подвижный и многозначный образ человека.

* * *

Вернемся, однако, к монографии Рауэна Уильямса.

Исследуя проблематику бунта, любви и свободы в сочинениях Достоевского, Р. Уильямс обращает внимание на то обстоятельство, что у Достоевского, как и у множества европейских мыслителей последних веков (от Канта до экзистенциалистов), ставится проблема некоей коренной неразрешимости, но потому и открытости основных проблем и противоречий земного человеческого существования²⁰. Однако если академическая философия пытается найти выходы из этой неразрешимости в мышлении и внутреннем мире индивида (или же — добавлю от себя — в стремлениях обосновать необходимость для индивида его внешней социальной активности), то у Достоевского дело обстоит иначе. Никакой заведомой рецептуры, никаких заведомо данных предпосылок «разрешения» самого себя человеку не дано. Только *даруемая человеку Любовь* приходит как обетование такого «разрешения». В самих же себе, в своей отъединенности от Бога и Мира, в отъединенности от другого человека — спасения (или, по крайней мере, «разрешения») нет (см. с. 149-150).

Любить ближнего, или вообще любить другого человека, замечает английский исследователь — трудное искусство. Любить ближнего — не просто любить его «идеальный образ», но любить в этом самом «ближнем» проблематичную его свободу, его внутреннюю недосказанность. И такая любовь к неопределенности другого человека в его свободе есть именно некое подвижничество. Подвижничество в том смысле, в каком употреблял это слово на страницах «Вех» Сергей Булгаков (см. с. 183)²¹. Без внутреннего подвижнического опыта наша любовь к другому человеку рискует превратиться либо в идеологическую абстракцию, либо в потакание любой низости со стороны «другого» (см. с. 183-185).

Тема «Матери Сырой Земли» — особенно в последнем романе — выступает у Достоевского как бы знаковой темой этой открытой, всеприсутствующей, но так трудно воспринимаемой нашим антиномическим сознанием любви. Мистика «Матери-Земли» в романах Достоевского, настаивает Р. Уильямс, — вовсе не подобие хтонического, «почвеннического» культа, которому писатель сполна отдал дань в своих идеологических построениях. В художественном же его повествовании, никаким идеологиям не подконтрольным, эта мистика связана с переживанием и обоснованием важности для человека (чтобы оправдать человека в самом себе!) восчувствовать, пережить и понять красоту и смысл Божественного присутствия во Вселенной (см. с. 170-171)²². Но это восчувствование-познание, продолжает свою мысль архиепископ, предполагает и внутреннюю ответственность перед полнотою жизни. Ту самую, которую принял на себя ложно обвиненный в отцеубийстве Митя Карамазов, однако, на совести которого — увечье старого слуги Григория Кутузова (см. там же) и — добавлю от себя — кончина малолетнего Илюшечки Снегирева и разглашение женских тайн Кати Верховцевой.

Понимание важности благоговения и благодати в человеческом опыте — это как раз то самое, что спасает устремление Достоевского отстоять человеческую свободу и от детерминистского принуждения, и от волюнтаризма в сложном и открытом контексте Бытия. Иными словами, — то самое, что сообщает творчеству писателя черты глубокого — не бытового, — но именно духовного, христианского реализма. Свобода и благоговение («воля» и «гимн» — если вспомнить лексикон героев Достоевского), в конечном счете, обуславливают друг друга в опыте человека. Хотя чаще всего — обуславливают сложным и внешне непредсказуемым образом.

И это — по убеждению Р. Уильямса — едва ли не важнейшее среди художественных и духовных открытий русского романиста.

Заключение: живая готика

Можно много говорить об остроте и оригинальности трактовок Рауэном Уильямсом поставленных в романистике Достоевского проблем познания и веры, рационализма и традиции, падения и Святыни... Однако никакой аналитический обзор не заменит чтения книги. Так что я невольно ограничился лишь одной проблемной линией в монографии английского исследователя. Линией, связанной с художественным обоснованием внутренней недосказанности и свободы человека.

С точки зрения инквизиторской, тоталитаристской, человек — лишь «недоделанное пробное существо»²³; с точки же зрения выстрадавших Достоевским христианских ценностей, человек драгоценен и в своих исканиях, даже в «надрывах» и ошибках. Мгновенное и вечное сходятся в критические минуты, в ситуативной неопределенности человеческой жизни, в метаниях сердца и разума человека между «низостью карамазовской» и светом Вечности. Таков, пожалуй, самый насущный урок творений Достоевского и трудов его исследователей для нынешнего изверившегося века. Если угодно, урок надежды.

Р. Уильямс пытается представить нам всю противоречивую сложность романного мира Достоевского — сложность и в языке, и в сюжетосложении, и в описании характеров, и в драме идей, и в открытости суждений. И всё это — в живых романских тканях, во взаимных «отголосках и свершениях (echoes and legacies)» (с. 94) речений, персонажей, ситуаций.

* * *

Исследователи рукописей Достоевского обратили внимание на одно важное обстоятельство, проливающее некоторый свет на поэтику и духовные смыслы его произведений. Основной сюжет рисунков на полях его рукописей — это стрельчатые готические окна.

Меня издавна мучил в этой связи вопрос: какие же силы и смыслы работали в творческом полусознании этого яростного православного критика западных ветвей христианства, когда он работал над своими текстами? — Только ли любовь российского идеологического «почвенника» к «священным камням» Европы? Только ли сама внутренняя напряженность эмоционального мира писателя, что запечатлевала себя в некоем готическом иероглифе?

Думаю, суть вопроса не только в этом.

Тот, кто бродил по пространствам старинных готических соборов, наверняка убеждался не только в строгости и осмысленности их архитектоники, но и в

некоторой внутренней подвижности самих этих пространств. Двигаясь по собору и меняя точки наблюдения, мы начинаем воспринимать эти пространства как внутренне подвижные, динамичные, по-разному освещаемые, пересекающиеся под разными углами... Как собеседующие с нами.

Погружаясь в художественные пространства Достоевского, мы невольно вспоминаем о пронизывающем нас самих мистическом реализме готического собора, где глубинные смыслы познания и веры собеседуют с внутренней динамикой наших человеческих миров. И собеседование это — открыто, непрерывно. Оно, скорее, ставит перед нами, людьми ХХІ века, всё новые и новые вопросы «о времени и о себе»²⁴, нежели дает готовые ответы.

Так что остается лишь благодарить предстоятеля Англиканской церкви за смелое и проникновенное исследование.

...А собеседование Достоевского с нами, с нашим веком, когда и в экономике, и в социальности, и в искусстве, и в самой человеческой душе исчерпали себя иллюзии «светлого будущего» и «светлого прошлого», но когда с новой силой настаивает каждого из нас проблематика веры, мысли и свободы, а вместе с нею — и проблематика истории, — это собеседование, ставящее более вопросов, нежели дающее ответы, — продолжается...

05.03.09.

Файл: Dost_Canterbury.doc —

Примечания

¹ Williams R. Dostoyevsky. Language, Faith, and Fiction. — L.: Continuum, 2008. — XIII, 290 p.

² Вот незабываемый пример из «Села Степанчиково» (разговор Рассказчика с лакеем Видоплясовым):

« — Неприличное имя Аграфена-с.

— Как неприличное? почему?

— Известно-с: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с; а Аграфеной могут называть — всякую последнюю бабу-с.

— Да ты с ума сошел или нет?

— Никак нет-с, я при своем уме-с /.../» (Полн. Собр. Соч. Т. 3. — Л.: Наука-ЛО, 1972. С. 41)

Надрывный водевиль «Степанчиково» написан в 1859 г. Но имя «всякой последней бабы-с» взяло свой реванш два десятка лет спустя в последнем великом романе Достоевского «Братья Карамазовы». Аграфена — полное имя Грушеньки.

³ Первое издание вышло в 1929 г. Несмотря на то, что книгу М.М. Бахтина приветствовал на страницах «Нового мира» А.В. Луначарский, книга — из-за условий времени — так и не была всерьез расслышана и воспринята.

⁴ «Разнесение» — так покойный русский филолог и филолог В.В. Библихин переводил категорию «la difference», одну из стержневых категорий Жака Дерриды.

⁵ Будь моя воля, я выразился еще «круче»: бестиализация культуры.

⁶ Не случайно же, как отмечает Р. Уильямс, криминальные фабулы романов Достоевского (убийства, кражи, оскорбления) осложнены описаниями множества святотатственных поступков (преднамеренные издевательства над женщиной или ребенком, цинические богохульные речи, осквернение икон...).

⁷ Серьезной консервативной оппозиции надвигавшемуся на страну валу нигилизма Достоевский почти не видит. В черновых редакциях «Бесов» писатель вменяет либерал-консерватору Кармазинову такие слова: «Я пригляделся к нашим консерваторам вообще, и вот результат: они только притворяются, что во что-то веруют и за что-то стоят в России, а в сущности, мы, консерваторы, еще пуще, чем нигилисты». По словам Кармазинова, весь идеал большинства людей консервативного круга — «...хороший повар, имение». А посему — в случае угрозы социального потрясения — «спешу реализовать свое мнение и убраться» (Полн. Собр. Соч. Т. 11. 1974. С. 289).

⁸ Обоснование своего интеллектуального «бунта» против Всевышнего Иван начинает с «признания»: «я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних» («Братья Карамазовы», ч. 2, — кн. 5, гл. IV. — Полн. Собр. Соч. Т. 14. 1976. С. 215).

⁹ В литературе почему-то забывают, что Кириллов в «Бесах» — не только последовательный атеистический «метафизик», но и равнодушный соучастник убийства Шатова и, стало быть, — косвенно — Марьи Шатовой и ее ребенка... —

¹⁰ Как настаивает венгерская исследовательница Агнеш Дуккон, Достоевский сам немало усвоил у тогдашнего европейского и российского «левого» дискурса, прежде всего у Белинского. По мнению Дуккон, одно из важнейших влияний Белинского на Достоевского — связано с разработкой Белинским особого языка русской мысли: языка оспаривания, языка несогласия со всеми идейными, теоретическими и утопическими модами и господствующими мнениями (см.: Дуккон А. К вопросу о некоторых проблемах расхождения между Достоевским и Белинским // Acta universitatis szegediensis de Attila József pominare. Dissertationes slavicae. 15. — Szeged, 1982. P. 71-74).

Я бы усилил это суждение венгерской исследовательницы еще одним соображением. Труды Белинского о Пушкине и Лермонтове обосновывают столь важную для Достоевского проблему превосходства поэтического проникновения по сравнению с любыми формами идейного доктринерства. Что и было доказано самой поэтикой Достоевского.

¹¹ Р. Уильямс ссылается на книгу: A. Mihailović. Corporeal Words: Mikhail Bakhtin's Theology of Discourse. — Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 1997.

¹² См. 1 Кор 15:45-49.

¹³ Навание этой главки представляет собой перевод одноименного заголовка книги Альбера Камю «L'homme revolt». Камю, как известно, испытал на себе сильнейшее влияние русского писателя.

¹⁴ Вспомним: М.М. Бахтин постоянно настаивал, что «герои» Достоевского — не только действующие лица повествований, но и всегда (или почти всегда) — «идеологи».

¹⁵ К сожалению, в литературе не обращено внимание на то обстоятельство, что дом полковника Ростанева в селе Степанчикове — это, в своем роде, выстроенный на подневольном крепостном труде некий фаланстер, где благотворствует «обитателей» по своим капризам и по скудости фантазии маленький домашний деспот — Фома Фомич... Правда, Фому Опискина наш автор не упоминает, но я не в силах отказать себе в том, чтобы не сослаться на горький «водевиль» о селе Степанчикове.

¹⁶ Вспомним сентенцию Шигалева на страницах «Бесов»: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным рабством. Добавлю, однако же, что кроме моего разрешения, не может быть никакого» (ч. 2, гл. 7. — Полн. Собр. Соч. Т. 10. 1974. С. 311).

¹⁷ «Братья Карамазовы». Ч. 2, кн. 5, гл. V. — Полн. Собр. Соч. Т. 14. 1976. С. 236.

¹⁸ Или — если вспомнить Эмманюэля Левинаса — «человечностью другого человека (humanisme de l'autre homme)».

¹⁹ Вспомним: своим безумием Иван Карамазов — в конечном счете — платит именно за отсутствие этого опыта. Он и сам говорит об этом брату Алеше: «Я тебе должен сделать одно признание /.../ я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить...» («Братья Карамазовы». Ч. 2, кн. 5, гл. IV. — Полн. Собр. Соч. Т. 14. 1976. С. 215).

²⁰ Не случайно же российский философ Я.Э. Голосовкер (1890-1967) описал проблему антиномичности мышления и — шире — антиномичности существования человека как сквозную и базовую проблему и у Канта, и у Достоевского. Описал — но отдавая, однако, предпочтение в трактовке этой проблемы именно Достоевскому (см.: Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. — М.: Изд. АН СССР, 1963).

²¹ Р. Уильямс переводит русское понятие «подвижничество» как «духовное брение» (spiritual struggle).

²² Разделяя эту мысль архиепископа, я хотел бы сослаться и на поэзию Вл. Соловьева:

*Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой...*

²³ «Братья Карамазовы», ч. 2, кн. 5, гл. V. — Полн. Собр. Соч. Т. 14. 1976. С. 238. —

²⁴ Да простит мне благочестивый читатель цитату из поэта-бунтаря Владимира Маяковского. Впрочем, в трудах некоторых российских авторов (Л.Ю. Брик, В.В. Кожин и др.) отмечалась связь «бунтарской» художественной проблематики Маяковского с романами Достоевского.

■ ■ ■

ПРАВОСЛАВИЕ И ДЕМОКРАТИЯ¹

Джеймс Х. БИЛЛИНГТОН

Проблематика соотношения православия и демократии в России требует тщательного подхода к самим предпосылкам этой проблематики: здесь нет согласия даже среди самого американского экспертного сообщества. Ибо, —

во-первых, с точки зрения общих национальных интересов Соединенных Штатов, Россия обладает несравненно большей значимостью, нежели это обычно представляется. Само геополитическое положение России, ее огромный запас оружия массового уничтожения, глобальное значение усилий России создать некую жизнеспособную форму евразийской демократии — всё это имеет громадный геополитический смысл. Так что проблема соотношения православия и демократии в России — едва ли не самая важная для выбора ее пути;

во-вторых, культура американских интеллектуальных элит (деятели средств массовой информации, профессура передовых университетов, руководители фондов) с трудом воспринимает эту базовую проблему значимости религиозной сферы для нынешней жизни. А ведь — если рассуждать с точки зрения политической — два важных и весьма глубоких изменения на исходе XX столетия оказались проникнуты именно религиозной проблематикой.

Всё началось с фундаменталистской революции в Иране, совершенно не предвиденной огромной массой связанных с академическими и управленческими структурами американских интеллектуалов. Интеллектуалов, чей взгляд на мир определялся, по большей части, бихевиористскими понятиями. Распространение

радикального ислама, начавшееся вместе с Иранской революцией, очевидным знаком важности именно религиозной сферы.

Далее, внезапный и также непредвиденный обвал коммунизма в Империи Советов также обнаружил свои религиозные корни. Польское движение «Солидарность» коренилось именно в религиозной сфере, и так как движение это возникло и возросло снизу, власть ленинистов оказалась перед ним бессильна: ни посадки, ни чиновничьи перестановки, ни комбинации подкупов и убийств не помогли. Чуткое и умелое имперское руководство в прежние времена могло справляться почти что с любой из форм оппозиции, но на сей раз сломить оппозицию польскую ей было уже не под силу. И коль скоро стало ясным, что католическое движение «Солидарность», поддерживаемое «славянским папой» Иоанном-Павлом II, — не сломить, — отзвуки этого движения стали разноситься среди диссидентов Венгрии, Восточной Германии, даже Румынии; эхо этих движений можно было уловить среди православных групп Румынии и Болгарии и — в конце концов — России. Мы до сих пор не можем понять характер Августовских событий 1991 г. в Москве, когда едва ли полтора-два тысяч человек сумели остановить натиск лояльного путча, но так и не сдвинувшегося с места воинства массой в пять с половиной миллионов. И путч развалился. Через сутки после провала путча — я сам это слышал и отлично помню — почти все на московских улицах говорили одно и то же слово: «Чудо!». А чудеса возвращают нас к языку религии: с ними не могут иметь дело компьютеры

и воспитанные в традициях бихевиоризма интеллектуальные круги.

На мой взгляд, коренная российская проблема нынешнего дня заключается в поиске легитимности. Основной же вопрос легитимности в обществе таков: по какому праву и на каком основании человек может отдавать распоряжения человеку? — Сегодня Россия располагает формальной легитимностью. Она закрепляется конституционно, но — *не эмоционально*. В недавней моей книге — «Russia in Search of Itself» («Россия в поисках себя») — я пытался исследовать эту по сей день не решенную проблему.

На мой взгляд, сложились две основные формы легитимации: одна лучшая, а другая худшая. Причем последняя в какой-то мере утвердилась во мнениях и в нынешней Америке, и — шире — на Западе. Она отчасти возобладала и в России. Грубо говоря, эта худшая форма легитимации имеет своим окончательным результатом некую новую форму самовластного неонационализма. Проще говоря — фашизма. В Европе фашизм имеет множество вариаций. Но чаще всего он развивался как реакция на крах демократических экспериментов в лоне традиционно-авторитарных культур. Ему нужны внешние враги и внутренние козлы отпущения. Сам я не уверен в окончательном торжестве этой модели. Но еще труднее себе представить — причем именно в категориях современной мысли, — что Россия когда-нибудь сможет стать неким вариантом Соединенных Штатов или Канады, т.е. федеральной демократии, раскинувшейся чуть ли не на целый континент. Никому, разумеется, не придет в голову, что Россия попросту стремится к имитации или репликации этих североамериканских систем. Но, как я неоднократно доказывал, — в течение целого полувека Соединенные Штаты были в некоем роде сокровенным образцом для России: не случайно же русские в первые периоды «холодной войны» так стремились «догнать и перегнать Америку», или стремились — по крайней мере — к непрерывному соперничеству с ней...

Увы, обыденное сознание ни в Соединенных Штатах, ни в России так всерьез и не вникло в проблему взаимосвязи между христианским наследием Америки и ее демократической эволюцией. Большинство представителей нашей академической и коммуникаторской элиты так и не смогло поверить в то обстоятельство, что сама исторически развивавшаяся американская демократия — демократия континентального размаха — имеет, словно два орлиных крыла, две определяющие идейные предпосылки: просветительский рационализм и плюралистическое христианство Протестантской Европы.

Соединенные Штаты — единственная в мире политическая культура, чье становление целиком приходится на эпоху типографского станка и протестантского христианства, к понятиям которого вынуждены были приспосабливаться и католики Мерилленда, и евреи Нью Йорка и Род Айленда, и квакеры Пенсильвании, не говоря уже о немалом числе деистов и скептиков.

Нынешнее обыкновение приравнивать религию к фанатизму делает, как мне кажется, невозможной целостную реконструкцию американской истории. Наша элитарная культура пытается трактовать любое религиозное убеждение как первый шаг к фанатическому ожесточению, как вызов — а подчас даже и как открытую угрозу — демократической политической системе и/или экономике свободного рынка. Идея «разделительной стены» между церковью и государством не была оформленной юридической доктриной: это — просто фраза, однажды брошенная Джефферсоном в борьбе за голоса баптистов Данбери, штат Коннектикут. И брошена-то она была, как и все возможные аргументы против тогдашних религиозных порядков, ради утверждения свободы религии, а не ради свободы от религии. В начале XIX в. совместные заседания обеих палат Конгресса созывались по настоянию собраний верующих женщин. В Вашингтоне, округ Колумбия, старинное обыкновение использовать общественные здания для религиозных служб держалось еще некоторое время после Гражданской войны.

Я не отстаиваю возвращения к подобному рода установлениям. Просто хочу подчеркнуть, что как религиозные убеждения, так и просветительские идеи — всё это воплощено в нашей Конституции и образует двойственный корень нашей демократической идентичности.

Тогда — вопрос: а можно ли обнаружить какие-то связи между восточным, православным христианством и демократией?

У себя на Западе мы пребываем в плачевном неведении по части православия, а если что-то и знаем, — то разве что о его существовании в качестве придатка византийской или российской самодержавной власти.

И всё же — необходимо переосмысление некоторых иных аспектов исторической традиции. В частности, и вдумчивое переосмысление политических и социальных аспектов истории православия. Как говаривал о. Георгий Флоровский, трудно развивать демократию в империи или в пустыне. Византийское христианство было одновременно и иерархической структурой, тесно связанной с императорской властью, и монашеским пустынножительством. Иными словами — одновременно и доминирующей силой на политической сцене, и

тотальным духовным от нее отъединением в опыте отцов-пустынников.

В течение первого тысячелетия н.э. существовало всё еще единое средиземноморское христианство, в лоне которого служились греческая или латинская Литургия. Но в восточном христианстве существовали Литургии грузинская, сирийская, армянская, церковно-славянская. Литургические различия были в некотором роде признанием различий культурных. По всему Востоку действовал соборный принцип утверждения церковного авторитета. Православие исходит из той посылки, что Семь Вселенских Соборов ответили на все основные запросы веры. А уж после раскола с Римом (XI в.), на Флорентийском соборе (XV в.) православие ближе всего подошло к идее общецерковного примирения. Да и Западная церковь в тот период более всего приблизилась к соборному принципу вследствие раскола между папством Римским и папством Авиньонским.

В начале второго тысячелетия н.э. христианское обращение восточных славян распространило православие далеко за первоначальные пределы Римской империи². Вследствие этого обстоятельства российское и украинское православие не смогло унаследовать римское административное деление как основной принцип построения епархий. И посему новообращенные православные ареалы не смогли развить в себе институциональные противовесы центральной власти; отсутствие же таких противовесов политическим центрам особо наглядно прослеживается именно в больших государствах. И эта централизация власти не могла не иметь огромных последствий для церковной истории. В XVIII столетии Петр Великий еще сильнее, чем прежде, подчинил церковь государству, упразднив патриархат и создав Священный Синод как часть российского административно-государственного аппарата. Петр разрушил ранее сложившийся в Византии «симфонический» принцип согласования церковно-государственных отношений³. Петр предпочел заимствовать у лютеранской Швеции именно казенную систему церковного управления во главе с государственным надзирателем над церковными делами — обер-прокурором Синода.

И всё же, вопреки этому централизованному контролю, в конце XIX — начале XX столетия Российская Православная Церковь⁴ пережила глубокое духовное возрождение, которое всерьез сумела открыть для себя лишь посткоммунистическая Россия. Религиозно-философские искания начали развиваться еще в 1890-е годы⁵; после же Революции 1905 г. они стали еще интенсивнее и оказались стимулом для творческих порывов в самых разнообразных областях мысли и жизни.

Неполное десятилетие между окончанием Русско-японской войны и началом Первой мировой отмечено особой активностью художников-модернистов, причем новые творческие поиски в значительной степени инициировались именно в России. И всё это сопровождалось беспрецедентным ростом идейного и философского плюрализма как в обществе, так и в церкви. Художественный модернизм во многом черпал вдохновение в богословском эстетизме Восточного христианства — и прежде всего не столько в опыте словесном, сколько в безмолвном «богословии иконы». Казимир Малевич заимствовал свои обобщенные геометрические формы у иконописных трактовок одеяний святых. Василий Кандинский создавал новые формы абстрактного экспрессионизма, вдохновляясь теми древними иконописными образцами, которые к тому времени становились доступными благодаря трудам реставраторов. Впервые в истории Нового времени люди смогли оценить по достоинству линейную структуру и колористику древней иконописи. Эта переоценка художественных ценностей затронула даже еврейскую художественную среду: вспомним хотя бы Марка Шагала. Многослойную темперажную живопись с ее сияющим внутренним многоцветьем люди сумели оценить лишь в начале XX века.

Именно на этот период приходится расцвет того феномена, который русские люди называют «духовной культурой». Великий поместный Собор Российской Православной Церкви, созданный именно во время Революции (1917-1918), привлек к себе внимание огромных людских толп. Вспомним лишь фотографии, напечатанные на страницах журнала “National Geographic” в ноябре 1917-го! Во всяком случае, речь идет о массовом явлении, знаменовавшем собой становление независимого авторитета церкви. Авторитета, уже выходящего из-под казенного контроля и поддержанного новейшими исканиями в области художественного и интеллектуального творчества...

Разумеется, всё это оказалось порушенным в советский период. Ибо Советский Союз оказался первой в истории человечества системой, легитимация которой строилась на идее уничтожения всякой религии, включая прежде всего и Русскую Православную Церковь. Эта разрушительная одержимость отчасти ослабла на исходе Советского периода: до властей начало доходить, что религия — как гвоздь: чем сильнее бьешь, тем глубже входит она в дерево. После ужасов 1930-х гг. и до наступления хрущевских гонений (к сожалению, Западный мир мало что знает о них) советские чиновники разработали более изощренную антицерковную политику. То

была политика частичной кооптации «своих людей» в иерархические верхи церкви. Но эта ловкая верхушечная политика начальства не могла всецело определять ход вещей в церковных и общественных «книзах».

С падением коммунизма и с приходом подлинной гласности (1990-е годы) дало о себе знать и частичное возрождение религии, ознаменованное огромным числом детских крещений и церковных обращений среди взрослого населения. Согласно данным различных исследований, множество молодых людей идентифицировало себя как христиане и притом — совсем не обязательно как христиане православные. А те, кто определил себя как православных, чаще всего знали о своей вере совсем немного. Мне вспоминаются две большие конференции, организованные Русской Православной Церковью в 1987 и 1988 гг. в связи с Тысячелетием Крещения Руси. Сначала была конференция в Москве, а следом — в Петербурге (последнюю организовал нынешний Патриарх всея Руси)⁶. На обеих конференциях в равных статусах присутствовали как ученые из номинально атеистической (в те годы) Академии Наук, так и преподаватели духовных учебных заведений. Успех этой более изощренной политики советских властей был явно налицо: интеллектуальный уровень семинарских преподавателей оказался существенно ниже уровня академических ученых. Однако вторая, петербургская конференция показала мне более обнадеживающей: в ней участвовал целый ряд крупных деятелей культуры, сумевших открыть для себя базовые идеи церкви.

На мой взгляд, самая серьезная проблема для Русской Православной Церкви, которая призвана играть центральную роль в широком контексте российской «духовной культуры», заключается в том, что посткоммунистическая Россия так и не сумела развить в себе навыки очистительного самоанализа (lustration) и примирительного диалога перед лицом истины (a truth and reconciliation process). Ведь ныне более или менее каждый знает, что в советский период отдали свои жизни, по меньшей мере, 200 000 подлинных христианских мучеников. Это были священники, диаконы, представители низшего клира и мирян. И отдали они свои жизни не просто вследствие безумств и насилий Советской власти, но именно за веру.

Как показывают новейшие исследования, из каждых десяти христианских мучеников на земле семеро приходятся на XX столетие. И самые крупные жертвы принесли русские православные верующие. И именно — как христиане. Открытие за открытием всё более подробно документирует эту историческую драму. Но всё же — это *проявление снизу, так еще и не ставшее центральным*

моментом универсальной жизни церкви. И хуже всего то, что некоторые церковные иерархи, в прошлом выдвиженцы советского режима, сами наживают теперь моральный капитал на мученичестве других людей, которые предпочли смерть системе советской кооптации.

Люди в нынешней России зачастую циничны. Самым знаменитым циником — то бишь киническим философом — был Диоген, изо дня в день, с фонарем в руках искавший честного человека. Но ведь цинизм есть, в конечном счете, нравственность, не нашедшая своего жилья. Люди постоянно говорят о коррупции, о криминале, о несправедливости, о том, что «совесть уснула».

История знает случаи пробуждения совести. Для такого пробуждения требовались люди, подобные Мартину Лютеру Кингу или Нельсону Манделе. Однако чувства истины и примирения — увь! — выпадают из нынешней модели российского развития.

И эта утрата интеллектуальных и институциональных предпосылок достойной жизни заставляла моего друга Дмитрия Лихачева, как и многих других русских людей искать нравственную основу для возможного доброкачественного общества. И эту нравственную основу люди ищут в культурном богатстве российского прошлого, в ценности безвинного страдания, которое оказалось в центре российской истории и которая образует таинственную сердцевину всей иудео-христианской традиции.

Два орлиных крыла внутренне разделенной церкви — это, пожалуй, лучший пластический образ, который я мог бы предложить для описания возможного потенциала православия в России.

Одно крыло составляют ультранационалисты, прежде всего митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский Иоанн (Снычев), скончавшийся в ноябре 1995, и члены немногочисленной группы «Радонеж», которая хотела бы при помощи церковного истеблишмента воскресить авторитарное прошлое.

Другое крыло состоит из реформаторов. Как правило, это высокообразованные и высокопрофессиональные люди из Москвы и Санкт-Петербурга, которые ищут в решениях Второго Ватиканского Собора образцы для модернизации Православной церкви. Это очень славные люди, люди совестливые, по-настоящему озабоченные проблематикой истины и примирения. Но они весьма малочисленны.

Однако есть в церкви еще и другие «крылья» или, точнее, группы.

Третья группа, описанная в убедительных церковно-социологических исследованиях Ralph'a Della Cava, определяется им как «институционалисты». Это —

преобладающая группа внутри церкви. Они полагают, что стоящие перед церковью проблемы так сложны и велики, что проще всего было бы сконцентрироваться на обращении к традициям и на восстановлении храмов. Однако слабость «институционалистов» — в неумении развивать светские братства и молодежные программы; они сосредоточены в основном на проблемах обрядов и церковного священнослужения.

Четвертая же группа, на которую R. Della Cava возлагает свои надежды, — это, по его определению, «пасторалисты», т.е. те, кто более всего сосредоточен на деле развития приходов. Их приходская работа в России чем-то напоминает приходскую работу ранних лютеранских общин в Америке, или же работу методистов, некогда продвигавшихся с побережья Атлантики на юго-запад. Подобно былым протестантам американского раздвигающегося пограничья («фронтира»), они обеспечивают регионы женатым духовенством; они пытаются удовлетворить местные нужды в центрах социальной поддержки и обучения, а также в хосписах. Причем они налаживают эти свои социальные службы, пытаясь восполнить всю недостаточность и неэффективность той выстроенной по вертикали системы, которая унаследована от советских времен.

Именно с «пасторалистов» мог бы и начаться общий процесс созидания демократии снизу — причем демократии в континентальном масштабе⁷. Ведь нечто подобное и усмотрел Токвиль в американской истории. Развитие приходов, их самостоятельности на местах — это как раз то самое, что русские именуют «бытовой демократией», а некоторые из них ссылаются в этой связи и на славянофильскую категорию «соборности». Общинное начало и совместный труд — вещи, более развитые в России, нежели в индивидуалистичном западном христианстве и в Америке — особенно.

Постсоветская церковь создала в составе Патриархата специализированные отделы по образованию, благотворительности, социальному служению, юридической поддержке, миссионерской работе и по работе в вооруженных силах.

Конечно же, на мой взгляд, назначать Св. Варвару на должность небесной покровительницы ракетных войск — вещь в высшей степени проблематичная. Но сама эта попытка — волей-неволей — отражает стремление внедрить православие во все области жизни. Епископ Магаданский, человек именно «пасторальный», летая на вертолете, совершает поминальные службы над безымянными и брошенными захоронениями тех, кто погиб в ГУЛАГовских лагерях Советского Дальнего Востока...

Я уверен, что религии предназначено сыграть ключевую роль в определении будущих судеб России.

И давайте вспомним в этой связи такой эпизод из повести Frank'a Stockton'a "The Lady and the Tiger". Причем вспомним применительно к российскому будущему.

Пленника пригнали в римский Колизей; он — перед огромной толпой, а перед ним — две двери. За одной — тигр-людоед, а за другой — царевна, которая может стать его женой. Какую дверь откроет Россия: ту, за которой сибирский тигр, или ту, за которой царевна-свобода? Или же страну ожидает жребий стран Третьего мира, — разве только что с артистами да с ракетчиками? И в разрешении этих вопросов многое зависит от судеб Русской Православной Церкви. Часть ее иерархов, некогда пресмыкавшихся перед вождями-атеистами советских времен, ныне превратились в национал-ксенофобов, весьма далеких от проблематики истины и примирения.

Если и есть надежда, — то разве что на более молодых священнослужителей и активных мирян Православной церкви, а также на их коллег из иных исповеданий и деноминаций. Именно они — часть общего движения низовых инициатив и местной народной самопомощи. Ведь именно здесь и коренится та область широкой культуры, которая столь долго контролировалась с кремлевских «высот».

Кроме того, надобно помнить, что у русских — более глубокая, нежели у большинства христианских народов, вера в фундаментальную иудео-христианскую идею искупительной силы безвинного страдания и, стало быть, в то, что страдания России также могут иметь некую искупительную ценность.

Последние строки стихотворного приложения к роману Пастернака «Доктор Живаго» акцентируют широкий, по существу космологический, смысл того обстоятельства, что человеческая жизнь протекает в литургическом времени. Да и сам роман написан как некое воспроизведение ключевых событий Страстной седмицы.

...Так вот, толкуя события 1991 г., многие рядовые русские люди расскажут вам, что начались они в праздник Преображения⁸, а завершились Успенской Литургией в Успенском соборе Кремля⁹. И это было прежде созыва первого в России посткоммунистического парламента...

А в заключение — вернусь к строкам из «Доктора Живаго», которые меня особенно волнуют:

*Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.*

*Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.¹⁰ —*

File: Billington_Ortodossia
Перевод Е.Б. Рашковского

Примечания

¹ Оригинал : James H. Billington. Orthodoxy and Democracy // Journ. of Church and State. — Wash., D.C. 2007. V. 49. # 1. P.19-26.

Автор — экс-директор Библиотеки Конгресса США, автор трудов по истории русской мысли и культуры. В основу статьи положена его лекция в Бостонском университете, март 2004. Печатается с разрешения автора. (*Здесь и далее — примечания переводчика — Е.Р.*)

² Здесь необходимо уточнение. Формальная дата крещения Руси — 988 г. Процесс же распространения и внедрения православия на территориях Российского государства — от Балтии и Финляндии до Дальнего Востока и Аляски — растянулся на многие века. — *Е.Р.*

³ Symphonia (греч.) — согласование, созвучие. — *Е.Р.*

⁴ Официальное название Русской Православной Церкви до Революции — Российская Православная Греко-Кафолическая Церковь. — *Е.Р.*

⁵ Дж.Х. Биллингтон, разумеется, имеет в виду развитие религиозно-философских интересов среди широких кругов российской интеллигенции; начало же оригинальных элитарных религиозно-философских исканий в России относится к 30-м — 40-м гг. XIX в: прежде всего — к творчеству Чаадаева и славянофилов. — *Е.Р.*

⁶ Тогдашний Патриарх Алексей II скончался в 2009 г. — *Е.Р.*

⁷ В русской церковной литературе после Февральской революции высказывалась мысль о том, что развитие активности, самоуправления и правовых компетенций православных приходов может стать одной из предпосылок будущего развития и России, и церкви, и гражданского общества (см.: Дурылин С.Н. Приход. Его задачи и организация. — М.: Универсальная библиотека, 1917). — *Е.Р.*

⁸ 19 / 6 (по старому, юлианскому календарю) августа. Воистину, как в стихах из пастернаковского романа: «...шестое августа по старому...». — *Е.Р.*

⁹ 28 / 15 августа. — *Е.Р.*

¹⁰ Заключительные строфы из стихотворения «Гефсиманский сад». — *Е.Р.*

«Я НИКОМУ НЕ ПИСАЛ ТАК, КАК ВАМ...»

Екатерина ГЕНИЕВА

Имя Сергея Николаевича Дурылина было у меня на слуху с самого — детства. О нем говорила на нашей даче — на станции «43 км» по Ярославской дороге, где в течение года я проводила немало времени — моя бабушка, Елена Васильевна Гениева. Обстоятельства его жизни, состояние его здоровья, поездки к нему в Болшево нередко были темами за общими трапезами, которым в моей семье придавалось большое значение. О том, кем на самом деле был Сергей Николаевич Дурылин и какие отношения связывали его с моей бабушкой, я узнала намного позже. В пору моего детства, выпавшего на сталинскую эпоху, на такие темы говорить было не принято. Образ складывался из обрывков услышанных ночных разговоров, из брошенных вскользь замечаний. Только в университетские годы, совпавшие с «оттепелью», из бесед с бабушкой, — из знакомства с литературоведческими трудами Дурылина о Лермонтове, Гоголе, Гаршине, — на которые я натолкнулась в богатой — бабушкиной библиотеке, я наконец начала понимать, что это не просто семейный знакомый, а вполне знаковая фигура Серебряного века, хотя о ней никто не упоминал в читаемых курсах литературы. Вот тогда-то я и начала более внимательно приглядываться к дарственным надписям на его книгах, которые были посвящены моей бабушке. Узнала я, что с детства знакомый мне киот и некоторые иконы, которые я считала семейными, перекочевали в наш дом из дома Дурылина в годы, когда он лишился всех своих «углов».

Так постепенно в моем сознании выстраивался образ священника, литературоведа, знатока искусства, ссыльного, какими-то теснейшими узами связанного с моей бабушкой.

Уже после смерти бабушки, где-то в начале 80-х годов я начала разбирать ее весьма обширный архив: переписку с Сергеем Михайловичем Соловьевым, Михаилом Васильевичем Нестеровым, Василием Васильевичем Розановым, Максимилианом Волошиным, да и другими яркими персонами Серебряного века. Среди них было и около 100 писем Дурылина.

В течение многих лет мне даже в голову не приходило, что если есть письма Дурылина к бабушке, то со всей очевидностью где-то есть и письма с другой стороны. Помог случай. Первоначально я собиралась опубликовать письма Сергея Николаевича как памятник эпистолярного наследия эпохи, и только когда мы начали работу над текстом вместе с нашим архивистом Игорем Бордаченковым обратились в РГАЛИ за некоторыми уточнениями. Татьяна Михайловна Горяева, директор РГАЛИ, любезно предложила сделать для меня копию писем бабушки, которые хранились после смерти Сергея Николаевича у них. Видимо их передала в архив Ирина Алексеевна Комиссарова, монахиня в миру, всю жизнь посвятившая уходу за Сергеем Николаевичем, ставшая формально его женой: в ту эпоху так было проще оправдать совместное проживание под одной крышей. Со своей стороны, я — отдала Татьяне Михайловне копии писем Сергея Николаевича, и так корреспонденты встретились. Теперь им не мешали расстояния: Москва–Томск, Коктебель–Москва, Киржач — Москва.

Но первая встреча с письмами Дурылина, в которых я, конечно, не могла тогда увидеть их истинный смысл, произошла в начале 50-х годов. На чердаке одного из дачных домиков я как-то нашла пачку перевязанных бечевкой листочков. Адрес был московский, т.е. они предназна-

Коктебель. 1920-е гг.

лись моей бабушке — Гениевой Елене Васильевне. — Мне казалось, что я нашла клад, развязала бечевку и поняла, что это личные письма. Даже мой юный возраст не помешал мне понять, что эти письма были особыми — очень нежными — и очень доверительными. Они напомнили мне тексты, которые иногда читала мне бабушка — то ли Пушкина, то ли Диккенса. Но почему эти письма писал — Сергей Николаевич моей бабушке, и почему они прибывали из самых разных мест — это была загадка, ответ на которую я постаралась найти сразу же после находки на чердаке. Как-то я все же осмелилась — спросить у бабушки, кто же этот Сергей Николаевич. Не — будем забывать, какое было время, и потому неудивительно, что бабушка отдалась какими-то общими словами. Я же поняла, что она не хочет говорить на эту тему. Со своими вопросами я обращалась и к — близкой подруге бабушки, тете Сонечке (или, как ее именует в письмах Сергей Николаевич Дурылин, Софье Андреевне Мясоедовой), — в прошлом, — до революции — певице. И к нашей домоправительнице Елене Владимировне Вержбловской, вдове Игоря Романовича, — известного переводчика Джойса, Паунда и других англо-американских писателей, погибшего в лагере. — Я понимала, что они владеют ключом к этой тайне, но что-то, то ли боязнь за себя, то ли за меня, мешало им прямо ответить на этот вопрос.

Я и про них, людей, с которыми жила бок о бок, знала лишь часть правды. Спустя много лет выяснилось, что тетя Леночка, неувядающее существо, — до страсти любившая животных, отличная машинистка, через пальцы которой — но уже позже — прошли все, тайком отправляемые на Запад, рукописи — о. Александра Меня, — была на самом деле, тайной монахиней Досифеей. А она и моя бабушка, и их ближнее окружение — семья Нерсесовых-Ефимовых, познакомившая, как потом оказалось, мою бабушку с Дурылиным, принадлежали к одной духовной общине.

Но обо всем этом — мне стало известно много позже. Пока же я, пятилетняя Катя, жила на даче, где время от времени служили литургию неизвестно откуда появлявшиеся симпатичные бородатые мужчины, которые мгновенно переоблачались и становились как две капли похожими на тех священников, которых я видела, когда ездила на службы в Лавру. — Не только по большим праздникам, иногда небольшой компанией, а иногда и побольше, мы отправлялись на станцию — вместе с нашими соседями Ефимовыми, что жили совсем неподалеку от нас — участок в участок, — и ехали до Загорска. У меня в те годы — была своя этимология места, которое, как я прекрасно знала, было связано с именем — Сергия Радонежского: холмистое — взгорье Лавры, казалось мне, так называется

потому, что находится «за горами». — Уж не помню, когда, — я узнала, что место, где находится сердце Русской Православной церкви, названо так по имени — какого-то революционера. Но в ту пору мои мысли были заняты другим: — я знала, что меня ожидает встреча с матушкой Марией, маленькой согбенной старушкой, с которой моя бабушка и тетя Леночка долго о чем-то вполголоса будут разговаривать в ее малюсенькой комнате, заставленной иконами. А вокруг будут суетиться, готовя немудрящий чай, какие-то бедно одетые женщины, горбатенькие, хроменькие. Поначалу я матушку побаивалась. Эта маленькая женщина в строгом монашеском одеянии никак не связывалась с — образом — тех священников, которые появлялись у нас на даче, говорили с бабушкой на том языке, — к которому я была приучена с детства. Речь матушки скорее напоминала мне речь — моей няни, кстати, тоже Марии, ее тезки. Но бабушка беспрекословно слушалась эту простую женщину, мне же говорила, что благословение матушки дорогого стоит.

Пока бабушка — и ее спутники говорили с матушкой и пили пустой чай с ее домочадцами, я наслаждалась великолепием малинника, которым зарос весь овраг — подле дома. Откуда я могла знать, что матушка Мария — схимонахиня Троице-Сергиевой лавры, (Так??? Лавра — мужской монастырь) вместе с другими насельниками вышвырнутая — большевиками из обители и тайно скрывающаяся в одном из деревянных домишек подле монастыря. А ее дом, как и наша дача на 43-м километре, — часть катакомбной церкви, которая не приняла сергианства, духовно окормлялась у таких пастырей, как отец Алексей Мечев, в чьем приходе до ареста служил в сане священника Сергей Николаевич Дурылин.

В рассказе о Сергее Николаевиче Дурылине мне хотелось бы избежать односторонних суждений о том, снял с себя сан Сергей Николаевич или до конца оставался православным священником. У меня на сей счет есть только память сердца и память услышанных обрывков разговоров. В те годы никто не называл вещи своими именами. Ведь и сам Дурылин в письмах бабушке дает строгий перечень того, о чем следует писать, и о чем писать точно не надо.

Я помню, как однажды мы оказались с бабушкой в его доме в Болшево. История строительства этого дома не раз обсуждалась на 43-м километре: рассказывали о героических деяниях Ирины Алексеевны, о том, как удалось уговорить работяг, разбиравших Страстной монастырь в Москве, уступить кирпич и доски и даже оконные рамы какой-то особой, полукруглой формы, очень нравящейся Сергею Николаевичу, для — его дома. Конечно, в мою детскую память прежде всего врезался дивный сад и коты,

которые были настоящими членами семьи и любимцами Сергея Николаевича, гостеприимное чаепитие совместно с домочадцами, удивительно напоминавшими мне тех женщин, которых я встречала и у матушки Марии, и на даче бабушки. И все же главное было не это. Мне довелось быть свидетельницей настоящей тайны. При входе в дом, налево — была самодельная ванная комната с досками, тазами, словом, привычной атрибутикой 50-х годов. Но в какие-то моменты все это пространство преображалось и превращалось в небольшой алтарь. Преображался и сам Сергей Николаевич. Мне вспоминается, что он становился похожим на того священника, который смотрит на нас с известного портрета Михаила Васильевича Нестерова. Это была тайная служба, это было таинство причастия. Поэтому разговоры о снятии Сергеем Николаевичем Дурылиным с себя сана кажутся мне не отражающими всю глубину драмы этого человека. Суждения людей, даже самых достойных, но не знающих всех обстоятельств, могут быть недостоверными и пристрастными. Но правда и то, что он был похоронен в светской одежде, что в советское время получил признание как видный литературовед и театровед, и это делает возможной и иную точку зрения. Его отношение к священству — это его отношения с небесами. Правду знал он, и, может быть, бабушка, но они оба унесли ее с собой в могилу.

Если о Сергее Николаевиче Дурылине написано довольно много, то — его корреспондентка, которой в большом доме-музее посвящена целая экспозиция с весьма красноречивым названием — «Я никому не писал так, как Вам», — известна очень ограниченному кругу, и этот круг, по мере течения времени, все сужается. Люди уходят, не оставляя воспоминаний, устные предания не всегда могут быть надежным источником, да и сама корреспондентка, видимо, не особенно заботилась о том, чтобы ее личные отношения, ее дружба, и нечто большее стали фактами общедоступными.

То, что в этих отношениях есть какая-то тайна, очевидно. Например, у меня нет ответа на вопрос, почему интенсивная переписка со стороны моей бабушки вдруг оборвалась, и почему они только один раз — встретились во время его коротких набегов в Москву из Киржача. А ведь он часто бывал совсем рядом — у Нерсесовых...

Кем же была Елена Васильевна Гениева? Краткая сноска в книге С.Н. Дурылина «В своем углу», гласит следующее: «Гениева Елена Васильевна, урожд. Кирсанова; 1891-1979 — переводчик, духовно близкий Дурылину человек из окружения о. Алексея Мечева». Можно добавить: — родилась в дворянской семье среднего достатка. Ее отец — Василий Эрастович Кирсанов, мужчина видный, был начальником Николаевской железной дороги — пост

по всем временам немалый. Он был женат на Эмили Ивановне Золотаревой. Им принадлежало некоторое количество унаследованных имений в Ивано-Вознесенской губернии, где-то на Дону — об этом я знаю из — упоминаний бабушки и пожелтевших фотографий. Семья была многодетной, в 1914 году ее постигло большое горе — младший сын Николенька погиб на фронте, красавица Екатерина — Котя, в честь которой я и названа — умерла от тифа. Все остальные нашли свое место в жизни, за исключением, быть может, средней дочери Марии Васильевны, — которая отличалась от всех Кирсановых даже внешне: — они — стройные, высокие, худощавые, она — рыхлая полная, так никогда и не вышедшая замуж. Правда, у Марии Васильевны была черта, которой не обладал никто из остальных — она была блестящим медиумом, однако ей это никак не пригодилось: всю свою жизнь она проработала в какой-то — библиотеке.

Александр Васильевич Кирсанов, брат бабушки, поначалу думал об эмиграции, но что-то не сложилось, и закончил он свою жизнь весьма уважаемым академиком-химиком в Киеве. Михаил Васильевич, второй брат, также пошел по технической линии. Маргарита Васильевна, сестра, создала кафедру иностранных языков в Московском энергетическом институте. Только Елена Васильевна толком нигде никогда не служила. В счет не идут ее краткие технические переводы по сыроделанию, которые она вскоре бросила. Она всегда была обеспечена, поскольку была замужем за блестящим молодым инженером, происходившим из известной петербургской юридической семьи, который впоследствии стал профессором — и генерал-майором, сыгравшим значительную роль во время Второй мировой войны в вопросах водоснабжения советских войск. С его мнением, как повествует семейное предание, считался сам Сталин, что, впрочем, не мешало Николаю Николаевичу Гениеву держать в углу своего домашнего кабинета маленький, приготовленный на «тот» случай, чемоданчик — единственный предмет, который дед, позволявший играть даже на его письменном столе, — не разрешал мне трогать. У Николая Николаевича и Елены Васильевны было трое детей. Один умер при рождении. Двое других — Георгий Николаевич Гениев и Лёля — Елена Николаевна Гениева, были более чем щедро одарены от природы: — блестящие рассказчики, замечательно рисовали, обладали музыкальными способностями, были отличными организаторами. — Дано им было много, однако — время сыграло какую-то шутку: при всех своих талантах они не смогли полностью реализовать себя. Особенно это проявилось в Лёле, моей маме: очаровательная и остроумная с детства, она всю жизнь искала какого-то идеального спутника, и, как водится, —

не нашла. Наверное, ее самым удачным выбором, был мой отец — Юрий Александрович Розенблит, но, родив от него ребенка, почти сразу же с ним рассталась и уехала устраивать свою жизнь не куда-нибудь, а в Магадан, где стала начальником — санмедчасти сталинского лагеря. Она хотела меня забрать к себе, но дед не отпустил, наверное, сохранив мне тем самым жизнь. Впервые я увидела свою маму на Ярославском вокзале, когда она выходила из поезда Магадан-Москва. Мне было шесть лет, таким образом, все мое раннее детство прошло без нее. Фактически моей мамой была Елена Васильевна. Недаром на одной из книг, которую она мне подарила, есть надпись: «Дочери души моей». Все свое образование — знание языков, любовь к литературе, живописи, музыке, я получила от нее и от деда.

Но — взаимоотношения Елены Васильевны и Николая Николаевича — это тоже отдельная и не совсем обыкновенная история. Как и в случае со священством Сергея Николаевича Дурылина, я не решилась бы дать однозначную трактовку. Я видела искреннюю любовь к себе со стороны деда, хотя любой другой маленький ребенок, кроме меня, его бы бесконечно раздражал. Он мог сделать замечание моей няне, если она случайно, накрывая на стол, задела вилок о рюмку. Когда он работал, в доме должна была быть идеальная тишина. Мне же разрешалось, задевая все углы, — гонять на своем трехколесном велосипеде по всей квартире, и когда меня пытались образумить, дед подавал голос и говорил: «Пусть Катенька катается».

Но какая же замечательная жизнь у меня была с — бабушкой! Помню, как каждое утро мы усаживались с ней на диван, раскрывали огромный фолиант «Библии» с иллюстрациями Доре, и она мне рассказывала содержание каждой из картинок. А сколько книг она прочитала мне вслух, а языки, которым она научила меня с детства, а мое хождение вместе с нею в церковь, навсегда освещенное для меня милосердием и любовью. Когда смотришь на фотографии Елены Васильевны и Николая Николаевича — оба молодые и красивые, — кажется, что они созданы друг для друга. Но, видимо, каждый ждал от спутника чего-то другого. Холодный рациональный ум Николая Николаевича в конце концов постепенно выстроил стену в их отношениях, вызвав у молодой женщины неизбывное чувство усталости, апатии. Возможно, именно этим объясняется ее напряженное богоискательство, в котором ей был созвучен — Дурылин. — Формально Николай Николаевич и Елена Васильевна никогда не расставались, однако с детства я помню, что существовала одна московская квартира, как своеобразная точка встречи, и две дачи: одна в Подлипках, где я жила с бабушкой и с моей няней, а другая, — сначала в «Правде», а — затем — на 43-м километре, где жила бабушка с ее крестницей Еле-

ной Владимировной (тетей Леночкой), — ее подругами и нескончаемой чередой гостей, среди которых, говоря словами Лескова, можно было увидеть людей самых разных сословий.

Это и бывшие дамы, которые говорили с моей бабушкой только по-французски, и полунищие обитатели окрестностей Лавры, и дочери поэта и философа Сергея Соловьева, и потомки Тютчевых, в частности, Николай Иванович и Федор Иванович Пигарёвы, и еще целая толпа людей, которую только теперь я могла бы идентифицировать. Они приезжали, о чем-то долго говорили с бабушкой, иногда оставались на несколько дней, а то и на месяц. Многим она помогала не только советом, но и материально. На то у нее были возможности, поскольку ее жизнь, насколько я теперь понимаю, обеспечивал из «своего угла» — профессорского и генерал-майорского — Николай Николаевич Гениев. Я пишу об этом так подробно, потому что короткие приветствия Дурылина Николаю Николаевичу содержатся буквально в каждом его письме. Дурылин не мог не понимать, что просьбы, которыми он заваливал мою бабушку, на 70 процентов могли быть выполнены только при участии Николая Николаевича. Поскольку в каждой человеческой жизни есть тайна, то и в жизни Николая Николаевича, этого «одинокого волка», как называла его в последние годы своей жизни моя бабушка, человека, которого интересовали только свои книги по водоснабжению и канализации, — был свой путь милосердия, не напоказ. Иногда казалось, что он делал все это нехотя, через силу, но «по делам узнаем их». Очень многие помогали Сергею Николаевичу Дурылину, когда он был в ссылке, но немалая лепта была и Николаю Николаевича. Когда в нашу семью пришла наниматься домработницей — Елена Владимировна Вержбловская, — то довольно скоро стало понятно, что эта, прошедшая через лагерь женщина, часто долго смотревшая в одну точку, никогда не справится с большим хозяйством. Максимум, на что она была способна, — это перепечатывать на машинке статьи Николая Николаевича, но ей нужны были формальные основания, чтобы жить в сталинской Москве. Уж не знаю, на какие пружины, используя свое положение, нажимал Николай Николаевич, но ему удалось прописать ее в нашей квартире как свою родственницу, которой она никогда не была по крови, но которую стала в реальности. —

Только с возрастом мне пришло в голову, каким настоящему христианским был брак моих бабушки и деда. При всей разности характеров, поведения каждый хранил обеты, данные у алтаря. И когда у Николая Николаевича случился тяжелый инсульт, Елена Васильевна оставили свой «угол» на 43-ем километре и до последнего часа ухаживала за ним в Москве. Мне трудно себе представить,

какие чувства могли бы вызвать у Николая Николаевича письма Сергея Николаевича к бабушке, да и ее к нему, наполненные с каждой из сторон такой любовью, нежностью и заботой. Ясно одно — жизнь у всех участников этого своеобразного треугольника могла бы сложиться иначе. Но сложилась именно так, и все «несли свой крест, изнемогая», сохраняя внутреннее достоинство при всей сложности житейских обстоятельств. —

Елене Васильевне была уготована судьбой или избрана ею самой такая жизнь, когда она вроде бы была «на периферии» звезд Серебряного века в коктейльном кругу Максимилиана Волошина, но в то же время и в его центре. Ее дача на 43-м километре была не просто одной из площадок — катакомбной церкви, но местом соединения и спасения многих человеческих судеб. Один из наиболее ярких примеров — это ее увенчавшиеся успехом хлопоты об укрытии в сумасшедшем доме философа, поэта-переводчика и католического священника Сергея Соловьева, которому грозил ГУЛАГ. Как считали все близкие это спасло и продлило его жизнь (О времена, о нравы!), на себя же взяла заботу о его дочерях — Тусе, — Наталье Сергеевне Соловьевой и Лёле-Оле — Ольге Сергеевне Соловьевой.

Пик общения Елены Васильевны с Сергеем Николаевичем Дурылиным приходится на его ссылку в Томск (в это время он был для нее непререкаемым авторитетом и почти каждую свою фразу она начинала словами: «Сергей Николаевич считает...»). В письмах она, тридцатипятилетняя женщина, ласково называет его «мой сын». До сих пор из книг библиотеки моей бабушки, когда ты этого меньше всего ожидаешь, например, из томика Франциска Ассизского, выскакивают какие-то заметки, стихотворения Сергея Николаевича. Иногда у них оторваны концы. Многие, как я полагаю, не сохранились, потому что были уничтожены самой бабушкой. Впрочем, точно я это знать не могу, как не знаю до конца историю посвященного бабушке коктейльного стихотворения Сергея Соловьева, — которого Дурылин называл своим — «*alter ego*». Бабушка была очень привлекательной женщиной, что видно по ее портретам, и по некоторым замечаниям можно предположить, что за ней ухаживали, каждый на свой лад, и два Сергея, и Макс Волошин, и возможно еще кто-то, кто существовал только в —ее памяти...

Когда в конце 70-х годов я впервые оказалась в Коктебеле и попросила взглянуть на дом Максимилиана Волошина, который стоял на ремонте, мне ответили, что тогдашний смотритель, Владимир Купченко, опасаясь слишком любопытных глаз и рук, никого в него не допускает, даже членов Союза писателей СССР. Тем не менее, я —решила рискнуть. И когда отвечас на вопрос: «А кто

вы будете?» произнесла свою фамилию, хранитель волошинского очага, до этого момента суровый и неприступный, сразу смягчился и сказал: «для Вас дом всегда открыт, я встречаю имя Вашей бабушки повсюду». Бродя по дому, я с удивлением отмечала, насколько он похож — в вещах, в сделанных наскоро деревянных столах и топчанах, в книгах, портретах — на дом моего детства на 43-м километре. Постепенно приходило осознание некоего не географического, а метафизического единства дома Волошина, дома на 43-ем, дома в Болшево, избушки матушки Марии. Каждый существовал в географически отдельной точке, но все они объединились в один большой Дом Духа, которому, по большому счету, не были подвластны исторические катаклизмы.

Тот, первородный Коктебель, —явился не только точкой скрещения всех судеб участников этой человеческой драмы. В счастливую пору своей молодости, когда жизнь еще предлагала мечты и надежды, все они побывали там, как в раю, и отблеск этой жизни сопровождал их на протяжении всех лет, где бы они ни оказывались. Коктебель Максимилиана Волошина оказался реализацией той жизни, которую они хотели бы видеть в каждом из своих «углов» и позднее они выстраивали их по его модели.

О феномене волошинского дома написаны тома, которые могли бы составить целую библиотеку, и вряд ли здесь можно сказать что-то особо оригинальное. Общеизвестно, что это была интеллектуальная община, что там бывали все представители Серебряного века, что это особое место, которое получило название «Кимерия», что личность Волошина со временем приобретает все больший и больший масштаб, вырастая в европейскую или даже мировую фигуру гуманизма и толерантности. Но, наверное, суть в другом. Дом, открытый всем, не только ветрам, но и каждому входящему, будь он белый или красный, был прообразом той глубинной внутренней эмиграции, о которой, как кажется, еще совсем мало написано. Ведь никто никуда не уезжал, даже Волошин не оказался на философском пароходе. Николай Николаевич Гениев был профессором крупнейшего института в стране Советов, Дурылин в конце своей жизни стал признанным советским литературоведом и искусствоведом, что нередко вызывало иронические улыбочки интеллигентствующих знакомых. Михаил Васильевич Нестеров, еще один гость Коктебеля —и —43-го километра, художник по сути своей глубоко религиозный — писал портреты советских людей. Моего деда отпевал дома священник о. Николай Голубцов, тот, кто крестил Светлану Аллилуеву, а хоронили его на Немецком кладбище со всеми воинскими почестями, с почетным караулом, отчего я, привыкшая к таинству церковного обряда, просто заболела. Но это была лишь

поверхностная жизнь. Ее легко можно было разрушить, отправив Дурылина в ссылку, а Николая Николаевича по любой прихоти Сталина в ГУЛАГ как человека «не того происхождения». Но истинная жизнь была внутри, скрытая от чужих глаз, которую даже непосредственный участник, я, пятилетняя, не могла до конца распознать. И в этом была ее охранная грамота.

Я узнала, что Елена Владимировна Вержбловская была бессменной машинисткой о. Александра —Меня только в годы перестройки, да и то из какого-то случайного разговора на кухне, где я соединила одно с другим. Трагическую историю о. Сергия Соловьева, перешедшего в католичество, чудом избежавшего сталинского ГУЛАГа и —закончившего свою жизнь в сумасшедшем доме в Казани, тоже никто не обсуждал за столом, где часто соединялись его дочери. Как, впрочем, никто не обсуждал и гибель мужа моей тети Леночки — Игоря Романовича. Об этой гибели я смутно догадалась из одного ночного разговора, когда, неожиданно проснувшись, услышала взволнованный шепот Елены Владимировны Вержбловской о том, как, приехав в Рыбинск, где Романович был в лагере, она узнала, что он умер от голода и похоронен в общей могиле. В доме обсуждали погоду, воспитывали детей, слушали музыку, читали книги, занимались огородами, ходили друг к другу в гости, молились, не выставляя молитву на общее обозрение, хотя перед трапезой всегда читали «Отче наш», причем по-русски и по латыни, потому что в этом странноприимном доме, как мне казалось, просто ниоткуда появилась немка-католичка Вера Оскаровна. Кто она была, я до сих пор не знаю, то ли перемещенная немка из Поволжья, то ли освобожденный из лагеря «нежелательный элемент». Но пути-дороги привели ее на 43-й километр сначала в семью Ефимовых, а потом в наш странноприимный дом. Но не только Вера Оскаровна нашла приют под сводами этого деревенского дома. Здесь отдыхал летом будущий патриарх Пимен, друживший с моей бабушкой, а для меня — наперник игры в прятки. К тому же он был пациентом моей мамы — у него была профессиональная болезнь — трофические язвы от долгого стояния на коленях. И таких судеб перед моим мысленным взором проходят десятки.

Для меня Елена Васильевна была моей бабушкой, подругой, наставником, учителем, человеком, сумевшим передать мне важность ответственности веры, умение общаться, разговаривать с людьми, выше тебя по социальному статусу, и с теми, кто ниже тебя. Она была одной из первых читательниц «Сына человеческого» о. Александра Меня, который в ту пору, когда был еще Аликом Менем, жадно глотал книги из богатейшей библиотеки Елены Васильевны. Для людей, которых прибывало к этому дому,

она была часто последним пристанищем. Не знаю, какому числу людей она смогла помочь, но, может быть, именно поэтому она так чтит доктора Гааза и всегда, когда мы бывали на нашей семейной могиле на Немецком кладбище, подводила меня к месту его упокоения и говорила: «Здесь покоится святой».

Для Сергея Николаевича Дурылина она была бесценным даром, посланным ему небесами, а для Сергея Михайловича Соловьева — ангелом-хранителем.

Собираясь в церковь в Москве, уже будучи очень пожилой, она готовила поминальные записочки. Первыми стояли два отца Сергия, Николай Николаевич и все те, кого она пережила за свою долгую жизнь. Она умерла 6 февраля —1979 года, в день иконы «Утоли мои печали»... в возрасте 87 лет, и ее смерть снова вернула меня в тот главный дом ее жизни. Она сломала шейку бедра, оперировать ее было невозможно, она оказалась в больнице, хотя всем казалось, что она умрет в своем кресле в окружении ее главных друзей — книг. Последние дни она вернулась к языку своего детства — французскому, и на нем говорила с санитарками и сестрами. Степень взаимопонимания была приближена к нулю, хотя не совсем. Как-то, придя покормить —ее, я застала старшую сестру с русско-французским разговорником в руках. Но и это был еще не предел моему удивлению. Я понимала, что она умирает, и знала, что самое главное и для нее и для меня — ее причастить. Но как это можно было сделать в условиях советской больницы в те годы? За один приход священника в больницу он мог лишиться сана навсегда. Но, тем не менее, нашелся такой смельчак, которому она когда-то очень помогла. Думаю, что боялся и он, и я, но во время чина соборования казалось, что больница вымерла: все погрузилось в какой-то сон, никто не ходил по коридорам, никто не стонал, и бабушка вдруг очнулась и начала говорить по-русски. Когда этот смертельный номер с причастием завершился, я проводила священника в гардероб, —вернулась в палату и начала что-то делать около бабушки. И вдруг услышала то, что никак не рассчитывала услышать от человека, путающего явь с не-явью: «Когда я умру и, не спорь со мной, это будет очень скоро, я буду просить Бога, чтобы тебе было хорошо. Я все вижу».

Я думала, что она бредит, и поэтому спросила: «Бабушка, а где ты?». И она, с трудом приподнявшись на больничных подушках, как-то по-ахматовски величественно сказала: «Разве ты не видишь? Я в церкви. Кругом иконы». А дальше перешла снова на французский и говорила с дорогим Сержем, и кто это был из двух отцов, я сказать не могу, но твердо знаю, они вдвоем ее встречали. ■ ■ ■

Дурылин С.Н., Нестеров М.В., Комиссарова-Дурылина И.А., проф. Виноградов. 1940 г.

1. Письмо Е.В.Гениевой С.Н.Дурылину [середина декабря 1925 г. Москва].

Дорогой Сергей Николаевич, ещё из школьных учебников я помню, что Шиллер написал стихи на учение Канта, где говорится, что заслуга только в том добре, которое делается насильно, против желания. Следовательно, во всём, что я делаю для Вас, нет никакой заслуги. Для меня это такое удовольствие.

Я, может быть, очень глупо выражу мою мысль, но за всю мою жизнь я всегда встречала людей, которые были и умнее, и лучше меня, но всегда были «моложе», к ним бы я не могла бы ни за что пойти с моим горем. Только мамочка, Евг[ения] Ал[ександровна]¹ и Вы «старше» меня. А это очень жутко быть глупым ребёнком среди ещё более юных детей. Не знаю, поймёте ли Вы мои слова, но меня поддерживает сознание, что на свете есть у меня три взрослых друга. Я даже не особенно умею «говорить» со всеми вами и боюсь возможной фальши

слов. Но я слышу неслышный разговор, который только и даёт возможность мне бороться с моей апатией, скукой и тоской.

Я знаю, что всё, что я делаю, пустяки и мелочи в сравнении с тем, что Вы мне даёте, но мне так приятно, что под этими пустяками Вы и Евг[ения] Ал[ександровна] чувствуете мою любовь и благодарность. Я читала и перечитывала Ваши ласковые строчки и радовалась им.

Теперь о делах: я понимаю, что в Орёл ехать надо, но зачем читать лекцию? Неужели её нельзя отложить? Посылаю Вам пока с Юрой 10 руб., а завтра постараюсь зайти, чтоб сговориться насчёт Озаровской. Часов около 12 Вас можно будет застать? Пока всего, всего хорошего. Да хранит Вас Бог.

Ваша Е.Г.

P.S. Теперь я не буду больше бояться при переписывании спутать старую и новую орфографию, ибо уважаемый «maitre» сам изволил написать «болею», но «ответы»!!!

14. Письмо Е.В.Гениевой С.Н.Дурылину от 11.9.[1926 г. Коктебель.]

17. Письмо С.Н.Дурылина Е.В.Гениевой от 6.11.1927 г. Новосибирск. Получено 13.11.1927 г. Москва.

Дорогая Елена Васильевна, милый мой верный друг! Сижу — и разговариваю о Вас, об Эмилии Ивановне¹, о Юрочке, которого все справедливо находят здесь похожим на Вас, — меня угощают пирогом, индейкой, чаем, — и мне кажется, что Вы сами где-то тут поблизости и вот вот придёте заботиться обо мне, говорить со мною... Это так трогательно и так поразительно, что за 3000 в[ёрст], в чужом городе, где ничто мне не родно и не будет родно, я окружён Вашей, именно Вашею живою, действительною заботою обо мне...

Для многих чувств нет меры, нет закона
И прозвищ нет. (Случевский²).

То, что случилось, было суждено. Это ясно. Я не мог, почти физически не мог не ехать и, подъезжая к Москве, я знал, что будет что-то сужденное не моею предвещающею мыслью и ничею вообще мыслью. Ехал я, разрывая сердце от жалости, что еду от Вас, но ехал, взятый, ведомый кем-то. И эта неизбежность чувствовалась во всём, что было и переживалось дальше. Я несколько раз в жизни испытывал, что вот кончается не страница, а глава из книги моей жизни и вопреки всей моей воли начинается новая. Теперь чувствую, что уже не глава, а целая часть (последняя ли, предпоследняя ли — не знаю) этой книги начинается, — а предыдущая закончена. <...>

18. Письмо С.Н.Дурылина Е.В.Гениевой от 15.11.1927 г. Томск. Получено 20.11.1927 г. Москва.

Дорогая Елена Васильевна! Я уже 5-ые сутки здесь, но только сегодня пишу Вам — первой в Москву, т. к. только сегодня удалось найти комнатку на краю города, в еврейской хорошей, кажется, семье, — крошечную, низенькую, но светлую, — за 13 р. в месяц с отоплением. Она потребует ремонту с моей стороны рублей на 12 (надо сделать форточку, починить затвор печки, провести электричество). Пришлось купить элементарно необходимую мебель (стол, 2 табурета и т. п.). Комнатный вопрос здесь тугой. Предметы обихода (мебель) дороги. Еда дешевле Москвы. Придётся кормиться усиленно маслом и т[ак] называемыми «жирами», ибо... я не очень жирен, — и ремонт мой, кроме лекарств и ингаляций, требует, увы,

этих жиров. Пишу Вам только о делах: увы, не думайте, что я стал столь деловит.

Относительно службы — всё печально. Есть здесь университет, но — увы! — только с медицинс[ким] и естеств[енным] факультет[ами]; есть технологич[еский] институт. Всё это не про нас писано. Остаётся музей краевой и университетская библиотека, гораздо более широкая по составу книг, чем университет: история, искусство, литература...

Тут — все надежды: если не поступить туда на службу, то пользоваться ею для занятий. В неё вошла библиотека поэта Жуковского и ряд библиотек по гуманитарным отделам. Жить в Томске — влечёт меня именно 1) надежда заниматься — Гоголем, Достоевским, Лермонтовым, прибавив к ним, м[ожет] б[ыть], Жуковского, надежда продолжить свою научно-литературную работу, и 2) возможность лечиться — а в лечении самом серьёзном я нуждаюсь бесспорно даже с точки зрения официальных¹ медицинских освидетельствований: левое ухо моё почти не слышит, правое ухудшилось. Сердце у меня дрянь, — и вообще за эти 5 месяцев здоровье удряннилось как за 2-3 года. Даже глаза, к удивл[ению] моему, — как сказал мне консультант специалист официальный — нуждаются не только в новых очках, но и в лечении. Лечиться здесь есть у кого: по ушам — два хороших профессора: Зимин и Никольский. Но... но на всё нужны деньги. Вот сколько их нужно приблизительно: 13 р. квартира (комнату придётся искать другую, т. к. только временно можно мириться с духотой и теснотой её), дрова, вода, уголь; если класть на еду на двоих 1 р. 25 к. в день — это 37.50. Дальше — свет (1 р. в месяц), мыло на стирку и проч., проч... Надо ок[оло] 55 р. в месяц (это при домашней готовке, при экономном приобретении провизии на базаре и т. п.). Когда я буду в состоянии зарабатывать здесь 55-60 р. в месяц — я не знаю. Конечно, употреблю для этого все силы, но... найти место на эту сумму, — и, увы! вообще найти место здесь очень трудно. На месяц у меня есть деньги (думаю, хватит и на месячное лечение ушей). Дальше же могут быть два исхода. Так как продавать мне нечего: я гол, как сокол, то: 1) или распрощаться с Томском, с лечением и занятиями и проситься в какое-ниб[удь] село, где, конечно, можно прожить рублей на 25-30, или 2) прямо и открыто сказать Вам и ещё 2-3 близким, что если Вы хотите, чтоб я жил в Томске, то помогите мне на эти — если применят амнистию 1 ½, а не применят, то 2 ½ года. — Вот в чём должна быть помощь: я просил бы, чтобы мне заимобразно высылали рублей 50-55, взяв каждый определённую часть этой суммы. Напр[имер], если б Вы могли посылать рублей 20, я бы попросил у Вас и у Николая Николаевича взаймы

эти 20, скажем, рублей в месяц, регулярных 20 р. Если я получу здесь место, я сейчас же начну выплачивать взятую сумму. Если же до возвращения в Москву я не смогу этого сделать, то я начну выплачивать тотчас по приезде в Москву. Вы знаете, как я это делал: я ежемесячно посылал 25 р. Петру Петровичу и 15 — Марье Владимировне² (=40р.), специально взяв для этого урок, вся плата с [оторо]го шла в уплату этих 40 р. Если б я задолжал Вам и Николаю Николаевичу за 2 1/2 года сумму в 300-350 р., я бы выплатил её в Москве в год. С такую же просьбой я хочу обратиться к Михаилу Вас[ильевичу], к отцу Мурочки, ещё к 1-2 лицам, — просить займы денег, высылаемых помесячно. Напишите мне откровенно, возможно ли это по отношению к Вам и Ник[олаю] Николаевичу? Я не пишу ему об этом, зная, что ему некогда читать, а прошу Вас, выбрав минуту, когда он не занят, передать ему мою просьбу. А Вы напишите мне вполне откровенный ответ. На месяц у меня есть на еду, на лечение и заплачено уже за комнату и дрова вперёд.

Обращаюсь я прямо — и Вы, и Н.Н. приучили меня к этому Вашим общим прекрасным отношением ко мне. Но, если можно, поспешите с ответом.³ Так как у Вас живёт мой alter ego, то посылайте деньги лучше не от себя — а от Эмилии Ивановны, напр[имер], (кстати, напишите мне её адрес — я ей напишу) или от моего брата. Я прошу 20-25 р., думая, что это возможно, но м[ожет] б[ыть], это невозможно, а возможна меньшая сумма.

Завтра я иду к доктору. Сейчас только получили мой багаж — он странствовал 5 суток, и я думал, что остаюсь уже без белья и платья.

Пришлите мне зелёного Тютчева, книжку Фармаковского⁴ «Художеств[енный] идеал демократич[еских] Афин»⁵, мою брошюру «Кандалакшский вавилон»⁶ (она найдётся среди моих книг, а нет — так найдётся у моего брата; нет ли у него же лишнего экз[емпляра] «Олонский край и древнерусс[кая] иконопись»), пришлите мне (всё из моих книг) 4 выпуска «Пушкин в жизни», «Оправдание добра» Вл[адимира] Соловьёва — это всё из моих книг, а сами приложите какие угодно романы и книжки из числа Вами прочтённых (стоящих, на Ваш вкус, прочтения). Сергей Мих[айлович] пусть сжалится над книжнотомным тёмным и пришлёт своего «Прометей»⁷. Моя библиотека — очень велика: в ней есть 1) Пушкин 2) Стихи Лерм[онто]ва 3) Письма Гоголя. Вот и всё. Судите, каким гладом я страдаю! Нет ли у Вас лишнего учебника начальной географии и русской истории? Это для Ирины. Вот сколько поручений!

Напоминаю, что среди моих книг есть академические: «Историч[еский] вест[ник]» в переплёте — 2 тома, «Русс[кая] Ст[арина]» в переплёте — 3 тома: [18]84 г.

(статья о Троицком⁸) и 2-ой половины [18]80-ых гг. (все о Гоголе) — и какая-ниб[удь] соврем[енная] беллетристика без переплёта. Первые надо отдать в Фундамент[альную] библ[иотеку] Академии, 2-ую — в Кабинет революц[ионной] литерат[уры]. Есть ещё переплёт 4-ый — том писем Гоголя — его надо отдать Евг[ению] Ал[ександров]не, а она пусть заставит кого-нибудь из посадских отдать его в библиотеку бывшей Духов[ной] Академии в Посаде (ныне — это отделение Ленинской библиотеки).

Всё это письмо — деловое. Следующее будет иное. Я очень устал, слаб, нездоровится. Ремонт нужен. Поклон Николаю Николаевичу, ребят целую (в след[ующий] раз пишу им — сейчас некогда), привет Эмил[ии] Ив[ановне], Маргар[ите] Вас[ильевне], Марье Вас[ильевне]⁹, Соф[ье] Андр[еевне], Сергею Мих[айловичу] и всем друзьям. А Вам самый, самый тёплый привет. Ваша подпись будет «Е.Г.» Я люблю строгий эпистолярный стиль. Держитесь его. Вот мой адрес: г.Томск, Мало-Кирпичная ул., д.3, кв.2. Мне. Ирина шлёт Вам привет.

19. Письмо Е.В.Гениевой С.Н.Дурылину от [конца ноября 1927 г. Москва.]

О, «дитя души» моей! Насколько 1-ое письмо было радостно и приятно, настолько второе огорчительно. Сквозь деловые строки чувствуется, как тяжко обрушились на Ваши бедные нервы все эти заботы. В утешение и в дополнение Вашей скудной библиотеки спешу Вам отрывок из стихотворения Баратынского:

«О, сын фантазии! ты, благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Весёлый семьянин, привычный гость на пире¹
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинский вид даёт твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою, —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата».

<...> Скоро Вам, наверно, напишут благоприятные известия о Вашей статье о Гоголе. Уже нашлись общие знакомые, которые помогут Вам ориентироваться в новых условиях. Боюсь только, что я задержу несколько присылку книг: их надо выбрать, упаковать, а у меня всё налажено к отъезду в Петербург, и все минутки заняты. Я погощу там дней 10 и, вернувшись, всё сделаю. Спешка мешает даже моей грамотности: я написала было «пору», но спохватилась.

У Юры кончилась 1-ая четверть без единого замечания. Честь не так велика: из 39 учеников 23 неудовлетворительны, а всё-таки приятно.

Все Вам и Ирине кланяются.
Подробнее напишу по возвращении.
Ваша Е.Г.

22. Письмо С.Н.Дурылина Е.В.Гениевой от 11.1.1928 г. Томск. Получено 17.1.1928 г. Москва.

Дорогая Елена Васильевна!

Наконец-то от Вас письма: вчера, 10-го, я получил Ваше письмо, посланное из Москвы ещё 31-го (штемпели: Москва 31/XII — Томск 9/I), а сегодня детские письма с Вашей припиской (от 4.1)¹. Как видите, письма ходят, сколько им вздумается. Посылка же со сладостями и книгами шла больше 2 1/2 недель: её только вчера мы получили. Наконец, третьего дня получили мы перевод в 30 р. от Юры и Лели.

За всё горячо благодарю — и всё чувствую душой, всё, решительно всё.

Нет, Ваш «новый сын» пишет не только «ответы», он пишет и «сам по себе». Я очень беспокоился о Вас, — и думал: что же она делает в Петербурге? и что дети? и что скажет Н.Н.? «Новый сын» любит свою «новую маму» по-старому, — и больше старого, и ему чудилась в её долгом отсутствии из Москвы — некая семейная беда. Слава богу, что это — не так. «Сам по себе» сын писал много. Да, уже два «Своих угла» отстроены, — два! Мало этого Вам? И вот всё это читалось бы «новой мамой»: «новый сын» зазвал бы её в «угол» и там — многое бы ей сказал. Затем... Готова и некая художественная снедь; 3-й угол и 2-ая снедь помаленьку двигается. Приехал черновик воспом[инаний] о Толстом — и принимается «сын» и за «Толстого». Вот только этим он может пока платить маме за заботы!

«Вешаться» и я, как мама, «крайне неспособен». Конечно, было бы великолепно, если бы «мама» с остальными детьми приехала на лето к «новому сыну» — где великолепная река, огромная, с пароходами, тайга, кедр, рыбы, горы и т. д., и т. д., но — это несбыточная мечта! Хотя... хотя... хотя...

Я Вас тормозил? А Вы... меня... «Она нас, а мы её», — как говорил М.Л.Толстой², поедая ананас. И я... я чувствую Ваше торможение даже в Вашем письме, «вялом», как Вы говорите, за 4 000 в[ёрст]! «Неужели... неужели... я — писатель? Я что-то могу? Что-то нашёптываю в душу, что-то ей ворожу, чем-то её мучаю и ласкаю? неужели?» — вот что Вы делаете со мной.

...А ведь это — моя с детства мечта, тут я — я... И никогда почти не удавалось этого делать! Никогда! Знаете ли Вы, что на писательство меня толкали редкие — редкие, но кто? Розанов, Нестеров, Вяч[еслав] Иванов, — а всё остальное, целые глыбы жизни валились на меня и толкали на всё другое, а я знал, что правы были не глыбы. Но иногда — и почти всегда — я сам себе не верю, и робею сесть, робею отнять у суток 2-3 часа на писанье...

Нет, мне надо, чтобы Вы меня читали. Ведь я испытываю временами неистребимую потребность читать Вам своё. Найдите мой рассказ «Хивинка» и прочтите. Видите, вот что может делать Ваша «вялость». Нет, это не то слово. В Вас есть бездна какой-то Вам неведомой и не выраженной вполне действенности; я её ощущаю на себе, ощущаю на других и люблю её. Испытывать трудность при вставании с дивана ещё не значит быть вялой. Вянете Вы от обыденно-текущего, — а это не беда, наоборот, это хорошо: плохо, если бы Вы от этого цвели, как цветут иные. Трудно об этом писать. Но «новый сын» много думает об этом и готов защищать свою мать от нея самой. И в другом ея сыне, а моём брате — в Юре — не вялость: это не то слово, — в нём — твёрдая нежность души, не способной к каменению, к расхожей подвижности обыденного. Его письма всегда действенны, — как и его мамы. «Вялость» — это совсем не то. Часто вялостью мы называем некую целомудренность души, ея свойство быть «недо-трогой» для всего грубого, житейски-назойливого... Без конца бы я мог об этом писать, но мне хочется отправить скорее это письмо, и поэтому перехожу к другому.

Я рад, что Вы были в Петербурге и отибетились. Туманы над Невой чудесны. У нас туманы — это 33 [градуса]. Я их не люблю. Но ясность, ясность неба — это у нас великолепно! Вообще, в природе тут бодрость и сила, Пушкин, а не Достоевский. В «комочке» Вы прочли чудесные книги: Одоевский³ — это именно надо было прочесть в Петербурге. «Шлемиль»⁴ — тоже это петербургская книга. Шкловского⁵ — «Теорию прозы» — я не читал.

Не помню, «отмечал» ли я «Печёрина». Но это — за исключ[ением] частных — почти единственная Гершензонова⁶ книга, к[оторую] я люблю. А знаете ли, что вышли «Письма Гершензона к брату»? С этим надо было поспешить, зато письма Леонтьева, Аксаковых, Толстого лежат неизданы. Читайте все «отметы», если это ск[олько]-нибудь удобочитаемо. Какую «Говоруху»⁷ Вы прочли? Я его очень люблю. Прочтите письма Кохановской⁸. У Евг[ению] Ал[ександров]ны есть мой переплетённый том с ея «автобиографией» — непременно прочтите: это прелесть, прелесть, и никто не читал!

Я переживаю Толстого: записываю, что вспоминается о нём — и это так трогательно! Вот и к нему у меня есть

нежность, и я уже никогда не скажу о нём грубого слова. Сколько в нём неожиданного! Толстовс[кий] музей заказал мне воспоминания о нём. Сяду писать.

Далее идут пункты:

1) «Историч[еский] жанр у передвижников», милая мама, перешлите мне заказным письмом⁹ на Ирину. Прочтите её — и посмотрите, указаны ли там: 1) картины Сурикова и 2) их хронология? Если нет или мало (есть ли «Ермак» его? Это очень нужно!), то в моих вещах из комнаты в одной из папок-тетрадей есть материалы к этой статье: таблички сводные об историч[еских] сюжетах у передвижников. Пришлите мне и их также. Всё это с письмом заказным на Ирину — это не будет много. Затем, напишите, в каком № «Аполлона»¹⁰ Максцова статья о Сурикове? Нет ли у Вас монографии Никольского о Сурикове и каталога Суриковской выставки в Москве в Трет[ьяковской] галл[ерее]? Если б Вы «материалов» не нашли, то в книгах есть переплетённый каталог XV-ой передвиж[ной] выставки — пришлите тогда его. Всё это нужно затем, что из этой статьи я переделаю статью «Сюжет у Сурикова» и, т. к. Суриков — сибиряк, то помещу её в «Сибирских огнях», куда есть ход. А оттуда будет дёньга. Итак, «медлительно спешите».

2) (Труднее). В 1913 г. издавался в Москве ежемес[ячный] литерат[урный] журнал «Путь». Издавал его поэт Ив[ан] Алексеев[ич] Белоусов¹¹. В 9 № (сент[ябрь]) за 1913 г. есть моя статья «Памятки о Толстом». Она мне до зарезу нужна. В Томске её нет. Два пути её достать: 1) зайдите к моему брату: нет ли у него (кажется, нет); если нет, то нет ли в телеф[онной] книжке или во «Всей Москве» адреса Белоусова? он член Общ[ества] люб[ителей] росс[ийской] словес[ности], сотрудник Т[оварищес]тва писателей, у него был домик у Семёновс[кой] заставы, на Благоуше. Снесите с ним — м[ожет] б[ыть], у него

для меня можно купить этот №? 2) Если не удастся, то не может ли добрая моя мама зайти в Румянц[евскую] библиотеку, взять «Путь» и списать эту крошечную статью? Списав же, прислать сюда?

Она, повторяю, в 9 № за 1913 (а если память врёт, то потребуйте для верности и 8-ой №, но год именно 13-ый. Это тоже для хлеба и для души одновременно.

3) Серг[ею] М[ихайловичу] — спасибо.

4) Софье Андр[еевне] — спасибо.

5) «Пушкин в жизни», вспомнил, не у мамы, и его не надо. Вл[адимира] Соловьёва — не надо. Фармаковско-го — не надо. Тютчева и брошюры (2) получил.

6) Жив ли Пётр Петрович?

7) Критика Ваша стихов — отличная. Но — представьте — люблю эти стихи «странною любовью», и даже

дулся когда-то немного на Н.Метнера¹², что он, объявив мне, что напишет на них музыку, не написал.

8) Вот Вам несколько строк из 3-его (по общему счёту 10-го) «Угла».

7.

«Юродство невольное есть лучшая школа добра», — записывает Толстой в дневнике 26/IX 1898 г. Это — старая его мысль: он и раньше уже записывал: «Юродство во Христе, т. е. умышленное представление себя худшим, чем ты есть, есть высшее свойство добродетели» (1893 г.). Как верен здесь Толстой самой сердцевине народного русского христианства! Юродство, — и по православной аскетике, и по народной вере, — есть высшее в подвиге: юродивый стоит на крайнем, — предельном по земной боли и по близости к небу, — острие подвига. И быть юродивым — помысл Толстого: «Если б я был один, — признаётся он, — я был бы юродивым, т. е. не дорожил бы ничем в жизни».

Вот и упрекай его после этого в измене народной вере!

***

Вот Вам кусочек моих дум о Толстом «в своём углу». Это Вам в ответ на то, что у меня «душа... детская, ясная, любящая». Ну, как за эти строки не полюбить Толстого? Я ими был взволнован целый день, и эта запись — моё волнение — моя любовь — и... мои стихи... Да, это для меня стихи, т. е. то же, что стихи: «душа стесняется лирическим волнением»...

***

Письмо хаотично и огромно. (От Вас я жду и почти требую огромных писем, — так Вы и знайте). Макс меня, действительно, любит. Он прислал мне «Иверни»¹³ с вклеенной туда чудесной акварелью, кучу книжек стихов, — и прелестное, но грустное, грустное письмо, писанное при колеблющейся земле, ночью, когда Маруся спала в следах, измученная землетрясением¹⁴.

***

Вот какие вещи мы переживаем: измученная землетрясением!

***

Я без места. Но облачка, сулящие его, как будто начинают собираться.

Я гложу, гложу, гложу на левое ухо! Почти не слышу. 11 сеансов электризации как будто не помогли, но без них (а теперь до 15-го I в клиниках перерыв) ещё хуже, поэтому жду их с надеждой. Ем хорошо и вкусно.

Комната, увы, Юрочка милый (он спрашивал в письме), не меньше, и светлее московской, но ниже её, оттого душно. Будем подыскивать новую, но это не легко.

Ирина шлёт Вам свой привет и благодарит за добрую память. Целую маму. Привет Николаю Николаевичу, Софье Андреевне, Эмили Ивановне, Маргарите Васильевне, Марии Васильевне и няне. Сергея Мих[айловича] целую. Всех поздравляю с Новым годом. Спасибо, милая мама, за всё. — Напишите Капу. Она всё вспоминает Вас — и даже я, бессовестный неписанец, пишу ей. Мама, напишите ей! <...>

24. Письмо Е.В.Гениевой С.Н.Дурылину от 8.2.[1928 г. Москва]

Дорогой Сергей Николаевич, сегодня ночью я видела Вас во сне. Я провожала Вас в Ваше длинное путешествие, и мы говорили, говорили — так, как, наверно, никогда не говорится наяву. А вернувшись сегодня после лекции Коваленской домой, я получила Вашу открытку. По моим расчётам, Вы должны были сегодня получить «Заметки о Толстом» с прибавкой излияний домашней хозяйки.

Как видите, Коваленская до сих пор красит мою жизнь. Сегодня было о Грабаре¹, Малявине² и Кустодиеве³, которых она объединила, ибо все стремятся к радости жизни, к её мощи и «черпают её в том классе, который должен был притти на смену интеллигенции». Очевидно, Брюсовское предчувствие «грядущих гуннов»⁴.

Что ещё произошло за эту неделю? Я записываю конспекты своих дней и вижу, что я их честно заполняю штопкой, уборкой, стряпнёй, хождением по магазинам и по Колиным деловым поручениям и только вечером предаюсь раскладыванию пасьянсов и бесцельным размышлениям. Ещё довольно много разговоров: с мамой, с моим милым другом Мар. Ник., с [Сергеем] М[ихайловичем]⁵, с Катей⁶ и со случайными людьми. Боюсь, что это всё «празднование». **За исключением С.М. Но как трудно с ним беседовать**, привыкнув к Вашей точности и ясности. Мне иной раз (даже теперь после лета) трудно уловить, как причудливо идут его мысли, как они окрашиваются и увлекаются в сторону эмоциями, русскими корнями и Соловьёвскими влияниями. **Доходит до того, что я иной раз защищаю его самого против него самого**. Вчера он читал свою статью о Жуковском, читанную в прошлом году в Академии. Вы знаете главную её мысль. Но кончается всё утверждением, что творчество и смерть были чисто-русские. А мне он не кажется русским. Права ли я? Не знаю, понятно ли я пишу. Всё это было у Е[вгении] Ал[ександровны], и после «Жуковского» одна их знакомая читала стихи, которые «перенесли нас сразу в Коктебель на дамское чтение», по словам С.М.

Но занятно было смотреть на Машу⁷. Она слушает стихи, как пьют со вкусом холодную воду. Тут я поняла, откуда у нея новые рифмы и даже, м[ожет] б[ыть], темы. Наверно, ей Блок недоступен, но как быстро она что-то восприняла через чужие стихи.

Книги: за это время прочла Карлейля «Прежде и теперь»⁸ и пришла в восторг от этой не очень сложной, но необычайно прямодушной и искренней души, которая борется со всяким лицемерием во имя правильных принципов жизни, ощущаемых каждой правильной душой. Я вспомнила своё детство, когда был очень тонок критерий «правильности» и все извилины и сложности казались ухищрениями и искусственностью. С приятностью принялась за чтение «Героев»⁹, и оказалось очень скучно и неумно. Что годится для критики практической жизни, её политических и социальных норм, по-видимому, не приложимо к отдельным человеческим душам. Главной чертой героя он считает «искренность», умение видеть мир в его существе, не заслоняя словами. Если это так, то Вы «герой» в Ваших критических работах. Вот Вам и ответ на вопрос: неужели я писатель? Ваши слова почти всегда полновесны, искренни и говорят то, что было истинного, т. е. то, что мучает, ласкает и волнует душу. Не знаю, каковы будут Ваши романы и можете ли Вы преодолеть Ваше «резонёрство»? Но мне очень хочется это знать и поэтому, когда всё осядет, извольте написать роман. Пожалуйста, окажитесь послушным сыном.

Прочла я и Гершензона, и Ваши отметки совершенно справедливые о «несведённых концах». Но всё же некоторые места меня смущают: там, где Печёрин говорит: «С тех пор я уже более не засыпал... Ах, нет! виноват, грешный человек! Я проспал 20 лучших лет моей жизни... и проспал, и проигрался впух»... «20 лет моей жизни совершенно погибли для умственного развития. Это было своего рода самоубийство». Боюсь, что ответ Вы дадите только устно.

Ещё я читала за это время жизнеописание маленькой Терезы, столь любимое Е[вгенией] Ал[ександровной]. Это очень интересно, хотя и по-французски.

С детьми читаем «Николая Никкльби». Я невольно вспомнила другую историю о не очень умной, но доброй матери и её двух детях, горячо любящих друг друга и ищущих пути в жизни — о семье Раскольниковых. Бедный Карлейль совсем бы сбился с ней с толку.

Простите мне мои рассуждения. **Они мне самой всегда кажутся преглупыми и недостойными столь умного читателя.** Но чтобы заполнить 12 страниц, **надо честно писать всё, что думалось, одних сведений об Ушанке, пожалуй, не хватит.** Я очень умилилась Вашему

запросу о ней, но ответила заранее в предыдущем письме. Могу добавить только, что пойманная мышь осталась единственной.

Теперь пункты: летние планы Ваши, конечно, неосуществимы. Как бы удивился Ник[олай] Ник[олаевич]. Наверно, я буду жить там, где жила Лид[ия] Ал[ександровна] Воскр[есенская]¹⁰ На это меня подбивает **Анна Петровна Остр[оумова]-Леб[едева]**, с которой мы в премилых отношениях. Если только урегулируется квартирный и питательный вопросы, я буду счастлива прожить с ней лето.

О моём торможении. О! Вас я готова тормозить, ибо знаю, что это нужно. Не только для моих детей, но и для многих детей. Только я смиренно (и глубоко искренно) **не считаю себя достаточно «авторитетной» на это (пожалуйста, не возражайте, п[отому] ч[то] это не фраза, а моё врождённое инстинктивное уважение к «героям».** Но всё же я радуюсь, радуюсь на Вашу фразу о «неистребимой потребности читать мне своё». Иногда мне **казалось, что Вас должна злить моя «вялость ума»** (не возражайте, ибо это несомненно, если даже принять мою «не выраженную действенность», да собственно это то самое, чем я боюсь надоесть Вашему вечно бодрствующему уму). Поручения исполнены почти все. Если что-нибудь забыла, напишите.

Как я **рада, что Вы пишете свои «углы».** У меня в каталоге 2 сборника. Так и должно быть? Я их не послала читать, а между тем это мучительно интересно и, как «Опавшие листья», заставляет думать и чувствовать ("душа стесняется лирическим волнением", и Вы умеете им заразить). Я считаю, что такие книги бессмертны, или, если это слишком сильно, действительны, пока нас не слопают американская культура. То, что Вы записали о Толстом и юродстве — очень хорошо, но, простите мою дерзость, лучше Ваши комментарии, чем цитаты. Что значит «юрродство невольное есть лучшая школа добра?» Правда дальше идёт юродство умышленное, но я не верю, что Толстой о нём серьёзно мечтал, «не дорожил бы ничем»¹¹ в жизни». Но спасибо и за мимолётную мечту. С.М. не понимает и не любит юродства.

Макс Вас любит, опять повторяю, за то, что Вы его любите. Это иная практическая заслуга Вашей жизни. Это тоже дерзко, но мне кажется, что **за последнее время эта практическая работа была заброшена, и здесь, воистину с материнской болью и участием я желаю, чтоб вынужденное отсутствие дало Вам возможность умиротворить свою милую, ясную душу.** Простите, мой дорогой, что я смею об этом писать, но это от любви, и только такая награда должна быть за пережитые Вами годы и наваленные на Вас «глыбы». Я рада, что (не знаю, писала ли я Вам это выражение из романа некоего Леона

Острова¹²) «местечко всё не подворачивалось». Пусть оно не подворачивается подольше, чтоб Вы могли работать. Как мне жалко, что мы бросили гомеопатию. Гретин младенец¹³ болел 2 месяца, и гомеопат излечил его в 3 дня. Тибет, гомеопатия, куда идёт наша семья!

Теперь о моих: мама и Соня бодро несут свои кресты, Грета изнемогает под бременем малюткиных болезней, безденежья и уроков, но не падает. Капу я написала **и, м[ожет] б[ыть], в воскресенье к ней пойду.** Она меня незаслуженно зовёт «солнышком», а она сама **милое солнышко.** Ю-ю — моё сокровище. Видно я не **избегну участи матерей — слишком любить сыновей, до потери здравого смысла.** Он учится усердно, «принципиально» занимается французским. Рисует много, но не с Ник[олаем] Серг[еевичем], т. к. воскресенье заполняются лыжами. Он тоже целомудренно «помалкивает», но как мне тепло и понятно его молчание. С Лелей мы говорим, но плохо понимаем друг друга. Она ведёт, по моему, инстинктивную борьбу с властью Евг[ени] Ал[ександровны] и остаётся победительницей, всё то же «сама по себе». Лучше всего она ночью, когда подойдёшь подоткнуть ей одеяло, а она в полусне начинает бормотать ласковые слова, обнимать и целовать. При этой эгоцентрической самости, она очень строга и безжалостно осудила «Наташку Ростову» за её флирт с Анатолом (С.М. летом читал Лелям отрывки из «Войны и мира» и сам, увлекаясь как дитя, читал то, что и не надо, пожалуй). Ну, вот мои 12 страниц исписаны. Как всё-таки, несмотря на боязнь оказаться глупой и назойливой, приятно так писать!

Книг я не покупала, что-то ни к какой не лежит сердце. Хочется только об искусстве, но это дорого...

Целую Вас и Ирину. Лечитесь, ешьте, «осаживайте мать» и пишите. Вот ещё выражение не из Леона Острова, а подслушанное: «пишите и с мелким почерком».

Ваша Е.Г.

же Вы не помните, что в течение 2 1/2 лет мы делились или трижды в неделю, или жили под одной кровлей? Я не могу, не хочу думать, что Вы и будете молчать! Откликнитесь! И Юра не пишет, и Леля. Милый и добрый друг! Я жду Вашего письма. ЖДУ, ЖДУ, ЖДУ, ЖДУ, ЖДУ!!! Привет Николаю Николаевичу.

Новый адрес мой: Никитинская ул. д.62, кв.1.

70. Письмо С.Н.Дурылина Е.В.Гениевой от 26.3.[1929] г. Томск. Получено 1.4.1929 г. Москва.

26.III. Дорогая Елена Васильевна!

Вчера поставил последнюю точку в книге «Художники живого слова». 3 недели, не разгибаясь, [работал]¹

над нею. Вышло это так. Н.Л.Бродский² — помните, тот, который на докладе моём «Художники живого слова на сцене» мне возражал? — прислал мне предложение, [пристроить]¹ эту книгу в одно из издательств в Москве, при условии спешно её выслать. И вот я засел за Гоголя, Горбунова³ и Садовских; Гоголя написал заново, найдя отличный материал в его письмах, сочинениях и др., получилось целое исследование; Горбунова дополнил позднейшими своими записями, а Садовских — и позднейшими, и наипозднейшими, т. е. сделанными от 2 актёров здешнего театра — Воронова⁴ (он бывший актёр Худож[ественного] т[еатра], когда-то изумительный Смердяков) и Градовского⁵ (ученика Н.К.Яковлева⁶ из Малого театра). Затем всё это я переписал. Получилось 178 листов, т. е. около 10 печатных = 160 страниц печатных. Всё это вчера «открытым письмом с объявл[енной] ценностью» поехал к Бродскому. Устал я ужасно; к тому же, пока я писал, Ирина бегала по городу и собирала по листу писчую бумагу. Теперь у меня нет ни листа. В городе уже 3 недели как писчей бумаги нет. Что выйдет из благонамерения огуттенбергить «Художников» не знаю; верю мало, что это удастся, но — feci quod potui⁷. До «Художников» такая же спешка с корректурой моей статьи о Достоевском ("Об одном символе у Д[остоевского]"). Я её переделал заново, — т. е. в ведёрко дёгтя, где всё-таки была ложка мёду, я подбавил ещё⁸ дёгтю. Но сделал и это — и отослал, не питая и 1/100 надежды, что статья (да и сборник) увидит свет. Во время переписки пришлось работать и над «содой», иначе выходило так, что 60 листов этой соды оказывалось втуне написанными, т. к. содоведец мой изменил свой содовый план и требовал, чтоб и я переделал эти 60 лл. Что я получу за это, — пока на воде вилами писано, и притом на воде реки Амазонки. Однако и это я сделал. Сверх того, написал начерно статью о Тютчеве для 2 «Мур[ановского] сборника». (Неужели, неужели летом Вы не будете в Мураново? Ах, будьте столь удобосклоняемы, что склонитесь на мой совет и опять поезжайте туда же. Юрочка меня поддержит; думаю, и Леля также. А Фёдор Иванович уже теперь мечтает, что Вы будете там).

Ну, вот видите, — отчего я пишу столь мерзким почерком. Рука не повинуется. К тому же электричество не действует, а лампа еле горит, но хочется, хочется Вам писать.

Я получил и «Чехова и Левитана», и «Гарш[ина] и Успенского», и «Артёма». Спасибо. Теперь за Вами билет. Не откладывайте этого дела, — ой, не откладывайте. Делается это механически: вносятся деньги (5 р.), и секретарь (или казначей, или некто, их заменяющий) на задке билета автоматически продолжает дату билета.

Затем, Мария Владимиров[на]. Из Орла уже не пишут. (Всё-таки не посылайте, не сделайте, что хотели). Статьи Петра Петровича печатные были у меня в письменном столе: это — вырезки его газетных статей о Лермонтове. Если Вы их найдёте, отдайте, конечно. Но успокойте меня: отдали Вы ему эпистолярные сочинения Валерия Яковлевича Брюсова, а не автора «Легенды» и «Художников»? Эти — не⁹ его, (вернее, на 1/2 его, пока я не отдал всех денег за них). Их не отдавайте во всяком случае.

Макс прислал отчаянное письмо. У него там процесса из-за собак, столь же основательных, как и первый — и Маруся в отчаянии отравила стрихнином 2 собак, а одну тётя Саша увезла в Харьков — сама же Маруся мучится теперь укорами совести.

¹⁰ В Коктебеле было 30 [градусов] морозу. Азовское море промерзло до дна. Макс утешается тем, что с Рожд[ества] Хр[истова] было 2 случая, что и Чёрное море замерзло сплошь.

Стихи Вам посылаются. Они были написаны, как только я получил Ваше письмо большое.

«Недра» спрашивал, — и пока не достал. Прочту непременно.

Шарады были у Вас отличные.

Болели вы все так же отлично. С переездом на эту квартиру мы здоровеньки. Но вы пребывайте здоровы, оставаясь на старой квартире.

Кошка не только перешла с нами жить, но принесла нам первых котят, и как только родила у печки первенского, так тотчас принесла мне его на постель. Сегодня Ир[ина] достала для них ящик, сшила перинку — и говорит, глядя на нежащуюся Мурку с 3 котятками: «Где это видано, чтобы кошки спали на перинах?»

В ГАХН'е плохи дела¹¹. Я получил письмо от Гудзия.

А что, так Шибанов и не достал Вам Головни?

Сашенька прислал мне очаровательное письмо.

Скоро засяду ещё за Гоголя и мечтаю засесть за повесть, остановившуюся с сентября! А прочли ли Вы роман в 4 частях «В своём углу»? Напишите хоть в 2 словах о нём. Единственный читатель — Вы, коему я верю, и мне хочется слышать от Вас хоть несколько слов о нём. Это письмо — малое. Сочтите «Угол» за письмо, Вам одной¹² посланное, — и ответь[те] на него.

Я знаю и горячо ценю, что Ваше отношение ко мне — золотое, кованное, червонного золота. Какая это мне радость, утешение, — и, главное, опора!

Я на днях (вчера) смотрел долго на фотографию Юры и рисунок с него Николая Сергеевича — и горько жалел, что я вдали от Вас и от него. Горько! Удивительное это чувство — ¹³ локтя, который и близок, да не укусишь. Скажите ему это как-нибудь.

А Чичиков? ужели он не поедет за «мёртвыми душами»? А Маниловы его ждут, а Коробочки готовят ему яства.

На Николая Н[иколаевича] очень не наседайте с водоискателями! Не к спеху. При случае, посмотрите сами в какой-нибудь немецкой «истории водоснабжения». У немцев, наверное, есть.

Кланяйтесь Николаю Николаевичу сердечно и благодарно. Это моё искреннее чувство к нему.

Лёлю прошу меня сердечно же простить, что сегодня отвечаю не на её чудесное письмецо, а на Сашуркино, которое я только что получил: пусть уступит перед Сашенькой, как уступала всегда игрушки.

Юру горячо целую — и, если не Чичиков, то поддерживаю Мураново. Коля Мурановский прислал мне 4 выпуска книжек его «Орнитологическ[ой] серии»: чудесные очерки птиц, с рисунками. Фёдор Иванович мне прислал благодарное и грустное, грустное письмо, в коем пишет, что живёт только потому, что не «умирается». И тут же ласковое воспоминание о Вас. Вот и поезжайте в Мураново, и я буду за Вас покоен, и Юру втяните ещё в птиц, 20-е годы, парки, оранжерею Баратынского. А Лёля и Оля Пигарёва: была ли у них какая-нибудь связь?

Я здоров. Лечусь «гомео».

Хлеб есть, — и пока продаётся обычным путём. На базаре есть мука, но дорожает. Нет вовсе бумаги. Это для меня беда. Я ведь на «Художников» извёл всё, что было и ещё занимал («Художники» — это 178 листов).

Кланяйтесь всем знаемым: Ник[олаю] Ник[олаевичу], Соф[ье] Андр[еевне], маме, тётям, Серг[ею] Мих[айловичу], Катерине Мих[айловне], всем.

Лелю и Юру целую. Здоров ли он теперь? Ирина Вам кланяется. У нас повеяло было весною, но зима свеяла это веяние, идёт снег, мороз, буран.

Целую Вас крепко.

Храни Вас бог.

Максу напишите!

Капу навестите!

85. Письмо С.Н.Дурылина Е.В.Гениевой от 15.7.1929 г. Томск. Получено 19.7.1929 г. Мураново.

15.н/с.VII.

Дорогая Елена Васильевна!

Получил Ваше большое письмо.

Перед тем я перечитывал переписку гр[афини] А.А.Толстой¹ с Л.Н.Толстым (**знаете ли Вы эту чудесную книгу?**)² — и выписал оттуда несколько ея слов: «Разлука не пропасть, а стена или гора, которая с каждым днём становится выше, и переступить её нет сил, ни времени».

Какие горькие и справедливые слова! Но, получив Ваше письмо, я поправляю, или, вернее, продолжаю её: «но каждое письмо — (такое, как я получил от Вас) — как заступом скапывает эту гору на несколько аршин, и с каждым письмом гора становится всё меньше и меньше», — и остаётся... «гора хоть не гора, но, право, будет с дом!» А я и этого не хочу, чтобы была «с дом». Копайте же, копайте гору Вашими письмами! не давайте ей расти!

Это предисловие. А далее следуют пункты.

1) Вы необыкновенно утешили меня разбором моей статьи. Ни от кого я не получаю разборов; похвалы — получаю, но чтобы **побранить**, да разобрать — этого нет, увы! А я, писатель без читателя, особо в этом нуждаюсь. Ваш «разбор» — второй; первый, гораздо кратче, был прислан Николаем Ивановичем. Он сходен с Вашим в оценке, а так как Вы с ним — люди разные, то начинаю уже думать, что и вправду мне что-то удалось в этой работе. Обдумывалась она год, материалы копилась также год, — а написалось быстро, но её надо отдать ещё в шлифовку. Вы меня ужасно тронули выпискою разных моих словес. Одно принимаю без оговорки: это — не «словеса лукавствия». Вы правы: то, что мне не мило, а постыло, о том я писать вовсе не могу, и если б принялся писать, просто ничего бы не вышло. Это — не заслуга, это — просто свойство, — и, **может быть, даже недостаток**. Я начал осенью **повесть**. Она замерла на конце 2 части. Теперь её перечёл — и подумал: какие у меня все хорошие люди! а ведь на свете есть и плохие, и даже отвратительные! Писатель **должен, кажется, давать и отвратительных**, но я не **могу**. Остаётся, значит, выбирать темы, где отвратительным просто нет и места, где уклад жизни, напев жизненный умирят и разотвращают отвратительное. Теперь у меня лежит материал для ещё одной статьи о Вяземском. Я нашёл здесь цензурный экземпляр его сочинений: с вырезанной цензором страницей его резкого и негодующего отзыва о предателе Шервуде³. Во вторник надеюсь сесть за эту статью. **Посоветуйте, не приделывать ли к статье о Смирновой заглавие: «История одного мадригала»?** или оставить прежнее, простенькое?

2) А читали ли Вы другую мою статью, ранее написанную в «Мур[ановский] сб[орник]» — «Загадочное стихотворение Тютчева»?

3) «Очень даже хорошо», что Юра уподобляется А.А.Виноградовой, и что лук со стрелами ему дорожке Пушкина. Это хорошая примета. Всякому овощу своё время, — это во-первых. А во-вторых... во-вторых вот что. Однажды Л.Н.Толстому дали почитать ультрамистическую книгу одного автора. Книга была в духе Мережковского.

«— А сколько ему лет? — спросил Л.Н.

— Мне говорили, что он студент.

— Ну, тогда что же говорить... — и прибавил, — Если мальчик ходит по скверным местам и кутит, то больше шансов, что он выберется, чем если он берётся рассуждать о боге — да как рассуждать!»

Это сказано нарочито грубо и резко, — но вдумайтесь в эти нарочито-грубые слова: сколько в них правды истинной! Что хочет сказать Толстой? По себе судя, он знает, что у того, кутящего по законам беспутной юности, в душе, наверное, есть тоска, отвращение к себе, тяга к богу бессловесная и, м[ожет] б[ыть], даже и таимая, — и он и сам не знает, как близок, м[ожет] б[ыть], его возврат из «страны далече» — в «дом отчий». А у второго, с Мережковским, «разыгранным перстами робких, — нет, не робких, а самоуверенных учениц», — у второго, при внешней чистоте, живой источник — потребитель веры и прощение божие — основа религии — подменён давно уже рассуждательством, сухим сочинительством о религии: никогда ему не знать ея силы, свежести, единственности!

То же, переведа, разумеется, в ярус пониже, — и с искусством, и с культурой. «Лук» и тут надёжнее, чем рассуждательство о Пушкине в 14 лет: лишь бы оставалась в душе способность драгоценная:

«Над вымыслом слезою обольюсь»!

А у Юры она есть, — и не относительно живописи только, но и поэзии, и музыки. Да, Вы правы, в молодости надо теплиться и гореть, а не сгорать, оставляя на старость только пепел, — человек — не «неопалимая купина», которая могла сгорать, не сгорая — всяк человек купина опалимая, — и даже испепеляемая. И пусть горенье распределится правильнее — пусть его хватит на всю жизнь, а пепел пусть будет просыпан лишь в могилу.

А Вы — Феникс. Я не шучу. Ваши письма молодые, — и сами Вы помолодели. Пословица «40 лет — бабий век» сложена для тех, чей бабий век начался ещё в 12, в 14 лет, — для баб она сложена (я ведь всегда говорил, что есть «вечно-женственное», есть «вечно-женское» и есть «вечно-бабье»), а Вы «бабьего» ничего не приобрели и никогда не приобретёте.

4) Задача Лёли — перевести «вечно-женское» в «вечно-женственное», и, возможно, что это «вечно-женственное» вместится для нея в «вечно-материнское». Вы правы, ея век тогда только, должно быть, и начнётся, «когда она станет женой и матерью».

5) А кто это — «Юсь»? Это — не «Юра», так как военные действия произошли одновременно, и Юра вёл наступление на Лелю, — а «Юсь» — на Лёлю-Олю. Кто же это?

6) Я очень обрадовался, что С[ергей] М[ихайлович] около Вас и его чады⁴ — особенно радостно, что и с Наташей. Что же это значит? что Наташа и Оля останутся навсегда с ним? Из его письма я понял (или не понял), что это как будто так и будет. Как же, где же и чем же он будет с ними жить? Но что они с ним — это добро зело.

7) Предприятие редактора «Урании» и мне кажется Гофмановской фантастикой, но будем готовиться к нему. Я намечаю на зиму: написать всё, что можно здесь написать, и набрать материал, какой можно здесь набрать, — а там, уж как распорядятся судьбы. *Nabent sua fata libelli*⁵. Тут это справедливо втройне. Я знаю, что подобно Вашей маме (коей — привет!), романы не нравятся многим. **Я спрашиваю иногда себя: отчего это? слишком ли это ново?**⁶ и, значит, **слишком ярко и непривычно?** или, наоборот, у меня тут не видят чего-то глаза, и, м[ожет] б[ыть], это и не ново, и не ярко, и всячески неинтересно? **Что бы Вы** выбрали из романов? **Большого** по размерам нельзя. Я наметил было «Пембе», «Исповедь мужа», «Сфакиот». Что Вы думаете о «Дитя души»? Мне прислали выписку из неизд[анного] дневника Толстого [18]80-ых гг., из коей видно, что Чертков⁷ собирался было издать её в «Посреднике», но дело не состоялось. Толстой прочёл, должно быть, и не одобрил. В последние два года я прочёл много разных воспоминаний, перелистал томы историч[еских] журналов, — и нигде, никакого слова внимания, интереса, вражды современников к этому писателю! Не хвалят, не ругают, не спорят, не соглашаются, даже не упоминают. Просто нет такого писателя. Всё это так поразительно, что я иногда спрашиваю себя: **да уж не обманываемся ли мы все**, покойный Вас[илий] Васил[ьевич], Вы, я, редактор «Урании», — ну, хоть так обманываемся, как обманулись когда-то Жуковский, Вяземский и др., признав Бенедиктова⁸ за поэта? Но читаю вновь, вчитываюсь, — нет! искусство! подлинное и высокое искусство! Вот об этом-то высоком искусстве я и должен рассказать в статье, вернее, указать на него, тщательно отпрепарировав художника — от мыслителя. Дело это труднейшее. Пока нет ещё ответа от Урании-редактора. И всё это дело *entre-pous*⁹. Строго *entre-pous*.

Из Орла нет вестей. Там ещё какой-ниб[удь] гнев. Надо будет писать. Храните квитанцию.

8) «Никола» переправлю. А что Вы скажете о дополнениях к стихотворному Николе? да послал ли я их Вам? Помните, послал, но всё-таки напомните, так ли это.

9) П[антелеймон] И[ванович] написал чудесные вещи, — поистине чудесные. Одна будет посвящена покойному моему коту. На текст Фета «Кот поёт, глаза за-жмурился». Кот, действительно, поёт, а вьюга воеет, а няня,

бедная, укладывает спать мальчика. Вышла не идиллия, а какая-то русская маленькая трагедия, где кот — добрый гений. Великолепны «Три ключа» (Пушкин) — такая строгая правда, мудрая красота — и грусть, грусть... Пусть Софья Андреевна (привет!) споёт Вам 4 вышедших в Гос[ударственном] Изд[ательстве] его вещи: 1) «Адель», 2) «Бессонница» (Тютч[ев]), 3) Стихи Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» и 4) «Дорожная дума» (Вяземский). Последнее — мой выбор. Стоят эти ноты (ор[us] 1) всего 2 р. 25 к. Вы не пожалеете этих денег, а **С[офья] А[ндреевна] не пожалеет**, что уделит время — знаю, как у нея его мало — на то, чтобы выучить эти чудесные вещи.

10) Какой добрый поддерживаете Вы с Николаем Николаевичем обычаем, продолжая украшать свои стены пейзажами. Рад за Вас и за Юру, — и ...за милого моего Михаила Васильевича. Вы, конечно, с ним подружились бы. Вы уже и подружились, раз он читал Вам своё. Этой милости удостоивается редко кто — и уж во всяком случае, не художники и не «знаменитости», а те, кого он сам считает «художником», т. е. понимающим дело и людей. Конечно, Вы правы: «показаны люди, а умный, осторожный и сторонний автор стоит сбоку». Это придаёт книге цельность, яркость, стройность. Некоторые его зарисовки — Стрепетова, Артём, Рябушкин¹⁰ — превосходны. Боюсь только, он умягчит кое-что (напр[имер], Рябушкина). Показать же его мне трудно. Я написал уже том о его Радонежском цикле и «Димитрии». У меня есть том выписок из его писем. Но надобно время, чтобы говорить о нём так, как бы хотелось, и многое другое надобно. И опять Вы правы: «Омуты» и «заводы», а не только тихие плёсы есть в его пейзажах, и не только пейзажах. Волжские его картины — не то, что Радонеж. Видели ли Вы его чудесную вещь «Соловей поёт»? Это опять не Радонеж. «Димитрия» я ставлю высоко, но в нём глубокая жуть, в нём «тот свет». Легко ли дать «тот свет»? Когда-нибудь Вы пообъясните мне, за что он меня любит. Я его очень люблю, и очень грущу, что он пишет теперь редко, — конечно, не потому, что не любит или не хочет писать.

С Катериной Петровной у меня особая статья, — и мы сходимся с нею на особой — независимой от ея мужа и его гения — тропе: оттого отношения наши так сердечны и так крепко-дружественны. **(Когда будете в Москве, посмотрите в моём экземпляре «С.Соболевский. Экспромты и эпиграммы»¹¹ — его стихи, посвящённые Смирновой-Россет, выпишите их все с примечан[иями] и пришлите мне).**

11) Шереметева («Отклики рассказов Горбунова»), помнится, я у Вас просил. Ну, да дело

поправимое. Корректуры ещё нет — и Вы пришлёте его вовремя¹².

12) А.А.Виноградова — лучшая из родственниц. Берите пример с нея. Как заботливо она следит за жизнью и жизненными потребностями родственников, и крепка она не только задним умом, но и передним, и, главное, крепка сердцем — и умным, и глупым, и всяким сердцем. Пусть она так это и знает. Передайте ей это от меня.

13) А я жду отзыва о «В своём углу». Этот роман мне очень близок, очень крбвен по содержанию. Что Вы о нём скажете? Очень ли глуп, жалок и измучен его герой? не подкрасил ли его автор? какие перемены нашли Вы в этом герое этого романа сравнительно с тем, что он был в предыдущих 2-3 романах? После этого вышла ещё только одна полная часть романа, следующая же часть застряла на первых¹³ главах, и бог весть, пойдёт ли дальше. Автор что-то обездарился совсем. Взял аванс, видно, под роман, — пропил аванс, — и ничего не написал. И так, жду отзыва и о герое, и об авторе, — и отзыва сурового.

14) Просьба Вяземского «опровергать слухи, распространяемые недругами Пушкина» глубоко действительна, согласен. А вот Вам ещё действительнее слово самого Пушкина. «А.С.Норов¹⁴ встретился с ним (Пуш[киным]) за год до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина В.И.Туманский¹⁵. Он обратился к поэту и сказал ему: «Знаешь ли, А.С., кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжёг твою рукописную поэму» — «Нет, — сказал Пушк[ин], — я этого не знал, а узнав, теперь вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такою гадостью, как моя неизданная поэма («Гаврилада»), настоящий мой враг» («Разговоры Пушкина», стр.116). Здорово? Какой великолепный эпиграф к «Гавриладе» и к сотне книг о Пушкине, — напр[имер], к «Дневнику Вульфа»¹⁶ — Вяземского прочтите всего — обогадитесь. Особенно — **томы VII, VIII, IX, X**. Прочтите и стихи, и «Фон-Визина».

15) Конечно, Иринины письма всегда полнее и точнее моих. Ей приходится сейчас труднёненько. (Тут перерыв: сегодня воскресенье. Зовут пить какао, привезённое Капу, с кренделями, испечёнными Ириной. Перерыв неизбежен).

Коля не ест того, другого, третьего — ни рыбы, ни печёнки, ни каши, ни яичницы (точный список!). Юноша, приехавший с П.И. (теперь они 2-ую неделю на Алтае), не ест того, другого, третьего, пятого, десятого. Надо всех накормить. Надо на всех напасти сахару (все приехали без сахара), а у нас дают по 800 гр[амм] на месяц на человека. Надо установить хозяйственную и

всяческую дисциплину. Надо ловить продукты в «КОО» и на базаре. Надо... без конца эти «надо!» (И оттого деньги А.А.Виноградов[ой] особенно были нужны!). От этого она Вам и не пишет. Вдобавок, Коля внезапно заболел, испугав нас смертельно: 41 [градус], адская боль в животе — я побежал за хирургом — профессором. К счастью, он тотчас пришёл со мою же. Оказалось, что Коля тайно наелся мороженого и искупался там, где не нужно, т. е. на пристани пароходной. Профессор его поправил. Ирина уже болела — и теперь слаба. — Обо всём этом Вы ни слова Капу. Это — Вам только сообщается. Я с завтраш[него] дня начинаю йод с глицерином, ибо очень плохо слышу и на правое ухо, на левое же не слышу вовсе. Ирина утешает меня утешением Богаевского, который оглох от гриппа: «По крайней мере, хорошо: глупостей и пошлостей не слышу».

16) Вы знаете, что у Постникова остались мои вещи (мебель) и остатки книг — из тех, кои он не нашёл нужным присоединить к своей библиотеке. Недавно, через второе лицо, я получил известие, что П[остников] осенью переезжает на другую квартиру и просит меня распорядиться вещами. Я писал об этом брату. Он, к сожалению, на даче. Из этих вещей мне дороги и нужны для души только две, — но действительно дороги и нужны, — отчего, Вы поймёте, как только я назову эти вещи. 1) Это мамина «божница», т. е. Орехового¹⁷ дерева угольник на 9 образов. Она ставится удобно в угол, срезывая его, и может служить, как книжный шкаф. 2) Это — семейный «Деисус». Это 3 больших иконы древнего письма (к сожал[ению], поновленного), в киотах, расположенных так, что они удобно помещаются в угол, но при этом киоты могут один от другого отделяться и можно, если не вешать на стену, иконы сложить (в киотах же) одна на другую¹⁸. Я просил брата и ещё одного юношу **К.К.Федяевского** (младшего¹⁹: **Уланский, 5, 5**) перевезти эти вещи от Постникова к брату, взяв оттуда и что можно из книг. Но держать эти вещи у брата негде: комната его тесна, забита вещами, и живут они в ней трое. Поэтому прошу Вас оказать гостеприимство этим вещам. Вы меня этим утешите и успокоите. «Образницу» Вы наполните книгами: в нижний шкафчик, с глухими²⁰ дверцами, и в верхний, с зеркал[ьным] стеклом, положится немало книг. Иконы же можно спрятать, обвязав рогожкой: они в прочных киотах. Мне некуда больше поместить их. Евг[ению] Александровну я не могу об этом просить — у них всё забито моими друг[ими] вещами и своими, а ещё чужими, и у них всё осложнения с кварт[ирой]. У брата или у Федяевского вещи могут быть только до осени. У Вас же в шкафчики образницы переселятся книги, а иконам Вы найдёте место полежать до моего возвращения. Не

откажите в этом. Если б Вы были в Москве, можно бы и прямо к Вам направить вещи, но, чтобы не делать путаницы и затруднен[ий], пока можно поддержать их и у брата или Федяевского. Если же у Вас поместить их решительно нельзя, то надоумьте, у кого можно бы их приткнуть? Ума не приложу! А вещи — последнее, что осталось мне от моего родного дома.

17) Капу сегодня Вам не пишет, но кланяется. Она сегодня с [температурой]. Она получила прекрасное, сердечное письмо от В[асилия] Адр[иановича]. Он обещает ей высылать 70 р., пишет, что она и Коля для него дороже жизни и прочие добрые речи. Всё это было наваждение, весь его разрыв. Это моё мнение: я советую Капу всячески писать ему просто, сердечно и ласково, будто ничего и не было. Она так и написала.

18) Я не очень здоров: и уши, и сердце — не того, чтобы очень, а того, чтобы mal²¹...

19) Сегодня первый дождь за месяц, — и на полчаса всего. Это жутко: за урожай страшновато. Но громушко погромыхивает, как говорит Ирина.

20) За рецензию **Перев[ерзева]** многие меня собираются уже разлюбить. Вот видите, лучше, должно быть, быть без всяких рецензий.

21) Макс прислал посылку: цветы маслины, 2 акварели и фотография: Макс, Мару[ся] и покойные собаки.

22) Привет Николаю Николаевичу. Целую Вас, Юру и Лелю, Привет С[ерегею] М[ихайловичу] (и письмо!), Наташе, Леле-Оле. Привет маме, тётке Грете, Сашурке, Софье Андр[еевне], няне и всем Мурановским. Ирина благодарит Вас и кланяется и целует свою любимую Лелю, а также Юру. Капу и Коля кланяются.

Откуда у меня синяя бумага? Подарок П[антелеймона] И[вановича]! Откуда у меня белая бумага? Остаток белого запаса. Но писчая — есть, слава богу!

Думаю о написанном Вам письме, думаю о прочитанном в «Литерат[урной] газете» (№12) известии, что украдена плита и решётка с могилы Гоголя (т. е. разрушена, попросту, могила, ибо плита из чёрного мрамора, решётка чугунная), — и грущу. Я ничего не сказал Вам о себе. А я часто грущу, — и пришёл бы теперь к Вам грустить, а м[ожет] б[ыть], и поплакать... О чём? Плачется всегда ни о чём и обо всём. О себе и не о себе. О холоде, о льде, о полюсе ледяном жизни, — и о стынувшем сердце...

Нет ли в Мур[аново] «Воспоминаний» гр[афа] В.А.Соллогуба?²² Ежели есть, то выпишите мне оттуда его сообщение, как читал Гоголь и как он рассказывал дамам нескромные истории (с указ[анием] страниц). Очень нужно. <...>

К ДИСКУССИЯМ О СТАТИСТИКЕ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Леонид ЛОПАТНИКОВ

После долгих размышлений, я нашел главное различие: антисталинисты хотят **переебедить** сталинистов, сталинисты же хотят антисталинистов (по примеру своего кумира) — **перестрелять**.

Остальное — детали: Сталин — эффективный менеджер или пахан ОПГ, захватившей в заложники целую страну; Сталин репрессировал миллионы неповинных людей или наказал лишь потенциальных врагов, уничтожив некую «пятую колонну»; Сталин — убийца, расстрелявший 3 миллиона или «только» (как выразился однажды Зюганов) 670 тысяч человек... Сталин — тот, кто привел мир к великой Победе над гитлеровской чумой, или Сталин — тот, кто помогал Германии подготовиться к реваншу и Гитлеру — прийти к власти. Наконец, Сталин — создатель великого Советского Союза или же конструктор нежизнеспособной системы, которая неизбежно должна была рано или поздно рухнуть... Короче: Сталин — «имя России» или ее проклятие.

Да и сами сталинисты расходятся во мнениях, говоря о подобных деталях: был ли Сталин верным ленинцем и революционером или же уничтожал ленинцев и революционеров за то, что они разрушили великую Россию, строил ли Сталин социализм в СССР или, наоборот, был готов вернуть рыночное хозяйство, да только подготовка к войне помешала этому благому намерению, готовил ли он мировую революцию или, как истинный патриот, лишь хотел использовать ее для расширения Российской империи...

Повторяю: все это детали. А главное, что характеризует оппонентов, их человеческий облик и моральные

качества, — в первом абзаце. И это, по-моему, приговор.

Вокруг всех этих «деталей» продолжаются нескончаемые дискуссии. Они затрагивают всех. Но, пожалуй, наиболее ожесточенные споры между сталинистами и антисталинистами происходят по поводу статистики жертв «так называемых репрессий», по терминологии первых, и «Большого террора» или «сталинского геноцида» — по терминологии вторых. У этих споров долгая история, развернулись они в полную силу, по видимому, после выхода в свет книги британского исследователя Р.Конквеста «Большой террор». Хотелось бы вернуться к этой сложной проблеме, касающейся трагической судьбы миллионов людей — не только самих жертв, но и их потомков.

1. О ТОЧНОСТИ ЦИФР

Вот что по этому поводу пишет В.Земсков, исследования которого широко известны, и многими, особенно сталинистами, принимаются за истину в последней инстанции. Мало того: они служат главным оружием в полемике с теми, кто борется против попыток реабилитации Сталина и сталинизма.

«Цель настоящей статьи — показать подлинную статистику заключенных ГУЛАГа, значительная часть которой уже приводилась в статьях А.Н.Дугина, В.Ф.Некрасова, а также в нашей публикации в еженедельнике «Аргументы и факты».

Несмотря на наличие этих публикаций, в которых называется *соответствующее истине и документально*

подтвержденное число заключенных ГУЛАГа (курсив мой — Л.Л.), советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р.Конквест, С.Козн и др.), так и в публикациях ряда советских исследователей (Р.А.Медведев, В.А.Чаликова и др.). Причем в работах всех этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно только в сторону многократного преувеличения. Создается впечатление, что они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, *поастрономичней*...

По мнению автора, например, вслед за Р.Конквестом и С.Козном В.А.Чаликова примерно в пять раз преувеличивает подлинную численность заключенных ГУЛАГа. Причем «свою лепту в запутывание вопроса о статистике заключенных ГУЛАГа внес и Н.С.Хрущев, который, видимо, с целью помасштабнее представить собственную роль освободителя жертв сталинских репрессий, написал в своих мемуарах: «...Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В действительности же 1 января 1953 г. в ГУЛАГе содержалось 2 468 524 заключенных: 1 727 970 — в лагерях и 740 554 — в колониях (см. табл. 1)». (Земсков В. «ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991, N.6 С.10–27; 1991, N.7. С.3–16»).

Таково, если хотите, кредо В.Земскова. Что в нем правда, что искажение правды?

Что касается *преувеличения численности жертв* «так называемых репрессий», то прежде всего надо учесть два обстоятельства. В условиях, когда никакой официальной информации не было, все было покрыто плотной завесой секретности, каждый был волен приводить любые цифры —, соответственно своим прикидкам, косвенным свидетельствам и другим *не всегда надежным, это правда, источникам*. Проверить было все равно невозможно. Например, один физик, сидя в харьковской пересыльной тюрьме (а в Харькове, к слову, в порядке сталинской «подготовки к войне», был репрессиями фактически уничтожен самый мощный в стране институт, занимавшийся вопросами ядерной физики!), подсчитывал количество заключенных, отправлявшихся в лагерь по этапу. Не знаю точно, как это ему удавалось, но, скорее всего, окно его камеры выходило в тюремный двор, где формировались колонны эзков. У него получилось, что через «пересылку» прошли чуть ли не десять процентов жителей области. И, естественно, он экстраполировал эту цифру на страну. Получилось, как я

понимаю, около 17 млн. узников. Можно ли его обвинять в злонамеренной лжи?

Другие исходили из демографических закономерностей, прогнозировали, на сколько могло бы увеличиться население страны в нормальных условиях, без репрессий, и насколько оно увеличилось на самом деле. На самом деле? Но перепись населения была Сталиным отменена, поскольку его не удовлетворили ее результаты, а статистики, проводившие ее, были либо расстреляны, либо сами попали в ГУЛАГ...

Наконец, третьи по обрывочным данным, опрашивая бывших узников, выясняли «географию» Гулага — какие где располагались лагеря, спецпоселения и тюрьмы, сколько в них примерно было «посадочных мест», как сменялось их население (все это было, повторю еще раз, строгими государственными секретами!) ... Примерно таким методом, как известно, работал А. Солженицин.

Откуда же было брать в таких условиях надежную информацию? Думаю, этим и объясняется прежде всего колоссальный разброс в (публиковавшихся на протяжении многих десятилетий) данных о количестве жертв Большого террора, а вовсе не злонамеренным, как полагает Земсков, «враньем» антисталинистов.

Сейчас условия изменились. Появились работы того же В.Земскова, который в 1989 перестроечном году был допущен к архивам ГУЛАГа (почему только один историк, и именно В.Земсков, был допущен к этим архивам — не известно. Но известно, что впоследствии они были снова «закрыты»). Данные В.Земскова широко публиковались. Утверждается, что они проверялись и независимыми зарубежными историками, некоторые из них выступали соавторами статей В.Земскова в иностранных журналах. По работам Земскова преподают соответствующие разделы советской истории в ряде университетов США и других стран. «Мы вынуждены, — признавал недавно Конквест — пользоваться данными Земскова», правда, назвав их «неполными». Надо понимать, *вынуждены* за неимением лучшего.

Между тем, далеко не все специалисты, как в России, так и за рубежом, согласны с В.Земсковым. Он зачастую подвергается критике — иногда очень убедительной, иногда, может быть, и бездоказательной, но надо учесть, что пока он единственный был допущен к секретным материалам ГУЛАГА. В публикациях я встречал критику *текстов* статей Земскова, но нигде нет непосредственных ссылок на архивные документы (фонд, опус, страница и т.д.) — значит их никто в глаза не видел!¹

Однако ясно, что теперь, когда есть эта полуофициальная информация (одни ей верят, другие — нет, и это тоже их право) — цифры несколько сблизилась.

Надо только вспомнить еще одно, второе обстоятельство, которое часто вводит в заблуждение, когда идет речь о разбросе данных о числе жертв сталинских репрессий. Спрашивается: какие категории населения надо считать жертвами? Один скажет, что жертвы это только расстрелянные по приговорам судов. В пресловутой «Концепции курса истории России 1900–1945 гг.» (той самой, из которой пошла формула о выдающемся менеджере) так и говорится, цитирую дословно: «следует четко определить, кого мы имеем в виду, говоря о репрессированных. Думается, было бы правильно, если бы здесь появилась формула, в которую будут включены лишь осужденные к смертной казни и расстрелянные лица.». Тогда *в расчет не войдут* ни замученные в пыточных, ни убитые «при попытке к бегству», ни умершие от голода, ни, тем более, «благополучно» отсидевшие свои сроки — в общем, число жертв составит менее миллиона. Это чудовищно много, но, как выразился один сталинист, «не впечатляет»...

Другой возьмет статистику В.Земскова и скажет, что жертв репрессий, то есть людей, непосредственно учтенных в ведомостях ГУЛАГа, около четырех миллионов (другое дело, что некоторые авторы считают эту его цифру существенно заниженной). Третий прибавит «спецпереселенцев» — раскулаченных и сосланных крестьян, а также целые репрессированные народы, массу людей, депортированных из Северного Кавказа, Крыма, Прибалтики и Западной Украины, с Дальнего Востока и так далее — и получит, по-видимому, миллионов 12 — 15, а может быть и больше. Четвертый включит в число жертв всех членов семей репрессированных, особенно детей (безусловно, они пострадали в результате репрессий) — тогда число подскочит, наверное, до миллионов двадцати — тридцати, и, опять-таки, может быть даже еще больше. А пятый, подойдя к вопросу как демограф, попытается подсчитать влияние репрессий на численность народонаселения (учесть количество неродившихся детей в результате уничтожения несостоявшихся родителей, разлучения мужей с женами и так далее, и тому подобное). Тогда цифры будут, как выразился Земсков по несколько иному поводу, еще «поастрономичнее»: не знаю, может быть, пятьдесят, может быть и все сто миллионов!

Утверждают, что сейчас все это не имеет значения. Имеется точная статистика Земского, вот о ней и надо говорить. Земсковым рассматривается сумма приговоров судов и всех остальных видов осуждения: «Всего за этот период было осуждено Коллегией ОГПУ, «тройками» — НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3 777380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980, к содержанию в

лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек. Земсков выдал процитированные обобщающие цифры, подтвердив их подробными таблицами.

Вопрос закрыт?. Нет, не закрыт.

Есть интересный документ, составленный *задолго до обнародования результатов исследований Земскова.*

Это Справка, подписанная Генеральным прокурором СССР Р.Руденко, министром внутренних дел СССР С.Кругловым и министром юстиции СССР К.Горшениным, в которой называлось число осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Вот ее текст:

Докладная записка

1 февраля 1954 г.

Секретарю ЦК КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем... за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.380 человек, в том числе к ВМН — 642.980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2.369.220, в ссылку и высылку — 765.180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек — Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием, 877.000 человек — судами, военными трибуналами. Спецколлегией и Военной коллегией...»

Как видим, совпадение данных Земскова (1998 г.) с Запиской, составленной в 1954 году, — *абсолютное.*

Как могло оно образоваться? Двумя путями. Первый — обобщающие цифры «Докладной записки» были основаны на тех же документах, к которым был допущен Земсков. Тогда, как говорится, вопросов больше нет, все правильно. Второй: обрабатывая архивные данные, исследователь подгонял их к утвержденным высокой инстанцией цифрам.

Это только предположение. Но такие ситуации бывали².

2. РАЗНОЧТЕНИЯ...

Сторонники Земскова ссылаются на то, что его цифры подтвердили историки Гетти из США и Риттершпун из Франции. Но это соавторы Земскова, а не объективные оппоненты со стороны. Я попробую выступить таким объективным оппонентом, в меру своих скромных знаний, сил и способностей. Для этого, прежде всего, возьму толстый том «ГУЛАГ 1917–1960», изданный Международным фондом «Демократия» в серии «Россия XX век, Документы». К сожалению, в не так уж много статистики. И нет как раз тех документов, о которых пишет Земсков. Чем это объясняется — не знаю. В сборнике можно найти несколько разночтений с таблицами Земскова.

Например, на с. 708 есть справочные материалы «Записная книжка Ежова» (документ № 141). Наверное, надежные данные. Иные глава НКВД вряд ли записывал бы себе в блокнот.

«Наличие заключенных (в тысячах) по состоянию на февраль 1938 года

1. Лагеря	1 157,4
2. Места заключения	901,4
3. 10-й отдел	121,2
4. При милиции, КПЗ.	50,0
5. Трудколонию детей.	12,5
6. Трудкоммуны	4,5
7. Детские приемники	12,5
Итого	2259,5»

Смотрим таблицу Земскова. В ней численность заключенных на январь 1938 г. — 1881570. То есть меньше почти на 400 тысяч человек Правда, январь — не февраль и есть строки, явно не учитываемые Земсковым — к ГУЛАГУ они отношения не имеют: например, КПЗ. И все же строки 1 —3 дают в сумме на 300 тысяч человек больше, чем у Земскова....

Или, скажем, Доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина о работе в годы войны (№ 71, с. 274):

«К началу войны общее количество заключенных, содержащихся в ИТЛ и колониях, составляло 2 300 000 чел. (из них 27% за контрреволюционные и другие особо опасные преступления — Л.Л.)». **У Земскова — 1930 тысяч.** Разница — почти 400 тысяч.

Есть и иные источники. Например, в Центральном государственном архиве народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР в фонде Наркомата — Министерства финансов СССР сохранились документы (финотчетность), которые дают возможность составить определенное представление о количестве заключенных и погибших в местах

заключения в предвоенные годы³. В. Цаплин взял один год — 1939-й, и вычислил, что (на 1 января этого года) в лагерях, колониях, тюрьмах и других местах заключения насчитывалось 2103 тыс. человек. У Земскова число заключенных на эту дату — на полмиллиона меньше: 1672 тыс. человек.

Аналогичное расхождение обнаруживается по данным на январь 1937 г.: для учета в переписи населения НКВД СССР сообщило статистической службе, что по контингенту «А» числится 263 466 человек, а по контингентам «Б» и «В»⁴ — 2 389 570 человек (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 142, л. 54) то есть в сумме 2653036. У Земскова общая численность заключенных на ту же дату —1196369. Разница более, чем в два раза!

Цаплин исследовал по архивным документам движение рабочей силы в Дальстрое НКВД. Он пишет: «На начало 1938 г. в лагерях Дальстроя было 83 855 заключенных... В 1938 году судами из Владивостока было перевезено 73 368 пассажиров, а везли на Дальстрой преимущественно заключенных. Если контингент заключенных пополнился на 73 тыс. человек, то на конец года их было бы 157 тыс., но в действительности оказалось 117 630 человек. Произошла убыль на 39 370 человек, или более, чем на 25%. Куда же девались эти люди?.. К исходу 1938 г. на Дальстрое числилось 117 630 заключенных. В 1939 г. было завезено 70 953 человека и «фактически освобождено» (так в документе. — В.Ц.) 26 176 заключенных. Следовательно, количество заключенных должно было бы увеличиться почти на 45 тыс. и составлять примерно 162 630 человек. Однако в действительности среднесписочная численность заключенных по Дальстрою в 1939 г. определяется в 121 915 человек. Следовательно, убыло почти 41 тыс. заключенных, то есть более 25% их возможного общего количества». *А согласно «точной информации» В. Земскова, во всех лагерях СССР в 1939 году умерло 50,5 тыс. человек. Как согласуются эти цифры?.*

Бывшие колымчане с содроганием рассказывали мне о так называемых гаранинских расстрелах (по имени самого свирепого начальника Севвостлага), унесших жизни десятков тысяч людей. А ведь были и другие, не «гаранинские», и на Колыме, и в других регионах ... Разумеется, в статистике Земскова эти казни не отражены (они проводились не по «приговорам судов», а в лагерях, лагерной охраной)

И еще ряд подобных примеров, причем большинство из них, перефразируя слова самого Земскова (сказанные по иному поводу), «никогда не идут в сторону

преуменьшения...». Говорю большинство, потому что, справедливости ради, надо признать: есть и отдельные случаи нарушения этого правила. Но и они говорят о том, что самоуверенные заявления Земскова о «точности» его данных, по меньшей мере, малообоснованны.

На основе сопоставления данных сборника «ГУЛАГ» с данными Земскова я надеялся проанализировать статистику репрессий — политических репрессий и не относящихся к политике (например, уголовных дел). Однако не тут-то было. Почему-то получалось так, что логически связанные между собой данные ускользали, не поддавались сопоставлению, проверке, анализу. Вот примеры:

1. Численность заключенных ГУЛАГа (по состоянию на 1 января каждого года) (Земсков)

Годы	В исправитель- но-трудовых лагерях (ИТЛ)	Из них осужден- ных за контрре- волюционные преступления	То же в процентах	В исправитель- но-трудовых колониях (ИТК)	Всего
1934	510307	135190	26,5	–	510307
1935	725483	118256	16,3	240259	965742
1936	839406	105849	12,6	457088	1296494
1937	820881	104826	12,8	375488	1196369
1938	996367	185324	18,6	885203	1881570

2. Количество осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления (Земсков)

Годы	высшая мера	лагеря, колонии и тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры	всего осуждено за КРД
1934	2056	59451	5994	11498	78999
1935	1229	185846	33601	46400	267076
1936	1118	219418	23719	30415	274670
1937	353074	429311	1366	6914	790665
1938	328618	205509	16842	3289	554258

3. Количество арестованных, осужденных, расстрелянных (справка полковника Павлова)

Годы	Всего арестовано	Всего осуждено	ВМН
1937	936850	790645	358074
1938	638509	554268	328618
Итого	1575259	1344925	651692
Всего 1921–38	4835957	2944879	745220

Первый. Доклад замнач. ГУЛАГа Лепилова на имя Берия и др. (№142, с.726)

По состоянию на 1 марта 1940 г. общий контингент заключенных «определяется по данным централизованного учета» количеством 1668200 чел. Из них 28,7% осужденные за КРД». У Земскова тоже указан процент КРД, только иной: 33,1% — но это только по исправительно-трудовым лагерям, а общий процент сопоставить невозможно.

Второй. В том же документе читаем: «Централизованная картотека ГУЛАГа отражает необходимые данные почти по 8 миллионам человек, как по лицам, прошедшим через изоляцию за прошедшие годы (т.е. до 1939

включительно, так как документ датирован 1940 годом — Л.Л.), так и по содержащимся ныне в местах изоляции». У Земскова тоже можно подсчитать общее число осужденных за те же годы — но только по статьям за КРД — 2552973. А сколько всего — подсчитать и сопоставить невозможно.

Я выделил фрагменты таблиц Земскова «Численность заключенных ГУЛАГа» (1) и «Количество осужденных за контрреволюционную деятельность» (2)», за пять лет, чтобы сравнить их с известной таблицей полковника Павлова «Справка о количестве осужденных по делам органов НКВД за 1937–38 гг.», написанной от руки в единственном экземпляре (по всем правилам конспирации) и представленной на выставке в Государственном архивном управлении, а также в сборнике «ГУЛАГ».

Заметим, что доля осужденных за КРД здесь (*таблица 1*) дается только по лагерям (третий столбец), но нет соответствующей цифры по колониям. И это лишает возможности проводить осмысленные сравнения.

Цифры, как говорят статистики, «пляшут». Куда, например, делись полтора-два тысяч арестованных, но не осужденных в 1937 году? Скажете, их просто не успели осудить, перенесли на 1938.. Но вопрос остается, потому что за длительный период разница составила уже без малого 2 миллиона!... Почему только за 1921–38 г. приговорено к ВМН 745 тысяч человек, а Земцов (см. выше) утверждает, что за весь период 1921–1953 было приговорено к ВМН (по политическим мотивам) менее 700 тысяч человек? Как согласуются эти цифры? Ведь судя по точному совпадению показателей 1937 или 1938 годов «всего осуждено» в таблице Павлова и «всего осуждено за КРД» в таблице Земскова, надо полагать, что все данные в первой из них относятся именно к «политическим статьям»⁵. Но тогда обнаруживается, что в таблицах Земскова существенно занижены данные не только числа расстрелянных, но и числа осужденных за КРД.. Не говорю уже о том, что у него нет показателя общего числа арестованных за КРД — а это без малого 5 миллионов человек. Эта колоссальная цифра уже очень близка к данным оппонентов, весьма надменно критикуемых Земсковым.

И еще одно примечательное открытие: у Земскова в его таблицах **политзаключенные повсюду составляют от 12 до 20–30 процентов, остальные — относятся к уголовникам**. Но если обратиться к таблице Павлова, то получается, что не 20%–30%, а более 80% процентов арестованных были взяты за КРД! Но тогда данные Земскова, как бы это помягче сказать, вообще вызывают серьезное сомнение.

Чтобы проверить данные таблиц, казалось бы, проще всего было бы совместить таблицы общего количества осужденных с общим количеством заключенных, или, наоборот, общего количества осужденных по статьям КРД и общего количества заключенных по этим же статьям. Но не тут-то было: таблицы Земскова не стыкуются! В одной — число осужденных за КРД, в другой общее число заключенных, фактически без выделения этой категории (то есть выделение есть, но не в целом, а только по ИТЛ). Кроме того, в ней вообще нет числа заключенных в тюрьмах, на этапах и т.п. (А судя по записной книжке Ежова, в тюрьмах и других местах заключения сидело примерно столько же, сколько в лагерях).

В таблицах Земскова требует анализа столбец, характеризующий количество заключенных, сидящих в том или ином году. Например, для того же 1937 года получается такая картина. Меньше 5 лет за контрреволюционные преступления, как правило, не давали, значит, сидели в 1937 году по меньшей мере ВСЕ осужденные в 1932–1936 годах (кроме погибших в тюрьмах и лагерях, но будем считать, что это относительно небольшая цифра). Надо сложить: 141919 + 239644 + 78999 + 267066 + 274670, да еще + 790665 за 1937 г., получается — 1792963, то есть 1,8 млн. человек. А за предшествующие годы? Пусть не все, но значительный процент досидели до 1937, их тоже надо прибавить. Какой процент, мы не знаем. Но, допустим, 50% или даже только 30%. По-видимому, надо вычесть расстрелянных. Тогда получается, что ВСЕГО на январь 1938 года В ГУЛАГЕ СИДЕЛИ примерно ДВА МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК ТОЛЬКО ЗА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ДРУГИЕ ОСОБО ОПАСНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, а вовсе не... Вот тут я запнулся : у Земскова нет соответствующей цифры; у него есть общая численность узников — 1,88 млн человек, но это численность заключенных не только за КРД, а и за другие преступления. Получается, что часть больше целого? Но так не бывает.

А теперь о еще одном дополнительном столбце, которого нет у Земскова: о тех, кто были формально осуждены за всякие иные преступления, а на самом деле «за политику», как ее понимали сталинские сатрапы. Многие были репрессированы за приписанный им «разгульный образ жизни», за «любовную связь с иностранцем», «за нарушение технологии», да мало ли что можно было придумать, чтобы отобрать приглянувшуюся следователю квартиру или получить должность любимого начальника, о которой мечтает молодой карьерист? Такова была обстановка в стране в те годы — то, чего нынешняя молодежь, по-моему, никак не поймет.

Все эти люди в таблицу Земскова не попали (имеется в виду таблица численности осужденных за КРД). Как не попали и просто убитые сотрудниками НКВД/КГБ люди, почему-то неугодные вождю (Недавно я прочитал, что три офицера КГБ, осуществившие по прямому указанию Сталина убийство Михозлса, были награждены...«Орденом отечественной войны»! Какое это оскорбление для всех, кто действительно воевал...). А операции за рубежом? Кутепов, Миллер, наконец, Троицкий — где они в статистике Земскова? Это, конечно, единицы. Но огромное количество ни в чем не повинных людей было репрессировано без суда и следствия, то есть они никак не попадали в статистику «осужденных» — крестьяне, записанные в «кулаки» и сосланные в Сибирь, так называемые перемещенные народы, лица, депортированные из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии и иных регионов. — большинства из них в статистике Земскова, по-видимому, нет.

Сложите все перечисленное, и поймете, откуда идет выражение «миллионы жертв репрессий» против которого так яростно возражают сталинисты.

Зачем В.Земскову понадобилось публиковать данные, которые не согласуются между собой и потому не поддаются анализу — сказать трудно.

3. ОБ ОДНОЙ ЗАГАДКЕ

Тут я вынужден сделать, так сказать, лирическое отступление. Когда несколько лет назад я случайно познакомился с таблицами Земскова, то обнаружил, что по его данным в 1937 году из **790665** осужденных за контрреволюционную деятельность к высшей мере наказания было приговорено **353074**, а в 1938 году соответствующие цифры составили 554258 и 328618. Эти ужасные соотношения показались мне по меньшей мере странными. Фактически, именно тогда я заинтересовался этой проблемой.

Я прошу меня понять! Я «придираюсь» потому, что мне 86 лет и я времена «великого менеджера» (или отца всех народов) знаю не понаслышке или по сайтам бесчисленно расплодившихся в интернете сталинистских блогов. Знаю атмосферу, в какой жили люди, знаю, как эта атмосфера сказывалась на их моральном облике и поступках. Сходу могу перечислить десятки имен пострадавших от Сталина — не из художественной литературы или газет, а лично мне в той или иной мере близких и очень хорошо знакомых: родственников, одноклассников в школе, однополчан на войне, а потом и сослуживцев на работе. Я не только читал рассказы Шаламова или «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицина, но дома, за обеденным

столом выслушивал устные воспоминания бывших заключенных, моих коллег и друзей. Воспоминания, от которых кровь стыла в жилах.... *Так вот, никогда и ни от кого я не слышал о том, что практически каждый второй из арестованных был расстрелян!*. Не слышал от моего покойного друга З.Румера, отсидевшего 18 лет по так называемому делу генерального секретаря ЦК комсомола А.Косарева (Румер был тогда ответственным секретарем «Комсомольской правды»), не слышал от выдающегося хозяйственника М.Кобрин, который после возвращения сотрудничал со мной в «Экономической газете» и наводил ужас на руководителей тогдашних совнархозов глубиной экономического анализа, не слышал от бывшего директора крупного завода К.Каралефтерова, который, будучи зеком, построил на Колыме самый северный в мире мартен, не слышал от моего одноклассника, Шуры Азарха, одного из тех, кто, в строгом соответствии с гениальным указанием Сталина «дети за родителей не отвечают», был взят (подростком, учеником 8-го класса) вслед за расстрелянным отцом — корреспондентом ТАСС, отсидел те же стандартные тогда 18 лет, вернулся с отбитыми почками и рано ушел из жизни... — не слышал ни от кого! Каждый говорил о том, что из группы арестованных, к которой его «причислили» чекисты (как правило, они сами формировали никогда не существовавшие в реальности «группы заговорщиков или террористов»), трех-четырёх «назначали руководителями» и приговаривали к расстрелу, а остальных — к лагерям и тюрьме (такова была одна из самых распространенных «технологий» осуществления репрессий).

Вот я и предположил тогда, что, может быть, на каком-то высшем уровне было утверждено количество расстрелов, которое можно признать публично («Вот расстреляли за два года 670 тысяч — это факт, с которым никто не спорит. И Земсков приводит те же цифры» — так писал мне однажды оппонент в споре). А остальные цифры — как получится. Это может означать, что каким-то образом в таблицах общее количество репрессированных удалось сократить, а «утвержденное» число расстрелянных осталось прежним, вот и получилась диспропорция, вызвавшая у меня сомнение⁶.

Должен признаться: тут я, по-видимому, тогда ошибался. Я не учел два важных обстоятельства. Во-первых, то, что в при массовых «операциях» типа польской, молдавской и других, карательные органы не очень-то утруждали себя созданием заговоров или террористических групп — расстреливали, как тогда говорилось, просто «политически ненадежных», просто «антисоветский элемент» и так далее. Во-вторых, то, что в годы репрессий принято было сообщать людям, в ответ на запросы, что их

родственник приговорен не к высшей мере, а на «десять лет без права переписки». Не случайно, после смерти Сталина, когда начались разговоры о реабилитации, КГБ при СМ СССР 24 августа 1955 г. издал указание № 108сс, согласно которому «на запросы граждан о судьбе расстрелянных родственников органы КГБ должны ... сообщать устно, что они приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах лишения свободы, а при разрешении имущественных и иных правовых вопросов — регистрировать в ЗАГСах факт смерти для последующей выдачи близким родственникам свидетельств установленного образца». Потрясающий образец фарисейства тогдашних властей: «При этом дата смерти расстрелянного определялась в пределах 10 лет со дня ареста, а причина смерти указывалась вымышленная (воспаление легких, рак и др.)» (Сборник документов. Реабилитация: как это было, том 2, стр. 83). Все это, конечно, меняло (видимые!) пропорции между числом арестованных и числом расстрелянных, чего я тогда не знал.

В книге «ГУЛАГ» мне встретился документ № 99, с.431.: «Справка о количестве заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР на 1 Января 1951 г.». В ней четыре статьи: ГУЛАГ МВД СССР (лагеря Дубравный, Степной, Песчаный, Луговой), ГУЛГМП (лагеря Минеральный, Горный, Речной, Дальстрой МВД СССР (лагерь Береговой) и ГУЛЖДС МВД СССР (лагерь Озерный). 26 февраля 1941 г. Отмечу: четыре *равноправных* статьи — четыре Главка МВД.

Вот тут-то, кажется, мы приближаемся к разрешению загадки, о которой я думал все последние годы! Сначала я наткнулся на обрывочные данные: вот в фильме «В Круге первом» одного из героев отправляют из «шарашки» в распоряжение ГУЛАГа. Значит, до того он был в чьем-то ином распоряжении? Вот в одном из документов нахожу такой текст: «ГУЖДС НКВД СССР было образовано на основании приказа наркомата от 4 января 1940 года. Новый орган создавался на базе Управления железнодорожного строительства ГУЛАГа ... **Показатели работы его лагерей в сводной отчетности ГУЛАГа за 1939 г. не отражались.** (выделено мной — А.).». Затем оказалось, что **независимым от ГУЛАГа** и даже на начальном этапе вообще **независимым от НКВД** (подчиняясь непосредственно одному из отделов ЦК ВКПб и правительству), было управление «Дальстрой», то есть памятная всем Колыма. А ее, как известно, прошли сотни тысяч заключенных.

Еще. С приходом Берии была объявлена новая структура НКВД СССР (нашел соответствующий документ в Интернете). В ней было перечислено: Руководство НКВД СССР (Нарком внутренних дел — Л.П. Берия,

заместители: С.Н. Круглов, В.С. Абакумов, В.В. Чернышев, И.И. Масленников; Б.П. Обручников)... Причем есть примечательный комментарий: «одному В.В. Чернышеву удалось избежать участи своих коллег — заместителей Наркома ВД СССР (все они, как известно, были расстреляны — Л.Л.). До самой смерти 12 сентября 1952 г. В.В. Чернышев работал заместителем Наркома (Министра) внутренних дел СССР и курировал в основном **работу лагерных управлений НКВД (МВД) СССР: ГУЛАГ, Главгидрострой, ГУЛЖДС, Главпромстрой** и др.» (выделено мной — Л.Л.). Между тем, упомянутый выше ГУЛГМП расшифровывается как управление лагерей горно-металлургической промышленности — той, в составе которой были, например, особо секретные объекты, урановые рудники. Вряд ли их статистика доверялась кому-либо, включая сотрудников того же параллельного Главка — ГУЛАГа. Очевидно, что свою статистику вели и другие ведомства. Взять, например, сведения о расстреле польских офицеров по распоряжению Политбюро ЦК КПСС (читай — Сталина) от 5 марта 1940 года. Судя по таблице Земскова, в 1940 году к ВМН было приговорено только 1649 человек. И Земсков... прав: никакого приговора о казни 25 тысяч польских офицеров и представителей интеллигенции и имущих классов не было! И никаких следов об этом в архиве ГУЛАГа не могло быть. Существовало только секретное постановление Политбюро — совсем в другом архиве (в так наз. «Особой папке»). Да еще, впоследствии, приказ об уничтожении всех дел расстрелянных (о нем говорили, но я не уверен, что кто-нибудь, кроме одного-двух посвященных, видел приказ своими глазами).

В. Земсков везде подчеркивает, что изучал статистику ГУЛАГа, что он был допущен к архиву ГУЛАГа и т.п.. А это, оказывается, **только одно из «лагерных управлений»!** И вот на основании такой ущербной «статистики» он гневно опровергает данные своих оппонентов, которые никогда не знали засекреченной структуры карательных органов и всегда вели речь об общем числе репрессированных, жертв сталинской диктатуры в целом. Для них ГУЛАГ был символом сталинского террора вообще. Но Земсков должен был знать то, чего они знать не могли: что символ не отражает всю действительность. Значит, намеренно использовал общее заблуждение для дезинформации.

***

Главный итог всех этих размышлений таков: огромный труд В.Земскова с целью доказать, что репрессии были чем-то несущественным, что они намного «безобиднее», чем считают его оппоненты — этот труд

затрачен зря. Потому что, когда руководитель Коммунистической партии Российской Федерации, как раз на основе земсковской статистики, осуждает тех, кто напоминает о миллионах жертв сталинского террора, он просто не понимает, что «только 670 тысяч расстрелянных» — это чудовищно много для любой страны, даже такой, как СССР! Те сталинисты, которые, вторя Зюганову, говорят о «так называемых репрессиях», не понимают, что этим они жестоко оскорбляют память прямых и косвенных жертв сталинского террора против собственного народа.

Недавно по телевидению показывали, как в Израиле в День памяти жертв Холокоста люди на улицах, куда бы они ни шли, вдруг застывали, как вкопанные, на минуту молчания. Поразительная картина! Вот бы и у нас завести подобную традицию...

В День памяти жертв сталинских репрессий.

ПРИЗНАНИЕ. Я не профессиональный историк, я только журналист. И написанное здесь можно назвать, скорее, не научным исследованием, а некоторым журналистским расследованием известных науке фактов. Может быть, в каких-то деталях я и ошибаюсь. Но главное, надеюсь, ясно: полуофициальная статистика Большого террора (В.Земсков) далеко не истина в последней инстанции. И вопрос далеко не закрыт.

Примечания

* Лопатников Леонид Исидорович, кандидат экономических наук Старший научный сотрудник института Переходного периода, участник Великой Отечественной войны, автор многих книг о советской и российской экономике.

¹ В этом смысле от работ Земскова выгодно отличаются статьи Всеволода Цаплина. Он почти каждую свою цифру подтверждает ссылкой: фонд, папка, номер документа, страница. Он, например, изучал движение рабочей силы в ГУЛАГе за 1939 год. И его данные существенно расходятся с данными Земскова (мы к ним еще вернемся). Для справки: Цаплин — крупнейший специалист по архивному делу, много лет возглавлял Центральный Государственный архив народного хозяйства.

² Например, известный сталинист А.Мартirosян, доказывая «оригинальную идею», будто в Большом терроре виноват

не Сталин, а некие «партократы», которые «чуть ли не силой» (!?) заставили его начать репрессии, обратил внимание на «...точное совпадение озвученного Сталиным количества партократов, которые, по его мнению, должны лишиться своих постов, и тем, что было ими представлено уже в первом списке на репрессии. По максимуму, озвученная Сталиным цифра составляла 194 тыс. партократов всех уровней.» Однако, продолжает автор, «... партократия выставила вместо себя, но, в отличие от сталинского плана мирной ротации руководящей элиты (Да, да! Именно так пишет А.Мартirosян... — Л.Л.), уже на кровавое заклание такое же и даже чуть большее количество «врагов народа», которых подозрительно быстро сосчитали по всей стране. Первый же список был на 194122 человека. В том числе, 68739 человек — к расстрелу. То есть 35,41% от общего числа представленных по первому списку.»

На самом деле, ничего нет удивительного в том, что если Сталин сказал, что надо заменить 194 тысячи партийных руководителей, то услужливые его подчиненные подготовили списки точно на такое же количество. Попробовали бы они послушаться и дать другую цифру — хоть больше (перестарались; не берегут кадры, а кадры, как я говорил вам — решают все!), хоть меньше (примиренчество, слюнтяйство!) ...

³ В.Цаплин: Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов. «Вопросы истории», за 1991, №4-5. — С. 157-163....

⁴ По гулаговской классификации, контингент А (Группа «А») — заключенные, используемые на работе в основном производстве. Группа «Б» — заключенные, выполняющие работы в хозяйствах, не отнесенных к основному производству (Есть еще Группа «В» — неработающие заключенные, и Группа «Г» — отбывающие лагерное наказание (напр., карцер) и еще одна группа — «активированные инвалиды»).

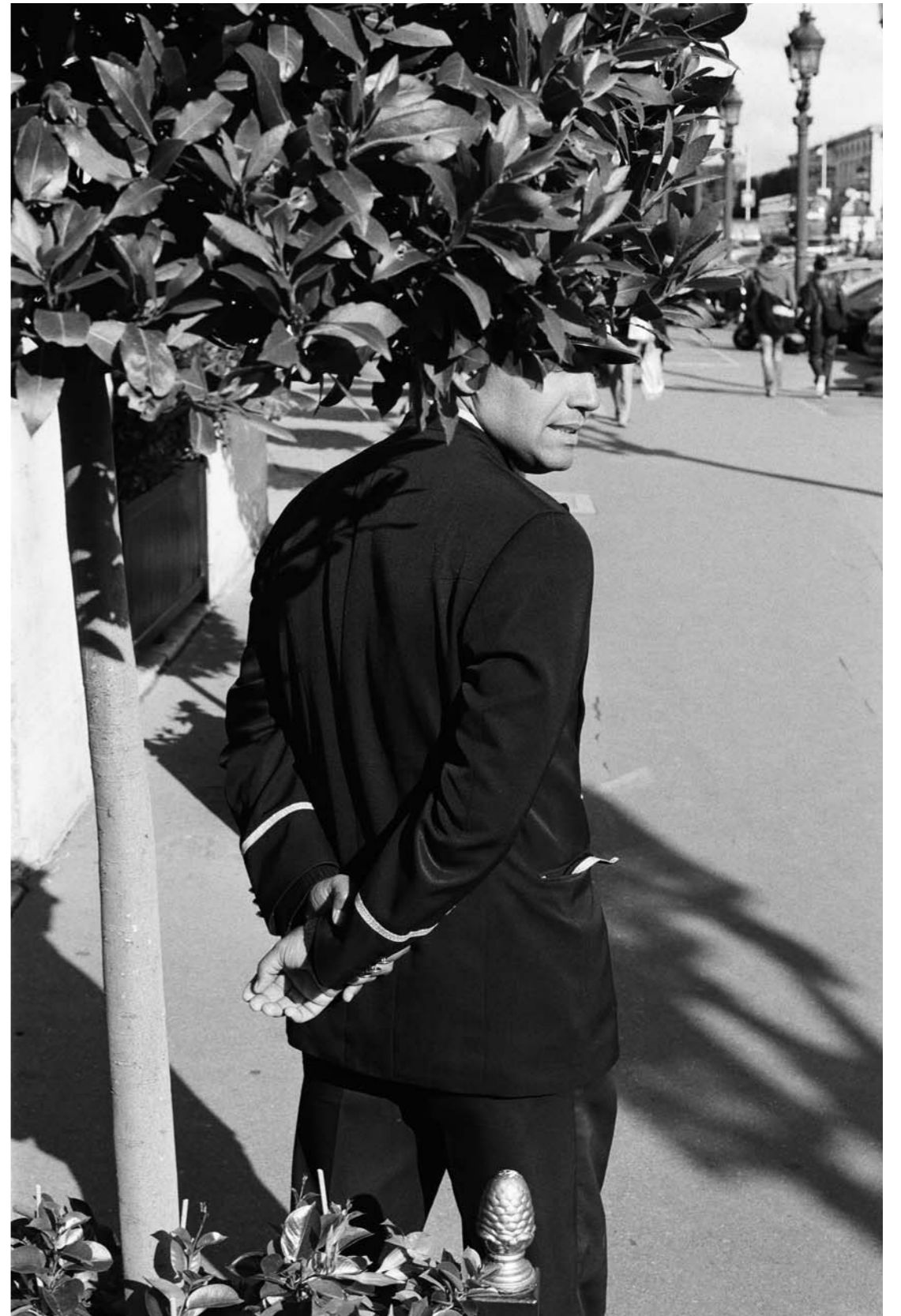
⁵ Для точности отмечу, что на рукописном экземпляре есть пометка, сделанная чьим-то карандашом: «минус 30% угол...». То есть кто-то внес поправку, которая, впрочем, не слишком меняет суть дела, поскольку подтверждает сделанное предположение, что в основном речь идет о политических статьях...

⁶ Впрочем, есть еще один удивительный факт. В упомянутой записке Н.С.Хрущеву, как мы помним, давалась точная цифра количества репрессированных за контрреволюционную деятельность — 3 777 380 ... человек. Она, как ни странно, повторяется разных в документах ЦККПСС и Комиссии по реабилитации при ЦК вплоть до 1989 года. За 35 лет ни на иоту, несмотря на проводившиеся исследования, временное открытие архивов и так далее, эта цифра не изменилась. Возможно ли такое? Да, но только если где-то на очень высоком уровне она была «утверждена» и рекомендована для использования во всех случаях. ■ ■ ■

ПАРИЖ Григория Ярошенко

КАЖДЫЙ ПРОЗРЕВАЕТ В ОДИНОЧКУ¹

Комментарий к самиздатовской рукописи
Памяти П.Г. Григоренко

Игорь РЕЙФ

Когда во второй половине семидесятых годов мне довелось —работать врачом в загородном отделении 1-го Московского медицинского института, я оказался если и не очевидцем, то, во всяком случае, косвенным свидетелем страшного происшествия: на станции Новый Иерусалим перерезало —тепловозом мужа нашей 30-летней медсестры Нины Богачевой. Да как страшно перерезало — не сразу, не насмерть, а оторвало —правую руку и ногу, так что он минут сорок после того еще жил и скончался только в машине скорой помощи.

Много темных слухов ходило тогда вокруг этой истории. Как мог молодой, здоровый мужчина не заметить среди бела дня локомотивной сцепки? И как не увидел машинист стоящего на рельсах человека и не дал предупредительного гудка? Сам он работал в ту пору механиком в станционном депо, и видели его в тот роковой момент разговаривающим на путях с какими-то мужиками. —Но что это были за люди, —никто так и не дознался, а следствие быстро свернули. Нина же, его жена, долго еще пребывала в уверенности, что под сцепку муж попал не сам и —что ему в этом помогли. —

И вот остались три женщины — мать, жена и десятилетняя дочка. На Нину, которая —неделю спустя, появившись черным платком, —вышла на работу, —страшно было смотреть, и никто при ней о ее несчастье старался не заговаривать. Но однажды заговорила она сама. Дело шло к концу рабочего дня, за окном сгущались осенние сумерки, и Нина, с которой мы остались в сестринской комнате вдвоем, —пожаловалась, что устала, а впереди еще магазины, очереди и дорога домой в битком набитой

электричке. «А прежде все тяжелые покупки были целиком на Вите», — как бы между прочим заметила она и —понурилась.

Я осторожно спросил ее о дочке, о свекрови, и —так, слово за слово, —разговорились. Может быть, ей и самой хотелось кому-нибудь излить душу, а я, как говорится, подвернулся под руку, но она вдруг начала рассказывать мне о муже, которого я не знал, и рассказ этот, должен признаться, —меня поразил.

Увы, Нина, как, впрочем, и большинство жен, была не слишком в курсе интересов своего супруга, хотя он их от нее не скрывал. А интересы эти были не совсем обычного свойства и —касались не футбола, не рыбалки и не туристских походов, а... нашего политического устройства. И взялся он за —это дело, видимо, основательно: —зимой ли, —летом, каждое воскресенье в течение последних полутора —лет уезжал в Москву и допоздна просиживал там в библиотеке. Правда, что он там искал, Нина объяснить не могла. С ее слов выходило, что будто бы —«все —про Берию». Но —мне и этого оказалось достаточно. Потому что, как при —вспышке магна, я вдруг узнал —самого себя и свое невыразимое одиночество в ту давно уже миновавшую пору. А у него-то, в его Холщевиках, в рабочем поселке Глебовской птицефабрики, оно, должно быть, ощущалось во сто крат острее.

Кажется, я попросил Нину принести показать оставшиеся после мужа тетради, и она обещала. Но так и —не принесла. А напоминать я не решился. Может быть, и сегодня, никому не нужные, они все еще пылятся где-нибудь в забитом старьем чулане, а дочь с зятем или внуки

даже о том не подозревают. Да и могут ли эти тетради что-то сказать кому-нибудь, кроме своего хозяина? А он к ним уже не прикоснется и, следовательно, никогда — не получит ответа на те взволновавшие его в глухие застойные годы вопросы, на которые нам, живущим, дало ответ само время. И потому я бы хотел сделать единственно возможную малость — сохранить хотя бы его имя. Его звали Виктор Богачев.

Каждый прозревает в одиночку, если слегка перефразировать название известного романа Ганса Фаллады. Да, может быть коллективный гипноз, массовое ослепление, но массового прозрения не бывает. Тут потребны самостоятельные усилия души и собственный не легкий интеллектуальный поиск.

У меня это случилось лет на десять раньше Виктора — может, потому, что я все-таки жил в Москве, и какие-то разговоры и случайные самиздатовские копии на растресканной папиросной бумаге до меня иногда доходили. Но все равно непростительно поздно. Позади был уже XX съезд и советское вторжение в Венгрию. Позади было возвращение моей сестры из сталинских лагерей и процесс над Синявским и Даниэлем, а я все еще таил в душе какие-то иллюзии относительно возможностей существующего режима.

Пелена спала с глаз, как это нередко бывает, —внезапно. И толчком к тому послужила, в сущности, песчинка — открытое письмо в защиту А.Солженицына, направленное Георгием Владимовым в президиум всесоюзного съезда писателей в мае 1967 года. — Да, — именно так — не письмо самого Солженицына тому же съезду, возвестившее полную бесправность независимого литератора в нашей несвободной стране, а скромное, в две странички, хоть и с блеском написанное обращение, посланное как бы ему вдогонку. Особенно запомнился заключительный оттуда абзац: «И вот я хочу спросить полномочный съезд — нация мы подонков, шептунов и стукачей или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев? Солженицын свою задачу выполнит, — я верю в это столь же твердо, как верит он сам. Но мы-то, мы здесь причем? Мы его защитили от обысков и конфискации? Мы пробили его произведения в печать? Мы отвели от него липкую зловонную руку клеветы? Мы хоть ответили ему вразумительно от наших редакций и правлений, когда он искал ответа?»

Так какое же все-таки откровение нашел я для себя — в этих двух страничках? В сущности, ведь ничего такого, чего бы я не знал раньше. Но — Солженицына я любил, и его «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» были для — меня эталоном художественной

правды. А их автор — не просто писателем, а, как говорят теперь, знаковой фигурой, первой в блистательной когорте литераторов, группировавшихся вокруг — «Нового мира» А.Твардовского. И что не только художественная, но и жизненная правда на — стороне этих людей, сомнений у меня не вызывало.

Но если власть, тем не менее, идет на любые ухищрения, лишь бы лишить их — возможности высказать эту выстраданную ими правду, — то, — значит, это... несправедная власть? Внезапное это открытие жгло меня, как огнем, и положительно не давало покоя. Нет, с тем шоком, что испытал я семнадцатилетним юношей, познакомившись на курсовом комсомольском собрании с текстом закрытого доклада Хрущева — XX съезду, сравнить его было, конечно, нельзя. Но то, что Сталин тиран и кровопийца, — мы уже худо-бедно, но как-то переварили. И казалось, приди ему на смену действительно честные, бескорыстно преданные делу люди, и все вернется в свое изначальное русло, пойдет «как надо», как оно было замыслено когда-то отцами-основателями советского государства.

Но ведь со смерти Сталина прошло уже пятнадцать лет. Да, конечно, за анекдоты — или неосторожно брошенное слово теперь не сажают. Но выборы, например, как были, так и остаются пустой формальностью. Да, колхозники имеют теперь паспорта и — не закреплены за своими хозяйствами, как крепостные. Но в какой бедности, если не — нищете, по-прежнему прозябает деревня. — Столичный житель, я еще в — 1955-м году своими глазами мог видеть, как в подшефном колхозе, куда нас посылали от института на уборку сена, — женщины жали хлеб серпами. И это в пятидесяти километрах от Москвы. Что уж тут говорить о настоящей глубинке.

Но существовала и еще одна болевая точка, что — жила во мне с подростковых времен. Это арест в 1951-м — году моей старшей сестры в качестве участницы антисталинской молодежной подпольной организации и ее пятилетняя лагерная эпопея. А главное — расстрел трех лидеров этой организации, которым закончился — тот судебный процесс. И хотя мои представления о том, ради чего, собственно, поставили на кон свои молодые жизни эти трое, были тогда еще весьма смутными, но самый факт их гибели в том возрасте, когда другие их сверстники — бегают за девочками, накачивают мускулы в спортивных залах — или — делают комсомольскую карьеру, не мог не саднить сердце. И еще прежде, чем — написать хотя бы строчку своей «крамольной» рукописи, историю которой — я собираюсь здесь рассказать, я уже знал, что она будет посвящена «памяти безвестных героев Бориса Слуцкого, Владлена Фурмана и Евгения Гуревич, — погибших в дни 1952 года в возрасте неполных 20-ти лет».

А желание писать, делиться своими открытиями, родилось у меня почти сразу же, едва я углубился в единственный стоявший у нас в шкафу том Ленина в выцветшем дерматиновом переплете. Том этот был — из какого-то — довоенного — двухтомника, и я до сих хорошо помню перечеркнутые — лиловыми чернилами фамилии известных оппозиционеров в перечне именованного указателя, против каждой из которых было выведено старательным детским почерком: «враг народа, расстрелян».

Говорят, у Ленина, почти как в Евангелии, можно найти все. Может, потому, что — Ленинных, в сущности, было — несколько. Но тот Ленин, с которого я начал свое чтение, меня покорило. Это было «Государство и революция», тоже своего рода Евангелие, и, как всякое Евангелие, обреченное пребыть неосуществимой мечтой у врат грешного мира. Но в тот момент я еще не задумывался о том, насколько реалистичны все эти прекраснотушные рассуждения о справедливом распределении «всякой пищи и молока» или раздаче оружия отрядам народной милиции. Я просто принял их в свое сердце как неопровержимое подтверждение чистоты большевистских помыслов накануне прихода этой партии к власти.

Итак, точка отсчета была выбрана. Предстояло разобраться, когда и в силу каких причин произошла, — в конечном итоге, эта радикальная трансформация большевистских ценностей. Но ведь я не был историком, и все архивы были для меня закрыты. Оставалось рассчитывать на что? Да на то же самое, что было доступно Виктору Богачеву и любому, вообще, советскому человеку — на открытые библиотечные фонды. Но и там, оказывается, можно было почерпнуть немало.

Теперь мне уже трудно понять, откуда брались у меня упорство и силы день за днем вгрызаться в этот исторический гранит. А пробиваться к свету приходилось в одиночку с тем скудным политологическим багажом, который я успел приобрести в советской школе и вузе. Но вот где-то к — весне 1968 года у меня сложились контуры будущей рукописи, а главное — было найдено вступление, задававшее тон всему дальнейшему. Оно и сегодня кажется мне удачным, хотя бы в литературном плане, а, кроме того, не потерявшим, увы, своей актуальной «специфики». А потому — позволю себе привести самое его начало.

«Посреди Красной площади, главной площади Советского Союза, высится мраморное надгробие — Мавзолей. Изюм в день, из месяца в месяц тянется к нему нескончаемый людской поток. Неотвратимый круговорот бытия оборвал полвека назад жизнь человека, чья мысль и воля сыграли такую выдающуюся, роль в судьбах истории. Оставшиеся в живых решили воздать ему почесть, какой не удостоивался ни один из коронованных властителей

мира — они навечно поместили его тело в этот мавзолей, чтобы стараниями биохимиков спасти от тления дорогие черты... Но человек, покоящийся здесь, был мудр и трезв: слишком трезв, чтобы заблуждаться относительно невозвратности человеческого существования; достаточно мудр, чтобы до последней минуты думать и петься о жизни, о ее земных проблемах, и потому вряд ли одобрил бы идею с устройством мавзолея. Однако никто не волен распоряжаться своей посмертной славой. Наследники и продолжатели его трудов решили иначе: того, кто при жизни был органически скромным и простым, ненавидел помпезность и презирал всякую позу, поместили после смерти под стеклянную крышку саркофага, допустив по отношению к памяти Учителя величайшую бестактность, если не сказать сильнее».

Надо ли говорить, какую бомбу представлял собой этот пассаж вместе с предпосланным ему заголовком: «Трансформация большевизма». Тут — было, можно сказать, покушение на — святая святых и, в том числе, на аксиому незыблемости «генеральной линии» партии. Впрочем, думать и даже говорить в узком кругу советские люди могли все что угодно, но писать... И дабы не навлекать на себя карающую десницу, я решил оставить свой опус неподписанным. Так ли уж — важно, кому он принадлежит? Лишь бы заложенные в нем мысли стали — достоянием — как можно более широкого круга. И лишь впоследствии мне стало ясно, сколь нетипично было подобное решение для самиздата, что, может быть, и явилось причиной прохладного отношения к рукописи самиздатовских «зубров».

Но все это было еще впереди. Пока же, по выражению Твардовского, предстояло «сладить со строкой», и так хотелось сладить с ней поскорее. Ведь на дворе стоял 1968 год — последний год и закат хрущевской «оттепели» с последовавшим затем свертыванием и тех куцых политических свобод, и так называемых «косыгинских» экономических реформ, на которые — возлагались тогда немалые надежды. Только импульсом к реваншу послужили события не внутри страны, а — за ее пределами, и имя им было «Пражская весна».

Название «весна» в данном случае столь же метафорично, как и «оттепель», потому что захватила она три времени года — с января — 1968-го и вплоть до советской оккупации Чехословакии в ночь на 21-е августа. И «весна» эта будоражила умы. «Казалось, — вспоминал А.Д.Сахаров, — что в Чехословакии происходит наконец то, о чем мечтали столь многие в социалистических странах <...> Даже на расстоянии чувствовалась атмосфера возбуждения, надежды, энтузиазма, нашедшая свое выражение в броских, эмоционально-активных

выражениях — «Пражская весна», «социализм с человеческим лицом».²

Но эйфория, увы, была недолгой. До сих пор помню, как, обхватив руками голову, рассказывал о своих впечатлениях возвратившийся — из Праги муж моей институтской сокурсницы, бывший, как тогда говорили, «выездным» в силу своего положения в одном из гуманитарных НИИ. «Они же там совершенно ничего не понимают. Они не представляют, — как скоро все это будет прихлопнуто».

Прихлопнута «Пражская весна» была советскими танками. Газеты ссылались в те дни на какое-то мифическое обращение представителей прогрессивной чехословацкой общественности к компартиям братских стран с просьбой встать на защиту социалистических завоеваний. Все это — было, конечно, шито белыми нитками, и люди — прекрасно это понимали, — но молчали. Как молчал и я, когда, стиснув зубы, сидел на собрании своей медсанчасти и слушал доклад нашего партсекретаря, — что-то нудно бубнившего насчет интернационального долга, а вокруг с сонными лицами сидели врачи и медицинские сестры.

П.Г.Григоренко приводит в своих мемуарах слова первого секретаря Московского горкома партии В.Гришина, с гордостью объявившего, что на всю Москву нашлось только 13 человек, выступивших на собраниях трудящихся против ввода советских войск в ЧССР. «Гришин говорит: *«только 13»*, — добавляет от себя Петр Григорьевич. — А я, услышав об этом, готов был «УРА» закричать. Ведь *это же 13 одиночек*. А люди, способные в наших условиях выступить *в одиночку* против действий правительства, да еще таких действий, как интервенция, многих тысяч стоят».³

Мне, однако, — думалось — иначе, и 13 человек на 7-миллионную Москву, высказавшихся против интервенции, это вовсе не было поводом для оптимизма. И даже те семеро, что вышли 25 августа на Красную площадь с самодельными транспарантами, сохранили лишь свое собственное лицо, но никак не лицо двухсотмиллионной нации. — Ведь прохожие, наблюдавшие за этой самоотверженной акцией, не проявили к ней никакого сочувствия — одно лишь любопытство.

Между тем работа моя понемногу двигалась, и к концу 1968 года были уже завершены три большие главы — и начата четвертая, когда дело вдруг окончательно застопорилось. Сказывалось ли отсутствие опыта или накопившаяся — усталость — от самой ли работы, — от одиночества? И тогда мне пришла мысль, за которую — я хватился, как за соломинку: попытаться найти соавтора

и, разумеется, из диссидентских кругов. В общем, выйти в свет с тем, что уже написано.

Однако из всех диссидентов, не считая — Солженицына и Сахарова, мне было известно фактически лишь одно имя — Петра Якира. Может быть, в силу популярности его отца, расстрелянного в 37-м году героя гражданской войны. Но как на него выйти? Долго кормила меня завтраками та самая однокурсница, чей муж — незадолго перед тем вернулся из Чехословакии и, в силу своей «киношной» специальности, был близок к каким-то вольнодумным гуманитариям, пока я не понял, что оба они просто боятся.

Выручили физики, с которыми я дружил. Нашелся-таки среди них один, коротко знакомый не только с Якиром, но вхожий даже к самому Сахарову. Он-то и привел меня в морозный декабрьский вечер, едва не оказавшийся для меня впоследствии роковым, — в один из знаменитых московских домов неподалеку от метро Автозаводская.

Но кого я — рассчитывал там увидеть? Рыцарей без страха и упрека, с открытым забралом бросивших вызов государственному монстру? Но за столом сидели самые обыкновенные люди. Они обсуждали историю какой-то Иры Белгородской, по рассеянности оставившей в такси толстую пачку самиздата, и хвалили дешевенький соевый торт, каким давно уже брезговали в доме моих родителей, захваченный нами по пути вместе с бутылкой портвейна. По временам появлялась и вновь исчезала изможденная, местечкового вида старушка, вдова легендарного командарма. Сын командарма, которого здесь звали Петей, полная противоположность матери, плотный сорокапятилетний мужчина, налегал на портвейн, а я все — ждал, когда же мне можно будет приступить к делу, ради которого я, собственно, и пришел. И лишь перед самым уходом мне удалось, наконец, завладеть вниманием не вполне уже трезвого хозяина дома. Коротко взглянув на папку с рукописью, он предложил мне ее оставить. На том и расстались. Хотя никаких иллюзий на свой счет я уже не питал, понимая, что мой выстрел был — вхолостую.

А на обратном пути в полупустом вагоне метро мой спутник, видимо ощущая некоторую передо мной неловкость, прикидывал в уме, в какие еще двери стоило бы мне постучаться. Вот тогда-то я и услышал от него впервые о некоем диковинном генерале, интересующемся подобного рода вещами. Но фамилии названо не было, а разговор перекинулся вскоре на другую тему.

Так впервые — пока еще без имени и фамилии — всплыла на моем горизонте фигура генерала Григоренко, и путь мой отныне, очевидно, лежал к нему. Но сперва мне предстояло пройти еще один или два как бы

суживающихся круга, и завершением первого стал мой повторный визит к Якиру.

Принял он меня почему-то в трусах, хотя на этот раз был настроен по-деловому. Папка моя лежала уже наготове. Коротко объяснив мне, что не может принять мое предложение о сотрудничестве, поскольку не считает себя специалистом в данном вопросе, он ни слова не сказал в одобрение самой работы. Вот с этим смутным осадком в душе я и покинул квартиру на Автозаводской. А придя домой, вновь стал думать, кого же еще попытаться заинтересовать злосчастной моею рукописью.

И вспомнилось мне, что среди однодельцев моей сестры не все так бесповоротно порвали со своим романтическим прошлым, ушли в быт, в семью, в работу, но кое-кто пополнил собой ряды новой оппозиции (слово «диссидент» тогда еще не вошло в широкий обиход) и даже, как Майя Улановская, успел написать свои тюремно-лагерные воспоминания. Эти-то воспоминания и подсказали мне следующий шаг. Разузнал под каким-то предлогом у сестры ее телефон и позвонил.

Как ни странно, мы не были с ней знакомы, и уж тем более никогда не слышал я о муже Майи Анатолии Якобсоне, на диссидентском небосклоне звезде, можно сказать, первой величины, да вдобавок еще человеку пишущем — авторе вышедшей уже в постсоветские времена книги об Александре Блоке «Конец трагедии».

И вот передо мной еще один диссидентский дом, но совсем не похожий на предыдущий. Пока говорили с Майей, пришел из школы ее десятилетний сын. Переодеваясь начал сразу же выкладывать школьные новости. Потом схватился с — добродушным хромоногим псом, которого Анатолий подобрал однажды с перебитой лапой прямо на улице. А вскоре в квартиру вихрем ворвался и сам хозяин дома, взлохмаченный, расхристаный, со словно бы взведенной внутри пружинкой. Не присаживаясь, с любопытством стал проглядывать принесенную мной папку. Вдруг глаза его оживились:

— О, это для генерала. Это как раз то, чем он интересуется.

К тому времени я успел уже прочесть страстное григоренковское «Открытое письмо редактору журнала «Вопросы истории КПСС»» в защиту книги А. Некрича «1941. 22 июня», и лучшего комплимента для меня трудно было придумать. А когда я спросил, оставлять ли им мою папку, Толя взглянул на меня с какой-то светлой укоризной:

— Неужели вы думаете, что рукопись с таким посвящением может быть нам неинтересна?

Да, имена расстрелянных ребят были для него святы, как свято и лагерное прошлое его жены, разделить

которого, в силу небольшой возрастной разницы, он не мог, но постоянно чувствовал как бы легкий укор совести. Да и сам он, наверное, тоже был в некотором роде совестью диссидентского движения, хотя настоящее понимание этого пришло — лишь после его трагической — кончины. Мы условились, что рукопись генералу передаст он сам, и на этот раз я ушел обнадеженный.

И вот я иду, наконец, в дом, где меня ждут, да и сам с нетерпением жду — не дожусь этой встречи, потому что успел кое-что разузнать стороной о Петре Григорьевиче, окруженном, как и Сахаров, ореолом некоторого преклонения. Увы, диссидентов не готовили в наших вузах, и каждый приходил к этому своим путем, на основе собственного жизненного опыта. Для Петра Григорьевича этот путь начался с — Академии им.Фрунзе, где он возглавлял кафедру военной кибернетики, а если точнее — с партконференции Ленинского района Москвы в сентябре 1961 года, куда он был избран делегатом от этой академии и где отважился выступить с критикой набравшего тогда силу культа Хрущева. Весьма, надо сказать, сдержанной, даже робкой, но все равно обреченной быть похороненной в архивах той конференции — критиковать живых функционирующих вождей было в то время абсолютно запрещено.

Но зачем вообще ему это было нужно? Быть может сам — же Хрущев своим антисталинским докладом на XX съезде партии и подал ему опасный пример? Но если многоопытный Никита сумел заручиться поддержкой большинства членов ЦК и армейской верхушки в лице Георгия Жукова, то Григоренко ринулся на амбразуру в одиночку. Надо ли удивляться, что академическое начальство поспешило откеститься от непредсказуемого генерала, и его служебная карьера с того дня стремительно понеслась под откос. А к моменту нашей с ним встречи за плечами его уже было: изгнание из Академии и полторагодичная служба в Дальневосточном военном округе; создание своего рода семейной подпольной организации «Григоренко и сыновья» — «Союза борьбы за возрождение ленинизма», распространявшей написанные генералом листовки у заводских проходных и на московских вокзалах (сидел, где-то сидел-таки в нем наивный большой ребенок); легко прогнозируемый арест и 9 месяцев пребывания в Ленинградской спецпсихбольнице; лишение военной пенсии и работа грузчиком в овощных магазинах Москвы и Ялты; и, наконец, выход к свету — на орбиту зрелого правозащитного движения, когда он, решительно осудив свое — подпольное прошлое, выбрал себе девизом ставшую впоследствии знаменитой фразу: «В подполье можно встретить только крыс». Словом, типичный путь русского самородка-правдоискателя, чем-то

созвучный в своем начале трагически оборванному поиску Виктора Богачева.

Вот такой человек ждал меня в то воскресное утро в доме против церкви Святого Николы в Хамовниках, что в начале Комсомольского проспекта, и от вердикта которого — во многом зависела дальнейшая моя судьба.

Описывать ли самый дом? Пожалуй, что да, потому что подавляющее большинство «простых советских генералов» обитало если и не в особняках (хотя и в особняках тоже), то в сверкающих зеркалами и дубовыми перилами многоэтажных хоромов. А тут — невзрачное здание застройки двадцатых годов, в котором жила еще семья жены Петра Григорьевича и где его покойный тесть, рабочий и старый партиец, получил эту квартиру примерно в одно время с — воспетым Маяковским литейщиком Козыревым. А еще потому, что через эти подъездные двери прошли, без преувеличения, сотни людей самого разного возраста и звания — и из обеих столиц, и из провинциальной глубинки, ехавших сюда за советом и помощью, а то и просто взглянуть на легендарного генерала и передать ему поклон от благодарных земляков. А на этой вот мрачной, похожей на черный ход лестнице частенько толпились друзья и единомышленники — и во время семейных торжеств, когда тесная квартира не могла вместить сразу всех пришедших, и во время обысков в доме генерала, когда прознавшие о случившемся его сподвижники стекались сюда, чтобы продемонстрировать свою солидарность перед лицом обескураженных гебистов.

Но сегодня я иду сюда один, и открывший мне дверь Петр Григорьевич сразу предупреждает, что семья еще спит, — и проводит — в ближайшую маленькую комнату, где усаживает меня на тахту, а сам устраивается за письменным столом.

Все, кто в разное время общался с Григоренко, отмечали бросающиеся в глаза волевые свойства его натуры: статную, по-военному подтянутую фигуру, острый взгляд, быструю реакцию, умение заставить слушать себя даже враждебно настроенную аудиторию — как это бывало во время пикетов перед зданиями судов, где его слово жадно ловили люди из милицейского оцепления, — в общем, все качества прирожденного лидера. Но ничего этого я сейчас не ощущаю, а вижу перед собой только «добрые пронизательные глаза военного ученого», как выразился один из мемуаристов, да характерный улыбчивый прищур на широком, мощно вылепленном лице, отвечающий скорее представлению не о «человеке службы», а о крепком и гибком хозяйственнике.

Да, мою рукопись он прочел, и она ему понравилась, а на предложение поработать над ней вдвоем не колебалась отвечает согласием. Только вот приступить к этой

работе сейчас он никак не может, очень занят. Скорее всего в мае, когда немного освободится.

Увы, я не представляю себе степени его занятости, того, что Петр Григорьевич сейчас на разрыв. Не знаю о том, что всего несколько месяцев назад в его квартире был обыск и что он ходит по лезвию ножа, под дамокловым мечом ареста. Не знаю, что со смертью его ближайшего друга, старого большевика и бывшего колымского лагерника А.Е.Костерина, на его плечи легла миссия своего рода куратора крымско-татарского движения, отстаивающего право этого народа на возвращение на землю предков, откуда он был вышвырнут в годы войны по приказу вождя, и что в первых числах мая три тысячи крымских татар ждут его в Ташкенте, где должен начаться процесс над активистами их движения. Не знаю, что во время недавней встречи с Солженицыным Александр Исаевич настоятельно убеждал его взяться за написание правдивой истории Великой Отечественной войны, и он ему это пообещал.

Ничего этого, повторяю, мне неизвестно, да, наверное, знать и не положено. Но он-то не может не держать всего этого в голове и, тем не менее, на равных беседует с молодым «теоретиком», который не только вдвое его моложе годами, но, пожалуй, и на ступеньку ниже в своем развитии. А главное, далеко уступает в кругозоре и жизненном опыте, которого у Петра Григорьевича хватило бы на десятерых. Может, причина отчасти в том, что и сам он в правозащитном движении относительно еще новичок и не без пietetа относится к 30-летним «зубрам», многие из которых считают возможным просвещать и образовывать влившийся в их ряды «перспективный кадр», что воспринимается им почти как должное.

Да, это одна из обаятельных черт его натуры: готовность постоянно учиться, жадно впитывая все новое и по-детски радуясь каждому новому человеку, у которого он может почерпнуть что-то находящееся за рамками его познаний и опыта. А возраст, звания и прочее не имеют при этом никакого значения.

Однако есть и некая особая причина для нашего с ним сближения. Это — отношение к «основоположникам». Потому что имена Маркса и Ленина для нас обоих по-прежнему святы (чего никак нельзя сказать о большей части — диссидентского окружения), а социализм с «человеческим лицом» все еще служит нам идейным ориентиром. В сущности, об этом почти вся моя рукопись, и его доброжелательное к ней отношение не просто дань вежливости. И я чувствую почти физическое облегчение от того, что встретил наконец единомышленника.

Мы расстаемся, полагая, что на месяц. Экземпляр моей рукописи он оставляет у себя, чтобы поразмышлять над ним на досуге, а мне на прощание вручает

драгоценную по тем временам брошюрку — «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А.Д.Сахарова, видимо, только что привезенную кем-то из-за рубежа. Я же, со своей стороны, обещаю попытаться самостоятельно завершить «зависшую» у меня четвертую главу

***

И действительно, после нашей встречи работа у меня вдруг пошла, словно бы не хватало мне именно такого вот ободряющего сочувственного импульса. И в течение ближайших трех недель я не только справился с злополучной четвертой главой, но размахнулся еще и на пятую. Собственно, пускать рукопись в самиздат можно было и в таком, незавершенном виде — самое необходимое в ней, по сути, было уже сказано. И об этом мне не терпелось сообщить Петру Григорьевичу. Однако из осторожности решил позвонить не из дома, а по автомату.

Этот искрящийся солнцем апрельский день и теперь у меня перед глазами. Как и та — телефонная будка с надтреснутым стеклом у входа в метро Красные ворота, где я делал пересадку по пути с работы. Но главное — переполнявшее меня ощущение абсолютного, ничем не омраченного счастья, поделиться которым я мог лишь с одним-единственным человеком.

Да, такое не забывается. Таких минут в нашей жизни раз, два и обчелся. Однако женский голос на том конце провода объявил, что Петра Григорьевича нет дома, а на вопрос, когда будет, ответил, что лучше всего звонить после майских праздников. Что-то не понравилось мне в интонациях этого голоса, оставившего в душе какой-то смутный осадок, но что? В этом я не мог дать себе — отчета, а потому постарался отвлечься и не думать. А спустя несколько дней мой отец, ловивший по вечерам сквозь шум и треск глушилок Би-Би-Си и «Голос Америки», сообщил, что 7 мая в Ташкенте арестован генерал Григоренко.

Это известие было для меня больше чем шок. После необычайного подъема, даже эйфории последних дней и недель казалось, будто меня швырнули носом об землю. А тут еще этот злосчастный — оставшийся у Петра Григорьевича экземпляр, который в случае обыска наверняка попадет теперь в лапы гебистов. Я не знал, что делать, чего ждать, и весь словно бы внутренне сжался.

Две недели прошли как в тумане, пока я не понял наконец, что дальше так нельзя и надо на что-то решиться. Может быть, повидаться с женой генерала Зинаидой Михайловной, о которой — был немного слышан, но никогда не видел. Я позвонил, назвался и через час стоял уже перед знакомой мне дверью.

Ходила когда-то в самиздате популярная в те годы рукопись В.Турчина «Инерция страха». Через свой страх я сумел переступить и испытывал от этого огромное облегчение. А, кроме того, как выяснилось позднее, он был и сильно преувеличен. Потому что после отъезда мужа в Ташкент мудрая Зинаида Михайловна, умевшая просчитывать на несколько ходов вперед, убрала от греха подалше весь скопившийся в доме компромат.

Собственно, с этого визита, со знакомства с Зинаидой Михайловной и сыном генерала Андреем, началась как бы новая страница в моей диссидентской биографии, а дом Зинаиды Михайловны — стал моим почти что вторым домом. А когда Петра Григорьевича после Ташкентского изолятора по решению суда перевели в Черняховскую психбольницу и появилась возможность ему писать, я не преминул — этим воспользоваться. И наша переписка, к обоюдному, думается мне, удовольствию, продолжалась до конца его черняховского заточения.

В его фундаментальных мемуарах «В подполье можно встретить только крыс», над которыми он работал уже в эмиграции, есть такие строки: «Но не только активисты правозащиты вспоминаются мне. Очень содействовали созданию благоприятного климата те, кто поддерживал дух наш своей дружбой, своим участием. Никогда не забудем мы врача Игоря Рейфа, его врачебные заботы обо всей нашей семье и прекрасные и умные беседы его со мной. Не забудем и его жену Зою»⁴.

Это написано в 1980 году, по ту сторону «железного занавеса». Позволить себе большее Петр Григорьевич в то время не мог, боясь навредить. Однако в письмах из психбольницы, когда подобных опасений еще не существовало, он писал другое. Я приведу здесь лишь первые два письма, имеющие непосредственное отношение к рассказываемой мной истории.

«Черняховск. 7 июля 1970 г.

Дорогой Игорь. Письму Вашему очень рад. Думаю, каждому человеку радостно осознавать, что он оставил хороший след в душе другого человека. Естественно, рад и я тому, что несмотря на то, что наше знакомство было слишком беглым и коротким (выражение Вашего письма), несмотря на то, что я был в то время слишком занят и не мог уделить Вам достаточного внимания (добавлю я), Вы не только запомнили наши встречи, но и сочли возможным посещать мой дом и писать мне письма. И напрасно Вы думаете, что я Вас не запомнил. Запомнил и даже часто вспоминал и спрашивал, как Вы поведете себя, узнав о моем аресте. Я почему-то был уверен, что это Вас не испугает. Рад, что не ошибся. У меня в то время, как Вы знаете, бывало много народу, что и мешало нам поговорить по интересующим Вас вопросам. —

Ваши замыслы я помню и рад, что Вы от них не отступились, а что встретилось равнодушие и индифферентизм, то это Вас пусть не смущает. Еще не было случая, чтобы новое — будь оно большое или малое — встречалось в обществе овалциями. Работайте, и если дело живое, а не надуманное, успех обязательно придет. <...> Обнимаю Вас, мой молодой друг, желаю Вам больших успехов в искусстве⁵ и в жизни. Ваш П.Г.»

«Черняховск. 13. 8. 70 г.

Дорогой Игорь! Вы прямо святой. Я Вам доставил своим обещанием помощи одни неприятности, а Вы пишете: «Очень и очень сожалею, что нашим планам в отношении совместной работы так и не пришлось осуществиться». Я сожалею совсем о другом, о том, — что взялся помочь своими по сути ничтожными кибернетическими познаниями. У Вас специальность, масса материала и добрая половина готовой работы. Вы вполне могли бы обойтись без меня. И я, держа Ваши материалы и литературу у себя, фактически тормозил Вашу работу. Да и не знаю, все ли вернулось к Вам. Ведь у меня забирали все написанное на машинке или от руки и ничего не вернули. Все подшили в 25 томов, даже не читая. —Подшили все газетные и журнальные вырезки. Так что я даже не знаю, не попали ли туда и Ваши. Я из-за этого очень казнил. Сам себя клял: «Вот так помог диссертанту». Вы хоть напишите, нет ли у Вас невосполнимых потерь. Я очень об этом беспокоился. Да и до сих пор неспокоен. Но вот после этого покаяния стало чуть полегче. Но на мой вопрос все же ответьте. <...> Людям нужен Ваш труд. И ей-богу для них стоит работать, несмотря на все их недостатки и пороки. Крепко Вас обнимаю. Верю, что мы вместе еще поработаем, но не над кандидатской, а над докторской. Жму руку. П.Г.»

И сегодня не могу без волнения читать эти строки. Собственно, именно через письма узнавал я тогда Григоренко-человека, словно метеор, вспыхнувшего за год до того на моем небосклоне, но тут же и исчезнувшего. А ведь корреспондентов, как я, было у него, пожалуй, не один и не два десятка. И для каждого умел он найти свои проникновенные слова и свой выдаваемый в так называемые «дни писем» нормированный листок бумаги.

Эти вырванные из школьной тетрадки четвертушки и полулисточки с неизменным порядковым номером в —верхнем углу (дабы администрации труднее было «заиграть» какой-то из них), исписанные его твердым, без помарок, почерком — сплошь, без полей и зазоров между строчками, заслуживают, наверное, особого упоминания. Ведь ему приходилось беречь буквально каждый сантиметр

писчей поверхности. Вроде бы не разбежишься мыслью в этих плотных бумажных тисках. И, тем не менее, я порою настолько забывал, что разговор между нами ведется не на равных и что за окном у моего адресата не дома и деревня, а «небо в клеточку», что даже отваживался иной раз на совершенно неосуществимые в его условиях медицинские советы, за которые мне теперь немножечко стыдно. Но ни слова жалоб и сетований не прорывалось у него в эту непринужденную, живую беседу, которую он с присущим ему юмором умел вести, забывая об окружающем и весь отдаваясь бесконечно ценной им «роскоши человеческого общения».

***

Однако мне пора вернуться к своей рукописи, история которой еще не закончена. Казалось бы, дом Зинаиды Михайловны, где не успевали закрываться двери, впуская и выпуская друзей из ее обширного диссидентского круга, открывал передо мной неограниченные возможности. Ведь сюда не только стекался циркулировавший по Москве самиздат, но кое-что получало путевку в жизнь именно в этих стенах, подхваченное и размноженное неведомыми мне руками.

Но не тут-то было. Очень скоро я обнаружил, что интересы завсегдатаев дома лежат совсем в другой плоскости и что моя критика режима «слева» для большинства вчерашний и скучный день. Парадокс заключался в том, что я по-прежнему оставался в одиночестве, теперь уже в диссидентском окружении, что и послужило поводом для —утешительных фраз в письме Григоренко. Вместе с тем я чувствовал, что работа моя нужна, но не здесь, в эпицентре боев за свободный выезд из страны и против расправ с инакомыслящими, а там, где живут другими заботами и где страдают скорее от милицейского произвола, чем от гебистских преследований.

Но пока в моем активе имелись всего пять считанных экземпляров, собственноручно отпечатанных мной на разбитом стареньком «Ремингтоне». А чтобы отправить книгу в свободное плавание, требовалось в пять или в десять раз больше. И поскольку самиздат ничего в этом плане мне не сулил, оставалось самому идти на поклон к машинисткам.

Первая машинистка... Сколько посвящено ей строк в стихах и прозе с самого момента возникновения этой профессии и вплоть до ее недавней кончины. У меня тоже была первая машинистка. Звали ее Надя Емелькина, и была она то ли подругой, то ли гражданской женой известного в те годы функционера правозащитного движения Виктора Красина. Лет двадцати, строго, бледная, с гладко зачесанными волосами, она была бы, пожалуй,

очень хороша собой, если б не обращенный куда-то вдаль неподвижный неживой глаз. Не знаю, что явилось причиной этого несчастья, но, вероятно, оно как-то сказалось на ее характере. По крайней мере, ее здоровый глаз всякий раз закипал нетерпеливым раздражением, стоило мне заикнуться об ускорении печатанья или о том, чтобы просматривать еще не вынутую из каретки страницу на предмет опечаток. Мне же не оставалось ничего другого, как заключить, что работу мою она делает лишь в порядке одолжения и никакого интереса она для нее не представляет. При этом она брала с меня плату по таксе, как за какую-нибудь диссертацию, и это было особенно обидно.

Грешно, вероятно, мне бросить теперь в нее камень: ведь в это самое время она, быть может до глубокой ночи, перепечатывала пухлую «Хронику», и на что-то другое ее действительно не хватало. Но ведь и я старался не для себя, однако это ее, очевидно, нисколько не занимало.

Ах, если бы был Петр Григорьевич, все могло бы сложиться по-иному. Но он находился почти что на другой планете, и трудно было отрешиться от мысли, каким тяжелым катком прошелся по мне его арест. А вот что по этому поводу писал он сам много лет спустя, уже из своего эмигрантского далека:

«Все время, пока я жил и боролся в Советском Союзе, я не уставал поражаться чуду народного творчества — «Самиздату». Каких-то пять-шесть машинописных копий, вышедших от автора, превращаются в сотни и тысячи экземпляров, каждый из которых читается множеством людей. <...> Но бывают и такие произведения, которые автор настойчиво толкает в свет. Несколько раз печатает и распространяет, а оно бесследно исчезает. И это было бы понятно, если бы такое происходило только с произведениями бесталанными. Но очень часто исчезают бесспорно талантливые творения. «Самиздат» их почему-то не принимает⁶. Опять-таки не названы ни произведение, ни автор, дабы не навредить. И доказательств у меня, в сущности, никаких. И все же ни минуты не сомневаюсь, о ком именно говорится в этих строках.

Были после Надиной распечатки еще две или три закладки, выполненные уже другими машинистками, которые я так же исправно передавал в руки Зинаиды Михайловны, все еще надеясь вдохнуть жизнь в свое детище. Пока не решился, наконец, поставить в этом деле бесповоротную точку. Как оказалось потом, преждевременно.

Однажды осенью 1970 года во время большого и шумного застолья в доме Григоренко (кажется, отмечался совпадающий день рождения Петра Григорьевича и Зинаиды Михайловны) моим соседом по столу оказался Петя Якир, который в перерыве между —тостами поведал

мне, что экземпляр моей рукописи с некоторых пор находится в КГБ и что попал он туда из Калинина (так называлась в ту пору Тверь) после проведенного у кого-то обыска. Конечно, он хотел меня предостеречь, однако эта новость оставила меня совершенно равнодушным. В конце концов, все самиздатовские материалы рано или поздно ложатся на стол этого ведомства. К тому же работа не подписана, а о ее авторстве знает лишь самый узкий круг, так есть ли о чем беспокоиться?

А между тем беспокоиться было надо. Хотя очевидным это сделалось и не сразу, а лишь время спустя, после ареста самого Якира и последовавших затем событий. — Был он в диссидентском движении знаковой, — как теперь говорят, фигурой, и его арест в июне 1972 года всколыхнул чуть не пол-Москвы. Но еще больше заставил он говорить о себе, когда по городу поползли слухи, будто Якир и арестованный вслед за ним Красин раскаиваются в своей правозащитной деятельности и активно сотрудничают со следствием, давая показания на бывших сподвижников. Для большинства правозащитников это было как шок. Но еще большим ударом падение Якира стало для близких ему людей. «Сильное угнетающее воздействие, — говорит у Григоренко, — произвело «раскаяние» Якира. А к Петру Якиру я относился именно как к сыну. К любимому сыну. И он ко мне относился по сыновьи. Последние полгода перед моим арестом редкий день проходил, чтобы мы не виделись. Было от чего взвыть. Думаю, что даже в «раскаянии» у человека должна быть черта, которую перешагивать нельзя. Петр ее перешагнул».

Разумеется, к числу «близких» я причислить себя не мог, хотя, бывая в доме Зинаиды Михайловны, находился в курсе событий, но воспринимал их как бы отстраненно. Может потому, что свою собственную страницу на самиздатовском поприще считал перевернутой и драму, разыгрывавшуюся вокруг Якира и Красина, на себя лично не проецировал. Пока однажды в конце апреля 1973 года у меня дома не раздался телефонный звонок.

Звонил мой знакомый физик, устроивший мне когда-то через своего коллегу встречу с Петром Ионовичем. Ничего не объясняя он попросил меня приехать. Там меня уже поджидал мой «Вергилий» — Саша Каплан, тот самый, что четыре года назад сопровождал меня на квартиру у метро Автозаводская, а сейчас только что вернувшийся с Лубянки, куда его вызывали по делу Якира, и чем-то явно взволнованный.

Мы устроились, по обычаю москвичей, у придвинутого к окну кухонного стола, и Саша приступил к своему рассказу. А рассказ, увы, имел самое непосредственное отношение к моей персоне, ради чего Каплана, по-видимому, и вызывали на Лубянку. Хотя допрос был обставлен

по-хитрому. Разговор поначалу вертелся вокруг одного Якира, с которым Саша практически уже не общался, ушел в науку, защитил диссертацию, о чем на Лубянке не знают, конечно, не могли. А потом хозяин кабинета вдруг встал и вышел, оставив на столе — какую-то рукопись. Это была «Трансформация большевизма».

Не обратить на нее внимания Саша, конечно, не мог, и когда вернувшийся следователь заметил этот его интерес, то, как кошка на мягких лапах, вкрадчиво спросил: «Ну как, узнаете эту вещь?» «Первый раз вижу», — невозмутимо отвечал тот. «А вот здесь, Александр Ефимович, вы говорите неправду. Не знаете ее вы не можете». Но Саша, обладавший уже опытом общения с органами, хладнокровно парировал: «Если вам известно лучше меня, что я знаю и чего не знаю, то незачем было меня сюда приглашать».

— Бесспорно одно, — резюмировал он свой рассказ, — они ищут второго свидетеля. Показания Якира у них, очевидно, уже есть. Но для доказательства авторства нужен еще один человек. Иначе суд этого дела просто не примет.

Таковы в то незаконное время были правила игры, которые власти старались все же не нарушать. В общем, выходило, что до тех пор, пока у КГБ нет второго свидетеля, я могу быть более или менее спокоен. Но спокойным я себя, конечно, не чувствовал, в особенности после того, как спустя несколько дней получил еще один тревожный сигнал, но уже совсем с другой стороны.

Однажды, когда меня не было дома, к моей жене зашла жившая над нами старушка-соседка и под большим секретом сообщила, что накануне к ней приходили двое и, предъявив всем известные красные книжечки, стали выспрашивать подробности, касающиеся опять-таки моей персоны. А напоследок строго предупредили о полной конфиденциальности своего визита. Но пуганая-перепуганная соседка, пережившая 37-й год и аресты родных, промаявшись ночь, все же не выдержала и решила рассказать обо всем моей жене.

На этот раз Саша отреагировал мгновенно и, с полупонамека поняв по телефону, о чем речь, через полчаса был уже у меня. К новому «звоночку» он отнесся с гораздо большей серьезностью, а кроме того, привез дурную для меня весть: арестована Надя Емелькина. Теперь в распоряжении органов был еще один потенциальный свидетель, и весь вопрос состоял в том, как поведет она себя на следствии.

Круг сужался, и пора было, вероятно, и мне обдумать стратегию своего собственного поведения. Но время шло, миновал и май, а я так ни на что и не решился. Решение за меня приняло Провидение, и острая инфекционная

желтуха, разом разрешившая все мои проблемы, упрятала меня на три месяца в Боткинскую больницу.

Никогда в жизни не видел я еще столько смертей, как в этом желтушном отделении. И хотя чаша сия меня миновала, но чувствовал я себя прескверно, не будучи в силах даже до телевизора в конце коридора, где из вечера в вечер показывали премьеру знаменитых «Семнадцати мгновений весны». Трижды успел смениться состав больных в отделении, когда на излете августа подошел, наконец, и мой черед. О суде над Якиром и Красиным я узнал уже дома, видел по телевизору и ту самую пресконференцию, где они публично отреклись от своей правозащитной деятельности. Мною же, пока я лежал в больнице, никто в открытую больше не интересовался. Была ли тому причиной моя труднодоступность или что другое, так и осталось невыясненным. И лишь одно мне известно наверняка — что Надя Емелькина меня не выдала.

***

Медленно, очень медленно возвращался я к нормальной жизни, словно просыпаясь от долгого и трудного сна. А когда более или менее пришел в себя, то вспомнил про убранный из дома под угрозой ареста самиздат. Теперь, когда эта угроза миновала, его можно было возвращать без опаски. Но не все, к сожалению, удалось получить обратно. Кое-что пропало с концами. А из машинописных копий моей собственной работы уцелел лишь один-единственный экземпляр.

Долгие годы хранил я его как память, но ни разу в него не заглядывал. Но не потому, что утратил интерес к этой стороне нашей истории. Просто со временем всплыли наружу такие подробности, о которых тогда, в конце 1960-х годов, могли знать лишь особо доверенные историки. Рухнул тщательно подновляемый и приукрашиваемый — фасад, и взорам открылся беспросветный мрачный задник. Так что никаких иллюзий в отношении Ленина и его окружения у меня уже не осталось.

Многое пересмотрел под конец жизни и Григоренко, что видно из написанных им в эмиграции мемуаров. Но это вовсе не эластичность взглядов, которой грешат в наши дни некоторые — из бывших шестидесятников, а необычайная, в чем-то сродни детской, открытость всему новому, что несет нам жизнь, и уж совсем не детская способность ее переосмысливать. И самый, может быть, главный вывод сформулирован им на последних страницах его итоговой книги: «Власть, родившаяся в подполье и вышедшая из него, любит в темноте творить свои черные дела. Но мы теперь знаем твердо, что В ПОДПОЛЬЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ТОЛЬКО КРЫС. Из подполья вышли крысы, которые захватили власть над людьми. <...> Крысы

добились изгнания меня с Родины, как до того изгнали Солженицына, Чалидзе, Максимова, а после Ростроповича, Вишневу, Рабина... Но будущего у крыс нет. Мы вернемся на Родину и увидим освобожденный от крысиной напасти народ»⁸.

Что же касается меня, то в одном пункте я все-таки остаюсь на прежних своих позициях. Это относится к самой социалистической идее, к возможности реформирования и конвергенции социализма и капитализма, с чем связывал когда-то свои надежды Андрей Дмитриевич Сахаров. Увы, социализм в том виде, как он существовал в Советском Союзе, оказался, по-видимому, нериформируемым в принципе и может быть поэтому потерпел свое сокрушительное поражение. Плоды победы достались капитализму (а поле битвы — мародерам), а победитель, как это всегда и бывает, сумел навязать свои правила игры. Так что на сегодня социализм практически вытеснен с исторической арены. Но вытеснен ли окончательно? И, вообще, насколько справедлива аксиома, будто социализм исторически возможен лишь в одной недобро известной миру бесчеловечной советской генерации, и ни в какой другой?

...И по сей день ощущаю неуютную пустоту оттого, что не могу поделиться этими мыслями с Петром Григорьевичем, не могу спросить, что думает он по этому или другому поводу. Да и не вижу, если честно, сегодня людей, которые принимали бы близко к сердцу подобного рода материи, ни лично, ни профессионально их не затрагивающие. Может, потому так «удобно» было с ним психиатрам, мерившим его на свой привычный аршин, куда не укладывались ни его участие в судьбе крымских татар, ни его донкихотская попытка предупредить Дубчека об угрозе советского вторжения, ни озабоченность — искажением «ленинских принципов» в партии и государстве (когда на то есть специальный штат партийных идеологов). Словом, не укладывался самый масштаб его личности, которой было тесно в прокрустовом ложе так называемого здравого житейского смысла.

Когда в июне 1991 года в Москве бурлили страсти вокруг выборов первого президента России, из Нью-Йорка позвонила Зинаида Михайловна, пристально следившая за всем, что происходит в ее родном отечестве. К тому моменту Петра Григорьевича уже четыре года как не было в живых. Но на вопрос, кого бы ей хотелось видеть президентом России, она прокричала в трубку: «Только моего Петро». Мы с женой переглянулись: блажит, мол, старуха. Но спустя немного не сговариваясь подумали: а почему бы и нет? Ведь это и в самом деле был его уровень. Однако по зрелом размышлении все же пришли к

выводу: нет, не смог бы генерал Григоренко стать профессиональным политиком. Для этого ему не хватало лишь одной «малости» — он не умел думать одно, делать другое, а говорить третье. И люди менее совестливые и, как говорят, прожженные обвели, обставили бы его на первом же повороте и выдавили бы с политического игрового поля.

Постскрипtum

В конце 1990-х годов, перед отъездом в Германию, мне пришлось заняться приведением в порядок семейного архива. Переезд и ремонт — два «стихийных бедствия», которые поневоле заставляют нас разбираться в бумажной завали, потому что хранить, как известно, проще, чем решиться что-нибудь выбросить. Дошла очередь и до знакомой папки с листками полураспльвшейся машинописи. Везти ее или оставить? Но уже решив, было, не везти, почувствовал, как что-то шевельнулось в груди. А может быть, она кому-нибудь еще интересна, хотя бы как реликт безвозвратно канувших шестидесятых. И тогда я снял трубку и позвонил Инне Андреевне Щекотовой, сотруднице Центра им.А.Д.Сахарова, с которой был немножко знаком и чья доброжелательность и сердечность стали для меня как бы визитной карточкой этого коллектива.

«Живому» самиздату 30-летней давности Инна Андреевна обрадовалась и сказала, что они с удовольствием ее у меня заберут. Только попросила написать коротенький, в две странички, к ней комментарий. Я пообещал и с этим уехал. Однако руки все не доходили: не умею я писать коротко, да и как уместить на двух страничках целый драматический кусок жизни. И тогда я решил писать как получится. Вот так и родилась на свет эта история — то ли комментарий к самиздатовской рукописи, то ли к — отчеркнутым ею годам и причастным к ее — судьбе людям.
2006–2007 гг. Франкфурт-на-Майне.

Примечания

* Рейф Игорь Евгеньевич, врач-терапевт, диссидент, правозащитник, писатель. Живет в Германии.

¹ Журнальный вариант

² А. Д.Сахаров. Воспоминания. В двух томах. М.: Издательство «Права человека». 1996. Том 1. с. 389

³ П.Григоренко. «В подполье можно встретить только крыс...». Нью-Йорк: издательство «Детинец». 1981. с. 646

⁴ П. Григоренко. Там же. — с. 778.

⁵ Это, разумеется, для цензуры.

⁶ П. Григоренко. Там же. с. 594

⁷ П. Григоренко. Там же. с. 727-728

⁸ П.Григоренко. Там же. с.788

Мишель Серр: ТОЛЬКО КРАСОТА НАС СПАСЕТ

Мишель Серр (родился в Ажене в 1930 году в крестьянской семье), философ, историк философии и философ науки. В 1955 году он стал агреже философии. С 1956–1958 служил морским офицером на различных кораблях национального флота: в Атлантической эскадре, при открытии Суэцкого канала, в Алжире, в Средиземноморской эскадре. Мишель Серр защитил свою докторскую диссертацию в 1968 году и затем преподавал философию в Клермон-Ферране, в Винсенне и в университете Париж 1.

Его обширное творчество посвящено также проблемам философии науки (?Гермес? Т. 1-5 (Hermès 1969-1980)). Философия Мишеля Серра, нацеленная как на тонкое ощущение, так и на концептуальную интеллектуальность, ищет возможность стыковки между точными науками и социальными науками. Серр стал членом Académie Française в 1990 году, а также кавалером Ордена Почетного Легиона. Будучи строгим эпистемологом, Серр посвятил себя также вопросам образования и распространения знаний. Мишеля Серра отличает атипичная карьера, которая привела его из мореходного училища в Académie Française. С 1982 года ученый проводит часть года в Стенфордском университете, где он преподает историю. Его книга *Le contrat naturel* 1990, читалась как, своего рода, постмодернистская философия природы. В ней Серр выражает свою реакцию на глобализацию проблем окружающей среды. В 2006 году вышли в свет книги *Petites chroniques du dimanche soir* и *L'art des Ponts*. *Homo pontifex*.

Не имея особой склонности к культуре страны по ту сторону Атлантики, тем не менее, Мишель Серр высказывает абсолютно оптимистическое суждение в отношении развития новых технологий. Как историк наук и визионер, он отличается от своих многочисленных коллег, прежде всего тем, что вписывает актуальные общественные потрясения в процесс непрерывной эволюции человека.

Беседовали Гала Наумова, Константин фон Барлевен

Господин Серр, Ваш философский труд является свидетельством удачной стыковки между точными науками и интуитивным знанием или, вернее, тем, что называется термином *intuitive intelligence*. Как, по Вашему мнению, осуществляется взаимосвязь в философском, естественно научном и литературном процессах познания?

Ваш вопрос отсылает нас к очень старой традиции во французском языке, которая обнаруживается также и в немецком, испанском и итальянском языках. Многие французские философы — Монтень, Дидро, Вольтер были, собственно, в первую очередь, философами науки, но при этом они ничего не имели против литературного творчества.

В немецком языке это относится к Ницше, в испанском — к Сервантесу, в итальянском — к Данте. Даже сегодня большинство физиков, астрономов, биологов или биохимиков продолжают рассказывать в своих книгах во все той же повествовательной манере все ту же самую значительную историю, которая существует на земле, а именно, историю, которая начинается с Великого Толчка (Big Bang), например, и продолжается с возникновением звезд, галактик, затем с остыванием планеты, происхождением жизни, появлением человека и т.д. Кажется, что в настоящем, как и в прошлом, наука приобретает, в определенной манере, форму вокруг этого чудесного повествования, которое ведется до бесконечности, все время исправляется, и оформляется по-новому, в соответствии с результатами научных достижений на тот или иной период времени. И все же, на протяжении всей духовной истории человечества наука, до сих пор, не выработала никакой иной формы повествования, которая была бы лучше структурирована и в большей степени бы отражала реальность, чем та, которую мы знаем сегодня.

Это означает, что мы принимаем участие в довольно необычном синтезе точного научного знания с его повествовательной презентацией. Наши модели глобального мышления вступают во взаимоотношения с уникальной легендой неорганической материи, легендой жизни, легендой человека и языка. Исследование и описание этого замечательного развития сделало из нас обладающих знаниями животных, которыми мы, на сегодняшний день, и являемся.

Две фигуры занимают в Ваших текстах центральное место. Это Гермес и Арлекин. Оба иллюстрируют, по различным критериям, взаимоотношение науки и искусства. Поскольку один из них — Гермес, представляет архитектурного посредника между областями знания и жизни, то другой — Арлекин, отражает кричащее, зачастую хаотичное многообразие жизни.

Философ должен разрабатывать не только идеи, но и философские фигуры. Уже с давних времен я испытываю глубокий интерес к Геркулесу, который, как известно, у древних греков был богом переводчиков, посланцем, торговцев, воров и всякого рода отношений. Он находился немного в оппозиции по отношению к тенденциям в философии 60-х годов прошлого века, обращенных, скорее, к Прометею, — богу, который работал и был богом труда, он украл у богов огонь, и стал для людей своего рода ?героем труда?. Я исходил из той идеи, был совершенно уверен в том и даже был готов держать пари, что общественное производство, которое мы унаследовали из 19 века, постепенно уступит место обществу коммуникаций и, следовательно, Гермес заменит Прометей. Думаю, что эта гипотеза подтвердилась и я выиграл пари. Таким образом, это значит, что я был первым, кто предсказал это грядущее общество коммуникаций. Ведь именно в этом и состоит роль, задача и цель философии — предугадывать будущее. Что же касается Арлекина, то я выбрал его, в первую очередь, потому, что он, как раз, является воплощением философского персонажа з комедии дель арте, философской фигурой, также перенятой Лейбницем, с помощью которой я хотел говорить о смешении культур, смешении различных традиций и языков. Арлекин мне показался очень подходящим для этой роли, потому что он носил обычно одежду разных размеров, формы и цвета. Я увидел в нем яркий символ того, что сегодня называют, несколько абстрактным словом ?мультикультурность?.

Научный прогресс всегда ищет вдохновение в творческом хаосе, в чудесном и необычном, в неожиданном, в том, что и представляет, по сути, Арлекин. Вы как-то упоминали в этой связи, что поэтический импульс, никоим образом, не находится в противоречии с естественными науками, более того, что естествознание, само по себе, собственно, и есть эликсир вдохновения.

В начале 20 века еще до Бергсона, французский математик и философ Генрих Пуанкаре сделал грандиозное открытие, которое в последствии дало теорию хаоса Бергсона. Суть этого открытия состояла в том, что в концепции Ньютона в кажущейся унифицированности небесной механики Пуанкаре увидел отклонения, которые нельзя однозначно объяснить линейными уравнениями. Феномен, так называемой, нелинейности привел затем к теории хаоса, которая нам сегодня хорошо знакома.

Бергсон перенес идею абсолютной креативности, непостижимую в понятийно-концептуальных категориях, на саму жизнь и на всю вселенную в целом, что для истории, и особенно, для истории идей означает ни что иное, как мысль, что она также подлжит некоему внутреннему порядку.

На самом деле, история, так же как и история наук непредсказуема, она манифестируется в скачкообразных изменениях. Только дурак всегда знает, что он скажет, напротив же, человек умный принимает в учет возможность того, что всегда может случиться что-то неожиданное. Поэтому учет неожиданного, непредсказуемого, является решающим признаком интеллекта и духовной работы, который также и наука осуществляет необходимым образом.

Наука и поэзия, которые этимологически вытекают из «сфабриковать», связывает одно и то же, — основательность и прилежание. В первом случае это проявляется в методическом способе исследования, в другом случае? в точностях использования языка.

Со времен Декарта естественные науки и, во все возрастающей степени также и гуманитарные науки, основываются, преимущественно, на принципе рациональности, что связано с критериями объективности, доказуемости и независимости от ценностей. Нужно сказать, что эту концепцию можно принять лишь с натяжкой. Убеждение в том, что ориентированная, таким образом, сила человеческого познания с течением времени сможет постичь все сущее, вынуждено обуславливает исключение этических и метафизических вопросов. Каким образом, современный человек

к, находясь перед таким положением вещей, сможет найти путь к своим первоосновам, как он сможет снова приобрести утраченную им чуткость к неисчерпаемости богатства мира и, тем самым, к более глубокому восприятию жизненного смысла?

Тема, которую Вы здесь обрисовали, чрезвычайно комплексная. Это правда, мы детерминируем, со все растущей уверенностью, научные результаты, но, с другой

стороны, мы все более сомневаемся в том, какой же путь должна выбрать наука. Таким образом, мы снова оказываемся на пороге неожиданного и непредсказуемого. Если Вы меня спросите про смысл жизни, и также про то, какие направления этот смысл примет в общем, или в каждом отдельном случае, тогда я Вам отвечу, что мы этого никогда не узнаем. Мы не знаем ни цели будущего развития, ни цели самой истории. К счастью, у человека есть дети, которые иногда непослушны, которые делают нечто такое, что их родителям представляется неожиданным, и тем самым, дети решают такие проблемы, перед которыми их родители остаются беспомощными. Понятно, что, тем самым они, в свою очередь, создают новые проблемы. Таким образом, смысл жизни проявляется именно в таких сменах направлений, которые похожи на постоянное разветвление деревьев.

Лауреат Нобелевской премии по физике Шарль Рубиа говорил о своем восхищении красотой всей вселенной, красотой как внешнего мира- космоса, так и красотой внутреннего, материального мира. Являясь представителем точных наук, тем не менее, он отдавал должное некоему высшему порядку, который бесконечно превосходил представление о том, что весь этот грандиозный мир — всего лишь результат случая и статистички. Он верил в то, что всем этим мы обязаны некоему вселенскому разуму.

Шарль Рубиа выразил здесь свое глубоко личное признание, к которому я отношусь с уважением. При этом, здесь для меня также важны два следующих аспекта. Первый из них затрагивает выше упомянутые отношения между наукой и поэзией. Если себя посвятить астрономии, биохимии или другой аналогичной дисциплине, прежде всего, оказываешься впечатленным красотой. Не только гармонией или ошеломляющим многообразием мира, но именно, конкретно чудом, как оно манифестируется уже в цепочке связей множества клеток в организме зародыша. Если по окончании девяти месяцев беременности всю цепочку ДНК клеток этого ребенка вытянуть в длину, то получится расстояние в миллионы раз больше, чем расстояние между планетой Земля и Луной, туда и обратно. То, что женщина затем рождает такое, гениально сотворенное существо, удивляет и восхищает меня вновь и вновь. Отсюда становится очевидным, что без понимания красоты человек вообще ничего не сможет понять. Только красота спасает нас, и она никогда не должна отрешаться от правды. И вот мы уже дошли до второго аспекта, а именно, до теологии. Перед лицом таких чудес начинаешь склоняться к вере в то, что существует бог-творец.

Но что же такое вера? Это мы можем очень хорошо объяснить на следующем примере. Возьмем расстояние между 0 и 1 для обозначения небольшого сегмента, при котором 0 означает уверенность в том, что бога нет, а пункт 1 означает, соответственно, что бог существует. Таким образом, получается, что вера? это длительное путешествие духа между категорическим атеизмом и неограниченным признанием некоей высшей божественной власти. Это то состояние радикальной нерешительности, в котором мы постоянно находимся, колеблясь между двумя экстремальными гипотезами. И это именно то, что впервые дало христианство, так как другие религии имели традиции, а все-таки не веру. То простое слово «кредо», которое воспринято из римского права и введено в христианскую теологию, готовило другой общественный порядок: наш порядок, основанный на вере и на различных степенях, в которых она выражается в соответствии с данным определением.

Можно ли представить в нашу современную эпоху, в которой господствует наука, этику без веры?

Этого я не знаю. Этика вступает в конфронтацию с трудностями, которые она заранее не может запретить науке, потому что нельзя диктовать и ограничивать свободу исследователя. Кроме того, результаты исследования невозможно предвидеть. Вследствие этого, потом, уже post factum, пытаются сформулировать обязательную для всех этику, но она оказывается отодвинутой на задний план тем или иным научным результатом, поскольку, как только наука открывает новые возможности, техника тут же стремится к их осуществлению, и люди имеют правомерное желание, воспользоваться этим открытием.

Что же остается делать, если этика а priori неприменима, а а posteriori бесцельна? В отношении науки этические вопросы, которые сегодня мы обращаем к химии, биохимии и генетическим манипуляциям, были поставлены уже две с половиной тысячи лет назад в Древней Греции. Тогда, весьма позитивным образом, развивалась анатомия, вследствие чего медицина, была отмечена некоторыми значительными успехами благодаря школе Гиппократов. Гиппократ сразу распознал, что врач становится властителем, одновременно, и жизни, и смерти своего пациента. И поэтому, он добавил приложение к собственным научным работам, которое сегодня во всех развитых странах известно под именем «клятвы Гиппократов». Эта знаменитая клятва доказывает, что этика может все-таки продержаться в течение довольно долгого периода времени. Каждый начинающий врач, как в

древности, так и сегодня, должен принести эту клятву в конце своего обучения. Таким образом, мы стоим сегодня перед задачей, распространить клятву Гиппократов на все существующие науки.

Уже много лет назад я предлагал научную клятву, с которой ученый, после окончания учебы, объявляет свое согласие. Это значит, что совесть обязывает его нести личную ответственность за проводимые им исследования, и с этим сознанием обеспечивать этических характер результатов своего труда. Я думаю, что здесь находится решение этической проблемы, которую выдвинуло современное научное исследование.

Но ведь даже, если ученый принесет клятву в своей области исследования, тем самым, отнюдь, не гарантировано, что также и технократ будет соблюдать эти правила. Вы ведь говорили о том, как скоро техника воплощает в действительности то, реализовать на практике то, что наука теоретически разработала и предоставила в распоряжение. До известной степени, в истории духовной культуры это вызывала не слишком большие опасения, так как техника, все же, развивалась в русле, более или менее, метафизически окрашенного мышления, что, в конечном итоге, и определяло границы. В то время как техника постепенно сама превратилась, в своего рода, машинного бога или, по меньшей мере, стала вероучением, никак не обойти вопрос, каким образом, технологическому прогрессу можно создать какие-либо препятствия, чтобы немного ослабить его последствия, все более угрожающие человеческой цивилизации?

Идея прогресса появилась на рубеже веков между 17 веком и эпохой Просвещения. Она означает поступательное движение вперед в области научного познания, которое постоянно стремится внести свой вклад во благо человечества. Судя по всему, эта идея продержалась до середины 20 века и затем пережила глубокий кризис. Атомные взрывы в Херосиме и Нагасаки, раз и навсегда, сделали понятной следующую истину: что ученые, и еще к тому же, лучшие из них, были способны создать оружие, которое могло уничтожить на месте десятки тысяч людей и мог бы даже с

тереть жизнь с лица Земли. Это фиаско потрясло физику до самых ее глубин. Также и химия потерпела подобное поражение в некоторых проблемах, в результате которых сильно пострадала окружающая среда. И наконец, перед биологией сегодня встают этические вопросы, поскольку некоторые из ее направлений со всей остротой выдвинули их на первый план. Одна

научная отрасль за другой, увидели себя перед лицом препятствий, которые говорили о конце идеи прогресса. В этой стадии выросло поколение, которое имело абсолютно негативное отношение к науке и технике, и их обеих одинаково проклинали, как прежде их прославляли. Я думаю, что как идея непрерывного прогресса, так и уничтожающая критика прогресса, несут в себе радикальное решение, которое, действительно, нельзя принимать всерьез. Процесс научного развития содержит в себе совокупность всех человеческих поступков, нечто неожиданное и непредвиденное, некую смесь хорошего с плохим, преимуществ и недостатков, завоеваний и потерь. Все имеет свою цену. Наука, вероятно, и дальше будет нам предлагать многочисленные выгоды, за которые мы, все же, должны будем платить.

Верите ли Вы, оглядываясь на всю историю эволюции человека в течение последних двух или трех миллионов лет, что он, как духовное существо, создающее символы и способное к трансценденции, может придать этой эволюции смысл, который выходит за рамки чисто биологического эмпирического хода вещей?

У нас пока нет точных знаний о том, какое именно развитие происходило в течение этого огромного промежутка времени. Кроме того, существует, по моему мнению, столько же эволюционных теорий, сколько существует биологов. Каждый развивает свою форму дарвинизма, поскольку это чрезвычайно трудно, ориентироваться в этой путанице. Необходимо одновременно глобальное и бескомпромиссное мировоззрение, чтобы с уверенностью отстаивать убеждение, что человек взят оттуда или отсюда. Ясно только то, что человек — многоуровневое явление, состоящее из самых разнообразных элементов и свойств. Например, он изобрел язык коммуникативных процессов, который, на самом деле, хорошо функционирует. Но, впрочем, ничуть не лучше чем у одноклеточных, которые также открыли способ реагировать на определенные трудности в своем окружении. Эта новость распространилась потом быстро среди живших по соседству одноклеточных, почти также, как сегодня это происходит в интернете. Короче: я надеюсь, что наша жизнь находится под знаком трансцендентного, но доказать это не представляется возможным.

Не видите ли Вы опасности в том, что интернет, кибернетика, средства массовой информации, полностью перенесли реальность в область виртуального, стирают классическую метафизику, и даже религию?

Это слишком сильно сказано. В мифических и религиозных традициях божественные творцы мира никогда не соприкасались напрямую с коммуникационными системами. Обычно, это были им подчиненные существа, которые заботились о передаче сообщений? как, например, уже упоминавшийся нами Гермес или христианские ангелы. Мы переживаем сегодня, как глобальное развитие сети передач и сети коммуникаций изменяют в своей основе кодирование и дальнейшую передачу информации. Подобное уже происходило в предрассветных сумерках истории, когда письменность повлияла на общественные, политические и научные преобразования, и затем в 16 веке, когда изобретение книгопечатания оказало такое воздействие на религию, научные исследования и весь мировой порядок, которое едва ли можно измерить. Начиная с тех давних времен и до сегодняшнего дня, мы живем в эпоху третьей революции носителей информации и информационного обмена, которое будет иметь не менее значительные последствия, чем обе предыдущих.

В то время, как мы превозносим сегодня информационную технократию, — хотя, по сути, нам уже, собственно, нечего сообщить друг другу, — не изгоняем ли мы постепенно из нашего сознания спиритуальный характер нашего существования?

Чтобы что-то противопоставить этой потере, чему может научиться наша современная цивилизация, например, у архаических культур, если вспомнить работы Андрэ Леруа-Гурана о преисторических религиях?

Но мы ведь сами архаичны во многих наших действиях! Достаточно хотя бы вспомнить тот факт, что содержание соли в нашей крови соответствует содержанию соли в морской воде, следствием чего было образование той среды, из которой произошли морские животные, потомками которых мы являемся.

В результате эволюции, которая длилась многие сотни миллионов лет? мое тело содержит все характеристики первобытной жизни? и, одновременно, что-то очень новое, насколько я что-то понимаю в делах биохимии или современной философии. То же самое относится и к нашей цивилизации. С одной стороны, мы точно проинформированы о новейших результатах ведущих наук, с другой стороны, однако, мы прочно укоренены в архаическом мышлении. Поэтому, я считаю необходимым, в элементарных педагогических целях, знакомить детей со старыми баснями, библейскими традициями, греческими трагедиями и т.п. Сегодня часто забывают или вовсе выбрасывают за ненужностью документы прошлых культур,

хотя они могли бы нам помочь понять, откуда мы пришли и кем мы являемся.

Эта забывчивость доказывает, однако, весьма впечатляюще, насколько тяжелые потери в интеллектуальной и духовной областях, наносит технологическая гомогенизация, осуществляемая индустриальными государствами. Западный человек, не должен ли он признать, с известной долей меланхолии, что самые бедные страны периферии, с их формами жизни и их произведениями искусства все еще проникнуты ярко выраженной духовностью и креативностью, и что они, собственно говоря, более культурны в этом отношении, чем мы?

В мире, в котором мы живем, больше нет центра, и вследствие этого, больше нет и периферии. Новые типы каналов коммуникаций образуют сеть, которая растянута по всей планете, и эта самая сеть имеет повсюду свою середину, в отличие от круга или квадрата, и нигде полный объем. Неважно, в какой бы точке мы не находились. Мы всегда находимся, в известном смысле, в центре, по соседству с другими, хотя этот сосед, с географической точки зрения, живет в каком-то отдаленном месте.

Таким образом, произведения искусства, о которых вы говорите, не объясняются отделением центра от периферии, они объясняются, наверное, скорее несчастьем. Мистическим образом они остаются связанными с фундаментальными константами человеческого существования, со страданием, печалью, смертью — и в этом, пришедшие к нам сегодня большие южноамериканские романы, ничуть не отличаются от греческих трагедий. Нет, они не находятся вне центра или где-то на периферии, так как от чего бы они были тогда столь удалены? Люди в богатых странах, просто-напросто, слишком толстые, слишком отупевшие и лишённые живого опыта, так как значительное произведение создают, прежде всего, своим телом.

Сегодня часто говорят о том, что в 21 веке диалог между культурами и религиями должен стать более интенсивным, с тем, чтобы неописываемые ужасы 20 века не повторились снова. Считаете ли Вы, что этот

диалог может быть реализован, или это всего лишь утопия?

Прежде всего, нужно отметить тот факт, что еще никогда, во всей истории человечества, господствующий класс не был таким невежественным, как сегодня. Чтобы способствовать диалогу между культурами, политики, а также, в широком смысле, сильные представители экономики и бизнеса, должны обладать всеобъемлющим образованием. Были бы они в прошлом более умными, они бы не устроили в городах и в селах такое бедствие.

Понятие культура подразумевает под собой, обычно, две вещи: во-первых, в антропологической интерпретации, это совокупность обычаев семьи, племени или народа, которые практикуются и выражаются определенным языком. Во-вторых, из академической перспективы, культура — это высшее духовное развитие, нацеленное на утонченность и красоту. И я добавлю еще третье значение. Это отношения обмена, который происходит между собственной и универсальной культурой. Культура? это диалог между культурами, который происходит испокон веков и, который, благодаря нашим техническим возможностям, а также все возрастающей открытости по отношению к чужому, в будущем, вероятно, будет еще более углубляться.

И в конце побеждает любовь?

Любовь — это единственное решение. Но она существует очень редко. Обычно любовь поглощается властью, деньгами, конкуренцией и рассеянностью. Те же люди, которые посвящают себя любви, отдаются ей, создают тайную аристократию человечества. Таких людей встречаешь и видишь редко. Они не являются президентами республик, это ни ученые, ни финансисты. Они подкупают своей простотой, которая, может быть, и есть ключ к святости. Эти люди есть соль земли, о которой говорит Евангелие. Любовь была бы единственно правильным решением для всех людей, но икто ее не хочет. Ах, в конце концов, так много говорят о любви, но ощущать ее глубоко в сердце, проявлять в каждый момент бытия, с нерушимой верностью? это, к сожалению, большое исключение, и именно в этом и состоит, наверное, наша самая большая трагедия. ■ ■ ■

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ, провозвестник свободы (1749-1802)

ЕКАТЕРИНА II: «Бунтовщик, хуже Пугачева»

К 260-летию со дня рождения А.Н.Радищева журнал публикует статью итальянского исследователя **Лауры М.Венниро**, автора книги о его жизни и творчестве, изданной в Италии в 2001 году.

Как отмечалось впоследствии, роман «Путешествие из Петербурга в Москву», благодаря которому его создатель, Александр Николаевич Радищев занял прочное место в ряду провозвестников российской свободы, «явился отправным пунктом и источником духовного развития интеллектуалов на многие десятилетия»¹, вдохновителем всех тех, кто уже в XIX веке положили свои жизни в борьбе с деспотизмом. Неоспорим тот факт, что созданный в 1790 году роман «Путешествие из Петербурга в Москву» принёс Радищеву наибольшую известность. Нельзя, однако, обойти вниманием и другие, менее известные широкому читателю произведения автора: «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего» (1782) — тонкое исследование деятельности Петра Великого, «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1788) — хроника его университетских лет, «Беседа о том, что есть сын отечества» (1789) — слово в защиту свободы и прав гражданина, «Описание моего владения» (между 1789 и 1800) — подробнейший анализ его приусадебных хозяйств и землевладений. В этих интереснейших по своему

характеру и содержанию работах открывается политическое кредо — автора, из них с отчетливостью следует, что в течение более двадцати лет и даже после ссылки в Сибирь оно оставалось неизменным. Идеологическая последовательность писателя становится заметной при сравнительном анализе его основного произведения с предшествующими ему работами, с «буколическим» сочинением, написанным им уже после «Путешествия». Автор с удивительным постоянством обращается к одной и той же теме, что не только обеспечивает неопровержимую логическую связь между произведениями разных лет, но даже, как будто, стирает их датировку, хотя временная разница в написании подчас весьма существенна.

Первая сквозная тема для анализа — жалкие условия жизни крепостных. Негодование автора по поводу крепостничества, этого «распространенного в России варварского обычая», присутствует практически во всех произведениях. И все же нельзя не отметить, что литературный пыл «Беседы» и «Путешествия» заметно смягчен в «Описании». Мягкость речевых оборотов и

* Лаура Венниро итальянский историк, автор книги о Радищеве. Преполагает русскую историю и язык в университетах Италии.

осторожность его поздних произведений не может не натолкнуть на мысль о том воздействии, которое, по всей видимости, оставили на личности писателя годы сибирской ссылки.

«[...] крестьяне, кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя.»²

«[...] крестьян почитал скотами, данными ему [...] да употребляет их в работу по произволению.»³

«Господин может его заставить работать, сколько хочет.»⁴

На первый взгляд, автор использует практически одни и те же слова для выражения своего возмущения постыдным поведением землевладельцев, несколько смягчая краски, как было ранее отмечено, в «Описании». Это может показаться невероятным, если принять во внимание тот факт, что первые два произведения отделяют от третьего почти двадцать лет. Радицев рисует все ту же неутешительную картину: помещик по-прежнему считает своим правом решать судьбу крестьянина, распоряжаться его жизнью по собственному усмотрению, как если бы последний был простым орудием труда, а не живым человеком; крепостного заставляют работать шесть дней в неделю на барской земле, несмотря на то, что законом этого не предусмотрено, а на обработку собственного надела у него остаются лишь воскресенья и праздники; при этом крестьянин должен полностью подчиняться воле барина, который лишает его даже самых элементарных вещей и может наказывать⁵ по своему усмотрению, сечь и бить по пустякам; крепостных продают как скот на торгу, варварски разлучая семьи; мужчины и женщины подвергаются всевозможным издевательствам, от телесного насилия и принудительных браков до самых изощренных телесных наказаний.

Не следует однако полагать, что душераздирающее описание условий жизни крепостных было новостью в литературной панораме царской России. Не в этом заслуга Радицева.

Первый открытый возглас протеста прозвучал со стороны вдохновленной философскими идеалами Просвещения «Большой комиссии», основанной в 1767 году по воле Екатерины II для разработки проекта нового Уложения. Создание этого органа было ни чем иным, как капризом императрицы, возжелавшей править по канонам «просвещенной монархии». Из докладов депутатов явствовало наличие в империи крайне отсталого, прозябающего в нищете, нещадно эксплуатируемого и

угнетенного класса: крепостных людей. Хотя временами вокруг этой проблемы разгоралась ожесточенная дискуссия, она, однако, так и не вылилась в стремление разрушить систему. Продиктованные чувством «отеческого покровительства» усилия были, тем не менее, направлены лишь на смягчение отдельных проявлений откровенно неприкрытых зверств.

Та же тема прозвучала на страницах целого ряда сатирических журналов — в частности, «Трутень», «Пустомеля», «Живописец» — в 70–80-е гг. XVIII в. Эти издания постоянно и весьма нелицеприятно обнажали темные стороны общественного устройства России, чьи беды государыня пыталась скрыть за видимостью западничества. Они выходили за рамки дозволенных публицистам расхожих канонов, не ограничиваясь в своих «пропесочиваниях» исключительно моралистическими темами, как того желала императрица, неизбежно становясь при этом своеобразным зеркалом, отражающим пульс и реалии государства, пытавшегося скрыть мучительную правду.

Публицисты екатерининской эпохи были несомненно движимы сильным патриотическим чувством, сохраняя все же верность режиму: они если и замечали недостатки государственного устройства, подвергая критике самые больные его места, однако же все равно никогда не осмелились бы поставить под сомнение саму сущность системы. Возможность разрушения установленной власти, — отмена крепостничества не рассматривались в принципе; максимум к чему стремились — устранение обыденных проявлений жестокости и произвола.

Важнейшая заслуга Радицева заключается поэтому в *призыве* к восстанию и отмене крепостного права. Для него была неприемлема умеренная позиция других публицистов, стремившихся «окультурить» помещиков, оставляя неизменной рабскую основу общества. Радицеву было мало отказа на словах, в рамках общей морали. По его мнению, следовало занять непримиримую позицию в деле борьбы с несправедливостью и искоренять её посредством реформ. Поэтому он считал революцию единственным возможным инструментом для разрешения проблемы: только революционное движение, по его мнению, могло дать свободу угнетенным. Согласно Радицеву, самодержавие никогда бы не отважилось отменить крепостное право. В крепостничестве ему даже виделся скрытый риск для любой автократии. Отсюда и вытекает необходимость принятия радикальных мер, таких как революционный переворот. В своих выводах он дошел до того, что революция для России — явление неизбежное, и что русский народ наделен всеми качествами, необходимыми для организации восстания, как это видно на примере пугачёвского бунта.

Радицев обличал и другое отрицательное последствие крепостничества. Он писал в «Путешествии»:

«Какая польза государству, что несколько четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду?»⁶

Невосполнимый урон государству, о котором пишет Радицев, наносит спровоцированное крепостным правом неминуемое обнищание тех, кого он признает законными членами общества.

«Кому не известно, — вопрошает Радицев — что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому безсловесному животному?»⁷

Крепостничество, следовательно, приводит к исключению из списка «сынов отечества» полезной и неотъемлемой части общества: лишь человек, а не животное, может называться сыном этого самого отечества. В постановке Радицева большей части жителей земли российской отказано в статусе человека, и живет она в скотском состоянии, поскольку из-за отсутствия свободы такие люди не в состоянии руководствоваться в своих действиях собственным интеллектом. А тот, кто не просвещен светом разума, продолжает Радицев, не является человеческим существом, а лишь трупом, наделенным человеческим образом, «движимой Мучителем машиной».⁸ Иго рабства, таким образом, крадет у государства живые души — элементы, необходимые для защиты общественного блага. Свобода — это то, что отличает человека от животного. У несвободного индивида, действительно, приглушены качества, из которых складывается личность, а именно честь, человеческое достоинство и осознание себя, как обладателя определенных и незыблемых прав.

На этом основан приговор, который автор выносит крепостному праву и злоупотреблению политической властью. Если феодальная система рабства лишает родину верных сынов, то необходимо уничтожить на корню это социальное зло и, наказав угнетателей, вернуть людям свободу. Подобные тона, в которые облечена «Беседа», превращают ее в бесстрашный выпад против устоев крепостничества и —любых иных форм рабства.

Отвратительные явления в обществе, вызванные присутствием в нем большой массы людей, влачащих жалкое существование, настолько сильно затронули сердце писателя, что во всех его произведениях несложно обнаружить печаль безысходной постоянной думы о свободе.

Читаем в «Путешествии»:

«О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О вольность, вольность, дар бесценный!»¹⁰

Если, как мы видели, идее свободы уделено много внимания в «Беседе» и «Путешествии», то можно отметить, что и в написанном ранее «Письме к другу, жителю в Тобольске, по долгу звания своего» ей отводится одно из центральных мест. В этом произведении Радицев не скупится на критику в отношении государя Петра Первого, упрочившего крепостную зависимость.

Автор «Письма», не имеющий ни малейшего желания превозносить «[...] столь властного Самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества», полагает, что «[...] мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную [...]».¹¹

Писатель признает за первым российским императором явные заслуги: пробуждение страны от векового сна и направление ее по западному прогрессивному пути. Однако в реформаторской деятельности Петра он усмотрел главный изъян: царь ничего не сделал для освобождения своего народа. В «Письме» Радицев порицает тиранство царя по отношению к знати, которую он заставляет слепо —служить государству, и в особенности — усиление крепостной зависимости. Кстати, впоследствии, благодаря манифесту «О даровании вольности и свободы российскому дворянству» Петра III, знать была освобождена от обязательной службы. За этим манифестом от 18 февраля 1762 года последовала (в апреле 1785 года) «Жалованная грамота дворянству» Екатерины II, подтверждающая принятую государством линию поведения в отношении дворянства и дарующая ему новые привилегии: освобождение от податей¹², запрет на применение к лицам благородного звания телесных наказаний и исключительное право владеть крепостными людьми. Положение же крепостных —стало, напротив, заметно тяжелее уже при Петре I. Если изначально отношения между крестьянином и землевладельцем основывались на договоре, согласно которому крестьянин получал от последнего займ (возмещавшийся под видом оброка или барщины) и при этом мог уйти с хозяйских земель по погашении долга, то в 1649 году, при царе Алексее Михайловиче, было окончательно оформлено крепостное право: согласно новому закону все крестьяне вместе с семьями стали считаться

частной собственностью помещиков. Но именно Петр установил вечную зависимость крепостных крестьян от воли их владельцев. Крепостным позволялось выходить за пределы помещичьих владений только с письменного разрешения барина. Таким образом, крестьяне окончательно лишились автономии, а власть помещиков стала столь огромна, что исчезло какое бы то ни было различие между статусом раба и крепостного крестьянина.

Горечь Радищева по этому поводу можно объяснить еще большим закрепощением крестьян в эпоху Екатерины II. Для укрепления своей власти, пошатнувшейся в период восстания Емельяна Пугачева, императрица сочла полезным привлечь на свою сторону аристократию, сыграв на стремлении знати к обогащению. Екатерина никогда не забывала, что те, кто возвел ее на трон, могли в любой момент и свергнуть ее. Исходя из этих соображений, государыня часто одаривала своих верных приверженцев наделами вместе с крестьянами: так крестьяне, проживавшие на государственных землях, автоматически превращались в крепостных. Кроме того, крепостное право распространилось на новых территориях, например на Украине. И в целом была отрегулирована система на просторах всей империи, что позволило помещикам осуществлять абсолютную власть над крепостными.

Радищеву кажется естественным призыв к восстанию с целью разорвать цепи рабства, и эхо его революционных идей отчетливо слышится не только в основном произведении, но и в «Письме». Знаменательно, что во время судебного процесса над писателем сама Екатерина заметила целый ряд сходных мыслей в «Письме» и «Путешествии». Это сходство, в глазах императрицы, неопровержимо свидетельствовало о том, что «давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем». ¹³ Следовательно, можно согласиться с мнениями ученых, увидевших в «Письме» первую ласточку, предвещавшую несчастья, которые обрушатся на Радищева. ¹⁴

Писатель ратует не только за освобождение крестьян, но и за передачу в их руки части господских земель. Его анализ ситуации неутешителен: крестьяне не пользуются плодами собственного труда, не являются собственниками обрабатываемой ими земли. Писатель постоянно восстает против этой несправедливости в «Путешествии»: «Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее?». ¹⁵ И несколькими годами позже отмечает в «Описании»: «Но-о горестное напоминовение! ниву селянин возделывал чуждую, и сам, сам чужд есть, увы!». ¹⁶

В этих двух выводах, которые разделяют годы, можно заметить разницу в их интонации. В «Путешествии» писатель занимает властную позицию и с ее высоты

указывает властимущим путь, которого им следует придерживаться, в «Описании» он лишь надеется на грядущие возможные изменения, осознавая невозможность их осуществления в обозримом будущем.

Радищев стоит за передачу земель крестьянам в прямое пользование, исходя не только из экономических соображений (поскольку он уверен, что система крепостничества в конце концов приведет к снижению производительности труда), но и исходя из законов морали: для него естественное право на землю того, кто ее обрабатывает, не должно даже подвергаться сомнению! Следовательно, крестьяне — настоящие хозяева земли. Свою позицию автор четко аргументирует: естественный закон предоставляет всем одинаковую возможность приобретения и пользования частной собственностью. Согласно Радищеву, человек наделен наследственным правом владения материальными ценностями, тем самым, внося свой вклад в сохранение общественной собственности. Это право заложено в самой природе вещей. Поэтому ни один хороший закон, обычай или власть не может отменить принцип частной собственности: это было бы нарушением природного закона. Государство может обязать своих граждан отказаться от их частной собственности для блага общества, но при условии должного возмещения.

Таким образом, по мысли Радищева, право человека на жизнь, личную свободу, обладание материальными ценностями прямо вытекает из законов природы. Соображения Радищева неизбежно перекликаются с мыслями просветителей, особенно Руссо. В «Путешествии» и «Житии» содержатся отголоски мифа о естественном состоянии человека, в котором все свободны, равны в правах, удовлетворены в своих нуждах. Удаляясь от естественного состояния, люди составляют между собой соглашение, призванное стоять на страже их естественных прав, в первую очередь — свободы, равенства и собственности каждого индивида. Это соглашение может быть расторгнуто в случае, когда нарушаются его условия.

«Человек рождается в мир, — рассуждает Радищев — равен во всем другому [...]. Но он [человек] кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле [...] для своей пользы [...]». ¹⁷

И в другом сочинении:

«[...] человек, ощущая себя слабым на удовлетворение своих недостатков в единственном положении, следуя чувствительному своему сложению, для сохранности своей вступает в общество». ¹⁸

В этих словах прослеживаются, практически дословно, отголоски идей — Руссо. Правда, Радищев доводит их до крайности, переводя разговор в чисто революционную плоскость. Он утверждает право народа свергать своих правителей, если они не исполняют взятые на себя обязательства. Власть передается в руки государя с исключительным условием, что он будет пещься о народных интересах. —И если он уклоняется от выполнения возложенной на него обязанности, народ оказывается вправе присвоить себе принадлежавший ранее правителю суверенитет. Как было отмечено российским исследователем П. Шкуриновым, «[...] Радищев демонстрировал новые моменты в развитии самосознания русской интеллигенции — рост ее в среде антимоноархических убеждений». ¹⁹

В «Путешествии» Радищев возглашает от имени народа:

«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?
.....
Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я;
.....
А мной гнушаться восхотел.
.....
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает[...]». ²⁰

И еще в «Житии»:

«Единое негодование на неправду бунтовало в его душе и зыбь свою сообщало нашим, немощным еще тогда самим собою воздыматься на опровержение неправды». ²¹

«Имея власть в руке своей [...] возмнил [...] что власть, ему данная над нами не на нашу был[а] пользу, но на его». ²²

Так Радищев приходит к революционному пути. Его цель заключается не только в излечении России от вековой язвы крепостничества, которое он клеймит на протяжении всего «Путешествия», но и в победе над деспотизмом в целом. Радищев полагал, что, в интересах всех необходимо физически уничтожить дворянство, возвести самодержца на эшафот и установить народную власть. ²³

Борьбе с деспотизмом посвящены знаменитые фрагменты «Путешествия» и «Жития». Со страниц обоих произведений автор с негодованием обрушивается на то, что «есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». ²⁴ Радищев неустанно подчеркивает принцип народного суверенитета: народ остается источником власти, несмотря на то, что, как было уже сказано, в результате заключения с правителем негласного соглашения с целью защиты общественных свобод граждан, люди жертвуют частью своего высшего права на власть. Государь же обязан выполнять свои обязательства перед народом; в противном случае народ снимает с себя «предусмотренные соглашением обязательства» и вправе судить и наказывать правителя, как обыкновенного преступника. Народ в этом случае играет роль судьи, так как недостойное поведение властителя дает народу полномочия вершить суд, до этого закрепленные законом за самодержцем, который имел власть судить государственных преступников. Царь первым должен ревностно хранить законы и не может уклоняться от их соблюдения. Правитель должен ставить во главу угла благосостояние своих подданных, руководствуясь высоким чувством справедливости. Если государь пренебрегает своим долгом, подданные автоматически получают право его свергнуть, а, если необходимо, и предать смерти: это не что иное, как теория убийства тирана, следующая правилу "око за око". Народ, в котором Радищев видит основную движущую силу истории, призван сместить самодержца, вернув себе тем самым дарованное Богом достоинство. Только восстание поможет всем сдавленным игом деспотической власти защитить свою свободу, вновь ощутить себя людьми.

Для Радищева само собой разумеется необходимость —ограничения верховной власти, а правительство должно действовать не на основании повелений деспота, а в соответствии с законами, вне зависимости от того, в скольких руках сосредоточена власть — одного или нескольких человек. По сути, это был призыв к конституционной монархии. Ключевой момент — в том, что закон представляется основной жизненной опорой общественного строя: «Властитель первый в обществе есть закон; ибо он для всех один». В сознании Радищева юридические нормы — единственная надежная защита человека от деспотизма, поскольку даже государь не смеет топтать закон. Но без ограничения власти не существует по настоящему справедливых законов, а без законов — свободы. Таким образом, закон служит защитой от необоснованных нападок власти предрержащей, стоит на страже морали и веры, оберегает жизнь и имущество граждан.

По этому поводу автор пишет в «Житии»:

«Человек, живущий в обществе под сению законов для своего спокойствия [...]».²⁵

В то время как в «Путешествии» под фигурой деспота подразумевается Екатерина II, в «Житии» деспотизм представлен в лице Бокума (гофмейстера, сопровождавшего Радищева с его товарищами, отправленными на учебу в Лейпциг). Писатель уподобляет отношения между Бокумом и студентами отношениям между самодержцем и подданными.

В начале своего гражданского пути Радищев возлагал немалые надежды на новую императрицу в первые годы ее правления. Тогда он твердо верил в просветительскую идею возможности сотрудничества между мыслителем, который представлял «истинные интересы русского народа и России в целом»,²⁶ и государем, способным воспринять здравые философские доводы. Начинания «Северной Семирамиды» внушали надежды на то, что перед ним — воистину просвещенный монарх. По всей видимости, именно этим оптимизмом и объясняются отдельные места в его сочинениях. Речь идет о мифе милосердного «царя-батюшки», великодушного, справедливого, всерьез озабоченного судьбой своих подданных народного благодетеля, от чьего ока злое окружение скрывает реальную ситуацию, в которой существует народ, и который поэтому не имеет возможности залечить болезненные раны на страждущем теле народном. Напрашивается вывод, что правитель — не злой: это придворные "прихвостни" эксплуатируют народные массы!

Радищев пишет в «Путешествии»:

«На обоих глазах бельма [...] слеп аправитель и слеп всесовершенно».²⁷

И в «Житии»:

«О вы, управляющие умами и волею народов властители, колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки [...]».²⁸

Именно слепота государя делает еще более необходимым присутствие *philosophes*, для того чтобы смело снять с глаз правящего владыки завесу неведения, рассказать всю горькую правду о положении дел в империи, сподвигнув тем самым на проведение необходимых реформ. Отсюда — стремление срочно наладить взаимовыгодное сотрудничество между властью и просветителями.

Радищеву не потребовалось — много времени, чтобы понять, что Екатерина устраивает не что иное, как

показное представление... театр, разыгрываемый на подмостках России, и что за псевдо-философской личиной скрывается деспотизм. И если в начале царствования императрица громогласно заявляет о своем желании встать на защиту свободы и равенства подданных, полностью реформировать государственный механизм, то вскоре стало очевидным, что за видимостью либерализма скрывалась попытка удушить благие порывы интеллектуалов. Государыня не могла и помыслить о возможности проведения в жизнь радикальных реформ, таких, как отмена крепостного права, так как это могло пошатнуть её трон.

Потеряв надежду на оздоровление общества посредством плотного сотрудничества мыслителя и государя, автор осознал неизбежность замены реформы «сверху» революционным переворотом. Радищев призывает к восстанию, ибо если власть сводится до деспотизма, если государь «не имеет закона на последование, ниже в распоряжениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей»,²⁹ тогда человек имеет естественное право взбунтоваться, встать на защиту своей свободы. Так и поступил, в годы учебы в Лейпциге, Радищев "со товарищи" в отношении сопровождавшего российских студентов майора Бокума: «в нем аБокумеи студенты видели живое олицетворение деспотической самодержавной власти, насилия и угнетения».³⁰

Этот наставник презрел свой долг в отношении оставленных на его попечительство студентов. Ему было вменено в обязанности распоряжаться деньгами, выделенными на воспитанников, предоставляя им самим свободно выбирать учебный план в Лейпцигском университете. Он же, будучи экономом, помышлял более об интересах собственного кошелька, чем о положении студентов, ко всему прочему, заставляя их посещать только те занятия, который он сам для них выбирал. И это — несмотря на гарантию свободы выбора предметов, данную императрицей молодым людям. Согласно повелению Екатерины, студентам было предписано заниматься в первую очередь изучением юриспруденции, что при этом не исключало свободное посещение и других лекций. Бокум, подобно государям, забывающим о том, что правление их должно быть на благо народа, а не ради «токмо ободрения своего самолюбия и стяжания своей пользы»,³¹ «рачил более о своей прибыли, нежели о вверенных ему».³²

Студенты страдали от недоедания, были лишены вещей первой необходимости, приличного платья, удобных комнат. Но этим все не ограничивалось: Бокум постоянно запугивал их телесными наказаниями (которые частенько претворялись в жизнь) и сажал «под стражу»

за мелкие провинности. «Радищев, — как отмечает зарубежная критика — впервые испытал лично на себе ужасные последствия тиранической власти, против которой он впоследствии будет бороться на протяжении всей своей жизни».³³

Тотальное подавление свободы и оскорбительное поведение Бокума повлекли за собой ожесточенные акции протеста в студенческой среде. Рассказ об этом звучит как предупреждение самодержцу: деспотизм таит в себе семя бунта. Подтверждением тому может служить «пугачевщина»: униженный до крайности человек неизбежно восстает против угнетателя. Именно поэтому государям следует удовлетворять законные требования подданных, иначе доведенный до отчаяния народ может уготовить им судьбу, что выпала на долю английского короля Карла I:

«Я чу, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил».³⁴

И еще одна цитата:

«[...] сих гордых островитян англичан, кои [...] царю своему жизнь отъяти покусились судебным порядком; кои для утверждения благосостояния общественного изгнали наследного своего царя, избрав на управление посторонняго; [...] и ныне нередко за величайшую честь себе вменяют противоборствовать державной власти и оную побеждать законно».³⁵

Слова Радищева говорят о его преклонении перед английским политическим устройством. Вспомним, что именно в Англии державное правление впервые потерпело поражение: народ, ущемленный в своих правах деспотической властью монарха, встал на защиту собственной свободы, а когда король остался глух к народным требованиям, автоматически получил прерогативу низложить и казнить государя. «Доктрина Радищева по вопросу убийства тирана, — отмечает Jesse V. Clardy — основывается на идее, что правитель обязан гарантировать гражданам достойный уровень благосостояния. По этой причине он хвалит Оливера Кромвеля и английский народ за расправу над Карлом I».³⁶ В свою очередь, как полагает итальянский историк — Франко Вентури: «эти великие освободительные революции были единственным уроком, который могли воспринять деспоты».³⁷

1992 год. Другой путешественник собирается, по прошествии двух веков, в путь по тому же маршруту: Петербург — Москва. Конечно, не в карете, а в скором поезде. Но все та же неутешительная картина открывается перед глазами: бескрайнее русское поле, заброшенное молодыми поколениями, теперь уже нежелающими возделывать землю; деревянные домишки, не вмещающие большие семьи; дети бегают по полям или печально дремлют на руках матерей... лица их забываемы; мужчины и женщины пытаются продать проезжим вяленую рыбу и овощи с огорода... Трудно мысленно обратиться к тому, кто более двух столетий тому назад проделал этот путь, не разделить его грусти. Казалось, что борьба за счастье русского народа все еще не привела к сколько-нибудь значительным результатам: беднота так и осталась беднотой.

Политические события последних двух десятилетий — кардинально изменили лицо России, но пока преждевременно давать оценку реформам, которые должны в очередной раз поднять страну. И невольно приходят на ум слова Радищева: «потомство о нас [рас]судит, оно нелицемерно» .

***

Возвращаясь к Радищеву, — следует напомнить, что после того, как он написал и издал «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.), императрица была настолько возмущена прочитанным, что повелела разобрататься с автором Палате Уголовного Суда Санкт-Петербургской губернии, собственноручно начертав: — «... автор стремился к тому, чтобы произвести в народе негодование против начальников и начальства», книга наполнена «оскорбительными выражениями противу сана и власти...». Радищев был осужден на смертную казнь, императрица «смягчила» приговор, заменив его вечной каторгой в Сибири, куда он был отправлен в кандалах, написав ставшие знаменитыми строки:

«Ты хочешь знать:
Кто я? — Что я? Куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не было и следу,
Для борзых смельчаков и в прозе, и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

В Илимске Радищев пробыл до конца царствования Екатерины, затем ему было разрешено жить в ссылке в

Калужской губернии, и только перед самой смертью он вернулся в Санкт-Петербург.

Примечания

- ¹ *Dmitrij Tschizewskij*. Storia dello spirito russo. Sansoni Editore, Firenze 1965, p. 238.
- ² А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений в 3 т. Беседа о том, что есть сын отечества. М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1938. Т. 1. С. 215.
- ³ Путешествие. С. 38.
- ⁴ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Описание моего владения. М., Издание В.М. Саблина, 1907. С. 372.
- ⁵ Одним из самых жестоких наказаний было «забрить» крестьянина в солдаты. Поскольку воинская служба длилась 25 лет, отправка в армию означала для рекрутов разлуку с семьей практически на всю жизнь. Кроме того, по причине бытовавшей в российской армии строжайшей дисциплины, по возвращению домой, ветераны были фактически не в состоянии уже нести повинность на земле и часто умирали раньше времени. Стоит отметить, что дворяне были полностью освобождены от воинской повинности.
- ⁶ Путешествие. С. 76.
- ⁷ Беседа. С. 215.
- ⁸ *Ibidem*. С. 216.
- ⁹ Путешествие. С. 96.
- ¹⁰ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске, по долгу звания своего. М., Издание В.М. Саблина, 1907. С. 75.
- ¹¹ Российская фискальная система предусматривала налог «на душу населения» (около 6 копеек с человека), который были обязаны платить крестьяне, в то время как дворянское сословие было освобождено от всех налогов: на лицо несправедливость — наиболее платежеспособная часть народонаселения не подвергалась налогообложению.

- ¹² Об этом упоминает в своем очерке Леонид Светлов. См. Л. Б. Светлов. А. Н. Радищев. Критико-биографический очерк. М., Издательство Академии Наук СССР, 1958. С. 46.
- ¹³ См. В. И. Покровский. Александр Николаевич Радищев. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М., Кн. Маг. В. Спиридонова и А. Михайлова, 1907. С. 81.
- ¹⁴ Путешествие. С. 68.
- ¹⁵ Описание. С. 350.
- ¹⁶ Путешествие. С. 43.
- ¹⁷ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Житие Федора Васильевича Ушакова. М., Издание В.М. Саблина, 1907. С. 129.
- ¹⁸ См. П. С. Шкуринов. Александр Николаевич Радищев. Философия человека. М., Изд. МГУ, 1988. С. 41.
- ¹⁹ Путешествие. С. 99-101.
- ²⁰ Житие. С. 100.
- ²¹ Житие. С. 106.
- ²² Шкуринов. С. 46.
- ²³ Цит. по Светлов. С. 42.
- ²⁴ Путешествие. С. 68.
- ²⁵ Житие. С. 128.
- ²⁶ *Tschizewskij*. С. 116.
- ²⁷ Путешествие. С. 25.
- ²⁸ Житие. С. 116.
- ²⁹ Житие. С. 98.
- ³⁰ Светлов. С. 36.
- ³¹ Житие. С. 123.
- ³² *Ibidem*. С. 99.
- ³³ См. Jesse V. Clardy. The philosophical ideas of Alexander Radishchev. London, Vision Press Limited, 1963. p. 36.
- ³⁴ Путешествие. С. 101.
- ³⁵ Житие. С. 125.
- ³⁶ Jesse V. Clardy. p. 90.
- ³⁷ Franco Venturi. Introduzione a Aleksandr Nikolaevic Radiscev, Viaggio da Pietroburgo a Mosca. Bari, De Donato Editore, 1972. p. 28.
- ³⁸ Путешествие. С. 123.

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ*

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ**

Вопрос о роли интеллигенции в жизни России тесно связан с проблемами национальной элиты. Какую роль интеллигенция играет сегодня, какую роль может и должна играть? Может ли она быть локомотивом культурного и социально-экономического развития страны, духовно-нравственным примером для соотечественников, «совестью нации», «генератором идей», «проводником по дороге в будущее» и т.п., либо подобные надежды безосновательны? Не остался ли от российской интеллигенции лишь исторический миф, и можно ли на нее в случае реального существования распространить понятие элиты? — Ответы на эти вопросы приходится начинать с осмысления самого понятия интеллигенции.

ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция — один из самых популярных и расплывчатых терминов как в науке, так и в общественной практике России. Не случайно ее называют «самым таинственным персонажем российской истории», который окружен «ореолом противоречивых мифов, гипотез, контроверз и плохо совместимых фактов»¹. Трудно найти категорию населения, на которую бы в нашем отечестве обрушивались столько похвал и осуждения одновременно. Особенно острой становится дискуссия о ее роли и судьбах в бурные, переломные для страны периоды истории.

В начале XX века ряд маститых авторов — ученых, литераторов, философов весьма аргументировано отстаивал тезис о российской интеллигенции как уникальном, выдающемся явлении, восхищаясь ее гуманизмом и способностью к самопожертвованию, другой, не менее авторитетный ряд интеллектуалов так же аргументировано обвинял ее в «отрыве от народа» и развращении населения «иностранным отравой»².

После революции 1917 года в среде самой интеллигенции широкое распространение получил тезис о ее виновности в социальной катастрофе, сгубившей прежнюю Россию, в развязывании гражданской войны. Историк и философ П.Б. Струве, например, утверждал: «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»³. Интеллигенцию уподобляли «вздувшемуся пузырю на народном теле, оторванному от него и потерявшему всякое живое чувство действительности», указывали на ее политическое бессилие, неспособность изменить ход событий⁴. С другой стороны, в 1923 году широкую известность получило высказывание Максима Горького: «Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошадей, запряженной в тяжкий воз истории России»⁵.

* Примеч.: автор — председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции — организации, созданной в 1999 году Ж.И. Алферовым, Д.А. Граниним, А.С. Запесоцким, К.Ю. Лавровым, Д.С. Лихачевым, А.П. Петровым, М.Б. Пиотровским.

** Текст подготовлен автором в ходе работы по программе исследовательской группы академика РАН О.Т. Богомолова «Взаимодействие духовной и общественной среды с экономикой».

Интересно, что на нынешнем переломе отечественной истории дискуссия о судьбах и роли интеллигенции разгорелась не только с той же силой, но и с теми же аргументами. Нетрудно заметить, что позиции сторон в данной дискуссии зависят от того, что именно, кого именно понимать под интеллигенцией.

Обществоведение советских времен определяло этот феномен как «социальную группу, состоящую из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом»⁶. К моменту крушения системы такое толкование уже никого не устраивало. Только в 1990-е годы в России были защищены 30 докторских и 104 кандидатских диссертации, посвященные данной проблематике, состоялось более 50 крупных научных форумов, отраженных в соответствующих сборниках материалов, вышли в свет более 100 книг, а количество статей в периодике превысило возможности библиографического учета⁷. Однако единого, общепринятого определения интеллигенции не существует до сих пор.

Основные элементы современных научных представлений об интеллигенции сформулированы академиком Д.С. Лихачевым в письме «О русской интеллигенции», опубликованном в феврале 1993 года в журнале «Новый мир»⁸.

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разрознена и неоднородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие и типичные черты.

Из принятого в советское время определения у Д.С. Лихачева не вызывало возражения, что интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но им выделялись и черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании»⁹. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Трудно и скрывать свои мысли, и открыто выражать их. Отсюда особое отношение к деспотизму власти как специфическая черта интеллигенции: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на

Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше»¹⁰. Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли. Совесть по Лихачеву — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни¹¹.

В середине 1990-х годов Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов провел ряд общественно-научных дискуссий с целью уточнения понятия интеллигенции¹². В них принял участие ряд крупнейших отечественных мыслителей того времени, каждый из которых по праву сам мог быть отнесенным к числу знаковых фигур интеллигенции: ученые — Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов, писатели — Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожинов и др. В итоге было выработано определение: **интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью**. Образование без совести и независимости дает обществу иной социальный типаж, названный Солженицыным образованцем¹³. Именно образованцы льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса даже в его аморальных проявлениях. Разумеется, они называют себя интеллигентами.

Университетские дискуссии содержали множество любопытных высказываний и замечаний, позволявших более рельефно очертить контуры рассматриваемого феномена. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению»¹⁴, потому что рефлексирование интеллигента — это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на тезисе, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела¹⁵. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции «в присущем ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления»¹⁶, что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм, нередко доводивший до беды. Академик Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов»¹⁷. Игорь Бестужев-Лада заявлял, что интеллигент — это воплощение Бога на

Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент»¹⁸.

Острая дискуссия развернулась по вопросу целесообразности «хождения» интеллигенции во власть. Некоторые полагали такое возможным и даже необходимым: «Нельзя, чтобы власть была неинтеллигентной».

Д.С. Лихачев отстаивал мнение, уже высказанное им в «Новом мире»: «Люди, подчиняющиеся в своей деятельности и оценках другим людям, системам или партийным требованиям, интеллигентами, как мне кажется, не являются: они отказываются от умственной самостоятельности (а, следовательно, от какой-то части своей духовной жизни), убивают в себе возможность руководствоваться только независимыми от «обстоятельств», партийных пристрастий, политической целесообразности убеждениями. Следовательно, строго партийный человек — не интеллигент, он лишь профессионально работает в области идеологии»¹⁹, — пишет он. И далее продолжает: «...это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение «творческая интеллигенция», точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть «нетворческой». Все интеллигенты в той или иной мере «творят», а с другой стороны, человек, пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с «идеологическим уклоном», с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник. К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам»²⁰.

Исходя из этой позиции, идя во власть, интеллигент может сохранять, выражаясь словами Д.С. Лихачева, «общую интеллигентность», проявлять ее в личной жизни и профессиональной деятельности, но функционирует он уже как чиновник, а не как интеллигент. В ипостаси чиновника человек обязан соблюдать корпоративную этику. Характерен в этой связи личный пример А.А. Собчака, воспринимавшегося в период перестройки общественным мнением как типичный выразитель дум и чаяний ленинградской интеллигенции. Возглавив демократически избранный Ленсовет и став по должности государственным деятелем, в первые же дни он отметил, что «политика — удивительно грязное дело». В том смысле, что нередко приходится выбирать между аморальным и очень

аморальным решением того или иного вопроса, поскольку иных решений на практике просто не существует»²¹.

Из этого не вытекало, что интеллигент не имеет морального права становиться чиновником или бизнесменом. Как быть — личный выбор человека. Другое дело, что следует понимать цену подобного перехода и в случае его осуществления уже не стоит называть себя интеллигентом. Достаточно быть сочувствующим интеллигенции...

Другой интересный сюжет университетских дискуссий — генезис интеллигенции.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI–XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента²². Другим прообразом уже на рубеже XV–XVI веков стал монах Максим Грек. По мнению Дмитрия Сергеевича, в XVII веке на Руси подлинных интеллигентов не было. Образованные люди были, но — не «высокая русская интеллигенция нового времени». Не было интеллигенции и при Петре I: «Для ее образования нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением. Петр опасался появления независимых людей. Он как бы предчувствовал их опасность для государства, избегал встреч с западноевропейскими мыслителями. Во время своих поездок и пребывания в Западной Европе его интересовали прежде всего «профессионалы»: государственные деятели, военные, строители, моряки и рабочий люд — шкиперы, плотники, корабельщики, то есть все те, кто мог осуществлять его идеи, а не создавать их. <...> Среди талантливых и энергичных практиков Петр чувствовал себя свободнее, чем среди теоретиков и мыслителей»²³. (Заметим, что данное суждение весьма дискуссионно и нуждается в проверке. Например, путем сопоставления с историей создания Петром Академии наук). В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. В числе интеллигентов назывался Пушкин. **Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание.** Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Участники дискуссий согласились и с тем, что **интеллигенция в своем генезисе — специфически российское явление. И появилась она как социальный**

слой изначально в Петербурге. Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город оказался не столько «окном в Европу», сколько «воротами из Европы, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя россиян»²⁴. Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей. То есть просвещенные российские интеллигалы превратились в интеллигенцию под влиянием переживания несправедливости.

При осмыслении происхождения интеллигенции вспоминалось и высказывание Н.А. Бердяева о том, что в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства»²⁵. Для российского менталитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько духовно-нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как: справедливость, истина, красота, вера, совесть и т.д.

Было отмечено, что с самого начала **российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания.** Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако, русская интеллигенция всегда имела свои собственные символы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть свой собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем, принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться в границах собственного бытия. Отсюда — и представление о ней, как о разуме и совести нации.

В целом университетские дискуссии стали формой развития лихачевской концепции интеллигенции. Было выбрано понимание **интеллигенции как явления культуры, результата культурного развития России.** В таком понимании интеллигенция — это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейского культурного течения. И совершенно не случайно этот особый, в ряде отношений высший «продукт» европейской и (шире) мировой культуры появился, получил развитие именно в Петербурге²⁶.

В дальнейшем данный подход к феномену интеллигенции был развит в ряде исследований СПбГУП, самым масштабным результатом которых стала монография А.В. Соколова «Поколения русской интеллигенции»²⁷. Этот труд содержит огромное количество информации по проблематике интеллигенции и на высоком теоретическом уровне обобщает практически все, что сделано различными исследователями в данном плане.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ДВЕ МОДЕЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В дискуссиях по данной проблематике нередко встречается утверждение, что основная функция (польза для общества) интеллигенции — в вечном оппонировании власти, в оппозиционности. На самом деле это не так. Ведь власть далеко не всегда неправа. В громадном большинстве случаев, даже в сложнейшие периоды истории, она стремится действовать на благо государства. Оппонировать ей во имя оппозиционности непростительно.

Миссия интеллигенции — оппонировать не власти, а злу, в каком бы облике оно не выступало. Интеллигент — это просвещенный человек, профессионал в своей области, способный быть нравственным примером поведения в любых, даже самых сложных жизненных обстоятельствах. И это — человек светский. Очевидно, что значение интеллигенции возрастает в условиях ослабления религии как нравственного регулятора жизнедеятельности людей и усиления значения гражданского общества. Тогда интеллигенция начинает выступать в роли образцовых граждан, независимых членов гражданского общества, в силу своего особого авторитета усиливающих деятельность его социальных институтов.

В зависимости от поведения власти они могут как поддерживать ее, так и вступать с нею в конфликт.

На практике существует всего два способа построения отношений интеллигенции с властью. Условно их можно назвать «моделью Сахарова» и «моделью Лихачева», хотя эти типы поведения имеют более глубокие исторические корни. Первый строится на бескомпромиссном конфликте интеллигента с властью, когда негативные аспекты ее политики провозглашаются главными, центральными, если не единственными, и на них сосредотачивается все внимание. С властью начинается борьба. Второй тип поведения предполагает в целом лояльность по отношению к власти и концентрацию на критике собственно неправильных ее действий. В этом случае интеллигент выступает в роли доброжелательно-советчика.

Сахаров и Лихачев весьма удобны для сравнения. Находясь в одних и тех же исторических обстоятельствах и являясь людьми близких убеждений, они тем не менее действовали совершенно по-разному. При этом оба были признаны обществом фигурами исключительного масштаба и символами интеллигенции. Общественное сознание в годы перестройки поставило их имена в один ряд как двух великих ученых, выступавших в поддержку перемен и воспринимавшихся в широком смысле выразителями классической русской культуры.

Как известно, Андрей Дмитриевич Сахаров добился огромных успехов в физике и был обласкан начальством, удостоен всех возможных наград и почестей за научный вклад в создание атомной бомбы. Затем по идейно-нравственным соображениям он порвал отношения с властью и перешел в ряды ее непримиримых критиков, диссидентов. Это было тем более необычно, что подавляющее большинство диссидентов его времени занимало антисоветские позиции в силу причин практического свойства.

Скажем, Солженицын изначально в «официальную» оппозицию не стремился. Его конфронтация оказалась вынужденной, обусловленной логикой литературного творчества. Под влиянием внутренней потребности он создавал художественные произведения, которые власть не смогла принять, и был вытолкнут ею в оппозицию. С Александром Зиновьевым то же произошло на почве его научной деятельности в сфере философии — в идеологической по сути сфере.

В тот же период невольно инакомыслящими стали в глазах общественного мнения, к примеру, Иосиф Бродский и Мстислав Ростропович. Ростропович и Вишневецкая ощущали себя творческими личностями мирового масштаба и хотели вести соответствующий образ жизни, ориентируясь на практику, сложившуюся на Западе. А советские власти им этого не позволяли, из-за чего

и разгорелся конфликт. Бродский же вообще не интересовался властью и политикой. Он писал стихи и был человеком «не от мира сего». Чиновникам в силу общей малокультурности это было непонятно и казалось опасным, в результате чего один из талантливейших поэтов XX века был объявлен тунеядцем, подвергнут нелепому и аморальному судилищу и выдворен насильственно из страны.

Наряду с названными фигурами существовала и группа «профессиональных диссидентов», не всегда что-то из себя представлявших в избранных профессиях, но превративших в профессию политическое противостояние власти. Синявский, Буковский, Новодворская — вот фигуры, типичные для данного ряда. Систематическая поддержка их деятельности Западом и отсутствие заметных профессиональных успехов в СССР делали их в глазах общества «агентами врага», своего рода «сержанками Запада».

Сахаров же был личностью совершенно иного рода. Участие в создании ядерного оружия позволяло считать его защитником Родины. В отличие от многих других «инакомыслящих», он не мог извлечь для себя какую-то личную пользу, выгоду от переезда на Запад: носитель оборонных технологических секретов, он ни при каких обстоятельствах не мог там оказаться. К тому же, его профессиональная реализация не предполагала конфликта с властью, напротив, всячески ею поддерживалась. Андрей Сахаров стал «узником совести» в чистом виде, великим узником совести. С Сахаровым можно было не соглашаться по сути его претензий к власти, ему можно было не симпатизировать, но данная ситуация обусловила его громадный нравственный авторитет.

Разумеется, диссидентское движение было весьма разнородным, и его в принципе неправомерно отождествлять с деятельностью интеллигенции. Академик Сахаров же продолжил именно ее традиции. В этом смысле уместно сопоставлять его деятельность с Радищевым, декабристами, Герценом, Чернышевским. Большую пищу для размышлений представляет сравнение Сахарова и с такими феноменами отечественной истории как народовольцы и марксисты (в особенности — Плеханов, Ленин).

Традиция открытого противостояния власти, возрожденная Сахаровым, прерывалась в двадцатые годы в силу физического уничтожения огромной части интеллигенции. Об этом замечательно пишет Д.С. Лихачев: «Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим «смутным» временем. <...> Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной

советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936-м или 1937 г., а сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разогнан Петроградский университет, какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых были отстранены от преподавания, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. <...>

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полунинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывая себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле»²⁸.

И еще: «Русская интеллигенция вступила в эпоху Красного октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству. <...> Два парохода понадобились осенью 1922 г. («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»²⁹.

Будучи органично связанным с интеллигенцией всем своим происхождением и жизнью, Лихачев избрал дореволюционную российскую интеллигенцию примером для саморазвития и сознательно сформировал себя по ее образу и подобию. Его взгляды и принципы были осмыслены, воплощены на практике и выстраданы. Но в России времен Лихачева на протяжении почти всей его жизни открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния.

Конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. Личность, сформированная старой русской культурой, Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность ее духовно-нравственному

кодексу. Один из сослуживцев отмечал, что неприятие властью Лихачева, как и других интеллигентов, было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство»³⁰.

Недоброжелатели упрекали Лихачева в приспособленчестве, в том, что он остался жив. Но смысл жизни для большинства людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую»³¹, — рассказывает его дочь. «Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле»³², — дополняет этот рассказ внучка.

Даже занимаясь древнерусской литературой, Д.С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Л.М. Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие «доброхотов», готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. <...> Д. С. сказал мне однажды: «Чувствуешь себя как в оккупации?»³³.

Но решающее значение имел конфликт Д.С. Лихачева с властью в сфере нравственности. Внучка ученого вспоминает: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы»³⁴.

Между тем профессиональные достижения Д.С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину. Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя

возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»³⁵. Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры. Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался.

Видимо, противостояние власти — это искусство возможного. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего Д.С. Лихачев выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост»³⁶. А Даниил Гранин сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. И цитирует личные беседы, когда академик говорил ему: «Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»³⁷.

В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. 20 августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д.С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть»³⁸. Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть.

Джеймс Х. Биллингтон отмечал: «В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере, он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преобразующей силой в обществе...»³⁹.

Существенно, что Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно нравственным. Д.А. Гранин заметил: «Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями»⁴⁰. И еще: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда»⁴¹.

Д.А. Гранину принадлежат интереснейшие высказывания о «модели Лихачева»: «Дмитрий Сергеевич вел себя тихо, пока его мнение не имело для общества и для власти особого значения. Он работал, старался быть незаметным и беспокоился о собственной совести, о душе, желая максимально уклониться от любого, даже малейшего, участия в контактах с властью, тем более — от участия в ее неблагоприятных делах. Спорить с властью, действовать публично на пользу общества Лихачев начал практически сразу, как только получил достаточный общественный статус, как только почувствовал свой вес, понял, что с ним стали считаться»⁴². И там же: «Наверное, в разные эпохи, в разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то меньше. Но «эра милосердия» пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых нам дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев»⁴³.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он

спас и сохранил наши честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех «обстоятельств времени». <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России»⁴⁴. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Оба выдающихся россиянина по-своему выполняли одну и ту же функцию интеллигенции — нравственного противостояния злу.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Какая модель поведения интеллигента является более целесообразной, полезной обществу, более интеллигентной: Сахарова или Лихачева? Наиболее интересные размышления на эту тему принадлежат Даниилу Гранину.

По мнению писателя, имеют право на существование и нужны обе. «Художники старались как-то гуманизировать власть, делать ее более человеческой. Такое стремление было, допустим, и у Державина, да и у Пушкина. Да и мы тоже стараемся. Вот я был членом Президентского совета, меня Ельцин пригласил. Мы тоже старались, объясняли ему. Но власть все равно считает, что она лучше знает, как править и что будет лучше для народа, а мы, интеллигенция, своими советами только мешаем ей. У власти всегда было пренебрежительное отношение к интеллигенции: она и гнилая, и путается под ногами. <...> Гете был тайный советник в Веймаре,

при маленьком дворе. У Эккермана в «Разговорах с Гете» есть замечательная сцена: идут Гете и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гете отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановной толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гете была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. Так что у меня отношение к власти такое: с властью приходится считаться, власть иногда хочется и убеждать и в чем-то поправлять. Это редко дает результаты, но все-таки иногда дает... Я не конфликтный человек, я писатель, а это главное. Либо надо конфликтовать, превратиться в диссидента, либо писать и работать. Но душа все-таки не может мириться с глупостями, безобразиями, гадостями, с враньем, иногда душа возмущается»⁴⁵.

С одной стороны, проблема личности и власти — это проблема не только интеллигенции, но и всех порядочных людей, которые нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти. С другой стороны, традиционный конфликт между интеллигенцией и властью имеет глубинную природу: «В 30-е годы Мандельштам написал такие строчки: «Власть отвратительна как руки брадобрея». Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала ныне исчезнувшие, но при старой технологии не совсем приятные моменты: стремясь выбрать клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами в рот. Делалось это во имя клиента, но... отвратительно. Вот так и властью. Власть невозможна без насилия и уже этим отвратительна. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо. Отсюда и противостояние»⁴⁶.

Поскольку власть необходима и неизбежна, в условиях авторитарности прямая и открытая конфронтация с ней имеет смысл только в особых случаях — как крайняя форма протеста. Такова российская традиция, уроки отечественного опыта. Роль интеллигенции в этой связи — не столько в прямом и открытом противостоянии с властью, сколько в повседневной систематической работе в пользу повышения нравственности, гуманизации власти и общества.

Интеллигенция — не анархист по своей сути и не является противником власти как таковой. Профессор Женевского университета Ж. Нива вспомнила, как Лихачев излагал свои взгляды по данному вопросу: «государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего»⁴⁷.

Характерно для интеллигента и высказывание Лихачева, датированное июнем 1994 года: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми»⁴⁸.

Видимо, естественная для интеллигенции сфера деятельности — это не политика, осуществление властных полномочий и т.д., а культура (в широком смысле) и мораль. Интеллигенция — это своего рода хранитель культурного кода нации и генератор будущего (в теории культурного развития будущее рассматривается как проекция прошлого). То есть, интеллигенция — это культурная элита. Зона ее ответственности — национальное самосознание, в особенности — нравственные аспекты.

В теории общественного развития регуляторы жизни социума подразделяются на жесткие и мягкие. Жесткие — это закон и меры по обеспечению его соблюдения. Мягкие — общественное мнение, мораль, нравственность, неформальная деятельность по поддержанию системы ценностей как фундамента общественного развития.

В этой связи интеллигенция может оппонировать не только власти, ее несправедливым действиям или бездействию, не только критиковать пороки той или иной социально-экономической системы, не только бороться за утверждение в жизни общества и государства важнейших по ее мнению ценностей — объектом ее поддержки или протеста могут быть самые разные социальные институты, конкретные предприятия, граждане, проекты, концепции, идеи, образы поведения, поступки и т.д.

В поле зрения интеллигенции неизбежно попадают любые культурные явления и элементы, имеющие значение для общественного развития.

В этой связи интеллигенция в России выступает в роли неформального социального института, дающего оценку новациям. Как известно, новое и общезначимое являются диалектически взаимосвязанными противоположностями⁴⁹. Если какое-то явление является по-настоящему новым, оно не может мгновенно быть признано сразу всем обществом. Первоначально оно отвергается существенной частью граждан и постепенно утверждает себя в ходе апробации, борьбы за

общественное мнение. Когда же борьба за утверждение нового завершается, новое становится общезначимым, но перестает быть новым.

Роль своеобразного «полигона» для апробации новых явлений культуры отводится в современном обществе чаще всего молодежи, так называемой «молодежной культуре» — феномене культурного развития, заявившем о себе в полной мере в последней трети XX века. В последние десятилетия роль «собираателя новаций» все в большей степени выполняют СМИ, движимые стремлением удивить публику и удержать внимание массовой аудитории. Интеллигенция же претендует на сохранение роли своего рода ценителя новаций с точки зрения их соотношения с традиционными ценностями культуры и пользы для ее развития.

В современном обществе интеллигенция — одновременно хранитель старого и творец нового. В культуре всегда закладываются различные ростки для будущего. Они могут быть незаметны современникам, не попадать в фокус их внимания, но составляют особый пласт культуры. Академик В.С. Степин полагает, что техногенная цивилизация, возникшая на Западе с эпохи Ренессанса, особо тщательно культивирует этот пласт: «Идеи, которые адресованы будущему, формируют особый слой людей, которые только ими и занимаются, и публика эта называется <...> интеллигенцией. Ее задача — изобретать программы на будущее»⁵⁰.

В этой связи интеллигенция становится хранителем своего рода «генетического кода» техногенной культуры, потому, что базовые ценности этого кода — творчество, наука, свобода мысли, новации. Развивая эту точку зрения, В.С. Степин обращается к работам эстонского академика советского времени Г.И. Наана: «в обществе должно быть, как в организме, два механизма. Один механизм, который воспроизводит социальную жизнь и определяет устойчивость, охраняет уже сложившиеся нормы — это бюрократия. Механизм, который обеспечивает развитие, движение вперед, заготавливает программы будущей жизнедеятельности — это <...> интеллигенция. И всегда между ними есть борьба. По функциям они разделены»⁵¹.

История России XX века дала нам немало число примеров деятельности интеллигенции, которыми можно гордиться. Писатель Даниил Гранин и поэт Андрей Вознесенский, ученые Абрам Иоффе, Петр Капица, Юрий Лотман, Николай Платэ, Наталья Бехтерева, Леонид Абалкин, Николай Скатов, Абдусалам Гуссейнов, кинорежиссер Михаил Ромм, музейные работники Борис и Михаил Пиотровские, артист Олег Басилашвили... Список этот огромен.

Самым знаменитым российским интеллигентом в мире стал, очевидно, Александр Солженицын. По мнению «Вашингтон Пост», он был «титаном из прошедших времен, презиравшим границы человеческих возможностей и природных сил. Он жил в мире этических максим, непоколебимых ценностей, духовной дисциплины и жертвенной преданности»⁵². Английская «Файнэйшн Таймс», в свою очередь, писала, что «западный мир прославил его и наградила Нобелевской премией по литературе, а многие в родной России объявили его предателем. Однако, столь же жестоко, как и жестокость и коррупцию своей родной страны, Солженицын критиковал Запад, где прожил двадцать лет, за материализм и развращенность. Вспомним, что в 1987 году, в самый разгар «холодной войны», в своем знаменитом обращении к Гарвардскому университету он выступил против «разрушительной и безответственной свободы» жизни на Западе, в том числе против «чрезмерного и обременяющего потока информации» из СМИ; он осудил мирное соглашение, заключенное США во Вьетнаме, и отверг любые идеи о насаждении «западной модели» в России вместо коммунизма»⁵³. В то же время в нашей стране делали свое дело сотни тысяч менее известных, но не менее настоящих интеллигентов: учили школьников и студентов, лечили детей и стариков, проектировали оборудование, совершали научные открытия...

В постперестроечный период общественный статус интеллигенции резко упал. Как наиболее креативная часть населения, интеллигенция не только чаще других критикует власть, но и предлагает ей свои идеи для улучшения различных ситуаций. Вне зависимости от качества идей, их реализация, как правило, сопровождается множеством негативных последствий, вина за которые обычно возлагается на ту же интеллигенцию. И этот процесс воспроизводится с удручающей обществу цикличностью.

Огромный ущерб авторитету интеллигенции наносят и образованцы, ищущие при любом строе почестей, денег и власти. Их деятельность так же регулярно служит основанием для критики интеллигенции. Примерами беспринципного и безнравственного поведения известных представителей творческой элиты являются события последнего времени в Союзе кинематографистов России и некоторых других творческих союзах, деятельность создателей ряда современных телепроектов, разрывание ректорами некоторых ВУЗов подведомственной собственности и распродажа бюджетных студенческих мест. Не менее дискредитируют интеллигенцию и написание учеными научных диссертаций на заказ,

очернительские пиаровские кампании в прессе, реализуемые за взятки, псевдонаучные проекты «рыночного» регулирования экономики, реорганизации российских академий наук и системы образования, создаваемые по заказу чиновников, поддержка губительных для Петербурга архитектурных проектов. Современные высокообразованные интеллектуалы в погоне за наживой создают аморальные художественные произведения, вырабатывают опаснейшие для жизни людей решения, порождающие техногенные катастрофы, загрязняют окружающую среду, организуют поборы в медицине, принимают попирающие законы судебные решения и т.д.

В последние 15–20 лет интеллигенция была отодвинута на задворки общественного развития, пребывала в растерянности. В настоящее время все же наблюдается заметный рост ее активности. Особое беспокойство интеллигенции вызывают коррупция и связанная с нею неэффективность отечественной экономики, провал реформ, затеянных властью в последние годы, в том числе — в форме национальных проектов, расшатывание нравственных устоев общества средствами массовой информации. Эта обеспокоенность не имеет политического вектора развития. Видные деятели науки, культуры, искусства, образования практически непрерывно обращаются к руководству страны с призывами изменить курс развития. Другая форма повышения активности — публикация интеллигенцией различных материалов из сфер своей профессиональной деятельности, свидетельствующих о неблагополучии в стране.

Власть либо не реагирует на эту активность, либо отвечает популистскими акциями, широко освещаемыми СМИ. Возможно, в настоящее время Россия находится в начале нового витка противостояния между интеллигенцией и властью. Что же следует делать интеллигенции в этой ситуации? — Видимо, то же, что и обычно — выполнять свой гражданский долг в меру возможностей и разума.

Примечания

* Запесоцкий Александр Сергеевич, доктор культурологических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Почетный доктор многих зарубежных университетов.

¹ Соколов А.В. Интеллигенция и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. С.3.

² Колоницкий Б.И. Идентификация русской интеллигенции и интеллигентофобий (конец XIX — начало XX века) // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях о социальной действительности. М.: ИВИ, 2001. С.150-170.

- ³ Струве П.Б. Избранные сочинения. М.: РОСПЭН, 1999. С.272.
- ⁴ Стеклов ВА. Переписка с отечественными математиками: воспоминания. Л.: Наука, Ленингр.отд-ние, 1991.С.285.
- ⁵ Горький М. Страницы творчества: книга для чтения с комментариями. М.: Рус.яз, 1991. С.213.
- ⁶ Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С.395.
- ⁷ См.: Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 2009. С.74.
- ⁸ Новый мир. 1993. № 2. С.3-9.
- ⁹ Новый мир. 1993. № 2. С.4
- ¹⁰ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре./СПбГУП. СПб., 2006. С.371.
- ¹¹ Новый мир. 1993. № 2. С.4
- ¹² См., например: Судьба российской интеллигенции: сб./СПбГУП. СПб., 1999; Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: СПбГУП, 2007. Ч.III, разд.3.1. С.189-201.
- ¹³ Солженицын А.И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С.28-46.
- ¹⁴ Чулаки М.М. Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции: сб./СПбГУП. СПб. 1999. С.19.
- ¹⁵ Карлов Н.В. Интеллигенция и образование // Там же. С.37.
- ¹⁶ Моисеев Н.Н. Государство, народ, интеллигенция // Судьба российской интеллигенции: сб./СПбГУП. СПб. 1999. С.44.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Бестужев-Лада И.В. Есть ли будущее у интеллигенции // Там же. С.64.
- ¹⁹ Цит.по: Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой литературе. / СПбГУП. СПб., 2006. С.372.
- ²⁰ Цит.по: Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой литературе. / СПбГУП. СПб., 2006. С.372.
- ²¹ См.: Запесоцкий А.С. Анатолий Собчак: миссия исчерпана. СПб.: СПбГУП, 2007. С.7-8.
- ²² Лихачев Д.С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции: сб./СПбГУП. СПб., 1999. С.32.
- ²³ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой литературе / СПбГУП. СПб., 2006. С.379.
- ²⁴ Каган М.С. Образованные люди с большой совестью // Судьба российской интеллигенции: сб./СПбГУП. СПб., 1999. С.80.
- ²⁵ Бердяев Н. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К°, 1997. С.236.
- ²⁶ См.подробнее: Лихачев Д.С. Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочитанная академиком РАН Д.С. Лихачева 19 мая 1993 года в день вручения ему Дипло-

- ма и Мантии Почетного доктора СПбГУП. — СПб.: СПбГУП, 1994. 19 с.
- ²⁷ Соколов АВ. Поколение русской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 2009. 664 с.
- ²⁸ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой литературе. С.377.
- ²⁹ Там же. С.377.
- ³⁰ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост., отв. ред., авт. пер. Е. г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002. С.9-10
- ³¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С.31.
- ³² Там же. С.36–37.
- ³³ Там же. С.82.
- ³⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С.38.
- ³⁵ Там же. С.388.
- ³⁶ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С.92.
- ³⁷ Там же. С.383.
- ³⁸ [Пресса Ленинграда в дни путча [19–21 авг. 1991 г.] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm>. Загл. с экрана.
- ³⁹ Биллингтон Дж.Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ.бюл. 2006. Весна, вып.2. С.3
- ⁴⁰ Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Открытый мир: информ.бюл. 2006. Весна, вып.2. С. 4.
- ⁴¹ Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Открытый мир: информ.бюл. 2006. Весна, вып.2. С. 4.
- ⁴² Даниил Гранин. Против власти: // Огонек. 2007. № 52. С.8-9.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Лихачев Д. С. Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове: [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 641–643.
- ⁴⁵ Даниил Гранин: «Человека иногда надо ставить в тупик» // Огонек. 2008. № 38. С.35.
- ⁴⁶ Гранин Д.А. Против власти // Огонек. 2007. № 52. С.8-9.
- ⁴⁷ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.
- ⁴⁸ Не бывает демократии без нравственности / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня. С.42.
- ⁴⁹ См.: Пигров К.С. Научно-техническое творчество: (социал.-филос. анализ): автореф. дис.... д-ра филос. наук (09.00.01) / ЛГУ. Л., 1985. 32 с.
- ⁵⁰ Цит.по стенограмме: Круглый стол «Куда идет российская культура». 27 июня 2009 г. Готовится к печати Издательством СПбГУП.
- ⁵¹ Цит.по стенограмме: Круглый стол «Куда идет российская культура». 27 июня 2009 г. Готовится к печати Издательством СПбГУП.
- ⁵² Lipman Masha On Mission for Russia // The Washington Post. — 2008. — 5 august.
- ⁵³ A constant critic // The Financial Times. — 2008. — 4 august.

■ ■ ■

ПРОТИВ ЗАПАДА

АНТИЗАПАДНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (на примере евразийства и «консервативной революции»)

Леонид ЛЮКС*

Первая мировая война завершилась крахом авторитарно управляемых империй и убедительной победой западных демократий. Следствием этой победы было, однако, восстание против Запада, протест против присущих Западу ценностных ориентаций, заявленный с небывалым для подобных движений радикализмом.

Примечательно, что во главе этого движения оказались выдающиеся умы. Уже в 1927 г. Жюльен Бенда заговорил о «предательстве интеллектуалов». Антизападный дискурс с особым упорством вели представители немецкой и русской духовной элиты, продолжая тем самым глубоко укорененную в обеих странах традицию противостояния западному пути развития. Свои упреки они адресовали не только Западу, но и собственным правительствам, ослепленным, как им казалось, чужими приманками. Веймарская парламентская система представлялась противникам Запада в Германии чем-то вроде западного оккупационного режима, навязанного стране державами-победительницами. Впрочем, и в российской эмиграции воинствующие антизападники считали большевизм импортированным из-за границы феноменом; по их мнению, это было новое издание петровского плана европеизации России.

К самым радикальным критикам Запада в русской эмиграции принадлежало Евразийское движение, которое в 1921 году громко заявило о себе своим программным сборником *Исход к Востоку*¹, и призвало русское образованное сословие пересмотреть свои традиционные мировоззренческие установки. Этим оно может быть в

известной степени сопоставлено с появившимся двенадцатью годами ранее сборником *Вехи*². Авторы *Вех* тоже пытались своим настоятельным призывом убедить российскую интеллигенцию в том, что путь, который прошли несколько ее поколений, вел в тупик. Но этим, по сути, и исчерпывается сходство обоих сборников, которые принадлежат к важнейшим памятникам русской истории идей в 20 столетии. *Вехи* появились как бы в последнюю минуту, незадолго до русской катастрофы, которую — как возможность — предвидели авторы *Вех* и которую они пытались предотвратить своей беспощадной критикой традиционного мировоззрения интеллигенции. Основатели евразийского движения, напротив, были уже свидетелями катастрофы, из которой они пытались извлечь определенные выводы. Выводы, вызвавшие в российском обществе бурю возмущений, которую вполне можно было бы сравнить со страстной полемикой вокруг основных тезисов сборника *Вехи*.

В отличие от подавляющего большинства побежденных и принужденных к бегству противников большевиков евразийцы попытались найти в русском Апокалипсисе (В. Розанов) также и положительные стороны. Этот Апокалипсис, по их мнению, выявил хрупкость и искусственность петербургской государственной и культурной модели и показал, что российский путь развития с начала петровского эксперимента был тупиковым.

В то время как авторы *Вех* в своих появившихся после 1917 года трудах объясняли русскую трагедию прежде всего революционным соблазном интеллигенции, который на рубеже веков распространился также и на

нижние слои общества, евразийцы видели главную причину распада России в европейском соблазне русского образованного сословия. На первый взгляд могло показаться, что они тем самым возвращались к старому российскому спору западников и славянофилов, который к началу 20 столетия уже считался преодоленным. Но восходили ли идеи евразийцев, действительно, к идеям славянофилов и панславистов, как полагали некоторые из их критиков, например, Бердяев, видевший в евразийстве лишь нечто эпигонское и малооригинальное?³ Надо отметить, что эти критики проглядели непреодолимую, по сути, пропасть между евразийцами и их, якобы, предшественниками. Потому что в противовес славянофильским и панславистским течениям 19 столетия в случае евразийцев речь идет не о консервативном или консервативно-либеральном, а о революционном движении. Оно приветствовало важнейшие результаты русской революции, которые, на взгляд евразийцев, состояли в том, что была устранена пропасть между европеизированным образованным сословием и народными слоями, которые все еще жили идеями допетровской России. То, что устранение этой пропасти последовало как результат уничтожения или изгнания большей части представителей высшего сословия, что в России, по словам Владимира Вейдле, произошло своего рода «изгнание варягов»,⁴ евразийцев не смущало. Хотя евразийцы сами, как представители образованного сословия, были затронуты этим «изгнанием варягов», они считали этот процесс неизбежным. По их мнению, этим был положен конец своего рода двойному отчуждению, в котором Россия жила со времени петровских преобразований: отчуждению народных слоев от их собственного государства и отчуждению образованного сословия от собственной традиции. Евразийцы считали, что в результате восприятия западной культурной модели российское высшее сословие отказалось от центральной идеи, на которой базировалась политическая культура России, больше того: ее идентичность как таковая, — от религиозно инспирированной идеи избранности святой Руси и московского царства. После Петра эта идея считалась «варварской», «азиатской». Отныне лишь западная культура наделялась теми атрибутами, которые прежде применялись к «Москве — третьему Риму»⁵.

Если Освальд Шпенглер предсказывал близкий конец фаустовской (западноевропейской) культуры и цивилизации, то для одного из основоположников евразийства, кн. Николая Трубецкого, конец гегемонии Европы был отнюдь не очевиден. Трубецкой опасался, что триумфальное шествие Европы в мире будет продолжаться и впредь, ибо народы все больше подпадают под

коварное очарование европейской культуры. Ни в духовном, ни в политическом, ни в экономическом отношении господство Европы не поколеблено. Даже большевистская Россия, по мнению Трубецкого, становится все более зависимой от Европы. Эту зависимость не могла бы устранить мировая социалистическая революция, о которой мечтают большевики, ибо тогда Россия оказалась бы в колониальной зависимости от более «прогрессивных» социалистических стран Запада⁶. Единственную возможность обрести самостоятельность Трубецкой видит в тесном сближении с освободительным движением колониальных стран. Будущее России, следовательно, не в том, чтобы возродиться в качестве европейской державы, а в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение⁷.

Здесь обнаруживается удивительное сходство взглядов Трубецкого с советской геополитической концепцией, какой она складывалась после революции: Россия — центральная сила, противостоящая капиталистическому Западу. В обоих случаях предполагалось, что колониальные народы будут рассматривать Россию как себе подобную, неевропейскую, угнетенную и поднимающуюся нацию, которая не хочет иметь ничего общего с эксплуататорской Европой. Это предположение оказалось ложным. Для большинства незападных стран Россия по-прежнему оставалась европейской имперской державой. Обнаружилось, что не так легко поврать с Европой, как это представлялось и большевикам, и Николаю Трубецкому.

Отрицание роли России как европейской державы означало, что евразийцы внесли новый элемент в традиционную тему русской историософии — критику Запада. Этот новый элемент соответствовал революционному характеру эпохи. В старой России редко высказывались мнения подобного рода.

Евразийцы стремились к преодолению большевизма путем эволюционного обновительного процесса, постепенного воздействия изнутри. Дело дошло до того, что один из идеологов евразийства, Н. Чхеидзе, в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев⁸. И он был не одинок⁹. Все это показывает, как далеки были евразийские философы и политики от понимания природы советской тоталитарной власти, природы тоталитарных партий и режимов вообще, насколько эти идеологи недооценивали способность тоталитарного режима истреблять вокруг себя все «подрывные элементы», всякую тень инакомыслия.

Критики евразийства видели некоторые сходства между евразийцами и такими тоталитарными движе-

ями как большевизм или фашизм. Но политическая наивность евразийцев лучше всяких доводов говорит о том, что у них не было, в сущности, ничего общего с большевиками или фашистами, отлично владевшими современной технологией неограниченной власти.

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Значительно больше точек соприкосновения обнаруживается у евразийцев с другими «идеократическими» течениями, которые возникли между двумя мировыми войнами и точно так же провозглашали максималистские идеи, вполне пренебрегая вопросом о власти. Особенно поразительно сходство евразийства с так называемой *консервативной революцией*, которая сыграла немалую роль в разрушении возникшей после Первой мировой войны Веймарской республики.

С этим политическим течением, противопоставившим себя либерализму и демократии и представленным несколькими блестящими именами (Освальд Шпенглер, Эрнст Юнгер, Артур Меллер ван ден Брук), евразийцев сближала прежде всего стратегическая идея — овладеть изнутри тоталитарной партией, с тем чтобы привлечь ее приверженцев к осуществлению своих собственных целей. Вообще отношение евразийцев к большевизму очень напоминает позицию идеологов «консервативной революции» по отношению к национал-социализму¹⁰.

Определенный параллелизм заметен в политической структуре обеих доктрин. Оба течения носили подчеркнuto элитарный, «аристократический» характер; оба основывались на вере во всемогущество идей. Евразиец Савицкий писал в 1923 году о том, что народы будут управляться идеями, а не учреждениями, что коммунизм можно преодолеть лишь при помощи другой, еще более высокой и всеобъемлющей идеи. Подобные высказывания о власти идей могли бы принадлежать таким ведущим представителям «консервативной революции», как Ганс Церер, Меллер ван ден Брук или Эдгар Юнг, убитый в 1934 г. во время путча Рэма. Так же как немецкая «консервативная революция», движение евразийцев было восстанием молодежи против идей и целей старшего поколения. Ко времени возникновения евразийского движения Трубецкому было всего 30 лет, Савицкий и Сувчинский были еще моложе. И в обоих случаях — как у немцев, так и у русских — восстание молодых принимало неожиданные, нетрадиционные формы. В XIX веке было обычным делом, что сыновья оказывались левее отцов. После событий 1917–18 гг. это правило не соблюдалось. Теперь сыновья нередко правее своих отцов-либералов или умеренных консерваторов. На это

обстоятельство указывал Трубецкой, одновременно подчеркивая, что речь идет отнюдь не о реставрации, не о тоске по старине. Нужны новые пути, ибо традиционные — левые — идеологии потерпели фиаско. Новые идеологии, писал Трубецкой, в действительности ни левые, ни правые, ибо они находятся в иной плоскости отсчета. Радикально новое есть не что иное, как обновление глубокой древности, другими словами, новая идеология ориентирована не на вчерашний день¹¹. Евразийцы отвергают петербургскую Россию во имя Святой Руси.

Тут видна аналогия с некоторыми группировками «консервативной революции», которые отвергали Вильгельмовскую Германию во имя средневекового рейха¹².

II

Время расцвета евразийства — это одновременно и время расцвета идей «консервативной революции»: двадцатые годы. Только что закончившаяся мировая война была событием, в котором консервативные революционеры видели начало новой великой эпохи. От войны они ожидали радикального обновления общества, возможность начать все заново. Для евразийцев же роль мировой войны сыграла русская революция. В двадцатых годах национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела принять отчетливый тоталитарный облик, еще казалась «экспериментальной». Это был звездный час идеократических движений, стремившихся изменить мир с помощью идей, а не громоздких и неповоротливых бюрократических аппаратов или трудно контролируемых массовых движений.

Конечно, между евразийством и «консервативной революцией» существовали немалые различия. Например, в учении евразийцев очень важное место занимала религия. Трубецкой и его последователи стремились не только к восстановлению национального величия России, но и к религиозному обновлению. Для большинства же консервативных революционеров в Германии религия почти не имела значения. Чувство уязвленного национального самолюбия — вот что доминировало в их политическом мировоззрении и отодвигало на второй план все другие духовные вопросы. По-разному относились евразийцы и консервативные революционеры к насилию. Хотя евразийцы считали революцию и гражданскую войну неизбежными, они, несомненно, были далеки от того, чтобы благословлять насилие и террор.

У евразийцев почти не встречается эстетизация насилия, типичная для многих идеологов и певцов «консервативной революции». Наконец, евразийцы, в противоположность консервативно-революционным группировкам, действовали вне пределов своей страны, их проповедь никак не влияла на ее развитие. Правда, евразийцы придавали большое значение тому, чтобы их не воспринимали как «обычную» эмигрантскую организацию. Они внимательно следили за развитием событий внутри Советского Союза, им даже казалось, что их идеи находят отклик.

Желание участвовать в политическом развитии новой России было у некоторых евразийцев настолько сильным, что они впадали в тот же соблазн, за который сами еще в середине 20-х годов порицали сменовеховцев. Их отношение к большевистскому режиму становилось все менее критическим. По этому вопросу возникли резкие разногласия, которые в 1929 году привели к расколу движения. В Париже возникло просоветское крыло евразийцев под руководством С.Эфрона и Дм.Святополк-Мирского, объединившееся вокруг журнала «Евразия»¹³.

Когда в начале 30-х годов в СССР развернулись индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, евразийцы были очарованы гигантским размахом этих преобразований. Евразиец Пейль писал в 1933 году о триумфе новой эпохи централизованной плановой экономики, пришедшей на смену устарелому хаотическому ведению хозяйства¹⁴. Для Петра Савицкого это означало конец подражания Западу. В России возникла грандиозная общественно-экономическая модель, которая в конце концов завоюет Запад¹⁵. (Стоит сравнить с этим «тотальную мобилизацию» и грезы о государстве рабочих и воинов Эрнста Юнгера.)

Кончились двадцатые годы, кончилось и время идеологических экспериментов. Кончилась юность самих евразийцев. Их претензии, как и претензии консервативных революционеров, повлиять «изнутри» на сталинский госр. нацистский режим обнаружили свою утопичность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились эти режимы. Таким политическим силам, как евразийцы или консервативные революционеры, там не было места. Вскоре после окончательной победы Сталина и Гитлера оба движения распались.

Сходство между евразийцами и немецкими консервативными революционерами показывает, что несмотря на отрицание Запада, идеологические и политические установки евразийства соответствовали определенным западным явлениям. Идеи евразийцев были симптомом не только российского, но и общеевропейского кризиса.

Да и сами евразийцы по своим духовным устремлениям были значительно ближе к западным европейцам, чем к своим соотечественникам. Большинству тогдашней советской интеллигенции, независимо от того, знала она или нет о существовании евразийства, были вполне чужды порывы и апелляции к «святой Руси», поиски утерянных корней и т.д. В двадцатые годы в России безраздельно господствовали оптимистические взгляды на будущее, вера в науку, преклонение перед техникой¹⁶. Культур-пессимизм евразийства отражал, по сути дела, скорее западноевропейские, чем внутрироссийские процессы и умонастроения. Это же можно сказать о критике парламентарной демократии: и здесь евразийцы опирались не на русский, а на западноевропейский опыт. Несмотря на все попытки евразийцев отмежеваться от Запада, они оставались представителями того европеизированного слоя русского общества, устранение которого революцией 1917 года, они с таким энтузиазмом приветствовали.

III

Критики евразийцев, которые сравнивают это движение с большевизмом или фашизмом недооценивают не только политическую наивность, но также и сложность евразийской культурной модели, которую не так просто было использовать для демагогических целей. И еще одно обстоятельство недооценивается многими исследователями, а именно, что евразийцы, вопреки своей революционности, вопреки своему словесному радикализму одной ногой еще стояли в дототалитарном 19 столетии и чувствовали себя связанными теми нормами, которые выработала эта эпоха. Это было особенно очевидно в тридцатые годы, когда сталинский террор положил конец распространенным в двадцатые годы иллюзиям о так называемой «нормализации» большевизма. Часть евразийцев поддалась чарам сталинской революции сверху и начала служить целям режима, не в последнюю очередь в качестве его агентов. Однако, основатели движения, прежде всего Николай Трубецкой и Петр Савицкий, в ужасе отвернулись от большевистской диктатуры, которую они в свое время расценивали как недостаточно радикальную. В 1937 году — в судьбоносном году сталинского режима — Трубецкой опубликовал в 12 тетради *Евразийской хроники* свою статью под названием *Упадок творчества*. Хотя статья не содержит ни единого слова о терроре, она являет собой уничтожающую критику сталинизма. Согласно автору, репрессивная политика режима привела к параличу творчества в стране: «Люди, вынужденные долго молчать, в конце

концов разучиваются говорить»¹⁷. В этой порожденной партией культурной стагнации Трубецкой видит причину неспособности сталинизма создать свой собственный культурный стиль. В Советском Союзе, пишет он, осуществляется всего лишь неуклюжее подражание полностью устаревшим культурным моделям, которые доминировали в дореволюционной России в шестидесяти-семидесяти годы 19 столетия.

Еще в середине двадцатых годов евразиец Петр Сувчинский характеризовал советскую политику как политику большого стиля. Все, что противостояло большевикам в России, было по его мнению провинциальным и малозначительным¹⁸. Тот факт, что Трубецкой десятью годами позже упрекает сталинизм в полном отсутствии стиля, показывает, насколько низко упал большевизм за это время в глазах основателей евразийского движения. Это отрезвление евразийцев удивительно похоже на те процессы, которые происходили в тогдашней Германии, а именно в лагере консервативной революции. Также как евразийцы в двадцатые годы совершенно неверно оценивали тоталитарный характер большевизма и склонялись к его недооценке, подобное же делали в Веймарской республике поборники консервативной революции в отношении национал-социализма. Они упрекали его в недостаточном радикализме. Так, они насмеялись, например, над решением Гитлера провести «легальную революцию» в Германии с помощью избирательных бюллетеней. В конце 20-х годов Эрнст Юнгер считал попытку Гитлера парламентским путем прийти к власти «ослиной глупостью»¹⁹. А другой критик Гитлера, Эрнст Никиш, добавил в 1932 году: Тот, кто борется легальными методами, не затрагивает основ системы. Те, кто уклоняются от пробы силы, как это делает Гитлер, уже побеждены²⁰. Несмотря на подобную критику большинство консервативных революционеров эйфорически приветствовало лавинообразные победы НСДАП в начале 30-х годов. Эрнст Никиш и его группа «Соппротивление» принадлежали к немногочисленным скептикам. Между тем для большинства радикальных критиков веймарской демократии, принадлежащих к консервативно-революционному лагерю, триумфальные победы НСДАП в начале тридцатых годов символизировали конец ненавистной либеральной эпохи, начало национального возрождения. Так они считали Третий Рейх, непосредственно после его установления, не в последнюю очередь своим детищем, и были в определенном смысле правы. Лишь постепенно они начали, подобно ученику чародея, реально понимать, каких духов они вызвали к жизни. Это была утрата иллюзий. Одни из тех, кто подготовил события 30 января 1933 года, пали жертвой национал-социалистской деспотии

(Эдгар Юнг), другие ушли во внутреннюю эмиграцию (Эрнст Юнгер).

Но вернемся теперь к отношению основателей евразийского движения к большевизму. В уже упомянутой статье *Упадок творчества* князь Трубецкой утверждал, что коммунизм осужден на угасание, поскольку он полностью истощил свой творческий потенциал. Но в действительности этой системе, скорый развал которой он предсказывал, предстояло еще полстолетия решающим образом определять ход мировых событий. Таким образом, Трубецкой недооценил политическую — но не культурную — витальность коммунизма. С необыкновенной проницательностью он увидел, что идеология, которая более не в состоянии вдохновлять культурную элиту, которая терпит лишь официальный художественный канон и драконовски карает всякое уклонение от него, в конечном итоге не имеет шансов на выживание. Основоположники евразийского движения рано распознали эпигонское и обывательское — бесплодие — сталинистского — понимания — культуры, — которому последователи Сталина вплоть до горбачевской перестройки оставались в общем верны. Когда занимаются поисками причин развала советского режима, то ни в коем случае не следует забывать диагноз Трубецкого. Не только хозяйственная неэффективность, не только технологическая отсталость, но также и «упадок творчества», который наблюдался в России как следствие сталинской унификации, обусловили в конечном итоге закат советской империи.

Евразийцы мечтали о том, чтобы прийти на место истощившей себя коммунистической партии. В выше-названной статье *Упадок творчества* Трубецкой писал (1937), что положение в Советском Союзе хотя и вызывает озабоченность, но не является безнадежным: «Исход состоит в замене марксизма другой идеей-правительницей»²¹. И для Трубецкого не было никакого сомнения в том, что эта другая идея может быть только «евразийской».

Годом позже Трубецкой умер, и его смерть символизировала конец классического евразийства. Как тогда казалось, он окончательно покинул политическую сцену. Несмотря на свое безграничное честолюбие евразийцы таким образом не смогли создать действенную альтернативу коммунистической идеологии. Учение евразийцев казалось странной и окончательно закрытой главой в истории идей российской эмиграции. Однако в мире идей царят законы, которые всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце тридцатых годов, суждено было пятьюдесятью годами позже пережить совершенно неожиданный

ренессанс. Уже в конечной стадии горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие защитники имперской русской идеи пустились на поиски новых объединяющих начал для всех народов и религиозных сообществ советского государства, и открыли при этом евразийские идеи. Однако анализ идеологии неоевразийства, зачастую причудливой и запутанной, выходит за рамки данной статьи.

Примечания

* Леонид Люкс — профессор, доктор исторических наук, с 1995 г. возглавляет кафедру истории Центральной и Восточной Европы в Католическом университете г. Айхштетт. Редактор журнала «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», автор многих книг и статей на немецкие, восточно-европейские и российские сюжеты. По-русски вышли в Москве «Россия между Западом и Востоком», М., 1993; «Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе», М., 2002; «История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина», М. 2009.

¹ *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев.* София. 1921.

² *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции,* Москва 1909.

³ Бердяев, Николай: *Евразийцы*// *Путь*, 1/1925, с. 134-139.

⁴ Вейдле, Владимир: *Задача России*, New York 1956, с. 81.

⁵ Ср. Также Савицкий, Петр: *Поворот к востоку*// *Исход к Востоку*, с. 1-3; Трубецкой, Николай: *Об истинном и ложном национализме*, там же, с. 71-85; Трубецкой, Н.: *Верхи и низы русской культуры*, там же, с. 86-103; Флоровский, Георгий: *О патриотизме праведном и греховном* // *На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая.* Москва-Берлин 1922, с. 231-292; *Евразийство. Опыт систематического изложения.* Париж 1926, с. 29 и сл.

⁶ Трубецкой, Николай: *Русская проблема* // *На путях.* Утверждение евразийцев, с.294-316; Трубецкой Николай: *Европа и человечество* // Трубецкой Николай: *История. Культура.* Язык, М.1995, с.55-113.

⁷ Трубецкой, *Русская проблема*, с.302-306; N.S.Trubetzky's Letters and Notes. Prepared for publication by Roman Jakobson, The Hague, Paris 1975, с.15.

⁸ Чхеидзе, К.: *Евразийство и ВКП (б)* // *Евразийский сборник* 6/1929, с.38-40.

⁹ См. Сувчинский, Петр: *Идеи и методы*// *Евразийский временник* 4/1925, с.61-63; Савицкий, Петр: *О внепартийности* // *Евразийская хроника* 9/1927, с.10; *Евразийство* // *Евразийская хроника* 9/1927, с.6-8; Трубецкой, Н.: *Общеевразийский*

национализм // *Евразийская хроника* 9/1927, с.28-30; Алексеев, Н.Н.: *Евразийцы и государство* // *Евразийская хроника* 9/1927, с.31-39.

¹⁰ На тему «Консервативной революции» см. Rauschnig, Hermann: *The Conservative Revolution*, New York 1941; Mohler, Armin: *Die Konservative Revolution in Deutschland.* Der Grundriss ihrer Weltanschauung. Stuttgart 1950; Sontheimer, Kurt: *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*, München 1968; Sontheimer, K.: *Der Tatkreis* // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 6/1958, с.229-260; Kuhn, Helmut: *Das geistige Gesicht der Weimarer Republik* // *Zeitschrift für Politik* 8/1961, с-1-10; von Klemperer, Klemens: *Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*, München 1962; Stern, Fritz: *Kulturpessimismus als politische Gefahr*, Bern 1963; Breuer, Stefan: *Anatomie der Konservativen Revolution*, Darmstadt 1993; Luks, Leonid: „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Russland und in Deutschland // Koenen, Gerd/Kopelew, Lew, Hrg: *Deutschland und die Russische Revolution 1917-1924*, München 1998, S.219-239.

¹¹ Трубецкой, Николай: *У дверей реакция? Революция?* // *Евразийский временник* 3/1923, с.18-29.

¹² См. Winkler, Heinrich August: *Der lange Weg nach Westen.* Erster Band. *Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik*, München 2002, с.524.

¹³ См. Böss, Otto: *Die Lehre der Eurasier.* Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts, Wiesbaden 1961, с.118-123; Wiederkehr, Stefan: *Die eurasische Bewegung.* Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland, Köln 2007, с.58-69; Laruelle, Marlène: *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*, Baltimore 2008, с.21-25.

¹⁴ Пейль, В.: *За идеократию и план* // *Новая эпоха.* Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры, Нарва 1933, с. 3-5.

¹⁵ Савицкий, Петр: *Очередные вопросы экономики Евразии* // *Новая Эпоха*, с.11-12.; см. также *Евразийство.* Декларация, Формулировки, Тезисы, Издание евразийцев 1932, с.16-17; *Тридцатые годы.* Утверждение евразийцев. Книга VII, Издание евразийцев 1931, с.II.

¹⁶ Федотов, Георгий: *Новая Россия* // *Современные записки* 42/1930, с.296-298.

¹⁷ Трубецкой: *История, Культура, Язык*, с. 446.

¹⁸ Сувчинский, Петр: *К пониманию современности* // *Евразийский временник* 5/1927, с. 20.

¹⁹ См. у Bastian, Klaus-Friedrich: *Das politische bei Ernst Jünger.* Diss. Heidelberg 1963, с. 59.

²⁰ Niekisch, Ernst: *Hitler — ein deutsches Verhängnis.* Berlin 1932.

²¹ Трубецкой: *История*, С. 448

ХРОНИКА РЕДАКЦИИ

Июнь

Редакция «Вестника Европы» приняла участие в XI Форуме Российской прессы, проводимой ежегодно под эгидой ИТАР-Тасс. На этот раз представителенно собрание журналистов редакторов и издателей русскоязычной прессы в мире прошло в швейцарском Люцерне.

Участник конгресса в торжественной обстановке открыли памятную доску в честь пребывания в Люцерне Л.Н. Толстого.

Участники конгресса побывали на легендарном сент-готтардском перевале и возложили цветы к мемориалу суворовских воинов, сражавшихся здесь с французами.

Посольство РФ в Берне устроило прием для участников конгресса.

Сентябрь

Редакция «Вестника Европы» приняла участие в ежегодной московской книжной выставке-ярмарке. Наши журналы были выставлены на стенде ВГБИЛ и Информационного офиса Совета Европы

В Овальном зале ГБИЛ 17 сентября состоялась презентация новой книги Е.Т. Гайдара, основу которой составили статьи, опубликованные в нашем журнале.

В Овальном зале прошло чествование Академика Вячеслава Все-

володовича Иванова в связи с его восьмидесятилетием.

Выдающемуся ученому была вручена Карамзинская медаль «Вестнику Европы» — “Ad punctus Europaе”.

Умер поэт, автор нашего журнала Михаил Поздняев

Октябрь

Совет Европы и редакция журнала «Вестник Европы» подписали договор о сотрудничестве.

***

В Лондоне прошла очередная координационная встреча руководителей журналов «Вестник Европы» и “Herald of Europe”.

Ноябрь

Редакция «Вестника Европы» приняла участие в шестых старовойтовских чтениях, проходивших в Санкт-Петербурге в рамках «Дней толерантности».

Чтения назывались на этот раз «Идеология особого пути в России и Германии: Истоки, содержание, последствия»; в них участвовали ученые из России и Германии.

***

Член редакции, заместитель Главного редактора Владимир Иванович Салимон по приглашению

Вячеслав Иванов

итальянской стороны посетил Рим, где председательствовал в жюри поэтического конкурса русскоязычных поэтов Европы.

***

Редакция приняла участие в проходившем в Москве фестивале поэзии. В ЦДЛ прошел вечер поэзии нашего автора Андрея Грицмана, который вел поэт Владимир Салимон.

Декабрь

7–8 декабря в знаменитом храме Воскресения в Кадашах (Замоскворечье) прошли шестые Кадашевские чтения, посвященные, как и прежде, проблемам сохранения архитектурного наследия Москвы. К сожалению, в чтениях не участ-

Евгений Солонович

вовали официальные лица из Мосархитектуры и Москомнаследия, хотя научный уровень конференции был как всегда высокий, о чем свидетельствуют пять вышедших толстых сборников докладов и сообщений.

Чтения прошли в знаменитом храме, уже окруженном строительным забором.

(На части заповедной территории храма, грубо нарушив законодательство, началось строительство офисного центра с многоярусной подземной парковкой, несмотря на отчаянную борьбу за сохранение естественной архитектурной и гидрогеологической среды храма, которую ведут его прихожане и ревнители московской старины.)

***

9 декабря в Овальном зале ГБИЛ (при участии Итальянского института культуры в Москве) с большим успехом прошла презентация двух очень разных итальянских книг. Знаменитая — мудрая и страшная — книга освенцимского узника Примо Леви «Канувшее и спасенное» перевела, уже смертельно больная, Елена Дмитриева. («Новое Издательство»). О своевременности этой книги в современной России хорошо сказал, открывая вечер, Михаил Швыдкой. Социолог и культуролог Борис Дубин говорил о полной трагизма роли свидетеля в современном мире.

Книгу новелл нобелевского лауреата Эудженио Монтале «Динарская бабочка» перевел ее супруг, признанный мастер Евгений Солонович (издательство «Река времен»). Трогательный вечер, который вел писатель Ассар Эпель, сопровождала виолончель Николая Солоновича.

***

Специальный корреспондент журнала фотограф Григорий Ярошенко представил свой новый фотопроjekt на открывшейся 22 декабря выставке «Серебряная камера» (персональный сайт www.yaroshenko.co.uk) ■ ■ ■

Храм Воскресения в Кадашах

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ ПОЭТОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

13–14 ноября в Риме в прошёл открытый финал четвёртого Международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья. Конкурс, несколько лет назад возникший по инициативе Союза российских соотечественников Италии, поначалу, впрочем, ограничивался поиском и приглашением местных российских талантов. Но вскоре стало очевидно, что пишущие стихи на здешней территории вряд ли способны поддержать на плаву подобное соревнование. И тогда поиск вышел на более высокую ступень, а предложение распространилось на всю территорию Старого Света, что и принесло желанные результаты. —

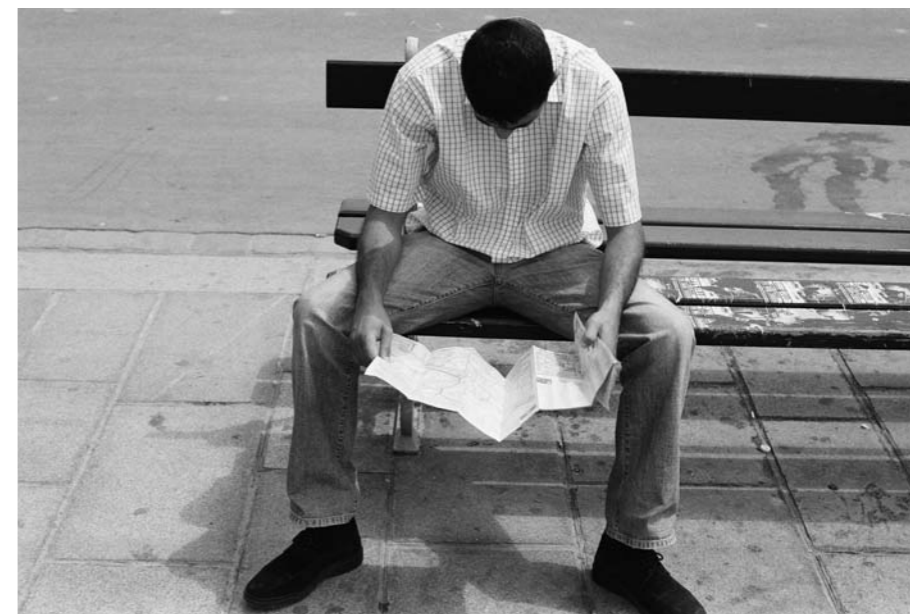
Если в минувшем году среди участников числились представители (по месту проживания) из восьми европейских стран, то в нынешнем количество стран, откуда нам присылали свои стихи, увеличилось до тринадцати. Не лишне будет даже перечислить их конкретно: Германия, Финляндия, Чехия, Израиль, Румыния, Литва и Латвия, Швеция и Кипр, Словения и Словакия. Бельгия и, само собой, Италия.

Одним из основных условий конкурса, возникшего под лозунгом — и сразу ставшим его прямым наименованием — «Ветер странствий», — является возрастное ограничение для участников: максимальная «планка» поставлена на отметке 35 лет (минимальный же возраст начинается с 18 годов). Иными словами, «Ветер странствий» открыт для молодых людей, для тех, чьи творческие пристрастия, во-первых, окончательно могли и не устояться (так что Конкурс может послужить им дополнительным способом определиться со своими литературными

начинаниями), а во-вторых, он определённо способен поддержать, поощрить того, кто твёрдо решил не расставаться с поэтическим словом (пусть даже, в итоге, и остаться вне профессиональных отношений с ним).

И ещё одна особенность, выделяющая эту инициативу из ряда других культурных проектов на европейском пространстве. Конкурс проводится под патронажем княжны Елены Волконской, одной из старейших представительниц русской диаспоры в Италии (потомок двух знаменитых российских фамилий, сыгравших более, чем заметную роль в отечественной истории 19–20 вв.: Волконских и Столыпиных). Родившаяся в Италии, влюблённая в русскую поэзию (и сама издавшая в молодости сборник своих стихотворений на французском языке), человек, до старости сохранивший удивительный заряд энергии, остроумнейшая собеседница, способная без труда вести разговор на любом из четырёх языков (французском и английском, на которых — по её собственным словам — она говорит, итальянском, на котором думает, и на русском, на котором мечтает и страдает), Елена Вадимовна с самого начала горячо поддержала инициативу проведения Конкурса. И одной из первых высказалась за предпочтительную ориентацию его именно на молодых участников.

Если в минувшем, 2008-ом году «Ветер странствий» стал международным по составу участников, то в нынешнем он к тому же был приурочен к 85-летию юбилею своей патронессы. Прошлой осенью чтения проходили во Флоренции, в помещении Городской библиотеки. — Участники финальных чтений (их, как и в этот раз было

вызвано шестеро в Италию), организаторы и члены жюри побывали в имении Волконских, расположенном в живописнейшем городке Читона в Тоскане, где их радушно принимала сама хозяйка, где они отобедали все вместе, а трём победителям — в присутствии представителей Посольства РФ и Правительства Москвы (кураторов Конкурса — были вручены памятные дипломы.

В 2009 году Конкурс переехал в Рим, где власти города выделили для него так называемый Зал Юлия Цезаря — главное помещение Римского муниципалитета на Капитолийском холме, расположенного в здании, в котором городские власти пребывают безвыездно с далёкого 12-го века. Здесь и были определены трое лауреатов «Ветра странствий» — 2009, которыми стали Лео Гарб из Германии, Полина Ольденбург, живущая в Чехии и приехавшая из Швеции Анна Казакова. Стоит заметить, что члены жюри независимо друг от друга, но единогласно, отдали предпочтение такому составу лауреатов. А потом под сводами Зала Юлия Цезаря прозвучали стихи всех финалистов и известных российских поэтов, членов жюри (Владимира Салимона из Москвы и Даниила Чкония из Кёльна, вновь, как и год назад, приехавших в Италию со своей ответственной миссией), а также песни Виктора Леонидова, сотрудника московского Дома русского зарубежья.

В состав жюри Конкурса в 2009 г. входили, кроме вышеупомянутых В. Салимона, Д. Чконии и В. Леонидова, римская поэтесса Александра Петрова, собкорр РИА–Новости Сергей Старцев и автор данных строк Александр Сергиевский в качестве секретаря.

Молодых поэтов поздравили Посол РФ в Италии А. Мешков и кураторы Конкурса: представители Правительственной комиссии по делам соотечественников, Россотрудничество (И. Лысенко) и Международного совета российских соотечественников (Г. Барышников), директор московского Дома Зарубежья им. Ал. Солженицына (В. Москвин), — сопредседатель Координационного совета ассоциаций Елена Вадимовна Волконская, увы, не смогла увидеться с участниками: она отдыхала после болезни у себя в Читоне и ко дню Конкурса ещё не вернулась «зимовать» в Рим. У нее загородом побывали представители Ассоциации российских соотечественников, передавшие ей устно наилучшие поздравления и вручившие Указ, подписанный президентом РФ о награждении е высокой государственной наградой — медалью Пушкина.

Открытый финал четвёртого Международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья «Ветер странствий» — 2009 завершили ужин для всех собравшихся в этот вечер в зале Юлия Цезаря, чтобы почитать и послушать стихи на родном языке, а на следующее утро — обзорная экскурсия для гостей по улицам и площадям Вечного города.

Александр СЕРГИЕВСКИЙ

Секретарь жюри Четвёртого международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья
Представитель журнала «Вестник Европы»
в Италии ■ ■ ■

БИБЛИОТЕКА «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» *

«Сердце, которое не сокращалось: Древо памяти Александра Ткаченко.» (сборник воспоминаний). Редактор-составитель Гагик Карапетян. М.: Зебра Е, АСТ, 2009 384 стр. ил.

Полная теплоты книга воспоминаний об умершем в 2007 г. Александре Петровиче Ткаченко, футболисте, поэте, Генеральном директоре Русского PEN-центра, бесстрашном правозащитнике, спасшим от тюрьмы и гибели десятки честных и талантливых людей.

Шестьдесят пять авторов—спортсменов, поэтов, прозаиков, журналистов, адвокатов, режиссеров, политиков, философов, сложили эту книгу, ставшую памятником необыкновенному человеку и странной эпохе. Андрей Битов, президент PENa, подаривший нам эту книгу сказал на траурной церемонии в ЦДЛ:

«Он ушел в очень странный период, вся Россия окончательно поделилась на выбирающих и выбираемых. Между ними нет никакой связи. При этом выбираемые никем не выбраны, а выбирающие никого не выбирают. И те и другие в друг друге нисколько не нуждаются.»

Эдуард Шеварнадзе. «Когда рухнул железный занавес.» Перевод с немецкого Г. Леоновой. Встречи и воспоминания. М., Издательство «Европа» 2009 г. 428 стр. Ил.

Издательство «Европа», (директор В. Глазычев, главный редактор Г. Павловский) выпустило книгу Эдуарда

Амвросиевича Шеварнадзе, знаменитого министра иностранных дел СССР.

Александр Бессмертных, другой бывший министр иностранных дел СССР, пишет в предисловии:

«В книге есть интересные новые моменты, связанные с внутренней и внешней политикой СССР. В частности, впервые сообщается о содержании разговора Шеварнадзе с Дэн Сяопином в Шанхае в 1999 году, в ходе которого тот заявил, что Китай с Советским союзом “ведет спор о больших областях, о территориях, исторически принадлежащих Китаю. Наступит время, когда Китай, возможно, вернет их себе. ...Восстановление единства Германии стало для меня величайшей жизненной задачей, — пишет автор книги. — Это принесло мне мировое признание и верную дружбу Ганса-Дитриха Геншера.” А мы—то думали тогда, что он радел обо всех нас...»

Надо отдать ему (Э. Шеварнадзе — ред.) должное, — пишет А.Бессмертных: в течение пяти с лишним лет, когда он возглавлял советскую дипломатию, у нашей внешней политики были достижения, особенно на таких направлениях как отношения с Европой, Японией, Кореей, другими странами Азии, развитие ситуации на Среднем и Ближнем востоке, сдвиги на переговорах с США...»

Один из отцов перестройки с трибуны съезда 20 декабря 1990 г., предупреждавший о скором приходе диктатуры, написал, лишённую иллюзий, полную горечи и непрощенных обид книгу. Но не только это: еще и предостережений и предсказаний.

«Будущее мирового сообщества зависит еще от одного судьбоносного вопроса: демографии, пишет Эдуард Ше-

варнадзе. «Нерегулируемые процессы рождения и смерти среди населения взорвут изнутри человеческую цивилизацию. В мире будущего определяющим станет процент рождаемости. Не будет иметь значения, кто и какой вклад внес в историю человечества, кто обладает наибольшим интеллектуальным или технологическим потенциалом, кто сильнее, богаче других. Европе, России, Соединенным Штатам, Японии и некоторым другим государствам угрожает демографическая катастрофа. Культуре этих стран, так же как и репрезентантам (простим переводчику эти термины — ред.) этих разнообразных культур, грозит опасность исчезновения, в случае, если не возникнет какого-то принципиального новшества, которое радикальным образом сможет изменить развитие событий.»

Шеварнадзе предостерегает, насколько позволяет политкорректность: «Если не произойдет никаких *принципиальных* (это слово здесь ударное — ред. В.Е.) изменений, если процессы сближения местных и пришедших культур не будут целенаправленно регулироваться; если не стимулировать процесс поиска и обретения ценностей, если при выработке общественного сознания забыть об общих целях, то очень скоро высокоразвитые европейские нации превратятся в национальные меньшинства и потерпят фиаско.»

Впрочем, кто так сейчас не пишет? Но без этих «если» получается как то слишком уж мрачно.

Грустно, впрочем, что эта книга, возможно, написанная по русски, появилась у нас в переводе с немецкого.

Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах 1907–1917 гг. В 3 томах. /Московско-Петербургский философский клуб, Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив литературы и искусства, библиотека-фонд «Русское зарубежье». Сост., подг. текста, вст. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, А.В. Хачатурян и др. М., Русский путь, 2009 г.

«Вы держите перед собой уникальное издание. Оно посвящено Санкт-Петербургскому (Петроградскому) Религиозно-философскому обществу, соединившему в своей деятельности разные грани культуры, людей разных мнений и убеждений. В сложный период 1907–1917 гг. Названное общество ярко отразило изменчивую реальность общественно-политической, философской, научной и художественной жизни России.

Материалы Религиозно-философского общества—наследие философской и литературной элиты России

первых двух десятилетий XX века, бесспорно, являются ценным источником по истории русской культуры»,—написал в предисловии к изданию Д.А. Медведев, Президент РФ.

В трехтомнике *впервые* опубликованы стенограммы заседаний Р-Ф общества (А.В. Карташев, С.А. Аскольдов, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, А.А. Каменская, С.А. Франк, В.В. Бородаевский, Н.О. Лосский, З.Н. Гипиус, А.А. Блок, Вяч. Иванов, А.А. Мейер, С.М. Соловьев, С.И. Гессен, Г.А. Василевский, Д.М. Койген, К.М. Аггеев, В.П. Соколов, И.М. Свирский, И.Д. Холопов, Андрей Белый и др.)

Грандиозное издание, показывающее, как разведочный шурф, глубину и богатство еще не освоенных и неизученных пластов отечественной культуры.

Издание снабжено справочным аппаратом, комментариями и указателями. Тираж 2300 экземпляров, немалый по нынешним временам. Проект сложный, дорогой и на широкую ногу, как и презентация в Пашковом доме. Издание осуществлено при поддержке РФНФ, ИНСОР, Московско-Петербургского философского клуба, Алишера Усманва, Д.М. Якобашвили и А.В. Захарова, за что всем им честь и хвала.

Е.Т. Гайдар. «Власть и собственность» «Смуты и институты» «Государство и эволюция». СПб.: Норма, 2009 г. 376 с.

В сборник включены две работы Е.Т. Гайдара: известное эссе «Государство и эволюция» 1994-го года и новое исследование «Смуты и институты», основу которого составили статьи, опубликованные в «Вестнике Европы».

У России есть еще шанс не скатиться в число слабо-развитых стран, занять достойное место среди развитых демократий, считает автор.

Книга, как и другие работы Е.Т. Гайдара, размещена в интернете по адресу Института Переходных проблем. [www. Iet.ru](http://www.Iet.ru)

К.В. Воронов «Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой стран». М., Прогресс-Традиция. 2008. — 400с.

Автор этого обзора в свое время трижды бывал в Норвегии, и полюбил эту страну, о которой россиянам мало что известно, несмотря на то что она наш сосед и занимает первое место в мире по уровню жизни своего населения.

* В обзор включены новые книги, присланные авторами и издательствами

Наши политики тоже имеют смутное представление об этой стране, которая им нравится тем, что не вступает в ЕС.

В самом деле, за полвека Норвегия четырежды подавала заявку на членство в ЭЭС/ЕС, и четырежды снимала, повинувшись воле избирателей. Эта молодая страна (только в 1905 году стортинг разорвал унию со Швецией) все еще определяет для себя, «что значит быть “Европой”, быть в Европе». По большому счету, проблема евроинтеграции перед Норвегией стоит не менее остро, чем перед Россией. «Она тесно связана с проблемой «выбора пути», вновь резко заострившейся в ХХ! С поисками наиболее эффективной модели модернизации страны», пишет автор.

В своем подробном политико-экономическом исследовании, опирающемся на обширные норвежские материалы, автор показывает, что вопрос самоопределения (строительство национального государства, или евроинтеграция, при отказе от части суверенитета), является центральным в политическом развитии этой страны на протяжении нескольких десятилетий. Элиты, как правило настроены интеграционно; население, в большинстве своем — нет.

К. Воронов показывает, что поиск идентичности — не только политическая и экономическая, но и сложнейшая философская и культурологическая проблема, восходящая к проблеме — «что такое государство в современных условиях». Автор цитирует американского историка Дж. Лукача, который пишет об исчерпанности модели модерна, в центре которой стоит либерализм и гуманизм и предвещает, что «мир ждет не триумфальное шествие демократии, а тревожное время, обстригающее все застарелые раны и проблемы предыдущей эпохи.»

Так, казалось бы узко-профессиональная книга о малой стране, внедряется в центр современной ожесточенной полемики о России и мире.

«Концепция национального государства, которой придерживаются страны макроеврорегиона, вольно или невольно вступает в противоречие с установками и деятельностью евроинтеграторов... В евро-атлантической цивилизации происходят процессы эрозии национальной государственности классического типа (декоративные монархии [Европы, псевдоимперия США] эволюция от модернистского этапа (буржуазно-демократическая республика) к пост-модерну (анонимно-сетевая организация политики, экономики и культуры.) Зарождаются «постпартийные» политические институты, — референдумы, праймериз, различные опросы и измерения общественного мнения, в том числе и че-

рез Интернет. Идеи самоорганизующихся общностей, которые могли бы в будущем исключить потребность в партийной организации политического процесса, уже не являются абсолютной утопией... Просходит переосмотр концепции «единого европейского государства», возвращение к идее «Европы ста языков и ста флагов», пишет автор. «Все это ставит под сомнение многие лежащие в основе современного проекта “Единой Европы” идейные установки и социально-политические положения.»

Сложится ли когда нибудь единая европейская нация?

Насколько гомогенным может быть Евросоюз, каков уровень его внутренней солидарности?

Станет ли неким новым локусом идентичности для сотен миллионов европейских граждан? Удастся ли, в конце концов, создать некий новый социум, небывалое европейское государство? — спрашивает автор.

Он замечает, что в России часто воспринимают Европу как нечто гораздо более цельное, чем это есть на самом деле; доказывает что уроки норвежского опыта — ценный интеллектуальный ресурс и для России.

Он делает вывод, о «практической органической интеграции страны с ЕС при отсутствии у нее формально-го юридического статуса члена объединения.»

По его мнению, «модель интеграционной политики Норвегии — селективные связи дрейфующего типа — складывается из целенаправленной, тщательно выверенной линии властей на фоне множества зачастую стихийных обстоятельств: сопротивление евроидее со стороны большей части населения, разногласий среди элиты и отсутствия общественной поддержки...»

Норвежская интеграционная модель уже самим своим существованием — вызов Европроекту.

Стойкое, убежденное отвержение Евросоюза подпитывается стремлением сохранить выношенную модель социально экономического развития, защитить сектора экономики, ориентированные на внутреннего потребителя, и главное — отстоять самостоятельную национально-государственную идентичность. Глубинная сущность этой особой линии — столкновение между постмодернистской мегаструктурой, ЕС и формой традиционного суверенного государства эпохи модерна — которой настойчиво, упорно так же как в России — придерживаются в Норвегии.

Автор считает : вовсе не обязательно, и даже не желательно, чтобы все европейские государства стали членами Евросоюза Норвегия показывает, что есть более индивидуальные и тонкие формы интеграции.

Яков Гордин. «Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь». Сбб.: ЗАО «Журнал “Звезда”» 2008 г. 352 стр.

Вышла новая книга любимого нами автора Якова Аркадиевича Гордина — писателя, историка, соиздателя журнала «Звезда».

Гордина мы знаем, как доверенного друга и издателя Иосифа Бродского, тонкого пушкиниста и историка декабристов, многолетнего исследователя драматической истории взаимоотношений России и Кавказа.

Но тут Толстой. Почему вдруг Толстой?

Недоумение рассеивается, когда вы открываете книжку. Я прочел ее залпом, как раз за время в пути скоростного поезда «Неский экспресс», на котором проехал в Петербург и обратно ровно за неделю до страшного теракта 27 ноября 2009 г.

Делов том, что о Толстом — не вдруг; это тоже книга о Кавказе, — о колоссальной роли Кавказа в судьбе российской государственности и литературы, в судьбе Пушкина, Лермонтова, Толстого. В судьбе российской идеи свободы.

«Когда восьмидесятидвухлетний Толстой умирал в домике начальника станции Астапово, то корреспонденты российских газет, жадно собиравшие сведения обо всем, касающемся его последнего странствия, включая его географический смысл, посылали телеграммы в свои редакции. И главной новостью в каждой депеше было — Толстой стремился на Кавказ. “

Толстой начинал как писатель и кончил как писатель — Кавказом.

Это очень личностная книга, не только, конечно о Кавказе, — о духовной эволюции Толстого, его яростном неприятии государственного деспотизма и лицемерия.

Яков Гордин в конце своей книги пишет: Хаджи-Мурат «мужественное, стоическое признание поражения героя. Не именно Хаджи-Мурата — героя вообще. Хаджи-Мурат не просто попытался войти в иной мир и почерпнуть силу в этом ином, чуждом ему мире. Он попытался стать слугой системы, по сути своей враждебной человеку, убивающей человеческую свободную личность, — слугой государства.» Читаешь про Хаджи-Мурата, а думаешь про исковерканные души нынешних горцев.

Автор цитирует Толстого (из 1905 года), когда Толстой был в возрасте нынешнего Гордина, и очень трезво смотрел на мир:

«Между тем, некоторые люди, видя все то зло, которое совершает в настоящее время русское, особенно жестокое грубое, глупое и лживое правительство, дума-

ют, что происходит это оттого, что русское правительство не так устроено как они думают, что оно должно было бы быть устроено по образцу других существующих правительств (таких же учреждений для безнаказанного совершения всякого рода преступлений над своими народами); и для исправления этого люди эти употребляют все находящиеся в их власти средства, воображая, что изменение внешних форм может изменить содержание.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАКУЮ СЧИТАЮ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОЙ, НЕРАЗУМНОЙ, НЕПРАВИЛЬНОЙ (Т.Е. ЧТО ЛЮДИ ПРИПИСЫВАЮТ СЕБЕ ПРАВА, КОТОРЫХ ОНИ НЕ ИМЕЮТ) И ВРЕДНОЙ.»

Автор всегда выражается в своих героях; герои, их слова, мысли, поступки, его средства самовыражения, хочет он этого или нет.

... «Деятельность политическая не только не способствует освобождению людей от насилия правительств, но, напротив, делает людей все более и более неспособными к той единственной деятельности, которая может освоодить их.

До тех пор, пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, которые поработают одних и развращают других, они всегда сложатся в общество насилующих, обманывающих и насилуемых и обманываемых. Для того, чтобы этого не было, каждому человеку надо сделать нравственное усилие над самим собой»..

...Гордин пространно цитирует такие непрагматичные, такие несовременные, такие полные яростной правды слова Толстого:

«Дело в том, что всякое насильническое правительство по существу своему ненужное, великое зло, и что поэтому дело, как у нас, русских, так и у всех людей, поработанных правительствами, не в том, чтобы заменить одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его... Русское правительство, как всякое правительство, есть ужасный, бесчеловечный и могущественный разбойник, зловерная деятельность которого не переставая проявлялась и проявляется, точно так же, как зловерная деятельность всех существующих правительств: американского, французского, японского, английского. И потому всем разумным людям надо всеми силами стараться избавиться от всяких правительств, и русским людям от русского. Для того же, чтобы избавиться от правительств, надо не бороться с ними теми внешними средствами (до смешного ничтожными в сравнении со средствами правительств), а надо только не участвовать в них и не поддерживать их. Тогда они будут уничтожены. Для того же, чтобы не участвовать в правительствах и не под-

держивать их, надо быть свободными от тех слабостей, по которым люди попадают в сети и делаются рабами или участниками их.»

А быть свободным от тех слабостей... может только человек, установивший свое отношение ко всему, к Богу и живущий по единому высшему закону... т.е. человек религиозно-нравственный.»

И что же, Гордин нас к этому, что ли призывает, через сто лет, после всего что было с нами со всеми? И да и нет...

«Он жаждал спасти человечество от грядущих катастроф, постыднейшими из которых были для него войны, так заканчивает книгу Я. Гордин. «Он жаждал предотвратить наползающий на мир из глубин веков морок великого заблуждения. Он отдал этому всю мощь своего духа.. И не нам его судить.» Мы и не судим...

Нынешний житель столиц (о других не говорю, потому что до них книги редко какие доходят,) в большинстве своем таких книг не читают; к толстовским (и гординским) духовным исканиям интереса не имеют, что не означает, что они плохи или совсем уж бездуховны.

Но если какому пытливому юноше, или молодому, не погрязшему в рутине учителю словестности, вовремя попадет такая книжка, то может быть и к толстовским высокогорным моральным системам он захочет отыскать тропу.

М.М. Пришвин. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая. Подготовка текста Я.З. Гришиной. Комментарий Я.З. Гришиной. СПб.: ООО издательство «Росток». 2009. — 1008 с.

Первая книга дневников (1914–1917) вышла в 1991 г. Публикуется впервые.

Толстый том Пришвинских дневников — событие для всей читающей России.

«По мере публикации литературного наследия Михаила Пришвина становится очевидным, — пишет публикатор и автор комментариев к изданию Я.З. Гришина, — что его дневники — едва ли не самое масштабное и едва ли не самое неожиданное произведение в истории русской литературы первой половины XX века... И сама фигура писателя, творчество которого по разным причинам еще до сих пор не осмыслено — выступает несколько в ином свете, чем это представлялось до сих пор.»

В самом деле — Пришвин показал нам уникальный пример внутренней свободы: все страшные годы он вел

свой дневник предельно честно, не думая о возможном читателе из НКВД, а его испепеляющие строки шансов на жизнь при таком читателе не оставляли.

Размышлял, сопоставлял, давал оценки, иногда уничтожающие, тому что видел и о чем узнавал. А в целом — книги полны приятием жизни, радостной наблюдательной благодарностью за богатство Божьего мира. Его дневник, этот метатекст, продолжавшийся почти полвека, главным лирическим героем которого выступает, конечно, автор, — но и история, Россия, природа, погода, его близкие, его собаки, машины, охоты.

Получивший европейское гуманитарное образование в Германии, Пришвин на всю жизнь остался писателем-философом, выработавшим собственную линию творческого и личностного выживания в невыносимых для творчества и жизни условиях.

Он самую простую охотничью зарисовку выводит на экзистенциальный вывод:

«И так я по следу зайца узнал всю заячью душу: заячья мысль вся видна в следах. Но жизнь человека по следу невозможно узнать. Завтра, может быть, кто-нибудь пойдет по моему следу и ничего не узнал бы, если бы я сам о том не сказал...»

Или: «так устроено, что каждый из нас в работе своей безлично отлагается для жизни будущих поколений, совершенно так же отлагаясь в человечине, как в торфе слагаются растения...»

«Несколько дней меня занимает мысль о том, что всякая мораль имеет внутреннее стремление превратиться в учреждение. Замечательный пример — конец Горького: превратился в учреждение, (то же личность Ленина.) Так все движение интеллигенции, даже и анархическое, таило в себе государство, и умерла интеллигенция, и государство стало могилой интеллигенции, учреждением, которое она достигла.»

Опять запись об интеллигенции в январе 1935-го года:

«1905-й год разрушил интеллигенцию (в смысле секты). Но за границей сущность ее сохранилась в Ленине. И Франк рано простился с ней в 1909 году.»

Снова в феврале: «читаю “Бесы”. Способность Достоевского схватывать читателя... Но сегодня “бесы” это зиновьевцы, претенденты на престол. По ним-то уж явно видна миссия интеллигенции создать новую государственность, и каждый интеллигент скрытый властитель...»

28 января.

Разговор в Детгизе: «А вы Аннушка, пойдете Куйбышева хоронить? — Нас поведут, — ответила Аннуш-

ка, — вот спросите Марию Петровну.» И это верно, их всех ведут, часто по непогоде, и они ужасно скучают на улицах. Они все актеры похорон вождя, каждый из них участвует частично, как в современной войне окопный солдат. Но в кино получатся похороны вождя: реальность из ничего.»

...Есть такая игра во мне, я это чувствую в минуты смертельной обиды и злости в борьбе, — что вот жизнь моя в моих руках, возьму я в свои руки эту жизнь и, если уже совсем не могу, швырну ее вам, как собакам: нате, жрите. И почему-то от одной только воображаемой возможности этого является смелость и часто выход.»

«Теперь никто не спрашивает о моральной мотивировке поступков, лишь бы поступки эти согласовались с генеральной линией партии и давали бы продукцию в количественном и качественном отношении. Именно вот это и определяет наше время: про себя живи, как тебе только хочется: властвует затаеннейший человек.»

Поскольку это дневник, иногда короткая в пару строк запись, иногда целый развернутый рассказ, или эссе, читать его можно с любой страницы: раскроешь книгу и не закроешь. Зачеркнутая фраза: «убитый народ».

Или вдруг открыл на пятисотой странице нарвался на короткий рассказ «Спички.»

«Приехал ко мне один читатель и, между прочим, сказал: Вы пишете о животных и растениях, мне кажется, потому что плохо думаете о человеке. — Гость остался у меня ночевать, и, укладываясь спать рядом с ним, я подумал — вероятно это какой-то мизантроп и хотел мне сказать комплимент. Рано утром я сходил в лес и принес добычу: двух жирных осенних вальдшнепов. За чаем я рассказал гостю сегодняшней случай со мной в лесу: раздвинул кусты — и вдруг передо мной у дерева в овраге стоит человек в изорванной красноармейской форме и просит у меня спичек; это известно всем, что бродяги приближаются под предлогом закурить и все охотники близко к себе таких не подпускают; но лицо у бродяги было неплохое, а спичек у меня с собой было даже два коробка; я левой рукой подаю ему коробок, а в правой держу свое коротенькое ружье со взведенным курком, чтобы при малейшей попытке схватить меня за руку дать ему в голову стволом.

— Большая ошибка! — воскликнул гость, перебив мой рассказ, — он мог бы вас убить из револьвера.

— Пожалуй да, — согласился я, но мне это не пришло в голову: лицо у него неплохое, и верно, правда очень хотел курить.

Все равно, — сказал строго гость, — в лесу так нельзя, в лесу я крепко держусь за правило, никакому

встречному человеку спичек не давать. На это я ответил своему читателю теми же словами, какими он присоветовал меня при первой встрече.

— Вы слишком плохо думаете о человеке.»

Жил в Сергиевом Посаде, переименованном в Загорск, охотился в местах, где обитаю теперь я... Был очень одинок.

— Вы не знаете даже, какие книги я написал, вы зовете меня просто из любопытства, и самое лучшее для вас было бы если бы я пришел с обезьяной.

— Нет, мне товарищи ничего не поручали, мы даже не знали, что у вас есть обезьяна.»

17 июня. «Я принадлежу к массе русских людей, которые подчинились завоевателям и стали работать с ними в ожидании, что рано или поздно завоеватели принуждены будут считаться с интересами завоеванных, сами научатся и нам от себя нечто дадут. Они и дали нам ту самую инициативу...»

21 июня. Население Загорска 11-й завод и др. Было мобилизовано для встречи челюскинцев, и даже куплены были для Шмидта золотые часы, но поезд не остановился.

Судьба Челюскина-корабля: корабль погиб, но люди живы — сплелась с нашим кораблем-государством: однако этот лучший смысл всей «Эпопеи» никто не посмел высказать. Напротив, авантюризм поездки во льды на негодном корабле... Но так надо: государство же крепится народом и ничтожность повода исчезает в значительности демонстрации: есть что показать...»

Хочется листать и цитировать...

Хёйзинга Йохан. Культура Нидерландов в

XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки.

Составление, перевод с нидерландского и предисловие Д.В. Селиверстова. Комментарии Д. Харитоновича. СПб.:Изд-во Иана Лимбаха. «009 г. 680 с., ил.

Хёйзингу у нас знают и любят со времен первого издания «Осени средневековья». Дм. Селиверстов, вероятно, лучший наш нидерландский переводчик и знаток нидерландской культуры и истории, совместно с издательством сделали для нас не вполне обычный подарок.

«Состав книги, пишет Д. Селиверстов в предисловии, — своего рода пятчастное алегро : с пространной экспозицией, углубленной разработкой, широким картинным повествованием, шуткой скерцо и подводящим итог серьезным финалом.» этим пяти частям соответствуют: Эссе «Культура нидерландов в XVII веке,» напи-

санное Хёйзингой в годы гитлеровской оккупации, эссе «Эразм», письма, разных лет, показывающие широту интересов ученого, наконец его виртуозные иронические рисунки на темы из истории родной страны.

Из эссе об Эразме:

«И этот человек, у которого было столько друзей, в душе был одинок. И в глубине души он хотел быть одиноким.»

«Я хочу быть гражданином мира», — пишет он Цвингли, — для каждого своим, или лучше сказать, чужим для всех». Он отстраняется и сохраняет дистанци «Я всегда хотел быть один, я не зная никого отвратительнее присяжных приверженцев какой нибудь партии.»

Эразм — один из тех, кого обессиливают контакты с людьми. Чем меньше он равняется на других, или отталкивается от них, будь то друзья или враги, тем глубже он выражает себя... Поэтому ошибочно полагать, что его можно полностью и до конца узнать из его писем.

Натуры, подобные Эразму, которых общение с другими выводит из равновесия, создают свое самое лучшее и самое глубокое, когда обращаются безлично ко всем вообще.»

Д. Селиверстов замечает, что Хёйзинга персоналист, и внутренне отождествлял себя с некоторыми персонажами.

Трудно не заметить совпадений в характере и привычках Хёйзинги с таковыми в жизни и творчестве его героев. Можно сказать, что его книги — это его автобиография. «Перевод может стать автобиографией переводчика, добавляет Д. Селиверстов, а всякая хорошая книга — автобиографией читателя.»

Григорий Померанц. Дороги духа и зигзаги

истории. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) серия «Российские пропилеи». Главный редактор серии С.Я. Левит. М., 2008.: 384 с.

Постоянный верный автор нашего журнала в год своего восьмидесятилетия издал очередную книгу своих статей последних лет. В приложении даны работы (стихи и эссе написанные «в два голоса», вместе с верным другом и супругой Г.С. Зинаидой Александровной Миркиной.

Статьи Померанца подкупают доверительной интонацией, искренности, напряженного поиска истины и стоического спокойствия, к каким бы печальным выводам не приходил автор.

«Возможно Патрик Бьюкенен, автор книги «смерть Запада» окажется правым, и нынешняя цивилизация со-

хранится только как материал для последующего витка истории, как Рим — для варварских королевств.

Но вклад Рима в историю не пропал. Возможна эпоха хаоса. Но рано или поздно всплывет узнавание, чувство подлинности слова или взгляда, передаваемое из сердца в сердце.»

В другом месте (из статьи «Могила неизвестного ээка»):

«Патриотизм — это единство чувства гордости и стыда. Гордость нашей страны — неслыханное напряжение сил народа, выдержавшего на своих плечах тяжесть четырех лет войны. И стыд — то, что почти все население страны закрывало глаза на аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей, на разрушения, вызванные террором в гражданском и военном управлении, — и послушно повторяло сказки о врагах нации.»

Стыд нашей страны, что она поверила в Сталина, чуть не впустившего немцев в Москву, как в архитектора победы, поверила со страху, боясь подумать, сопоставить факты, поверила в чудовище... И до сих пор половина народа считает, что победа все оправдала, все списала и нам нужен новый Сталин. Стыд, великий стыд и великий грех.»

Григорий Померанц бесстрашно исследует мир России на перепутье мировой истории и цивилизаций.

Вячеслав Вс. Иванов. Пóтом и Опытом. Сборник стихотворений эссе и переводов. М.: Центр Книги ВГБИЛ им. Рудомино. 2009 г. 352 с.

Вячеслав Вс. Иванов. Перевернутое небо. *Записки о Пастернаке.* Журнал «Звезда». СПб. №8, 9, 11. 2009 г.

Восемьдесят своих лет Вячеслав Всеволодович Иванов отмечал в Москве долго — с августа до октября 2009 г. Он стоически принимал поздравления, выслушивал восхваления в песнях и прозе, но предпочитал им собственные лекции в разных аудиториях — от школьников до коллег-академиков. Он провел десяток творческих вечеров, на которых вспоминал жизнь, делился мыслями о будущем цивилизации и читал стихи. Невеселыми мыслями.

4 сентября он, представляя свою новую книгу, говорил о тайнах цивилизационных ритмов на книжной ярмарке на ВДНХ.

8 сентября в Овальном зале ГБИЛ, забитом до отказа, библиотекари чествовали своего первого свободно избранного ими директора.

После блистательной лекции мы вручали Вячеславу Всеволодовичу от имени учредителей — (журнала «Вестник Европы», ГБИЛ и Института экономики переходного периода) серебрянную медаль имени Н.М. Карамзина. Он ответил стихами.

24 сентября в Большом зале библиотеки Иностранной литературы два часа рассказывал школьникам о науке и потом еще час отвечал на вопросы.

Эпиграфом к книге Вяч.Иванов взял слова Мандельштама:

«Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.

Вяч. Иванов давно и всерьез озабочен будущим человечества. (*Из статьи «Гуманитарные науки и будущее современной цивилизации».*)

Экологические, энергетические, демографические, медицинские и техногенные проблемы прогнозируемого будущего вполне могут на протяжении ближайших десятилетий (не позднее середины XXI века) **привести к кризису, способному угрожать продолжению существования Человека Разумного как вида.**

Первые сигналы о назревающей опасности были поданы около сорока лет назад *Римским клубом***, в который входила относительно небольшая группа специалистов, пользовавшихся тогда еще не очень большими возможностями вычислительной техники и недостаточно надежной статистикой, касающейся самых болезненных точек развития...

Результаты к которым они пришли, были более чем мрачны. По ряду подобранных ими характеристик казалось очевидным, что человечеству будет крайне трудно

** **Римский клуб**, международная научная (неправительственная) организация. Создан в Риме (1968) по инициативе итальянского экономиста Аурелио Печчеи (первый президент клуба). Объединяет ок. 100 человек, в т. ч. несколько десятков выдающихся ученых, лауреатов Нобелевской премии, из более чем 30 стран мира. Деятельность Р. к. направлена на разработку стратегии по разрешению глобальных проблем, стоящих перед человечеством. [www/Snsshb ru/AKDIL/0039/base/RR/000915.shtm](http://www/Snsshb.ru/AKDIL/0039/base/RR/000915.shtm)

В 1972 году, опубликован первый доклад Римского клуба: **«Приделы роста»** (Рук. Д. Медоуз.). В этом докладе прослеживалась динамика численности населения, производства питания, потребление ресурсов и загрязнение среды с экстраполяцией до 2000 года. В докладе обосновывается неизбежность ограничения физических объемов экономического роста. Делался вывод, что сохранение текущих темпов промышленного роста приведет к гибели в конце 20-го века. В 1974 году в проекте Римского клуба: **«Человечество у поворотного пункта»**, (рук. Пестель, Месарович.) дан прогноз экономического развития и состояния окружающей среды. www/iisu.fatal.ru.

См. также С.П. Капица «Демографический переход и будущее человечества». «Вестник Европы», том XXI 2007 г.

уцелеть, если срочно не предпринять действия, которые приостановят процессы, развивающиеся в негативную сторону.

...Не все из этих прогнозов оказались правильными — особенно в том, что касалось конкретных сроков. Но участникам этого проекта удалось понять и предсказать, что наиболее внимание в ближайшем будущем нужно уделить пробелам неограниченного роста населения Земли, которое оказывается все труднее накормить. (Если голод с тех пор не наступил в мировом масштабе, то на таких континентах как Африка он остро ощущается) и снабдить всех необходимой энергией (исчерпание ее естественных источников больше всего прямо угрожает будущему стран, экономика которых, как в нынешней России, целиком на них построена).

Теперь мы знаем еще более широкий спектр угрожающих тенденций и проблем, вызывающих опасения и должны быть настойчивы в требовании их широкого обсуждения.

В том, что катастрофа мирового масштаба, угрожающая человечеству в целом, вполне реальна, сомневаться не приходится, как и в том, что противостоять ей может только объединенное человечество.»

Мне представляется, пишет Вяч.Вс. Иванов, что прежде чем будут выбраны какие-то широкомасштабные меры, должна возникнуть сеть свободных клубов деятелей культуры и интеллигентов с широкими интересами (инженеров, ученых, людей литературы, искусства, журналистов, преподавателей, врачей). В этих клубах люди могли бы систематически обсуждать ситуацию, создавать рабочие группы и выработать реальные программы по главным направлениям.

Потенциально **речь идет о проектах деятельности социально активных членов планетарного общества, которые бы в будущем помогли бы фор-**

мированию некой эффективной гибкой структуры, которую я называю «Мировым правительством».

Андрей Дмитриевич Сахаров создание его считал необходимым и неизбежным...».

... Мысль, согласно которой отношение к Другому основано на том, чтобы видеть в нем *Ближнего*, составляет фундамент общечеловеческой нравственности и толерантности, считает Вяч.Вс. Иванов.

Эта мысль имеет и научное обоснование: «палеолингвистическими, историко-генетическими исследованиями, в новых исследованиях по молекулярной биологии обосновывается вывод об единстве человечества в самом прямом смысле слова: все мы родственники, а человечество — это одна разросшаяся семья».

УЭЛС Герберт Джордж. Опыт Автобиографии. Открытия и заключения одного вполне заурядного ума. (начиная с 1866 года). Издание подготовил Ю.И. Кагарлицкий. М.: Ладомир: Наука. 2007 — 718 с.ил.

Много думал и писал об этом «с безответственной дерзостью» Герберт Уэлс — социальный философ и писатель.

Очень толстая, остроумная, провидческая, полная невероятных прозрений и провалов книга.

Уэлс в итоге жизни пришел к тому, что надо установить социалистическое мировое государство «Это сделал он своей религией и конечной целью».

РЕЦЕПТ УЭЛСА:

Если мы этого не сделаем, нас ждут страшные последствия.

В обозримом будущем человечество должно образовать единое государство, единое братство, иначе, сметенное обвалом катастроф, оно безвозвратно погибнет.

То что жизнь ставит проблему объединения, совсем не ново. По крайней мере двадцать пять столетий люди все отчетливее понимали это. Именно к объединению стремилась привести человечество любая из мировых религий — буддизм, христианство, ислам, когда находилось у своих славных истоков. Правда, ни одной из них не удалось достичь всемирности. В пору прилива сил они поднимались, но проходило время и подъем прекращался. Мир так и не стал ни буддистским, ни христианским, ни мусульманским.... Но из этого вовсе не *следует, что вообще невозможно достичь всеобщего мира, общей веры и закона для человечества.»*

Он, всемирная знаменитость, встречался с четырьмя американскими президентами, Лениным и Сталиным. О чем подробно рассказал.

«Я собирался твердо сказать, что Россия лишь на словах способствует единству и солидарности человечества, а на самом деле движется своим курсом к своему особому социализму, который все больше утрачивает какую-либо связь с социализмом мировым, и при этом внушает несметным массам своего народа недоверие и даже враждебность к огромным неофициальным слоям западного общества, ратующим за всемирную консолидацию...»

Но вот он у Сталина; скоро после встречи с Рузвельтом, приехал не интервью брать, а объяснять необходимость всемирной консолидации прогрессивных сил.

«Мы никак не могли преодолеть застенчивости. Его, по видимому, очень смущало неравенство нашего положения, но он держался естественно. Я по ходу беседы сильнее всего удивился тому, что он не желает видеть и отдаленного сходства между процессами, методами и целями Вашингтона и Москвы. Когда я заговорил с ним о планируемом мире, я изъяснялся на языке, которого он не понимал. Выслушивая мои предложения, он никак не мог взять в толк, о чем идет речь. По сравнению с президентом Рузвельтом он был очень скупо наделен способностью к быстрой реакции, а хитроумной, лукавой цепкости, отличавшей Ленина, в нем не было и в помине. Ленин был насвозь пропитан марксистской фразеологией, но эту фразеологию он полностью контролировал, мог придавать ей новые значения... Ум Сталина почти в той же степени вышколен, выпестован на доктринах Ленина и Маркса, как выпестованы губернантами умы британской дипломатической службы, о которых я писал столько недобрых слов. Его способность к адаптации так же невелика. Процесс интеллектуального оснащения остановился у него на точке, которую достиг Ленин, когда видоизменил марксизм. Ни свободной импульсивностью, ни организованностью ученого этот ум не обладает; он прошел добротную марксистско-ленинскую школу. Иногда мне казалось, что я сумею сдвинуть его в нужном направлении, но как только он чувствовал, что из под ног уходит твердая почва, он хватался за какую-нибудь освященную временем фразу и устремлялся назад, к ортодоксальности.»

И вывод: как всегда у заезжих иностранцев, несколько поспешный:

«Я никогда не встречал более искреннего, прямолинейного и честного человека. Именно благодаря этим

качествам, а не чему-то мрачному и таинственному, обладает он такой огромной властью в России. До нашей встречи я думал что его бояться...Теперь же я понимаю, что его не бояться, ему доверяют.

...Сталин грузин, не ведающий тонкостей. Его непритворная ортодоксальность убеждает соратников, что все задуманное будет осуществляться без головоломных осложнений...Околдованные Лениным русские как огня боялись отступить от его магических заветов. Закостенелость Сталина, мешающая увидеть современные реалии, лишь отражает, без малейших признаков оригинально-сти, охранительную закостенелость его соратников.

..В ходе моих московских встреч я все больше обнаруживал в себе склонность психоаналитически исследовать то сопротивление, которое встречает здесь любая созидательная идея, если она — с Запада. Если так пойдет и дальше, то через несколько лет мы услышим из Москвы если не «Россия для русских», то «Советы для марксистов-ленинцев»... вызвано это глубоким несправедливым патриотизмом, который особенно действенен из-за того, что его скрывают, как скрывали неизбывный французский патриотизм за призывами к всемирному братству во времена французской революции.»

* * *

Идея царства разума, регулируемого всеобщего мира вынашивалась гуманистами веками. Здесь потрудились выдающиеся люди — и Томас Мор, и Кампанела, и русские мыслители, от Малиновского, с его трактатом о всеобщем мире, и Карамзина, до Владимира Соловьева с его мечтой о Всечеловечестве.

В современном кино будущий мир представлен, как правило, единым, тоталитарным, в нем царит разумное и всеохватывающее, шизоидальное зло. Сколько-нибудь убедительный образ желаемого будущего в современной культуре отсутствует — и видимо неспроста, разве

что уже давняя сладковатая «туманность Андромеды» И. Ефремова.

В русском интернете отношение к идее «Мирового правительства» колеблется между восприятием как «последнее восстание преисподней против небес» до «Мировое правительство будет последней попыткой высших сил спасти человечество».

Нас предостерегают три главные антиутопии двадцатого века — знаменитая книга Олдоса Хаксли «Этот прекрасный, новый мир» и «1984-й год» Дж. Орвелла, и книга Евгения Замятина «Мы».

«...Завтра я увижу все то же, из года в год повторяющееся и каждый раз по новому волнующее зрелище: могучую чашу согласия, благоговейно поднятые руки. Завтра — день ежегодных выборов Благодетеля. Завтра мы снова вручим Благодетелю ключи от незыблемой твердыни нашего счастья.

Разумеется, это похоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда — смешно сказать —, даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно неучитываемых случайностях, вслепую, — что может быть бессмысленней? И вот все же оказывается, нужны были века, чтобы понять это.

Нужно ли говорить, что у нас и здесь, как и во всем — ни для каких случайностей нет места, никаких неожиданностей быть не может. Выборы имеют значение скорее символическое: напомнить, что мы единый, могучий миллионноклеточный организм, что мы, говоря словами Евангелия «Единая Церковь.» Потому что история Единого государства не знает ни единого случая, чтобы в этот торжественный день хотя бы один голос осмелился нарушить величественный унисон. »

Евгений Замятин., Избранное. М., «Правда» 1989 г. с.391

Обзор подготовил В. ЯРОШЕНКО

